DK
R69 v.2.

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТОМ ВТОРОЙ

v. 2.

СОДЕРЖАНИЕ.

Дневник Куропаткина. — Письма Вильгельма к Александру III. — Переписка ген. Сухомлинова с ген. Якушкевичем. — К истории рабочего класса в России. — Социалистическая печать во время войны. — Неизданная сказка Салтыкова. — Письма Достоевского, Победоносцева, Гончарова, Мицкевича. — Из записной книжки архивиста: Зубатов и Спиридович. — Ген. Алексеев и Родзянко. — Подкуп китайских сановников Ли-хун-Чжана и Чжан-ин-Хуана.

ЦЕНТРАРХИВ

1923

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

Дневник А. Н. Куропаткина. Предисловие *М. Н. Покровского*. . . . . 5—112

Примечания. . . . . . 113—117

Четыре письма принца Вильгельма Прусского к Александру III. Сообщил *А. Савин*. . . . . 118—129

Переписка В. А. Сухомлинова с Н. Н. Янушкевичем. Сообщил *И. А. Блинов*. 130—175

К истории рабочего класса в России. Сообщил *А. А. Сергеев*. . . . . 176—199

Социалистическая печать во время империалистской войны. Сообщил *Ш. М. Левин*. . . . . 200—225

Новая сказка М. Е. Салтыкова. Сообщил *А. Е. Грузинский*. . . . . 226—228

М. Е. Салтыков-Щедрин и цензура. Сообщил *А. С. Николаев* . . . . . 229—233

Письмо Ф. М. Достоевского из крепости 22 декабря 1849 г. . . . . 234—239

Достоевский и Победоносцев. Сообщил *Н. Ф. Бельчиков* . . . . . 240—255

Неизданные письма И. А. Гончарова. Сообщил *Ник. Столов*. . . . . 256—262

Письма И. А. Гончарова к П. А. Вяземскому. Сообщил *Н. Ф. Бельчиков* . . 263—267

А. Мицкевич. 1. Отзыв о польских писателях. 2. Письмо З. А. Волконской. Сообщила *В. Нечаева* . . . . . 268—279

Из записной книжки архивиста: . . . . . .

„Обуздание революционной деятельности столичной и провинциальной периодической печати 1906 года". Сообщил *В. М.* 280

Письмо С. В. Зубатова А. И. Спиридовичу по поводу выхода в свет его книги: „Партия с.-р. и ее предшественники". Сообщил *А. П.* . . . . . 281—283

Генерал Алексеев и его отношение к революции в оценке М. В. Родзянко и Временный Комитет Государственной Думы. Сообщил *Б. К.* . . . . . 284—286

Переписка о подкупе китайских сановников Ли-хун-Чжана и Чжан-пи-Хуана. 287—293

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ Р. С. Ф. С. Р.

Krasnij Arkhiv

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

В. В. Адоратского, В. В. Максакова,
В. И. Пичета, М. Н. Покровского,
В. П. Полонского, В. М. Фриче.

Том 2.

Том второй

1922

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва ○ ○ ○ ○ ○ 1922 ○ ○ ○ ○ Петроград

Гиз. № 3393. Главлит. № 2543 Москва. Напеч. 4.000 экз.

1-ая Образцовая типография М. С. Н. Х., Пятницкая, 71.

ДНЕВНИК А. Н. КУРОПАТКИНА

C. S.
Harv.
1-8-30
19652

Предисловие.

Дневник А. Н. Куропаткина, бывшего военного министра Николая II и главнокомандующего русскою армиею в Маньчжурии в 1904—1905 годах, печатается нами с копии, по всем данным вполне точной, К сожалению, копия содержит в себе лишь ч а с т ь дневника—с 17 ноября 1902 года по 7 февраля 1904, день назначения Куропаткина командующим маньчжурской армией [1]).

О том, что Куропаткин ведет дневник, было широко известно в петербургских кругах. Повидимому, он охотно читал выдержки из него своим знакомым, при чем не все оставались одинаково довольны тем, что они находили там о себе [2]). Знал о дневнике и Николай II. Знал настолько, что Куропаткин при разговорах с царем ссылался на свой дневник, как на своего рода документ (см. запись под 19 августа 1903 г.). По словам Витте, отдельные тетрадки дневника бывали и в руках у Николая. Все это достаточно объясняет ту настойчивость, с которой после революции спешили изъять дневник из ненадлежащих рук. Подлинник его хранился в московском архиве военного ведомства (Лефортовском), вместе с другими бумагами Куропаткина: все было сдано им в архив при отъезде его на империалистскую войну, в 1915 году. В январе 1918-го в архив явился бывш. член военного совета, ген. Нищенков, снабженный (увы!) соответствующими полномочиями от военных властей, и увез из куропаткинских бумаг—только дневник. Все прочее осталось в неприкосновенности: дневник исчез неизвестно куда. Сколько мы знаем, не найден он и там, где находился Куропаткин в последние месяцы своей жизни. Бывший начальник штаба Скобелева, видевший своими глазами больше «военных действий», чем какой бы то ни было русский генерал нашей эпохи, кончил, для такой карьеры, весьма прозаически: был убит бандитами на своей родине, где он скромно подвизался после 1917 года в качестве сельского учителя.

Есть все основания думать, что Нищенков действовал по поручению более крупных и ответственных белогвардейцев, нежели превратившийся в заурядного обывателя автор дневника. Разоблачающее значение куропаткинского дневника отнюдь не в том, чего боялись коронованные «хозяева» в записках Витте, например. У Куропаткина и

---

[1]) Всего в распоряжении редакции имеются копии четырех тетрадей, помеченных №№ 16, 17, 18 и 19.

[2]) См. гр. С. Ю. Витте, Воспоминания, I, стр. 141.

следа нет той ядовитой критики всего, что не им или «не по его» сделано, критики, которая так блестяща, а иногда и так надоедлива у родоначальника винной монополии в первый период своего министерского существования и русской конституции в последний. Куропаткин—преданный холоп, способный умилиться даже тем, как в. кн. Ольга, сестра Николая, «больно укусила государя своими белыми зубами за руку»: эта выходка августейшей вырожденки тоже удостоилась занесения в дневник... И именно этой наивной преданностью он ужасен. Все глупости и подлости, сказанные при нем «обожаемым монархом», воспроизведены с такой же благоговейностью: в итоге получается такой букет, что даже знаменитое собрание речей Николая перед ним пасует. А это собрание более умные романовские холопы не даром поспешили уничтожить, едва оно показалось на свет.

Вот маленькие образчики того, что получается из верноподданнической добросовестности генерала Куропаткина. Запись под 14 апр. 1903 г.: «Перед отъездом сидел у меня час времени В. К. Плеве. Говорили о беспорядках в Кишиневе и Кронштадте. К а к и о т г о с у д а р я, я услышал от Плеве, что е в р е е в с л е д о в а л о п р о у ч и т ь, что они зазнались и в революционном движении идут впереди». Можно после этого сомневаться, что Кишиневский погром был организован Плеве с ведома и согласия Николая?

Или вот еще запись от 31 августа того же года. Николай «говорил о разных национальностях в нашей армии. С доверием относится к магометанам. Не верит особо полякам. Несколько брезгливо относится к белоруссам (!) и вполне презрительно к евреям». Разве это не программа «национальной политики» царствования—если не двух царствований, ибо в этом более, нежели в чем-либо другом, Николай был сыном своего отца?

Больше всего, естественно, военный министр мог запечатлеть штрихов из области в н е ш н е й политики, ближе всего его касавшейся. Дневник прежде всего дает понять, как глубоко уходят в прошлое корни империалистской войны. Уже в 1902 году (запись 17 ноября) вполне практически ставился вопрос о западном фронте, точнее о двух фронтах, германском и австро-румынском (Румыния рассматривалась тогда, как входящая в орбиту тройственного союза). Первым должен был командовать Николай Николаевич—главковерх 1914 года, вторым—Куропаткин. К этой теме он и царь возвращались неоднократно, при чем война все время рисовалась обоим, как дело совершенно неизбежное, вопрос только во времени. У Куропаткина это было вполне искренно и серьезно. Насколько то же было со стороны Николая? Тут проскальзывают местами сомнительные ноты. ,,«Вильгельм,—говорил царь,—в последнее наше свидание так был дружески расположен ко мне и к России, как никогда. Он и не скрывал причины: его тревожит Англия, а еще более Америка». Государь прибавил, что Америка и его тревожит". (запись под 9 декабря 1903). Эту тенденцию замечал и министр иностранных дел. «Он, Ламсдорф, видит, как государя подталкивают к войне (с Японией) даже со стороны Германии. Вильгельм все справляется, цел ли еще Безобразов, ибо это—их надеж-

ный союзник» (запись от 11 декабря). Но у Вильгельма был и другой союзник в этом вопросе—или, по крайней мере, была очень послушная ученица, стоившая союзника. Когда Куропаткин попробовал припугнуть Александру Федоровну перспективой европейской войны, в которой мы уменьшаем наши шансы, перебрасывая силы и средства на Дальний Восток, «государыня выразила уверенность, что до европейской войны не допустят, но что теперь страшно нашествие желтой расы и что ей надо дать отпор и пр.» (запись под 24 августа 1903).

Что все это было лишь идеологической драпировкой карманных интересов дома Романовых, видно из дневника тоже достаточно ясно. «Главным образом государь держится за Ялу и не хочет соглашаться, чтобы это предприятие стало совершенно частным» (12 авг. 1903). Во имя этого велась двойная игра, Алексеев намеренно затягивал переговоры с Японией (запись под 24 ноября 1903), царь особым шифром переписывался с Безобразовым (запись 16 февраля) и т. д. Для характеристики самого Безобразова, в этот момент форменного «временщика», дневник тоже дает драгоценные черточки. Чрезвычайно характерно для этого личного доверенного Николая его стремление к союзу... с хунхузами. На их благосклонном содействии вертелся, в конце концов, весь его план (1 декабря 1902). Это не то, чтобы было очень важно—хунхузы (хотя и нанятые формально, в виде «артели») все же не помогли,—но ставит в надлежащие психологические рамки сотрудничество Николая с уголовными элементами во время погромов 1905 г.

Ничто другое так не оправдывает эпитет «авантюра», давно прилагающийся к дальневосточной политике Николая, как эти страницы дневника его преданного холопа. И ни откуда так не ясно, что «предприятие на Ялу» было в сущности только ширмочкой, за которой скрывались неизмеримо более грандиозные планы. Чтобы придать этой декорации более реальный вид, покупали лес... у американцев (запись под 26 ноября 1903). Захватить имели в виду в с ю Корею—фактически же захватнические планы Николая шли гораздо дальше и этого. Но соответствующее место дневника так важно, что его надо привести целиком.

Беседуя однажды с Витте (эти беседы двух министров происходили чаще всего... в манеже: Витте был страстный любитель верховой езды, а Куропаткин упражнялся в ней, так сказать, по должности), Куропаткин так резюмировал свои впечатления от Николая. «Я говорил Витте, что у нашего государя грандиозные в голове планы: взять для России Маньчжурию, итти к присоединению к России Кореи. Мечтает под свою державу взять и Тибет. Хочет взять Персию, захватить не только Босфор, но и Дарданеллы. Что мы, министры, по местным обстоятельствам задерживаем государя в осуществлении его мечтаний, но все разочаровываем; он все же думает, что он прав, что лучше нас понимает вопросы славы и пользы России. Поэтому каждый Безобразов, который поет в унисон, кажется государю более правильно понимающим его замыслы, чем мы, министры. Поэтому государь и хитрит с нами, но что он быстро крепнет опытностью и разумом, и по моему мнению, несмотря на врожденную недоверчи-

вость в характере, скоро сбросит с себя подпорки, вроде Хлопова, Мещерского и Безобразова, и будет прямо и твердо ставить нам свое мнение и свою волю.—Витте сказал мне, что он вполне присоединяется к моему диагнозу...» (запись под 16 февраля 1903 года).

Присоединение Витте к этой характеристике едва ли было искренним—из записок этого, тоже в своем роде «верного слуги» самодержавия, мы знаем, какого он был мнения об уме и способностях «возлюбленного монарха». Но ограниченность Николая нисколько не делает менее вероятными те тенденции его внешней политики, характеристика которых у Куропаткина, по всей вероятности, просто представляла собою резюме его почти ежедневных разговоров с царем. Конкретные примеры мы находим в этой же части дневника. 3 января 1904 года (всего за три недели до начала японской войны!) Куропаткин докладывал Николаю «о посылке калмыка, подъэсаула Уланова, в Тибет—разузнать, что там делается, и особенно, что там делают англичане. Государь соизволил, чтобы это была частная поездка на свой страх и риск. Приказал посоветовать Уланову разжечь там тибетцев против англичан. О таковом приказании государь сказал, чтобы я не говорил Ламсдорфу» (министру иностранных дел).

Вот и еще одна авантюра,—не доведенная до конца только потому, что японцы помешали. Какими мелкими при свете таких «разоблачений» кажутся старые газетные объяснения японской войны желанием Плеве «отвлечь внимание от внутренней политики» и т. под. Наличность таких желаний у Плеве неопровержимо доказывается тем же дневником,—но они сыграли роль лишь последнего камешка, обрушившего давно скопившуюся лавину. Если сводить дело к субъективным объяснениям, суть была не в этом, суть была в том империалистическом авантюризме, который жил в крови последнего представителя династии. Николай жадно тянул руки ко всему, что, казалось ему, плохо лежит: ограниченность его сказывалась в том, что он не умел разобрать, что именно плохо лежит, и больно получал по рукам...

М. Покровский.

Дневник А. Н. Куропаткина.

№ 16.

С 17 ноября 1902 г. по 6 марта 1903 г.

17 ноября 1902 г.

Приехал в Петербург из Крыма 10 ноября. 12 ноября был у вел. князя Никол(ая) Никол(аевича). Сидел 2 часа. Все время обсуждали исполнение воли государя, дабы в случае войны Ник(олай) Ник(олаевич) был главнокомандующим войск германского фронта, а я—главнокомандующим войск австро-румынского фронта.

Ник. Ник. говорил мне, что им получено письмо государя, в котором значилось это предназначенье, при чем войска фронта, которыми я назначаюсь командовать, названы: австро-румынским фронтом. В том же письме значилась воля государя, чтобы и при этих назначениях высочайше утвержденное расписание № 18 осталось без перемены, с тем, чтобы изменения в плане действий, кои признает сделать нужным великий князь, отразились бы лишь на расписании № 19. В письме указывалось, что государь передал мне свою волю, дабы командующие войсками в округах были поставлены в известность о сих важных решениях государя. По этому вопросу вел. князь высказал мнение, что лучше, чтобы сам государь лично сообщил им об этом свою волю.

Мы обсуждали вопрос и о том, пускать ли В. В. Сахарова в одесский военный округ, или задержать его в главном штабе, дабы государь мог иметь в нем надежного начальника штаба верховного главнокомандующего. Условились, что надо задержать. Ник. Ник. сказал мне, что на должность нач-ка своего штаба он преднаметил Палицына: я его давно знаю и мы друг друга дополняем. Я для этой должности наметил ген. Сухомлинова.

Наиболее тревожит меня предвзятость, повидимому, мнения Ник. Ник. относительно того плана, который он предложит государю, по получении по его приказанию плана, ныне принятого по расписанию № 18. Я указывал князю, что не позволит ли он мне с Сахаровым, в присутствии Палицына, ознакомить его самым подробным образом со всеми нашими расчетами и соображениями, на основании коих принят план № 18, что тогда он увидит лучше, что, по его мнению,

следует переменить. Но Ник. Ник. стоял на своем, что ему этого не надо, как бы указывая, что решение его уже принято. Я всего более боюсь, что это будет решение для нас невыгодное—отдать без борьбы весь передовой театр и, не принимая боя на Нареве или у Белостока или Червонноборской позиции, и отступить к Барановичам или Минску.

Виделся с С. Ю. Витте. Говорили о Сипягине. Передал мне, что когда убили Сипягина, наследник приехал в свою батарею и разговаривал с офицерами. Один из них сказал ему, что жаль, что употребили такое средство, но что Сипягин заслужил это. Будто наследник отвернулся и сказал: «Вам не следовало бы говорить это наследнику».

Сидел у Обручева. Я говорил ему, что полк. Мулен составляет в Париже новое соглашение с Францией против Англии и указывал на опасность для нас новых соглашений. Говорил, что с Англией у нас нет поводов иметь войну, а таковые у Франции и Германии есть, но что мы более других угрозою движения к Индии страшим Англию. При этих условиях мы будем поставлены в возможность нести тяжкие жертвы для интересов других.

Обручев передал мне, что в год поездки на большие маневры в Германию и Австрию, кажется в 1897 году или в 1896 году, он говорил с гр. Муравьевым о возможности коалиции Германии, Франции и России против Англии. Что Муравьев обещал этот вопрос изучить. Что Вильгельм на маневрах намекал ему, Обручеву, как бы он был рад такому соглашению, что его мечта прописать Англии мир в Лондоне. В бытность в том же году в Париже Обручев виделся с Фором и сообщил ему свои мысли. Что Фор ответил, что вопрос этот достоин изучения.

Я указывал Обручеву, что более всего боюсь, как бы французы, получив отпор от нас, не обратились к Германии для соглашения с нею против Англии. Что этим актом совершенно ослабится значение нашего договора с Францией.

Обручев, только что приехавший из Франции, указал, что охлаждение к нам уже замечается. Что социалисты и радикалы, в руках коих теперь находится власть, с недоверием относятся к России, ибо самодержавный режим им ненавистен.

Обручев говорил еще, что у них в Море (их имение во Франции) был Андре, французский военный министр. Вспоминал обо мне. Ждет меня во Францию. Производил расследование о нескольких умерших во время маневров французских солдатах.

28 ноября.

Празднуем 25-летие освободительной войны. По моему предложению, государь издал приказ по армии и флоту. 140 заслуженных капитанов, наиболее отличившихся в прошлую войну, производятся в подполковники.

Сейчас сидел у меня министр юстиции Муравьев. Смотрит на дела мрачно. Недоволен холодностью к нему государя. Прежде, по

его словам, отношения были иные. Испортились со времени назначения Сипягина министром. Он, Муравьев, был в числе кандидатов в министры внутренних дел. Очень, повидимому, хотел этого. Прозрачно высказывает подозрение, что его провалил Витте. Отсюда, думаю, идет нескрываемая ненависть Муравьева к Витте. Муравьев жалуется на недоверие к министрам государя. Говорил: государь хочет знать истину, но ищет ее по корридорам, по закоулкам, слушает разных Хлоповых [1]) и т. д. Если не верить тому или другому министру, то надо сменить его—это правильнее.

По его, Муравьева, словам, программа действий на будущее должна бы заключать в себе четыре пункта:

1) Сменить Витте.

2) Заняться улучшением положения рабочего населения России.

3) Вернуть доверие земству.

4) Начать допускать земских людей (людей от земли—говорил Муравьев) к участию в том или другом виде в обсуждении государственных дел.

29 ноября.

Странное мы переживаем время. Смута растет. Растет и общее недовольство. К сожалению, с разных сторон доходят сведения, что это недовольство распространяется и на личность государя. С глубоким сочувствием и любовью относятся к личности царя, но удивляются и печалятся теми разноречиями, кои происходят в действиях правительственной власти. Очень ненавидят советников штатных и нештатных государя (Мещерские, Победоносцевы, Александр Михайлович, Хлоповы, Филиппы и т. д.).

Мне дело представляется так:

Россия должна управляться при гармоничном развитии трех сил: бюрократии, дворянства, земства. Это наши три кита. Армия должна охранять внешние пределы России. В действительности дело стало иначе. Бюрократия с Витте и Сипягиным во главе стала доминировать и все силы направила, дабы уничтожить земство и дворянство представительное обратить в чиновников. Успели в этом. Но вместе с сим приходится и армию обратить вместо защиты внешних пределов на охрану внутреннего спокойствия — обратить в полицейскую силу. Результаты могут получиться печальные. Девизы: побольше чиновников, и другой: полное ко всем недоверие, и третий: все пристегнуть к министерству финансов—до добра не доведут.

1 декабря.

Сегодня посетил меня д. с. с. Безобразов, один из нештатных советников по делам Дальнего Востока. Просил принять, так как он прямо из Ливадии и имел до меня дело по указаниям его величества. Удивительно развязный. В его объяснениях, очень туманных, слова *я* и *государь* идут одно за другим. Слова *я*, *Витте*, *Ламсдорф* произ-

[1]) В оригинале эта фамилия пишется то „Хлоповы", то „Клоповы". *(Прим. ред.)*

носятся с осуждением деятельности сих министров. Все путают, никто ничего не понимает, и лишь он, Безобразов, спасает русское дело. Теперь, по словам Безобразова, государь посылает его в Порт-Артур, дабы оттуда руководить корейскими и маньчжурскими концессиями. Он тоже, по его словам, везет особые полномочия Алексееву, дабы действовать в южной Маньчжурии тайными средствами противно нашим обещаниям. Я вынудил Безобразова высказаться: что же это за тайные средства. По его словам, они должны заключаться в следующем: Витте и Ламсдорф должны открыть всю южную Маньчжурию иностранцам и иностранным предприятиям. Алексеев не должен им мешать. Но затем должны явиться на сцену послушные нам хунхузы, и предприятия лопаются, люди исчезают... И в такую-то недостойную России деятельность разные проходимцы, вроде Безобразова, впутывают нашего государя, конечно, без его ведома и разрешения.

Я ответил Безобразову предостережением, что такой образ действий навлечет на нас только позор. Относительно Кореи я настоятельно указывал, чтобы там мы возможно менее поселяли русских людей. Что мне всего опаснее представляется то положение, когда наших людей начнут резать, и потребуются первоначально небольшие экспедиции, и потом вспыхнет война с Японией.

3 декабря.

Сегодня был принят государыней императрицей Марией Федоровной в Гатчине. Очень вежлива. Много расспрашивала, но прежней сердечности нет: все не может простить уничтожения финских войск. Расспрашивала про Ливадию, про Болгарию, про македонские дела. Говорила про правительственный циркуляр. Подняла свой кулачок и сказала: «Вот это надо бы показать туркам».

Князь Шервашидзе, состоящий при государыне, горячо нападал (после моего приема у государыни) на существующие порядки в России. Говорил, что теперь все в подозрении, что никто не может чувствовать себя спокойно даже дома. Особенно нападал на утеснения в Финляндии (он женат на дочери барона Николаи—шведа).

Министр юстиции Муравьев, с которым я завтракал сегодня, продолжает мрачно смотреть на будущее. Он говорил, что надо найти тот или другой выход. Что продолжать существующий порядок невозможно. Что ему представляется вероятным, что мы ввяжемся в войну, только чтобы выйти из тяжелого внутреннего положения. Шутя говорил мне, чтобы ему после войны предоставили звание константинопольского генерал-губернатора. Говорил, что ему его министерское служение стало не в моготу, что он своих коллег видеть не может, что сидение в комитете министров и государственном совете ему противно.

Конечно, побранил Витте. Упрекнул его, что он не поддержал Ковалевского, а выбросил его за борт, как балласт с воздушного шара, чтобы еще немного подняться кверху. Что Ковалевский невиновен. Векселя были действительно подделаны.

8 декабря.

Вчера было продолжительное заседание государственного совета по рассмотрению представления Сипягина, переделанного Плеве, об устройстве земского хозяйства в 13 губерниях. Плеве в общем поддерживал чиновничий проект Сипягина, в котором от положения о земских учреждениях осталось только название, но все же пошел на уступки. Для 4-х губерний: Архангельской, Астраханской, Ставропольской и Оренбургской полагает вовсе пока не распространять. В остальных вводить постепенно, начав с Витебской, Минской и Могилевской. Проектирует усилить уездное земское представительство, образовав земские уездные управы и пр. В заседании сторонники не умаления, а усиления земства в России повернули дело так, что этот однобокий проект будет применен пока к указанным выше трем губерниям. Мною подано мнение о необходимости усилить местное представительство в уездной управе.

Витте сделал яростную вылазку против государственного контроля. Во всеуслышание заявил и несколько раз повторил, что существующий государственный контроль мертвит всякое дело, к которому приставлен, а на возражение Лобко, что он еще ничего не умертвил, и ссылки на железнодорожное хозяйство С. Ю. Витте заявил мне, что это хозяйство уже умерщвлено контролем. Что Татаринов в свое время предложил формы контроля и дал рубашку (формы), пригодную на рост человека, и теперь мы ту же рубашку напяливаем на слона. Очевидно, что она трещит по швам.

Заметил себе эту вылазку, дабы при случае сделать вылазку и против Витте.

В антракте за кофе Витте в хорошем настроении духа нападал на мое заступничество за земство и говорил другим членам государственного совета: Алексей Николаевич, наш будущий главнокомандующий на войне, в военное время нас всех повесит. Надо соединиться в мирное время против него и повесить ранее его. Я ответил: почему он боится быть повешенным только в военное время. Если государь мне прикажет, то я повешу его и в мирное время.

Затем Витте осуждал робкие действия наших войск при усмирении беспорядков в Ростове. Я серьезно сказал ему, что действия были осторожны и, слава богу, достигли своей цели без большого пролития крови, но что нам легче итти на любой штурм, чем стрелять по беззащитной толпе. Что не надо так действовать по внутренним делам, чтобы такая необходимость участия войск являлась. Что это развращает войска и может привести те или другие отдельные части их к неповиновению.

Видел третьего дня Сергея Александровича и вел. кн. Елизавету Федоровну, долго сидел у них. Сергей не скрывает своего огорчения по истории с Павлом Александровичем. Явился устраивать детей. Говоря о болгарских делах, назвал Фердинанда хитрецом и большою шельмою.

Елизавета Федоровна жаловалась, что в принятом ею на свое попечение институте для дочерей военнослужащих (в Москве, бывший Чертова) дело не идет так, как бы ей хотелось. Что нет достаточной простоты. Много требований лишних для простых офицерских семей, многое недостает.

17 декабря.

Сегодня на докладе государю говорил о разговорах со мной Безобразова и Абаза по корейскому предприятию. Требуется командировать подп. Мадритова для содействия неясным еще для меня целям нашим в этом деле. Говорил государю, что Мадритов не может быть подчинен Безобразову, но что я командирую его в распоряжение адм. Алексеева. Государь одобрил это. Затем я доложил государю мои советы Безобразову и Абаза: изображать собаку на сене, дабы из концессий в Корее, на корейской границе и в Маньчжурии на корейско-маньчжурской границе создать полосу земли пустынной и труднопроходимой для разделения сфер влияния русской и японской. Что самое главное—не создавать поводов к возможному столкновению нашему с японцами. Государь одобрил это и в свою очередь сказал: «Никоим образом дело это не должно создать нам затруднений».

Просил государя командировать кого-либо в Сербию для участия в военном торжестве взятия Ниша 29 декабря. Там сербы взяли 267 орудий, 13 тысяч ружей.

Тогда при войсках сербских находился Бобриков 2-й. Его государь и разрешил командировать, придав ему полк. Таубе, бывшего в Сербии военного агента. Конечно, прикажут не бряцать понапрасну оружием, дабы не испортить впечатления миролюбивой миссии гр. Ламсдорфа. Государь долго думал, прежде чем согласиться на это.

Тогда же я получил разрешение напечатать в «Русском Инвалиде» статью объективного характера относительно истинного значения участия румын в плевнинских делах. Румыны, никем не оспариваемые, так зазнались, что ныне главную честь овладения Плевной приписывают себе.

Эти дни прошли в праздновании столетия пажеского корпуса. Раздули эти праздники не мало. Точно никто и нигде в России ничего, кроме пажей, не делал. Но все прошло гладко. В Зимнем дворце обедало 1.500 человек. Остзеец Рихтер не утерпел, чтобы не поработать при сем и для Германии. Совершенно неожиданно для меня оказалась приглашенной депутация: 5 кадет и 2 офицера берлинского кадетского корпуса. Зацепка—что некоторые кадеты сего корпуса несут обязанности пажей. Тем не менее оказалось, что с немцами мы праздновали, а французов сен-сирцев забыли... Глупо.

21 декабря.

Сегод(ня) рассматривал нашу книгу [по канц(елярии) в(оенного) мин(истерства], в которую мы заносим все высочайшие отметки по отчетам команд. войсками в округах. Государь сказал, что ему в год три раза (или два) представляют выборки по его отметкам на отчетах губернаторов. Что там тоже стоят слова: «исполнено и исполняется». При этом государь с горечью заметил, что вместо слов «исполняется» во многих случаях следовало бы поставить слова «не исполняется», что еще недавно он уследил, что по мин. внутр. дел не исполнено приказание, отданное его покойным отцом. Что взгляд назад помогает правильно смотреть вперед, что изучение вопросов за много лет облегчает главное при составлении планов на будущее: помогает распознать, что важнее из представленных мероприятий в данное время.

Напомнить эти слова, когда возникнет у государя желание за счет средств, кои надо было бы дать военному министерству, строить сомнительной полезности для России броненосцы.

25 декабря.

На-днях сидел у меня вел. князь Александр Михайлович. Много говорил про морскую программу. По его словам, он программу эту делит на три отдела по 8 лет в каждом с тем, чтобы захватывать два предыдущих года. В первые 8 лет мы будем равняться с японским флотом, потом с англо-турецким в Черном море и, наконец, в последние два 8-милетия пойдем догонять германцев. На первые 8 лет надо давать по 40 миллионов свыше предельного бюджета, т.-е. то, что дается на кораблестроение и теперь. Правильных и ясных целей по употреблению готовящихся морских сил я не увидел.

Сейчас возвратился от гр. Ламсдорфа. Доволен своей поездкой. Вот что он мне передал (коротко):

В Австрии.

Очень хорошо приняли. Франц-Иосиф имеет нежные чувства к нашему государю. В Австрии и частью в Венгрии начинают верить нашему миролюбию и желанию сблизиться с Австро-Венгрией. По Македонии искренно желают итти с нами рука об руку. Будем действовать вместе.

Уверяют, что не хотят присоединять к себе Боснию и Герцеговину. Что им выгоднее управлять там самодержавным способом. Боятся увеличить число славянских депутатов.

Если Сербия вмешается в Македонскую смуту, то Австрия займет Сербию. На прощание Франц-Иосиф просил графа Ламсдорфа передать нашему государю свою просьбу, чтобы мы не препятствовали соединению австрийских железных дорог с турецкими через Митро-

вицу. Я сказал Ламсдорфу, что такое соединение выгоднее всего немцам, кои воспользуются этим соединением, дабы связать Багдадскую дорогу с Берлином и Гамбургом. Ламсдорф признал это и согласился со мной, что такое соединение нам не выгодно, но не видит способов противиться.

В Сербии.

Встреча народом умилительная. Король не глуп, но растолстел, старообразен, подозрителен. Временами кажется ненормален. Очень тронут оказанным ему знаком внимания. Драга, немолодая, полная, но все же красивая женщина. Умна. Держится России. Ее желательно приласкать.

Армия—милиция. Ныне не стоит связываться с Сербией каким-либо военным соглашением: выдадут австрийцам. Нам выгодна рознь Сербии и Болгарии. Сербы до сих пор недоверяют болгарам. Сербам нежелательно автономное устройство Македонии. Ламсдорф полагает, что сербы не очень расположены зажигать весной пожар на Балканском полуострове.

Ламсдорф полагает, что какой-либо знак внимания серб(скому) королю, напр., назначение его шефом одного из русских полков к 29 декабря, очень бы обрадовало короля и помогло сближению его с нами. Говорил об этом вчера с государем. Его величество выразил мнение: что не лучше ли это сделать на 6 мая.

В Болгарии.

Фердинанд очень умен, но нервен и впечатлителен. Рассорился со всеми. Ему приходится держаться России. Со своими министрами ладит и держит их в руках. Первоначально говорил Ламсдорфу, что ничего с болгарским народом сделать не может по Македонскому вопросу. Потом начал уступать, что если будут введены в Македонии реформы, то взрыв будет остановлен.

Бахметьев, по мнению гр. Ламсдорфа, умен, но легкомыслен. Ему указали не мешаться во внутренние дела княжества.

По Македонии.

Из обмена мнений в Софии, Белграде и Вене гр. Ламсдорф вынес убеждение в необходимости оказать быстрое и сильное давление на Турцию, дабы она выполнила свои обещания по Македонии. Франция и Германия поддержат наши требования, а Австрия пойдет с нами рука об руку.

Однако Ламсдорф и сам еще хорошенько не знает, что мы будем требовать от Македонии (всегда одна и та же история). На мои вопросы он отвечал довольно неопределенно, что будет турецкий комиссар, что прекратят обирание народа, установив контроль над приходной и расходной сметами. Что контроль этот будут иметь русские и австрийцы через своих послов. Кажется, толка не будет.

26 декабря.

Сегодня был в Гатчине. Государыня императрица Мария Федоровна более 40 минут вела со мной разговор о финляндских делах. Горячилась и волновалась. Раза два выступали на глазах слезы. Все ей, очевидно, Кремер и князь Кавказский [1]) представляют в превратном виде. Оправдывался, сколько мог, но, кажется, прежнего расположения все еще возвратить не мог.

30 декабря.

Сегодня в государственном совете Витте читал речь по поводу росписи на 1903 год. Рисовал положение дел в тревожном свете. Указывал, что до него общий бюджет по расходам составлял один милл., а теперь через 10 лет 2 милл. Что в этом отношении мы в 10 лет так шагнули, как ранее дошли за всю историю России. Надо мол остановиться. Платежные силы напряжены. Расходы выросли, в особенности по мин. путей сообщения, и ныне дают дефицит в 60 милл. р. в год (с процентами на затраченный капитал), а давали при нем, Витте, 11 милл. дохода. Главная причина тому—постройка дорог политического и стратегического значения, а не экономического. Есть и другая причина недоходности дорог, общее уменьшение дохода дорог. Я возражал, указывая, что за последние 15 лет на западе мы мало строили дорог, а все больше строили на востоке, что особо недоходны эти новые дороги—восточно-китайская, напр. *Что нам надо с востока возвратиться опять на запад*, что там мы отстали, и что, как ни тяжело положение госуд. казначейства, охрана неприкосновенности пределов государства столь важное дело, что я надеюсь, что государь найдет деньги на охрану целости России.

31 декабря.

Сегодня был у государя с последним докладом в этом году. Сегодня же оканчивается пятилетие пребывания меня в звании министра. Государь несколько простужен. Бледен. Говорил мне, что не спал всю ночь. Болело ухо. Не знает откуда. У него уже был случай, что он лишился слуха на это ухо на полчаса. Видно сильный насморк: чихал, часто сморкался. Я спросил государя: приготовился ли он повиноваться Симановскому. Государь ответил утвердительно. Я имел в виду при этом повлиять, чтобы государь не ездил 3 января встречать на вокзал германского принца. Повидал Симановского, и он обещал не пускать государя. Говорил государю, что сделано по записке Обручева 98 года об организации главного штаба. Все принято к сведению и выполняется, но, вместо одного генерал-квартирмейстера провожу двух. Не окончил реформу за неотпуском денежных средств. Окончим теперь. Говорил о необходимости поднятия должности на-ка главного штаба. О его участии в стратегических докладах. Государь прибавил, что он теперь желает чаще его видеть, ввиду нового его положения в

[1]) Повидимому, речь идет о кн. Шервашидзе. *Прим. ред.*

будущем, как начальника штаба верховного главнокомандующего. Я воспользовался этим случаем и с обычной откровенностью высказал мнение, что если государь желает, чтобы между мною и Сахаровым сохранились добрые отношения,—что надо для дела,—то необходимо, чтобы в главном штабе не производилось никакой секретной от меня работы. Что пока я по закону начальник, подчиненные мне органы и лица не могут вести секретных от начальника дел. Что другое дело, если государь по должности Сахарова, на-ка штаба верх. главнокомандующего, поручит ему то или другое секретное от меня дело. Тут, даже если бы при Сахарове для сих работ имелся особый *штаб*, я ничего не могу иметь, но в *главном штабе* таких работ секретно от меня производить нельзя. Я прибавил, что ныне облеченный доверием государя и призванный в случае войны к должности главнокомандующего австрийско-румынского фронта, я сам просил бы государя, чтобы по некоторым вопросам, чтобы не быть судьей в собственном деле, выслушать отдельно Сахарова. Тогда государь успокоил меня, что он не даст повода нам поссориться, и указал, что именно по моему новому предназначению от меня не может быть секретов.

Того же числа государь приказал мне:

1) Провести в установленном порядке, чтобы обстановка командующих войсками в округах была казенная.

2) По вопросу о вознаграждении китайцев со шхуны под английским флагом, которая стукнулась о наш мост в Тяньцзине, а китайцы были прибиты плетями—*категорически* отказать в выдаче вознаграждения.

При этом, по моему предложению, государь соизволил, чтобы мы рассмотрели вопрос: нужен ли нам мост этот. Мое мнение, что он не нужен.

3) Относительно усиления китайских войск в Маньчжурии в распоряжение цзянь-цзюней государь высказал: «Самое главное, не надо разрешать усиление войск в Хейлудзянской провинции». Повидимому, государь твердо держится, чтобы северную Маньчжурию от наших войск не очищать.

. *января.*

1903 года я сделал обед начальникам главных управлений, дабы высказать им руководящие идеи относительно ведения дел в их управлениях. Сделав исторический очерк истории военного министерства, я указал все увеличивающуюся сложность работы (техника, увеличение армии, усложнение условий жизни народов) при человеке, который не только не улучшается, но местами даже ухудшается (фабричные сравнительно с сельчанами). Указал, дабы справиться с задачами: а) децентрализировать дело, б) не смешивать сущность с формою, отличать главные от второстепенных вопросов, в) считать своей главною задачей помощь старшим войсковым начальникам в их трудном деле подготовки войск для боя, давая войскам оружие, выучку и запасы не хуже, чем у соседей, д) ранее принятия каждого мероприятия спрашивать мнение войсковых начальников, е) пользоваться уро-

ками истории, ж) изучать все, что делается у соседей, и брать подходящее без стыда, з) бережно расходовать народные силы и средства. Убедил не всех. Закорузли в рутине и канцелярской волоките твердо.

1903 год.

4 января.

Новый год встретили обычным порядком. Выдающимся событием можно было считать рескрипт министру финансов по случаю десятилетнего управления министерством финансов. Рескрипт составлен в милостивых выражениях, исполненных доверия к лицу и в будущем.

Вчера встречал германского наследного принца Фридриха-Вильгельма. Я был дежурными генерал-адъютантом. Вследствие легкой простуды государь не поехал на вокзал, а встречал в Зимнем дворце.

Молодой принц, 20-летний юноша, произвел хорошее впечатление: довольно высокого роста, стройный, с военной выправкой, с быстрыми военными жестами. Лицо приятное, но не интеллигентное, внимателен к окружающему, особенно что касается военного дела. Запомнил несколько подробностей из виденного. Приобретает навык говорить с представляемыми ему лицами о соответствующих предметах, но не приобрел еще навык прекращать разговор во-время.

В тот же день был парадный обед. Сидел между двумя командирами полков, прибывшими с принцем: полк. фон-Шенком, ком. 1 гвард. гренад. императора Александра полка, и майором гр. Шверином, командиром кирасирского императора Николая I полка. Первый культурнее. Второй—воин. Рассказывал мне, что рейхстаг мало заботится об улучшении быта офицеров. Что в Ортенбурге[1]), где стоит их полк, офицеры нанимают довольно плохие квартиры (городские), что их военное собрание очень ограниченно. Тогда же он передал мне, что семьи офицеров только один или два раза допускаются в военное собрание, но что офицеры еженедельно один раз собираются в военном собрании обедать. Обычай хороший. Хорошо бы и нам его завести.

По словам Шверина, для службы в их полку надо иметь до 300 марок в месяц прибавки из дому к получаемому жалованью.

После обеда принц долго разговаривал со мной. Хвалил выправку наших солдат. Высказал, что мы счастливы, что большинство наших нижних чинов из сельских жителей. «Там меньше социалистов»—сказал он. Я сказал, что чем-нибудь надо поступаться, что при высокой культуре Германии, при огромном росте там промышленности население наполовину уже фабричное и горожане. Это и создает и питает социализм, что и мы идем по тому же пути. С удовольствием говорил о предстоящей поездке в Новгород. Я сожалел, что он не может видеть наше деревенское население. Тогда он правильнее оценил бы тот могучий источник, откуда мы черпаем своих несравненных солдат: преданных родине, государю, храбрых, выносливых, нетребователь-

[1]) Ортельсбурге?—*Прим. ред.*

ных. Государь мне вчера говорил, что и на него принц произвел хорошее впечатление.

Влад(имира) Алекс(андровича) не было: заболел. Температура свыше 39.

Мария Федоровна ласково поздравила меня с Новым Годом. Я осмелился ей высказать пожелание, чтобы с новым годом она вернула мне свое расположение. Она замялась, но протестовала, уверяя, что расположение осталось прежнее.

За обедом на тост государя за здоровье германского императора принц по бумаге не без нескольких заминок прочел небольшой ответный тост за государя и государынь. Из числа свиты выделялся ростом и чином генерал Мольтке, нач-к 1 гвард. пех. див., любимец Вильгельма, племянник великого Мольтке.

5 января.

Вчера был у меня первый доклад у государя в этом году и первый доклад во второе пятилетие моего министерского служения. Представил государю подробный отчет о том, что нами сделано в минувшее пятилетие, дабы сообразно с новыми указаниями сообразить и наши денежные требования на пятилетие 904—909 годов. Усиленно доказывал государю, что политическое положение Европы за это пятилетие стало тревожнее, что возможность европейской войны стала вероятнее и что нам надо спешить *возвратиться* на забытый за делами Дальнего Востока *запад*. В числе причин, делающих положение более тревожным, я отметил:

1) Ослабление России на западе вследствие расхода огромных средств на Дальнем Востоке.

2) Активная политика на Дальнем Востоке, которая может привести к европейской войне.

3) Развитие македонского вопроса грозит весною вызвать европейскую войну.

4) Успехи Германии в Турции (занятие Гайдар-Паши, Багдадская жел. дорога, реорганизация турецких сил) могут ускорить столкновение России с Германией, или с Турцией, или с той и другою.

5) Пангерманистские стремления Германии. Хочет съесть чехов и других, дабы открыть себе путь от Берлина до Персидского залива.

6) Нескрываемое стремление Германии к всемирной, а в первую очередь гегемонии в Европе.

7) Внутренние неурядицы в России. Если они не будут остановлены, то докажут внутреннюю слабость России, а вместе с сим нашим врагам укажут, что минута для нападения удобна.

По всем этим причинам я доказывал необходимость *перенести наше главное* внимание от Дальнего Востока на запад. Государь формулировал это предварительно так: *что нам, будучи бдительными на востоке, обратить главное внимание на запад.*

Сегодня долго сидел и завтракал у меня наш дипломатический представитель в Корее—*Павлов*. В общем он высказал—корейский

народ отживающий. Сам ничего не делает. Как войско, будет хуже китайского. Король и двор ничтожны. На них действовать можно только страхом.

Японцы действуют энергично и постепенно расширяют свою деятельность, но у них мало пока денежных средств. Они ненавидимы корейцами, особенно на севере. Могут каждую минуту создать причину для введения в Корею войск. Нам надо непременно сохранять свободу действий и пассивно протестовать, если они влезут в Корею. В конце концов, Корея должна стать русскою. Нам выгодно найти там японцев. Лучше вести с ними войну на Корейском материке. Сами японцы не посмеют напасть на нас в Маньчжурии или в приамурском военном округе.

Предприятие Алекс(андра) Мих(айловича) в Северной Корее заботит Павлова. Лучше вести его только как коммерческое предприятие. Там уже (есть) американское предприятие по добыче золота, идущее успешно. Можно соединить его с добычей леса из наших концессий. Павлов ставится в неловкое положение тем, что воротилы предприятия предъявляют к нему требования на такие концессии, которые им корейское правительство не давало. Павлов заключил, что если несомненны и чисто патриотичны желания и надежды вел. кн. Александра Михайловича, то стоящие непосредственно у дела лица об идеалах не думают, а извлекают себе личные выгоды.

Сегодня же был у Лессара, нашего посланника в Пекине. Болен. Лежит во французском госпитале. Стал поправляться. И его и Павлова мне надо было видеть, чтобы возможно отвратить грозящую России опасность от уступки Китаю обратно Северной Маньчжурии. Ламсдорф на-днях собирает совещание из Павлова, Лессара и Розена (посланник в Японии, вместо Извольского) по вопросу, что нам делать в Маньчжурии.

Павлов согласился поддерживать твердо проводимое мною мнение не очищать Северной Маньчжурии, но с Лессаром было очень трудно. Он заявил мне, что теперь, если после всех сделанных заявлений мы останемся в Маньчжурии, то мы вооружим против себя китайцев и все державы, что китайцы устроят нам восстание, а когда в Китае восстание поддерживается правительством—оно опасно. Что японцы сейчас же займут Корею. Относительно германцев Павлов сказал, что они усиленно советуют ему не очищать от русских войск Маньчжурию, но что советы их коварны, ибо они желают поссорить нас с китайцами. Затем Лессар говорил несуразные вещи о том, что оставление наших войск в Северной Маньчжурии поведет к восстанию против нас в Монголии, Кульдже и Кашгарии.

Он говорил, что переселение китайцев в Маньчжурию не опасно и быстро не пойдет, что земли там плохи, что для переселения требуются деньги, которых нет у китайцев. Наконец, он говорил, что американцы требуют впуска их с торговыми целями в Маньчжурию, что таможни должны быть только на границе наших владений, при чем вся

Маньчжурия в экономическом отношении будет эксплоатироваться американцами.

Я, в свою очередь, доказывал Лессару следующее: мы наделали много глупостей, раздавая разные обещания, которые никто у нас не просил. Но что все еще поправимо. Нападение на Бодуно, нападение несколько дней тому назад к северу от Агрехе, где мы потеряли убитыми офицера и нескольких нижних чинов и другие указывают, что мы не можем с доверием относиться к охране в Северной Маньчжурии спокойствия, когда уйдем оттуда. В Северную Маньчжурию в 25—50 лет хлынет масса желтолицых, кои, пользуясь нашей железной дорогой, будут грозить нашим границам 2.400 верст. Что железная дорога—нитка, которую нетрудно перервать. Что Россия должна за все свои жертвы выиграть в более покойной охране границ. Если мы оставим за собой Северную Маньчжурию, то протяжение границы будет сокращено вдвое. Что первоначально, не выводя из Северной Маньчжурии наши войска, мы должны сохранить там ныне действующие основания правительственного надзора. Что ранее Витте надеялся, что восточно-китайская железная дорога будет *экономическая линия*. Теперь он увидел, что она будет давать только огромные убытки. Поэтому первоначально стал называть ее *политическою*. Убытки ежегодные с предприятий Витте составят: 20 милл. процентов на затраченный капитал в 400 милл. руб., 10 милл. убытки эксплоатаций и 10 милл. содержание охранной (пограничной) стражи. Итого 40 милл. руб. в год убытка. Надо же, чтобы Россия сколько-нибудь умерила тяжелые последствия такого дефицита. Если мы Северную Маньчжурию отдадим, то все сделанные затраты будут впустую, и железную дорогу признать стратегической нельзя будет. Но если она будет проходить по зависимой от нас территории, то мы можем придать ей стратегическое значение, а самую страну, *не пуская туда китайцев* и вообще желтолицых и сохраняя эту территорию для русских, сделать безопасною, а потом и выгодною для России.

Лессар согласился в конце нашего длинного разговора, что можно добиться расположения по линии дороги в *полосе отчуждения* даже 50.000 чел., только не трогать страны вне дороги. Что можно будет занять на левом берегу Амура и те 8 пунктов, которые были указаны Гродековым. И это уже уступка.

12 января.

Годовщина штурма Геок-Тепе. Поеду на панихиду в Казанский собор. Помолимся за упокой бурной души М. Д. Скобелева. Сейчас возвратился из манежа Половцева, где по обыкновению ездил верхом вместе с Витте. Сергей Юльевич рассказал мне следующее. Надо добавить, что он указывал в начале разговора на бесполезность затеи вел. кн. Александра Михайловича, основавшего управление торгового мореплавания. По словам Витте, он убедил государя основать это бесполезное дело, рассчитывая, что фрахт за перевозку, который мы платим теперь заграничным купцам за их суда, будет оставаться в русских руках. Расчет, по словам Витте, ребяческий, ибо ранее, чем

начать получать эти барыши, необходимо построить эти русские коммерческие суда. А построить их можно только на иностранные капиталы. Вот проценты на эти капиталы и поглотят все барыши за фрахт. Я упрекнул Витте: как же он, так хорошо понимая это дело, не убедил государя не соглашаться на эту меру. Вот на этот-то упрек Витте и рассказал мне следующее: когда он (в конце октября) приехал в Крым с поездки на Дальний Восток, государь к нему относился очень враждебно. Очевидно, он был восстановлен против него. Формы были любезны, но немилость чувствовалась. Перед самым отъездом в предпоследний доклад он остался завтракать. После завтрака на площадке к нему подошел государь и спросил: как вы думаете, не следует ли из отдела торгового мореплавания, у вас находящегося, образовать главное управление. По словам Витте, он ответил, что это совершенно невозможно. Что деятельность торговых судов есть часть и очень малая общей торговой деятельности. Что нельзя безнаказанно отрезать палец от руки. Что если так смотреть, то почему же не образовать главное управление скотоводства, главное управление лесоводства и пр. Эти отделы важнее торгового мореплавания. Государь слушал это и, сказав: «Посмотрим», отошел от него. Тогда к Витте подошел Мусин-Пушкин и сказал, что̀ вы говорили государю: у него был очень сердитый вид (или злой вид, не помню). Следующий последний доклад государь держал Витте час три четверти и был исключительно любезен. Витте знает эту любезность. Поэтому, приехав домой, он сказал Матильде Ивановне, что его ожидает какая-то крупная неприятность. В тот же день он выехал в Петербург. В этом же поезде ехал фельдъегерь, с рескриптом на его имя об образовании нового министерства торгового мореплавания, которое он и получил утром в Петербурге.

Витте говорил затем, что надо приостановить рост бюджета морского министерства. Что только расходы моряков на Дальнем Востоке дошли до 25 миллионов рублей в год, а им всюду надо двойные расходы на флот и столько же на укрытие его в разных убежищах.

19 января.

В среду, 15 января, было заседание Сибирского комитета. Во вторник при докладе государю императору я испросил соизволения его величества возбудить вопрос во время (заседания) Сибирского комитета 1) относительно необходимости бережливости в расходах и по делам комитета подобно тому, как нам указано в госуд. совете по расходам по нашим министерствам, 2) относительно возврата военному ведомству позаимствованных нами в военный фонд из запасного кредита предельной сметы военного министерства[1]). Государь разрешил. Перед заседанием я заявил Витте о своем намерении сделать заявление. Он горячо просил меня не делать этого. Говорил, что это будет некорректно с моей стороны, что мое требование о возвращении данных нами сумм будет удовлетворено из других кредитов, что он вообще

[1]) С уменьшением на эту сумму просимого Витте кредита в 45 миллионов рублей.

видит с моей стороны как бы желание всюду нападать на него, что это невыгодно и мне и ему, но что если я хочу ссориться, то ему тоже остается принять свои меры, при чем он рассчитывает, не он будет об этом сожалеть.

Я признал возможным не говорить приготовленную мною небольшую речь о крайней тягости для России продолжать огромные расходы на предприятие Дальнего Востока. Что только предприятие Витте по устройству восточно-китайской железной дороги и связанных с ней предприятий стоили казне до 400 милл. руб. свыше 150 т. руб. за версту и дают убыток казне уже ныне свыше 25 милл. рублей, а убыток может дойти до 35—40 милл., в том числе—15—20 милл. как процент на затраченный капитал, 10 милл. убытки по эксплоатации и 15 милл. содержание пограничной стражи Заамурского округа.

Вместо сего я заявил, что у меня возникло предположение настаивать, дабы не считать 39 милл. руб. свободным остатком от реализации китайского долга и уплатить из них нам 11 милл. руб., но что объяснениями с министром финансов я пришел к заключению о возможности наше требование хотя и не всех 11 милл., а лишь 6 милл. рублей отнести на другие кредиты, согласно с обещанием министра финансов.

Другой вопрос: это—распространяется ли полученное нами указание о крайней сдержанности в новых расходах и на дела Сибирского комитета.

Витте ответил утвердительно о кредитах, кои мы будем требовать.

Государь, со своей стороны, хотя не вполне в определенных выражениях, указал на необходимость, где можно, соблюдать экономию и по делам Сибирского комитета. Витте заявил, кроме того, что восточную часть Сибирской жел. дороги придется не перестраивать: дурно трассирована, лучше было держаться векового почтового тракта.

18 января в государственном совете защищал мое представление об учреждении дворянских кадетских школ. Разногласия были, но довольно небольшие. Прочитал сведения о составе по происхождению наших юнкерских училищ. Дворян, даже считая личных, всего 37%. Масса разночинцев. Тем не менее, я громогласно заявил, что закрывать ход в армию другим сословиям не следует, что мы черпаем из всех сословий свою силу, что закон наш по правам, по образованию приравнивает всех. Но что среди разночинцев к нам идет много лиц не по призванию, а неудачников, которые, не успев успешно кончить курс в гимназиях и реальных училищах, ищут в военной службе кусок хлеба и бранят приютившую их среду. Что лучшие ученцки в юнкерских училищах—это окончившие полный курс трехклассных (6-летний курс) городских училищ. Но что желательно привлечь на военную службу, не закрывая доступ в нее другим сословиям, детей потомственных дворян, сидящих на земле. Что физически, а мы надеемся, и нравственно это элемент желательный. Пробыв в наших руках пять лет в дворянских кадетских школах, они явятся вполне подготовленным хорошим материалом для прохождения трехлетнего кур-

са в юнкерских, преобразованных ныне, училищах. Говорил, что дело кадетских дворянских школ, однако, только тогда пойдет, 1) если нам удастся создать хороший начальственный персонал и 2) если мы не очень будем рассчитывать на средства дворян и придем на помощь из казны не половиной всех расходов, а $^3/_4$ (общий годовой [1]) школы определен в 50 тысяч руб.).

Что по первому вопросу мы приняли несколько увеличенные оклады и, главное, сделали преподавателей обязательными участниками.

После долгих прений штаты прошли благополучно и по остальным вопросам: $^1/_2$ или $^3/_4$ и по эмеритуре за наш проект высказалось большинство.

В тот же день собралось у меня совещание по вопросу о воинской повинности под председательством В. К. Плеве. Сговаривались о тех сокращениях в льготах по семейному положению, кои надлежит принять. У меня 49% лиц, достигающих призывного возраста, пользуются льготами по семейному положению. У наших соседей такими льготами пользуются 2—3%. Но зато при освидетельствовании годности рекрут к службе в физическом отношении за границею бракуются свыше 30%, а у нас до 17%. Оказывается, что, имея свыше 1.000.000 достигающих призывного возраста при контингенте в 308.000 человек, мы стеснены в требовании большого числа и берем слабых, которые быстро увольняются в неспособные, составляют бремя армии и причину некомплекта. Нам надо поэтому увеличить вместе с сим строгость приема. Иначе в иностранных армиях солдаты в физическом отношении будут выше наших. К соглашению пришли, чем увеличим число подлежащих повинности на 150—170 тысяч человек в год.

В тот же день вечером долго сидел у меня С. Ю. Витте. Жаловался на наше взаимное раздражение в делах. Говорил, что это надо кончить. Он чувствует, что и сам неправ. Я ответил ему, что ненормальные отношения в делах (при хороших личных отношениях) начались с вмешательства его в финляндские дела, что затем я замечал некоторое невнимание к моим замечаниям, улыбки во время моих заявлений в государственном совете и в комитете министров. Витте обещал стать на почву равенства и просил по всем возникающим по военному ведомству делам, по коим требуется соглашение с ним, предварительно попытаться привести к соглашению наших помощников, а потом повидать и переговорить с ним откровенно. Что путем взаимных уступок мы больше достигнем, чем через особое совещание у Сольского. Я согласился попробовать действовать, как предложено им. Сер(гей) Юльевич рассказал мне при этом, что я должен верить, что он более чем какой-либо министр финансов расположен с государственной точки зрения на предстоящие нужды; что, очевидно, несмотря на его заявления, он понимает, что ему придется

[1]) В оригинале, вероятно, пропущено: расход. *Прим. ред.*

увеличить наш предельный бюджет. Что теперь он еще объективнее может отнестись к этому вопросу, ибо искренно хочет уходить, и его государь задерживает на этом посту для пользы дела.

Говорил он мне затем о трудности его положения. Указывал, что, например, мне приходится действовать среди благородной среды, что мы подвигаем сердца своих воинов на высокие чувства, а что ему вечно приходится возиться с кучей г.... Так он назвал золото. Кругом все запачканные руки. В каждом деле, которое он проводит, он чувствует подозрительное к себе отношение: не хочет ли что сцапать. Что он защищал евреев, иностранцев и иностранные капиталы из принципа и из сознания, что они были нужны России. Но сколько навлек из-за этого на себя нареканий и подозрений. Что, напр., ныне, когда некоторые отрасли нашей промышленности стали твердо на ноги, ему тут иностранных предприятий уже не надо.

Расстались дружески, что для меня было совсем не трудно, ибо я к этому сильному и высоко-талантливому человеку чувствую всегда слабость, несмотря на зло, причиняемое, быть может, невольно и мне. Я имею к этой огромной фигуре не вполне понятную и мне самому нежность. Я не раз ему говорил и это сознаю, что он крупнее всех нас, его коллег, на несколько голов. Беда в том, что я не доверяю его идеям, не верю, что выбранные им пути, которыми он ведет Россию к экономическому росту, выбраны правильно, боюсь, чтобы скороспелое промышленное развитие, мощно двинутое Витте вперед, не окончилось бы огромным крахом. Меня страшит односторонность принятой им системы привести Россию к благоденствию. Отстают и идут назад в достатке десятки миллионов земледельцев внутренней России. Нам, военному ведомству, этот результат весьма тревожен, ибо именно эта часть населения России дает ей армию, которая до сих пор по составу нижних чинов была выше всех армий мира. Если эта часть населения обнищает, станет недовольною, потеряет веру во власть, увидит относительную безнаказанность беспорядков, то это отразится, конечно, и на нравственном облике будущего солдата. Я не говорю уже об уменьшении в центральных губерниях России нужного нам количества лошадей, скота.

Обнищание отразится в то же время и на понижении физических достоинств новобранцев.

Затем я не понимаю Витте в его стремлении централизовать направление народного хозяйства в главных отделах в своих руках. Казенные предприятия, собранные им в свои руки, тоже стали громадными: монополь, железные дороги, банки, промышленные предприятия. Тарифные ставки принимаются по его указаниям, без соображения с мнениями местных старших начальников. Даже для таких исключительных способностей, какими одарен Витте, ему трудно справляться со всеми этими делами без ущерба внимания другим сторонам русской жизни, а он навязал еще себе на шею предприятия Дальнего Востока, в чем, уверен, крепко раскаивается. Эти предприятия пока ему, кроме огорчений и разочарований, ничего не принесли.

Наконец, совершенно непонятна для меня борьба Витте против земства и отстаивание чиновничества. Никто так не расплодил их, как он, а между тем по натуре своей и по прошлому он должен быть врагом бюрократизма. В этом видимом противоречии прошлого и образа действий в настоящем мне приходит одна мысль: не потому ли Витте за чиновников и против земства, что ныне Витте, после достигнутых им успехов, стал властолюбцем, для которого чиновник всего удобнее земца. Что, располагая ныне армиею чиновников, он крепче держит и может направлять беспрекословно все дела в России, чем если бы ему приходилось иметь дело с самостоятельными земствами.

Забыл написать, что после совещания по уставу о воинской повинности, Плеве просил остаться Сахарова и при нем сделал мне следующее заявление: он, по полученным сведениям, опасается серьезных аграрных беспорядков в Полтавской губернии, затем в Воронежской и, отчасти, в Саратовской. Кроме того, по его заявлению, необходимо поставить какую-либо часть войск в Вятке. Я показал Плеве уже приготовленный всеподданнейший доклад о передвижении 2-й казачьей сводной дивизии именно в район Полтавской губернии. Он просил, чтобы передвинуть всю дивизию, а не два полка, коими предполагал обойтись Плеве. Затем я дал обещание ныне же сделать доклад о занятии Вятки батальоном, о чем мною уже было замечено при проезде Вятки в прошлом году.

Вчера государь соизволил на перевод весною сего года всей казачьей дивизии в намеченный нами район.

Вчера, вечером, сидел у меня $2^1/_2$ часа Алек(сандр) Алек(сандрович) Половцев старший. Вспоминал старину. Из нового он сообщил о необыкновенном успехе в своем горном районе, где в силу особо благоприятно сложившихся обстоятельств удалось достигнуть необычайной дешевизны выделки рельс, а именно по 70 коп. за пуд. Странно, что при этом он сделал ошибку с перевозкой сих рельс прямым водным путем с Урала в Томск. Когда я поинтересовался: какими же это реками, то он заявил, что всегда путает Томск с Омском, и что (рельсы) перевозятся лишь до Омска.

Сейчас сидел у меня Н. В. Муравьев. Очень встревожен и огорчен травлею против него в печати («Петерб. Ведомости»). По поводу самоубийства в Кубанской области Золотовой появилась статья Андроникова, взывающая к правосудию. По словам Муравьева, через Белова (компаньон Хлопова Андронников доставил письмо государю с обвинением Муравьева и судебного ведомства. Интереснее всего то, что Муравьев уверен, что и в этом деле действует рука Витте.

25 января.

Государь до докладе моем о большом числе испрашиваемых изъятий из установленных правил о браках офицеров и о том, что новые правила, затруднявшие браки, очень несочувственно приняты в армии, за исключением старшего начальственного персонала, который высказался за них, и, наконец, о мнении моем о необходимости вновь пересмотреть эти правила с целью смягчения их—согласился с этим мнением. Равно государь одобрил мнение, чтобы изъятия из правил делались по возможности старшими начальниками частей, а не доводились бы до государя.

28 января.

Докладывал государю о полученном донесении нашего военного агента в Сербии о том, что Германия заключила военную конвенцию с Турцией. Приказал сообщить это мин. иностр. дел. Тот же агент доносил, что, в случае движения Болгарии в Македонию, Сербия готовится действовать против Болгарии вместе с Турциею.

Сегодня государь утвердил мой доклад об эвакуации только Мукденской и Южной части Гиринской провинции и главное утвердил, чтобы наши войска оставались неопределенное время в северной части Гиринской и Цицикарской провинций.

1 февраля.

Много говорил с государем о флоте нашем, о необходимости не ослаблять наши сухопутные силы, ассигнуя много на флот. Говорил, что самое важное иметь сильный флот в Балтийском море, что Тихоокеанская эскадра тоже может находиться, за исключением части судов, укрытых в устроенной Порт-Артурской бухте, в Балтийском море, что мы от Японии отстоимся и с сухопутными силами, и чем дальше на материк по Маньчжурии заберется к нам Япония, тем поражение ее будет решительнее. Что Порт-Артур уже в сем году будет приведен в такое оборонительное состояние, что будет в силах выдержать осаду $1^1/_2$ года. Что пока собирается наша сухоп(утная) рать, может прибыть на Дальний Восток и наш флот из Балтийского моря.

Судьбы России зависят от успехов на сухом пути. Государь приказал все потребные по сухопутному и морскому ведомству кредиты рассмотреть в совещании трех министров: морского, сухопутного и финансов.

2 февраля.

Сегодня обедал у гр. Ламсдорфа по случаю приезда в Петербург нового посла Бомпара. Сидел рядом с баронессою Буксгевден, муж которой состоит при дворе вел. кн. Александры Иосифовны. Очень интересный вели разговор о вел. князе Константине Константиновиче. Проведя часть жизни при этом дворе, эта дама, указывая,

что она искренно любит Кон. Кон., высказала следующие мысли, которые общи в так называемом высшем, близком к государю, обществе.

Не следует великим князьям давать ответственные назначения, ибо они к таковым своею жизнью и воспитанием не подготовлены.

Они будут путать, ибо настоящий труд им не знаком. Все им давалось легко. Ко всему привыкли относиться поверхностно.

На них легко влиять, поэтому они лишены должной самостоятельности.

Им трудно сделать большое дело потому, что они принадлежат к вырождающейся расе, не допуская свежих соков со стороны. Что вел. кн. Кон. Кон. образован, развит художественно, но все это носит болезненный характер. Что он очень самолюбив. Что доброта его вредна. Что он самолюбием своим считает знать всех кадет по фамилиям и не знает своих офицеров.

Что с ним многое можно сделать, но ласкою, отнюдь не грубостью.

Утром в манеже Витте говорил, что у государя наступило охлаждение к вел. кн. Александру Михайловичу. Что он начинает избегать его. Что начинает понимать вред его фантазии. Что он, Витте, ежедневно находится в борьбе с Алек. Михайловичем. Он уже потребовал присоединения к его свеже испеченному министерству всего департамента торговли и мануфактур. Аппетиты огромные, а знаний никаких. Что надо быть осторожным. Что этот князь может пагубно повлиять на судьбы России.

3 февраля.

В государственном совете ко мне сегодня подсел Витте и говорил, что государю известно, лучше чем Сольскому и Лобко, истинное финансовое положение России. Что он, возвратившись с Дальнего Востока, докладывал подробно государю свои расчеты и государь с карандашем в руках делал записи. Что государь поэтому знает, что он, Витте, может уделить на следующее пятилетие для сухоп. армии и для флота. Ранее после панихиды по Розинге я говорил с Тыртовым относительно порядка рассмотрения наших финансовых требований совместно с Витте. Тыртов сказал, что их расчеты еще не готовы. Что данная ему программа (государем) по судостроению на 20 лет громадна и невыполнима. Что требуется по 85 милл. руб. в год. на судостроение, а всего 1.800[1]) миллионов руб. в 20 лет. Что он, Тыртов, признает необходимым уменьшить ее. Что если им оставят и впредь по 41 милл. руб. на судостроение и сделают прибавку на увеличение дороговизны к их бюджету, возросшему до 115 милл. руб. в год, то это будет довольно.

4 февраля.

Сегодня я получил огромной важности рескрипт государя императора, которым он указывает, что в случае столкновения России с европ(ейскими) державами примет на себя верховное главнокоман-

---

[1]) 1,700 (?) *Прим. ред.*

дование всеми армиями, а главнокомандующим армиями юго-западного фронта, сосредоточиваемыми для борьбы с Австро-Венгриею, предполагает назначить меня. Поэтому предлагает ныне же приготовиться к выполнению задач, изложенных в ранее полученных мною руководящих указаниях, ознакомиться со всеми мерами, принятыми для достижения поставленных (IV, V и III) армиям целей, и принять участие в разработке дальнейших к войне мероприятий.

Эта воля мне, как я писал ранее, была передана (мне) государем еще в Ливадии. Я наметил себе в начальники штаба армии Сухомлинова, интендантом—Тевяшова; нач-ом артиллерии ген.-л. Ник. Иудовича Иванова, нач-ом инженеров Величко. Силы хорошие и надежные. Бог нам в помощь.

11 февраля.

Государь утвердил сегодня новый закон, по которому за шпионство в высшей мере положено наказание: смертная казнь. Результат—дело Гримма.

12 февраля.

Вчера под председательством Плеве несколько министров, в том числе и я, рассматривали проект Балинского и Вернера покрыть Петербург электрическими трамваями и построить внеуличную дорогу (метрополитэн), соединяющую Финляндский и Николаевский вокзалы. Кроме Витте, все мы дружно проваливали это иностранное (американское) предприятие, в котором обходились и нарушались права народа. Ходили слухи о сильных взятках.

16 февраля.

Вчера докладывал государю полученную им расшифрованную депешу адмирала Алексеева. В ней он указывает на недостаточную обеспеченность Порт-Артура в случае очищения нами Мукденской провинции и просит находящиеся в сей провинции войска не уводить в Приамурский край, а подчинить ему, Алексееву, с переводом в Порт-Артур и на Квантун. В то же время Алексеев просит оставить в Маньчжурии против Корейской границы Читинский каз. полк, дабы наблюдать за границею. Государь, несколько стесняясь, объяснял мне происхождение этой депеши. Он и сам слышал от Алексеева о необходимости усиления квантунских войск ранее. Посылая по Корейским делам Безобразова в Порт-Артур, государь послал с ним письмо к Алексееву по вопросу об эвакуации Маньчжурии, и теперь Алексеев присылает ответ. Я доложил государю свои соображения, что, уступая свободу действий Японии в Корее, мы уже не можем ожидать разрыва с Японией; что, имея сильный флот и желая еще усилить его, мы тоже уменьшаем опасность для Порт-Артура. Наконец, что в случае нужды мы успеем подвезти подкрепления, что оставление в Квантуне еще других частей увеличит расходы и болезненность [1]). Потребуется увеличить и крепостные за-

[1]) Так в оригинале. *Прим. ред.*

пасы. Теперь их на $1^1/_2$ года. На это государь с большим основанием возразил мне, что какая польза в этих запасах, если японцы быстро обложат и отрежут Порт-Артур от Приамурья при недостаточном гарнизоне. Что, усилив гарнизон, он хотя и менее будет обеспечен запасами, напр., на 6 месяцев, но будет в силах дать отпор.

Действительно, линия укрепления—с сухого пути 18 верст—чрезмерно велика для 10 батальонов, кои мы имеем для защиты их. Поэтому я охотно пошел навстречу просьбе Алексеева и доложил государю о том, чтобы в состав квантунских войск прибавить: 5 или 15 Вост. Сиб. стрелковые полки, 1 Читинский каз. полк и 2 Забайк. конную батарею (из них 1 бат-он, 2 сотни стоят в Шанхайгуане и Пекине). Одновременно государь одобрил развертывание двух батарей Порт-Артурского крепостного полка в 4-х-батальонный.

Тогда же государь говорил мне, что признает положение на Дальнем Востоке тревожным не столько из-за японцев, сколько из розни, которая существует на месте между представителями военного и финансового ведомств. Что он полностью присоединяется к военному ведомству. Государь несколько раз повторил о необходимости мне ехать возможно безотлагательно на Дальний Восток. Государь прибавил, что у него идет переписка с Безобразовым по особому шифру.

Сегодня в манеже Витте, к моему удивлению, хорошо был осведомлен о переписке между Безобразовым, Алексеевым и государем. Витте знает, что Безобразов его ругает, и очень огорчен, что государь более доверяет Безобразову, чем ему, Витте. Так, по его словам, государь до сих пор 6 месяцев не возвращает ему его доклада по его поездке на Дальний Восток. Витте удивляется и огорчается, что государь, по его словам, непременно «против кого-нибудь интригует, привлекая в свои помощники разных Хлоповых, Мещерских, Безобразовых». Так Витте говорил, что государь держит у себя постановление государственного совета относительно уничтожения круговой поруки и других мер по облегчению крестьянского населения уже год времени только потому, что Мещерский написал об опасности сих мер.

Я Витте объяснял, что государь держит у себя эти доклады только потому, что у него у самого нет ясной уверенности в полезности сих мер, а письмо Мещерского только подкрепило его сомнение.

Я говорил Витте, что у нашего государя грандиозные в голове планы: взять для России Маньчжурию, итти к присоединению к России Кореи. Мечтает под свою державу взять и Тибет. Хочет взять Персию, захватить не только Босфор, но и Дарданеллы. Что мы, министры, по местным обстоятельствам задерживаем государя в осуществлении его мечтаний, но все разочаровываем; он все же думает, что он прав, что лучше нас понимает вопросы славы и пользы России.

Поэтому каждый Безобразов, который поет в унисон, кажется государю более правильно понимающим его замыслы, чем мы, министры.

Поэтому государь и хитрит с нами, но что он быстро крепнет опытностью и разумом и, по моему мнению, несмотря на врожденную недоверчивость в характере, скоро сбросит с себя подпорки вроде Хлопова, Мещерского и Безобразова, и будет прямо и твердо ставить нам свое мнение и свою волю.

Витте сказал мне, что он вполне присоединяется к моему диагнозу, но что настоящее тяжело, что ему ближе видно, куда тянут государя эти темные личности, и он хорошо может считать те огромные суммы денег, которые уходят зря на нелепые предприятия из казенного сундука.

17 февраля.

Вчера сидел у Плеве. Обсуждали, кого наметить для выбора государем в Киев, если сохранится гражданское и военное управление в одних руках. Плеве согласился с моими кандидатами: Алексей Игнатьев, Сахаров. Предпочитает последнего. Пузыревскому не доверяет. Сухомлинова очень одобряет.

Рассказал, что 20 слишком лет тому назад в этой самой комнате происходил при нем опрос офицера Рыкачева [1]) (повешенный потом). Был заговор 60 офицеров. Показали, что было подготовлено ими восстание в Петербурге или убийство царской семьи. В случае восстания намечали предложить главноначальствование Драгомирову [2]). Начальником его штаба просить Сухомлинова (правителя дел канцелярии. Драгомиров тогда стоял во главе акад. ген. штаба). На вопрос, почему делается такой выбор, Рыкачев показал, что по складу идей и высказываемых мыслей Драгомиров кажется им человеком подходящим. Когда доложили Александру III об этом, он только развел руками.

Тут же Плеве рассказал об огромной популярности в то время Нечаева, сидевшего в Петропавл(овской) крепости. Все было подготовлено, чтобы освободить его. Подкупленные жандармы и сторожа были готовы доставить Нечаева, куда указали бы революционеры. Хотели подъехать на лодке самым смелым образом.

Наконец, Плеве рассказал, что в это время Потапов начал уже быть не в своем уме. Он однажды вошел к Нечаеву в камеру и получил от него пощечину. Что же он сделал? Упал на колени перед Нечаевым и благодарил за науку... Такой факт приподнял Нечаева на огромную высоту [3]).

---

[1]) Повидимому, речь идет о Рогачеве. *Прим. ред.*

[2]) Ср. «К характеристике общественных настроений в начале 80-х годов» С. А. Иванова—«Былое» сентябрь 1907 г., стр. 199, и «Революционеры во флоте»—Е. Серебрякова—«Былое» 1907 г., апрель, стр. 198—199. (Есть отдельное издание в серии Историко-Революционной Библиотеки, изд. Петроградского отделения Госиздата). *Прим. ред.*

[3]) Ср. «Материалы для биографии Нечаева» в № 1 «Вестника Народной Воли» 1883 г. и «С. Г. Нечаев в Алексеевском равелине в 1873—1883 г.г.»—«Былое» 1906 г. июль, стр. 152. *Прим. ред.*

19 февраля.

Вчера $2^1/_2$ часа сидел у меня Витте. Главным образом его тревожили дела на восточно-кит. Маньчжурской железной дороге. Читал мне депеши Безобразова и Покотилова, из которых было видно, как юлит там адм. Алексеев.

Затем по общим вопросам Витте горячо защищал свою промышленную политику после моего упрека, что за развитием промышленности мы запустили дело подъема земледельческого населения. Он указывал, что промышленное развитие России, двинутое им вперед, только помогло сельскому хозяйству, но признал, что, будь он министром земледелия, он сделал бы многое. Повторил то, что говорил мне в Париже, а именно, что ранее всего надо мужика обратить в человека, надо определить его права, надо оградить его от произвола разных видов. Что эти вопросы были им подняты, но заглохли; что теперь он устал, хочет уходить, и ему браться за них нельзя. Другие не могут.

Признал, что миллиард, израсходованный на восток, ослабил Европейскую Россию, но не убежден, что было бы лучше, если бы мы его не израсходовали. Признал, что мы 450 милл. израсходовали через дворянский банк и этим ко вреду для дела подняли цены на землю. Признал, что железнодорожное хозяйство идет очень плохо. Что Хилков справиться не может. Признал, что нам надо продолжать строить железные дороги, противно с выраженным мнением по сему вопросу государя. Что дороги строятся на займы. Наконец, горячо продолжал отстаивать пользу привлечения в Россию иностранных капиталов. Что иностранцы у нас только разорились, но оживление внесли.

3 марта.

Вчера сидел у меня, по поручению государя, адмирал Абаза. Передал желание государя:

1) Чтобы я вызвал в Петербург г.-м. Вогака, который предназначается для лесного дела на Ялу.

2) Чтобы я доложил государю о возможности усилить «рабочую артель» на Ялу с 300 на 600 нижних чинов. Иметь их в китайском платье и безоружными, а оружие везти за ними на повозках. Они будут рубить лес, а когда понадобится, то и сражаться. Я ответил Абазе, что мне ничего не известно о существовании рабочей артели из нижних чинов в 300 человек, но что если бы спросили моего мнения, то, конечно, я противился бы такому составу артели. Что буду противиться и теперь. То, что предлагает там на месте Безобразов, то опасно во всех отношениях, ибо может вызвать осложнения с Кореею и Японией и даже в пределах Маньчжурии наши нижние чины могут быть перебиты хунхузами или они могут отбить обоз с оружием. На это Абаза ответил мне, что год тому назад государю было доложено им, Абазою, мое мнение о возможности подкрепить из расположенных в Маньчжурии войск наше предприятие на правом берегу Ялу, если бы понадобилась защита против хунхузов, батальоном. Что теперь эти 600 человек и составят этот батальон. Пришлось разъяснять разницу между

тем, что было год тому назад и теперь, когда мы согласились очистить Южную Маньчжурию к 26 марта. Разница в батальоне, двинутом на Ялу для известной военной или даже политической цели, и между готовящимся маскарадом.

Я дал совет Абазе противиться фантазиям Безобразова, скорее вызвать его. Указал, что он принял неподобающую ему роль. Разъезжает со свитою чинов всех ведомств, действует от имени государя и упраздняет распоряжения всех министров и не считается с китайским правительством. Хлестаков Гоголя—щенок и мальчишка с этим новым Хлестаковым начала XX столетия. Несомненно, что власть на месте подорвана, сказал я Абазе, и что предприятие на Ялу, которое могло бы стать государственно важным предприятием, этим вредным фантазером делается как бы личным предприятием государя, идущим в разрез с мероприятиями и приказаниями государя, отдаваемыми им своим министрам. Я прибавил Абазе, что Алексеев на месте юлит и играет двойную игру.

Дабы выйти из сего положения, я предложил Абазе составить рабочую артель из запасных нижних чинов, предложил дать им оружие и патроны. Предложил поддерживать действия этой артели, если понадобится, разъездами наших казаков, пока читинцы будут стоять в Фын-Хуан-Чене.

Витте, Ламсдорф и я с тревогою следим за действиями Безобразова и в особенности тревожимся личною перепискою государя с этим фантазером и авантюристом.

5 марта.

Вчера доложил государю свои сомнения относительно действий Безобразова в Маньчжурии и особенно по отношению к предположениям употреблять наши войска в «артели рабочих», переодетыми и с ружьями в повозках. Абаза уже передал государю мой разговор с ним, и государь был подготовлен. Наш представитель в Сеуле тоже указывал на необходимость ограничиться в артели только нижними чинами запаса и то в возможно малом числе. Гр. Ламсдорф не понял положения и в письме ко мне написал мнение, «что артель может быть составлена из воинских чинов». Государь признал, что Безобразов увлекается, и сказал мне, что уже решил отозвать его. Относительно артели государь согласился с невозможностью иметь там чинов действительной службы и разрешил телеграфировать адм. Алексееву, чтобы «артель» была образована только из вольнонаемных чинов запаса. При этом государь согласился и с моим мнением, чтобы запасные рабочей артели всегда имели оружие при себе. Оружие, берданковские ружья, я указал, что будет выдано из склада в Порт-Артуре.

Государь приказал вызвать Вогака, на которого и предположено возложить общее руководство лесным делом. Наконец, государь сказал дорогие слова, что «надо возможно менее увлекаться лесным делом на Ялу». Повидимому, на государя повлияла и депеша к Витте, доложенная мною государю, в которой представитель в Порт-Артуре по финансовой части, по поручению адм. Алексеева, доносит, что адмирал весьма тревожится затеями Безобразова.

Вчера утром скоропостижно скончался управл. морским министерством Павел Петрович Тыртов. Все жалеют покойного и в тревоге: кто заменит его. Вел. князь Алексей говорил мне вчера со слезами на глазах, как ему тяжела потеря, что еще вечером в понедельник он был вместе с Тыртовым на сообщении Кладо, и покойный был весел и бодр. Кажется, болезнь—грудная жаба. Склероз давно делал большие успехи в организме покойного. Несомненно, что это был чистый человек и хороший моряк. Но трудное дело, ему порученное, он вести с успехом не мог. Не был в достаточной степени авторитетен, чтобы противиться фантазиям в. кн. Александра Михайловича и равнодушному, чтобы не сказать циничному, отношению к делу в. к. Алексея Александровича. Очень упорно говорят включительно до государственного контролера о колоссальных злоупотреблениях во флоте. Преемником Тыртову чаще других называют адмирала Алексеева.

Вчера вечером у меня собрались в первый раз: Сухомлинов, Соболев, Протопопов, Гершельман, Маврин, Жилинский для выслушания моих указаний в качестве будущего, в случае войны, главнокомандующего о задачах III, IV и V армиям.

На основании полученных мною директив я обязан представить государю общий по всем армиям план для действий. Ранее сего требуется, чтобы мне представлены были планы действий частных армий. Еще раз на заседании подтвердилась наша неготовность к наступлению. Ни по одной из армий соображений о наступлении не составлено. Но и по обороне лучше других армий обставлена только IV армия, но и в ней позиции наши у Ровно, Луцка и Дубно скорее только обозначены, чем укреплены. Надо усиленно будет поработать. В III армии в оборонительном отношении ничего не сделано, а между тем на эту армию могут обрушиться очень большие силы австрийцев и вынудить III армию к отступлению к Бресту. Вероятно, ввиду возможного быстрого прорыва германцев через Нарев, наступление придется вести к Влодаве и далее правым берегом Буга. Между тем местность по правому берегу Буга не подготовлена к действиям больших масс (пути, мосты), не обеспечена также возможность отступления для III армии к Пинску, что может представиться необходимым.

На маневре сего года, с соизволения государя, я намереваюсь командовать армиею, собранною у Холма, которая для проверки наших предположений и будет отступать к Влодаве и далее на правый берег р. Буга.

В V армии никаких предположений об оборонительных действиях не сделано, но и предположение о вторжении в пределы Галиции не разработано. Бессарабский корпус тоже не обеспечен подготовкою необходимых для его действий соображений.

При разработке плана наступления в пределы Австрии надо брать два предположения: 1) главные силы австрийцев сосредоточены против III армии, 2) главные их силы сосредоточены против IV армии.

В первом случае важно скорейшее дружное наступление IV и V армий, разбитие поставленных противу них австрийских сил, овладение Львовом и дальнейшее быстрое наступление, с выставлением только заслона к стороне Перемышля во фланг армиям австрийцев, действующих против III армии.

В этих случаях особенно надо опасаться отдельных неудач IV или V армий и отдельного разбития III армии. Поэтому ни одной из этих армий не следует принимать решительного боя против превосходных сил противника.

На пути к Львову австрийцы могут занять и сильно укрепить позицию на линии: Злочев, Буск, Каменка—против IV армии. Атака этой позиции только с фронта IV армиею может кончиться неудачею. Надо выждать приближение V армии и атаковать с фронта и во фланг. Одна угроза обхода этой позиции может заставить ее покинуть. Наиболее трудный бой будет под Львовом. Пока укрепления слабы, экспланады большой нет. Местность и леса допускают успешные действия. Масса мертвых пространств. При полном знании местности можно действовать уверенно. Цитадель довольно сильна. Потери будут в(есьма) велики даже при победе, но, разбив австрийские войска и овладев Львовом, мы делаем огромный шаг к успеху всей кампании. Надо принести жертвы, но уже теперь тщательно изучать все данные, кои могут уменьшить потери.

С разгромом первых австрийских корпусов, надо надеяться на оставление рядов австрийских войск массою славян. Надо умело воспользоваться первым же успехом и иметь людей, подготовленных еще в мирное время, дабы войти в быстрое сношение с потрясенными и колеблющимися еще элементами, дабы отторгнуть их из рядов австрийской армии. Операции между нашею границею и Львовом надо обдумать со всех сторон. Надо организовать подвоз всех запасов. Надо передвинуть к Львову осадный парк очень быстро. Надо затем, если Львов будет нами взят, организовать переход до Львова нашею колеею железной дороги, а далее—австрийскою. Надо организовать охрану тыла и охрану со стороны Карпат. Надо организовать охрану со стороны действий румыно-австрийской армии. При дальнейшем движении от Львова навстречу главным австрийским силам движение будет затруднено: 1) крепостью Перемышлем, 2) фланговым положением Карпат с их проходами. Марш выйдет как бы фланговым по отношению к Карпатам. Требуется очень тщательное изучение этой сложной обстановки, дабы избежать в возможной степени роковых случайностей. Подвоз запасов будет затруднителен и при всем том требуется возможная быстрота действий. Успех этих действий не может быть обеспечен в достаточной степени, если ко времени появления IV и V армий в районе к западу от Львова — Ковель попадет в руки австрийцев.

Соображение о переходе в наступление III армии тоже требуют подробной разработки.

Нельзя слишком фантазировать. Но мы должны ставить себя в возможно неблагоприятные для нас положения и рассматривать их.

№ 17.

С 7 марта 1903 г. по 19 августа 1903 г.

8 марта.

Сегодня докладывал государю о поездке моей на Дальний Восток. Представил два маршрута: один только по железным дорогам, другой— с возвращением из Порт-Артура во Владивосток через Японию. Государь пожелал, чтобы о поездке через Японию я переговорил с гр. Ламсдорфом. Сказал при этом, что он воспротивился подобной поездке Витте: «Витте,—сказал государь,—человек очень даровитый, но увлекающийся».

Относительно проекта Балинского облагодетельствовать Петербург, государь сказал мне, что до него дошло известие, что полковник Веретенников, служащий в думе (инженер) проваливал этот проект потому, что ему не дали крупной взятки. Между тем в городе именно говорили, что Балинский, желавший нажить 60—70 миллионов, не стеснялся давать взятки за поддержку своего проекта. Государь прибавил, что Веретенникова надо остерегаться.

16 марта.

Время бежит необычайно быстро. Уже 4 недели поста кончилось. За эти дни выяснилась моя поездка на Дальний Восток (15 апреля выезд). Выяснилось, что вследствие разных сложных причин поездка эта в(есьма) желательная для государя, желательна и его министрам Витте и гр. Ламсдорфу. Кроме того, посланник Японии в Петербурге Курино получил приказание от своего правительства пригласить меня в Японию, дабы успокоить возникшее там движение против России. Безобразовщина с Безобразовым во главе дошла в это время до своего апогея. Адм. Алексеев телеграфировал мне, что он и не думал разрешать 300 нижних чинов в «рабочую артель», предприятия на Ялу. Что он разрешил нанять лишь 40 человек запасных. Безобразов, телеграфируя Абаза, что у него уже есть 300 нижних чинов и требуется еще 300, все врал. Третьего дня у меня снова сидел Абаза и сообщил совершенно диковинную новость: Безобразов решился обойтись без нижних чинов и нанял в свою артель «хунхузов».

Абаза считает это решение в(есьма) удачным. Неделю тому назад государь передал мне для доклада ему записку Безобразова, носящую название: «Расценка положений», и приказал доложить по ней. Какой сумбур. Набор разных слов из курса стратегии и придуманных лич-

но: операционная база, коммуникационные и операционные пути, стратегические авангарды и проч.

В результате признается необходимым усилить наши войска на Дальнем Востоке еще 35.000 человек. Затем полагается необходимым наши силы расположить в предвидении войны с Японией так: 25.000 на Квантуне, 5.000 конных стрелков с горными орудиями в Северной Корее, «стратегический авангард» в Гирине и главные силы в Харбине. Разбросав так наши силы, выражается надежда, что наш 5.000 отряд в Корее будет так искусно действовать, что «нравственно» размотает японцев еще до начала военных действий.

В результате всех деяний Безобразова явились на Дальнем Востоке две политики—«императорская» и «безобразовская». Очевидно, японцы тревожатся, китайцы тоже и готовят протест.

17 марта.

Продолжение.

Вчера мин. юст. Муравьев говорил мне, что он имел продолжительный разговор с государем о манифесте 26 февраля. Что государь показал ему полученное от Победоносцева письмо, в котором сообщалось мнение синода и Победоносцева, что в храмах манифест *прочитан быть не может*. Государь этим очень озабочен и не знал, что делать, ибо и отменять манифест не приходится. По словам Муравьева, он посоветовал государю не настаивать на прочтении манифеста в церквах, но читать его там, где это можно будет по распоряжению местных властей. Государь сказал при этом, что Победоносцев сердится на него, ибо манифест написан без его участия. Муравьев, по его словам, воспользовался этим заявлением, чтобы указать государю опасность действий по указаниям внештатных советников. Государь ответил, что понимает, на кого намекает (Мещерского). Затем Муравьев сказал мне, что манифест составлял Мещерский; что он затем был несколько [1]) Плеве (который тоже был устранен от сего дела) и что манифест кажется носился Мещерским на просмотр к Витте.

Сегодня мне минуло 55 лет.

20 марта.

Вчера сидел 2 часа у С. Ю. Витте. Усиленно боролись за прибавку к предельному бюджету. Я сбавил до 160 милл. рублей. Повидимому, Витте согласен дать 130 милл, кроме прибавки на перевооружение артиллерии 2-й очереди, для чего придется прибавить еще 64 милл. Основною цифрою на 1904 год будет принято 309 милл. руб., к которой придется сделать некоторые прибавки.

Это все нам недостаточно, но справиться необходимо. Витте просил высказать государю трудность положения и попытаться добиться обещания: а) не развивать флот, 2) приостановить расходы на Дальний Восток.

---

[1]) Вероятно, в ориг. опущено слово: «переделан». *Прим. ред.*

Витте рассказал, что государь перестал относиться к нему хорошо с тех пор, как гр. Муравьев переслал государю перлюстрованную депешу Радолина Вильгельму, в которой Витте высказал свое мнение о захвате Вильгельмом Киао-Чжоу и нашим государем Порт-Артура в таких выражениях, что это детская игра, которая будет иметь, однако, роковые последствия.

Ламсдорф, вступив в министерство, выдал своего бывшего начальника, сообщив Витте об этом факте.

Витте говорил мне, кроме того, что теперь безобразовцы собираются основать одно общество для утилизации богатств Маньчжурии: привлечь туда американские и французские капиталы. Государь сочувствует. У Вонлярлярского ежедневно собираются Абаза и другие. Витте считает, что все это кончится крупным мошенничеством. Лярский, по его словам, умнее и плутоватее других. Что в результате Маньчжурия будет передана в руки иностранцев.

——

22 марта.

Вчера с Витте докладывали по вопросу о прибавке к предельному бюджету. Толковали мирно. Дружно убеждали государя в необходимости приостановить расходы на флот и на Дальний Восток. Государь выразил волю свою не расходовать ежегодно на судостроение более 12 милл. руб. в год, т.-е. в размерах отпуска на сей год. Государь прибавил, что покойный Тыртов признавал это ассигнование вполне достаточным. Равно государь согласился и с необходимостью умерить расходы по Дальнему Востоку. При этих условиях государь утвердил добавок к предельному бюджету в 130 милл. руб. на пятилетие 1904—1908 годов и, кроме того, 105 милл. руб. на тот же период на перевооружение артиллерии (в среду государь утвердил новый образец орудия). Основною цифрою, с которою мы перейдем на 1904 год, признано считать *309 милл. руб.* в год. К ней и прибавляется ежегодно по 26 милл. руб., +2,15 милл. руб.

——

22 марта.

Сегодня государь пригласил меня с собой в Москву. Собираясь на Дальний Восток, поеду в Москву в среду на Святой. Возвращусь в воскресенье утром, а во вторник на Фоминой выеду на Дальний Восток.

24 марта.

В субботу, вечером, получил письмо от Голицына (Кавказского), в котором он просил представить государю прошение его об увольнении от службы.

Утром вчера поехал к нему.

Выяснилось, что причиною служит распоряжение Витте своим подчиненным доставить различные сведения по земской страже. Разобрав дело, увидел, что Витте был неправ. Требовал, напр., чтобы ему разные податные инспектора дали оценку чинов пограничной стражи с нравственной стороны.

Виделся затем с Витте, нашел с его стороны полную готовность уладить это дело миролюбиво, выразить сожаление и успокоить на будущее. Государь вчера прислал мне записку, в которой приказал возвратить отставку Голицыну и вызвать его в Царское сегодня.

28 марта.

В среду, 26 марта, было совещание у государя, на котором присутствовали: вел. князь Алексей Александрович, Витте, Плеве, Ламсдорф и я. Предметом обсуждения было лесное дело на Ялу. Повидимому, государь сознал опасность действий г.г. Безобразовых в этом деле; сознал, что бряцание оружием и полное игнорирование всех властей и всех русских заявлений, проявленные Безобразовым, только вредят делу и могут вызвать осложнения с Японией. Государь просил высказаться всех с полною откровенностью.

Дружнее других проваливали безобразовские затеи Витте и я. Помог и Ламсдорф. Суждения записаны в записной книжке № 21.

Государь согласился, чтобы придать делу частный характер, с поддержкой правительства, но без участия военной силы сухопутной и морской.

Несколько раз государь соглашался, что надо избегать повода к ссоре с Японией, что война с нею совершенно нежелательна. Выразил согласие и на то, чтобы предприятия на Ялу были в высшем ведении адмирала Алексеева. Витте добился своего: ему будет поручено в Пекине через своих агентов добиться получения концессии в Маньчжурии на левом берегу Ялу. Вел. кн. Алексей Александрович высказывался определенно, чтобы это было частное общество, без участия пехотных и морских сил, но с поддержкою, особенно денежною, правительства.

1 апреля.

Сегодня сидел у Плеве. Уезжая на Фоминой неделе на Дальний Восток на $2^1/_2$ месяца, хотел узнать виды министерства внутр. дел на спокойствие внутри России. Плеве сказал мне, что он надеется на спокойствие внутри России, но что его тревожит Ростов и Кубанская область. Кроме того, он считает нужным поспешить с сформированием конной полиции в Уральском районе из льготных казаков, о чем мы с ним говорили 2—3 месяца тому назад, и просит моего содействия. Затем Плеве по поводу большого числа убитых и раненых в недавнем беспорядке в Златоусте выразил желание, чтобы войска при подавлении беспорядков имели пули не столь убийственные, как ныне. Я отказался от этого, прося лучше принять меры к успокоению населения, дабы не портить войска, заставляя их стрелять в безоружную толпу. Относительно Дальнего Востока Плеве сделал два заявления: о необходимости усилить колонизацию и о проложении дорог, с чем связан и успех колонизации.

На-днях совещались с вел. кн. Ник(олаем) Ник(олаевичем) относительно его предположений по главнокомандованию германским фронтом. Он придает с основанием большое значение гродненскому району и просил об усиленном укреплении Гродны. Вместе с сим ему представляется необходимость войска плацдарма обобщить в особую группу войск, независимую от команд. войсками II-й армии. Мысль заслуживает внимания. Я высказал мнение, что с увеличением нашей боевой готовности следует VI-ю армию из Вильны передвинуть в Гродно. Тогда за относительно коротким и сильно укрепленным фронтом мы будем иметь три армии: II-ю у Ломжи, I-ю у Белостока, VI-ю у Гродно. Кроме того, я сделал предложение, принятое великим князем, переместить осадный полк из Двинска в Гродно.

10 апреля. Москва.

Сегодня приехал утром в Москву. В 11 часов был принят сперва государынею, потом государем с продолжительным докладом.

Государыня была в хорошем настроении. Много говорила про Москву, про то хорошее чувство, которое она и государь ощущают в Москве. Что они тут чувствуют себя «совсем иначе, чем в Петербурге». Говорили про особую умилительную торжественность церковных служб на Страстной неделе. Расспрашивал об моем сыне. Спрашивал о случае столкновения в Кронштадте пьяных матросов с нижними чинами Каспийского полка. Были выстрелы, и 10 человек матросов ранены.

Государь встретил меня очень приветливо. Похристосовался. Тоже рассказывал про хорошую встречу в Москве. Говорил, что он тут отдыхает. (Гулял по балкону. Сада нет). Доклад начался с моей поездки на Дальний Восток. Утвердил мои предположения и прибавил свои указания. Все записано в книжке № 21. Продиктовал, что я должен буду сказать японскому императору. Спросил, был ли у меня «этот» Безобразов. Ответил: нет не был. Вероятно,—прибавил я,—у него нечиста совесть, ибо он совершенно пренебрег моими советами. Государь твердо повторил, что лесное дело на Ялу быть должно частным делом и вестись под общим присмотром адм. Алексеева. Утверждая проект сформирования Заамурской железнодорожной бригады, государь очень сочувственно отнесся к моему заявлению, что это будет первый шаг, дабы и всю пограничную стражу Заамурского округа обратить в общего характера военную силу и подчинить ее военному министерству. Государь с живостью ответил: «Буду ждать по возвращении вашем доклада по сему важному вопросу». Я добавил, что Витте быстро готовится к мысли, что этим должно кончиться. Затем государь прибавил, что я должен ознакомиться с вопросом о заселении полосы железной дороги русским элементом.

Относительно Японии государь сказал мне с насмешкою, что я в императоре увижу довольно странную и неприятную фигуру, с которою можно будет говорить только с переводчиком. Костюм увижу странный, и странные будут жесты. Государь сделал при этом довольно презрительную гримасу.

Уполномочил меня изгладить следы деятельности Безобразова. Так разрешил, переговорив с Алексеевым, отвести назад казачий полк из Фын-Хуан-Чена (против Корейской границы). Равно разрешил Мадритова заменить другим лицом. Я говорил государю, что, и уничтожая следы Безобразова, надо исполнить это с осторожностью и постепенностью.

Государь рассказал мне, что недавно у нас в Персии было затруднение по займу, которое чуть не стоило места первому министру Персии Садри-Азаму. Что Витте очень большую проявлял резкость в этом деле. Что надо было помочь, что теперь и исполнено.

Я указал, что Власов очень хороший знаток Персии, но болен манией величия, и что его, по словам Коссаговского, там не любят. Государь говорил с уважением о Лессаре: что он прислушивается к его отзывам о Китае.

Государь спрашивал: видел ли я Драгомирова. Ответил: да. Ну, что же он? Ответил: огорчен несколько, что его не упрашивали остаться. Государь рассказал, что Драгомиров, желая провести на свое место своего кандидата, очень чернил Пузыревского.

Я испросил у государя соизволения, дабы на маневрах в варшавском округе южною армиею командовал Пузыревский.

На вокзале меня, по обыкновению, встретил г.-м. Трепов. Когда мы остались одни, он мне таинственно передал, что вел. кн. Сергей Александрович очень был бы счастлив получить звание шефа 5 Киевского грен. полка. Я об этом желании передал государю, который, улыбаясь, сказал мне, что ему из того же источника и о том же говорил и Плеве. Государь согласился.

Завтракал у Юсуповых. Как всегда, Зинаида Николаевна была очаровательна. Для меня находиться в ее обществе—истинное наслаждение и притом без всякой примеси каких-либо греховных помыслов. По мере знакомства все больше нравится мне и муж ее. Дети же давно нравятся. Старший—проще. После завтрака хозяевам сообщили по телефону, что к ним между 4 и 5 пожалуют государь с государынею пить чай.

Обедал за гофмаршальским столом. Вечером смотрели все новый балет в декадентском вкусе «Эсмеральда». Шумно, дико. После второй картины уехал. Между завтраком и обедом провел в Московском отделении архива главного штаба в Лефортовском дворце. Все еще очень запущено. Со стороны смотрителя архива не вижу сознательного отношения к относительной важности различных отделов архива. Надо начать приводить в порядок дела, имеющие отношение к военным походам России. Приказал начать с дел войны 77—78 годов, которые хранятся в довольно растрепанном виде. Надо также отдать архиву особый корпус, принадлежащий ко дворцу, но занятый инженерною дистанциею.

14 апреля. Петербург.

11 апреля был в Москве смотр войск. Прошел хорошо, но заезды начальствующих лиц перед государем снова вызвали неудовольствие

нашего столь снисходительного государя. Докладывал 12(-го) о мерах, кои надлежит принять, дабы выучить начальствующих лиц ездить верхом и делать заезды.

11-го же смотрел Третьяковскую галлерею. Опечалился увидеть, что пополнение галлереи делается путем покупки декадентских изделий. Сам директор галлереи—художник и декадент. Испортит галлерею.

Перед отъездом сидел у меня час времени В. К. Плеве. Говорили о беспорядках в Кишиневе и Кронштадте. Как и от государя, я услышал от Плеве, что евреев следовало проучить, что они зазнались и в революционном движении идут впереди.

Говорил Плеве о необходимости приобресть доверие лучшей части населения, успокоить эти лучшие силы, привлечь их к борьбе вместе с правительством против революционных элементов. Говорил о необходимости не налагать рук на наше самоуправление в земстве, в городах. Плеве возражал, что он и не думает итти путем ретроградным. Что путь ему представляется ясным. Что прежде всего надо приподнять значение церкви. Вернуть церковному влиянию население. Увеличить значение прихода. Затем надо приподнять достаток сельского населения. Если эти цели будут достигнуты, то он надеется остановить поток недовольства, протеста и даже открытой борьбы.

12-го государь принял меня последний раз перед отъездом на Дальний Восток. Очень тепло простился. Поцеловал. Просил поласковей передать поклон и привет войскам. Приказал «поласковее погладить по голове Алексеева». Все записано в книжке № 21.

Вчера, 13 апреля, имели совещание из министров иностранных дел, финансов, меня, Лессара, Оболенского по вопросу об эвакуации Маньчжурии. В сущности и Витте и Ламсдорф, наконец, приняли мое требование не выводить из Северной Маньчжурии 9 бат-ов пехоты с соответствующим числом частей других родов оружия. Мы их оставляем: два бат-на в Харбине, два в Цицикаре и Фулярди, два в Нингуте и по дороге, 1 бат-он в Хайларе, 1 бат-он в Хунгчуне и 1 бат-он по Сунгари и по тракту Цицикар—Благовещенск.

После этого совещания вели переговоры о моей поездке с Витте. Очень предупредителен. Просит подробно вникнуть во все его предприятия. Осмотреть подробно железную дорогу. Вникнуть в решение основного вопроса: возвратить ли Владивостоку и Приамурскому краю порто-франко или закрыть границу и для этого района установить покровительственную систему. Теперь все жалуются на уничтожение порто-франко. Но если восстановить порто-франко, то хлеб дешевый китайский хлынет и утопит наше земледелие.

Витте первый раз признал, что настоящим портом для южной ветви железной дороги будет не Дальний, а Инкоу.

Перед отъездом в Москву меня посетил князь Мещерский. Эта старая умная лисица очень нежно пела о своей ко мне привязанности, как к воину, об огорчении его, что он слышит, что я его браню. Далее он говорил, что и он смотрит на многие вопросы, как и я, и не жалкий ретроград, а лишь представитель принципа сильной власти. В конце концов, попросил оказать ему содействие в распространении в войсках издаваемой им вновь по указанию государя газеты для народа.

24 июля.

Более недели тому назад приехал в Петербург, и все не могу притти в себя от изумления от всего, что слышу кругом.

Главною темою все же служит Безобразов. Витте говорил мне, что Мещерский написал государю очень хорошее письмо, в котором предупреждал государя, что составился заговор против государя и его министров, и что во главе заговора стоит Николай Александрович, а далее следуют Безобразовы, Абазы, Лярские и т. п. Он же писал письмо государю в защиту военного министра, в котором писал, что Куропаткин в России один и что нельзя с ним так поступать, как поступили по совету Безобразова, задержав в Японии, чтобы дать время Безобразову приехать ранее меня в Порт-Артур к Алексееву. Витте говорил, что раскрылось, что Безобразов ходил к Витте и ругал меня и Ламсдорфа, и обратно, но, что хуже, говорил Ламсдорфу, что его ругает Витте, а Витте говорил, что его ругает Ламсдорф. На мне он тоже, что называется, вешал собак. Хвалился, что это он дал идею государю послать две бригады в Забайкалье и что это он указал источник для покрытия этих расходов—сокращение больших маневров в варшавском военном округе. Он же хвалился, что находит бесполезным строить Принаревскую железную дорогу. Ему же было разрешено получить в гл. штабе и в гл. управлениях самые секретные материалы. Он же у ген. Жилинского, который его товарищ по кавалергардскому полку, говорил: «Сахаров еще на хорошем счету у государя, но он может сильно испортить себе, если не отнесется должным образом к предприятию на Ялу». Он же говорил Жилинскому, что озабочен назначением начальника штаба к адм. Алексееву. Что Флуг молод. Когда же Жилинский указал ему на Вогака, то Безобразов ответил, что Вогак ему нужен здесь.

Сегодня обедал у Витте вместе с Н. В. Муравьевым. Оба они смотрят с тревогою на настоящее положение дел. Говорят, что теперь хуже, чем было при Сипягине, что этот хотя был убежден в пригодности того, что им проводилось в жизнь. Теперь же Плеве действует без убеждений, политическими мерами. Что будут серьезные беспорядки, что много прольется крови, что войска будут развращаться. Что надо скорей убирать таких деятелей, как кн. Голицын (на Кавказе). На мой вопрос: «Чего же они хотят?», Муравьев ответил, что общее недовольство настоящим режимом охватило все слои общества. Что так долго длиться не может.

Сегодня в Красном сидел за завтраком против государя. Его величество был очень добр ко мне и много расспрашивал про Японию. Сегодня отправил государю свою записку по Дальнему Востоку с разбором безобразовских фантазий и с разбором знаменитого «заслона» на Ялу. Написана сильно.

1 августа.

Вчера в канцелярию военного министра, во время приема представлявшихся, ко мне приехал С. Ю. Витте, возбужденный, и привез номер «Правительственного Вестника», в котором неожиданно для всех министров, кроме Плеве и, думаю, кроме самого Витте, был напечатан указ о наместнике на Дальнем Востоке. Читали вместе и многое было нам непонятно. В особенности тяжело мне было прочесть, что, несмотря на мнение г. а. Алексеева, переданное мною государю, о том, что Алексеев просит не вверять ему Приамурский край, таковой был ему вручен в главное управление с изъятием всей гражданской части из ведения министерств. Прежде всего исполнение указа ныне же и мне и Витте представлялось мало выполнимым, ибо у Алексеева нет ныне органов и лиц, которые могли бы помочь ему вступление в должность наместника не по существу, а по форме [1]).

В указе значилось, что Алексееву вверяется командование войсками в Приам. крае, кроме Квантуна. Такое решение государь принял, не выслушав моего мнения, поэтому я высказал Витте мнение, что мне снова придется поставить вопрос о доверии и, вероятно, оставить пост военного министра, ибо в таковом решении государя я усматриваю недоверие к себе, а без доверия управлять с успехом военным министерством нельзя.

В тот же день я был у Плеве (мы ранее условились видеться в этот день) и, конечно, говорили об указе. Плеве успокаивает меня и говорит, что и он узнал об указе всего за два дня до его обнародования, при чем ему даже приходилось испрашивать указание государя: кто должен контр-ассигнировать указ? Плеве мне рассказал следующее: черта недоверия к министрам и издание важных актов без их посредства обща всем государям, начиная с Александра I. Эта черта находится в связи с основным принципом самодержавия [2]). Самодержцы по наружности выслушивают своих министров, наружно соглашаются с ними, но почти всегда люди со стороны находят легкий доступ в их сердца или вселяют государям недоверие к своим министрам, представляя их покусителями на самодержавные права. Отсюда двойственность действий. Даже такой сильный характер, какой был у императора Александра III, не был чужд сему образу действий. После трагической кончины императора Александра II, имп. Александр III еще находился в расположении либеральном. Уже при нем было образовано особое совещание под председательством вел. кн. Владимира Александровича в сущности по вопросу о конституции. Главными руководителями были:

[1]) Так в ориг. *Прим. ред.*

[2]) Плеве выразился так: «Уступают внешним образом министрам, а на стороне ищут союзников в защиту самодержавия».

гр. Милютин—разум и вдохновитель; Абаза—авторитетный сотрудник Милютина и Лорис-Меликов—исполнитель. Когда заседание было в полном ходу, в залу заседания вошел министр юстиции Набоков и заявил о неожиданно для всех изданном государем манифесте о закреплении самодержавия. Все были поражены. Абаза и Лорис-Меликов приготовили прошение об отставке, но Милютин отказался подавать в отставку, указав, что он не должен протестовать в такой форме, и что необходимо, чтобы государь имел время приискать ему преемника. Плеве с полным основанием указал мне на пример Милютина для подражания. Мне, конечно, не надо было это и указывать, так я был далек от мысли своим протестом давать дурной пример чинам армии. Но если доверие ко мне утрачено, то, очевидно, и сам государь не признает нужным и полезным держать меня на посту военного министра.

Плеве дополнил свой рассказ указанием, что манифест Александра III был написан Победоносцевым, что ранее государь вызывал Каткова, беседовал с ним.

Мы вспоминали и Сперанского, но все же Сперанский и Победоносцев—не Безобразов.

4 августа.

Императорский поезд близь Пскова.

Записываю ниже мой разговор с государем 2 августа, наскоро записанный мною карандашем в записную книжку № 22.

Во время доклада я испросил некоторые указания относительно военной части указа о наместничестве и увидел, что его величество иначе понимает указ, чем то изложено в тексте его. Так, в приказе значится, что только гражданские дела исключаются из ведения министерств, а его величеству представляется, что это касается и дел военных. Когда я высказал свои сомнения о возможности для Алексеева приступить к исполнению новых его обязанностей, государь приказал приготовить особый приказ по военному ведомству о подчинении Алексееву войск приамурского в. округа, указав при этом, что военный округ сохранится и что будет отдан приказ и по морскому ведомству. Я просил государя и получил согласие государя предварительно запросить мнение Алексеева, чтобы он сам выяснил, как полагает установить он подчиненность себе лиц и управлений приамурского в. округа (вчера уже и отправлена об этом Алексееву депеша).

Затем я спросил государя: известно ли было Алексееву предварительно содержание указа? И как отнесся он к подчинению ему и приамурского ген.-губернаторства и военного округа. Что я спрашивал это ввиду того, что Алексеев поручил мне передать его величеству свое твердое мнение о невозможности для него справиться с этим делом, если ему поручат и Приамур. ген.-губернаторство. Что я опасаюсь, как бы государь, не найдя подтверждения моих слов в самом Алексееве, не усомнился в правильности моего заявления. Государь на первый вопрос не ответил, а на последующие ответил, что мнение Алексеева о том, что он не справится с Приамурским краем, известно ему и из других

источников, но что он не придал этому мнению значения, относя такой взгляд к излишней скромности Алексеева.

Тогда я перешел к самой щекотливой части моего доклада. Я высказал государю, что никто из его подданных даже думать не должен проникнуть в помыслы государя при свершении им тех или других деяний. Государи ответственны в своих путях, избранных ими для блага народа, только перед богом и историею. Что поэтому я даже, будучи противником подчинения Приамурского края Алексееву, вовсе не имею претензии полагать, что мое мнение правильно. Поэтому я преклонился бы перед каждым решением государя и приложил бы все силы к наилучшему выполнению его. Но, будучи поставлен доверием государя во главе важного министерства, я по закону несу ответственность за правильное течение дел в министерстве. Имея доверие государя, мне можно справиться с тяжелыми лежащими на мне обязанностями, но если доверие будет утрачено, если кругом увидят, что доверия этого нет более, то меня начнут третировать, обходить родственники государя, командующие войсками, другие министры, и успешное выполнение обязанностей министра станет невозможным. Как военный министр, я имею право надеяться, что ранее, чем будет изменен порядок подчиненности целой окраины, будет выслушано мое мнение. Что, повторяю, я не надеюсь, чтобы это мнение было принято, но надо было его спросить, ибо именно то, что это мнение не было спрошено, и составляет доказательство недоверия к своему министру, только что возвратившемуся из Дальнего Востока, где он изучал этот вопрос, узнавал мнение лиц, к сему делу причастных. Государь ответил, что он мое мнение уже слышал, когда я делал ему первый доклад, возвратившись из поездки, передавая мнение о Приамурском крае Алексеева, что он уже $1^1/_2$ года тому назад решил этот вопрос, что он совещался с Алексеем Александровичем.

Далее я попросил государя высказать ему откровенно те причины, которые делают отправление моих обязанностей затруднительным и вообще вносят в ведение дел по военному министерству смуту. Я рассказал государю, как Безобразов вмешивается в дела военного министерства, самые секретные, как он в Порт-Артуре и здесь в главном штабе говорит о наших приготовлениях на западной границе, как заявлял Сахарову о необходимости нам сократить свои требования по западу; что, например, постройка укреплений по Нареву излишня; что проводить Принаревские дороги не следует. В Порт-Артуре он говорил мне, что «мы не будем собирать войск за Наревом». Величайшие тайны выносятся на улицу (Сахарову Безобразов сказал, что ему об этих вопросах передал Витте). Я говорил государю, что Безобразов хвалился, что это он посоветовал государю отменить затеянные Куропаткиным маневры в варшавском военном округе, и на кредиты, для сего назначенные, посоветовал послать в Забайкалье две бригады из Европейской России. Что, действительно, это решение состоялось без всякого участия ген. Сахарова, оставшегося за военного министра. Что Безобразов говорил ген. Жилинскому в главном штабе: передайте Сахарову, что государь к нему еще благоволит, государь об

нем еще хорошего мнения, но если он пойдет по стопам Куропаткина в деле об Ялу, то все это переменится. Безобразов говорил в главном штабе, что он против моей поездки в Японию; что я, грубый солдат, могу все там напортить. Через несколько дней он говорил, что Ламсдорф настаивает на этой поездке, и государь тоже желает этого. Тогда Безобразов предложил приготовить мне няньку в виде Вогака. Я снова повторил государю, как был задержан в Японии, дабы не прибыть в Порт-Артур ранее 17-го июня. Как Абаза бегал в главный штаб справляться, когда я приеду в Порт-Артур, и как он был рад, узнав, что я приеду 17. «Слава богу,—сказал он,—мы не хотели пускать Куропаткина к Алексееву ранее, чем к нему приедет Безобразов». На все это государь несколько раз с негодованием отзывался: «неужели они это позволили себе» и «это для меня новости».

Я в почтительных выражениях доложил, в какое тягостное состояние я попал, приехав с Дальнего Востока; что все выражают мне какие-то сожаления, выражают чувства сочувствия, которые просто обидны. Я напомнил государю, что ранее чем попасть в министры, я уже сделал себе имя известного всей России, имя храброго, честного, преданного своему государю солдата, что это доброе имя составляет все мое достояние, которое я могу передать своему сыну, что я обязан защищать это достояние. Ныне на меня смотрят и спрашивают: что же снесу я все эти унижения, и буду цепляться за министерский пост, за казенную квартиру и проч.; или скажу правду своему государю, скажу, какую смуту вносят Безобразовы в жизнь, как подрывают власть; и буду просить государя, если ко мне нет более доверия, то уволить меня от занимаемой должности, заменив лицом, которое будет пользоваться этим доверием. Что без колебания я избираю второй путь и верноподданнически свидетельствую, что Безобразов вреден, что то, что он делает со мной,—пустяки и на это не стоит обращать внимания сравнительно с общим вредом от его деятельности. Что он образовал какой-то «черный кабинет»; что даже высокопоставленные люди идут к нему тайком со своими наветами; что он заявляет и дает доказательства своего всесилия, что не знают, кого слушаться, где власть; что все это пагубно влияет на авторитет власти, подрывает его; что недоверие к министрам государя становится известною данною и обсуждается публикою [1]). Я вспомнил государю день, когда я был избран государем в министры. Я тогда сказал его величеству: «Великую новость говорите мне, ваше величество. Великое доверие мне оказываете, но я не чувствую *в своем сердце радости*. Этой радости я не чувствовал, ваше величество, в течение тяжелых $5^1/_2$ лет, что я министром. Это был непрерывный, тяжелый, нервный труд. Не было своей жизни. Кроме тяжкой работы по должности, много сил уходило на борьбу с великими князьями, с министрами. Одна борьба из-за добывания денежных средств чего мне стоила». Государь утвердительно кивнул головой и

---

[1]) Можно бы было прибавить, что в революционных листках, распространяемых в народе, тоже все бранят министров и внушают к ним недоверие. Невольно тем же занимается и Безобразов.

сказал: «Да, это я знаю».—«Но,—продолжал я,—этот каторжный труд выносился мною легко, когда я видел к себе ваше доверие. Я чувствовал тогда, что я нужен вам, нужен России. Но если бы нужда во мне почему-либо прекратилась, то оставить должность министра составит облегчение для меня, и я с радостью буду приветствовать этот день». Государь прерывает меня и говорит, что ему некем меня заменить, и повторяет эту фразу в течение разговора три раза. Затем он прибавляет: «Как же это так? Уже на покой». Я отвечаю, что покоя не будет; что высоким доверием государя я предназначен им в случае войны быть главнокомандующим армиями южного фронта, что если эти обязанности государь сохранит за мной и после ухода из министров, дела будет много и без должности министра. Что я буду иметь время вполне подготовиться к тяжелой, выпадающей на меня, роли, и, имея небольшой штат, буду работать теоретически и практически, буду объезжать войска армий, кои будут подчинены мне в военное время. Я прибавил, что, вероятно, государь будет призывать меня и к другим делам; что, напр., буду участвовать и в комитете по делам Дальнего Востока и что доверие ко мне государя только возрастет, когда я перестану быть министром. Государь остановил меня и сказал: «Знаете ведь, как то ни странно, а это, быть может, психологически верно». Этим государь как бы подтвердил свое принципиальное недоверие к министрам. Государь снова повторил, что ему некем меня заменить, но затем сказал: «Конечно, о назначении в государственный совет нечего и говорить, но у меня другая мысль: не примете ли вы должность командующего войсками киевского военного округа. Вы так любите войско и строевую службу». Я ответил, что счастлив буду служить на каждом посту, который назначит мне государь, но если спросить моего откровенного мнения, то это назначение составит для меня: «из попов да в дьяконы». «Почему?—спросил государь,—разве командующие войсками в округах не стоят наравне с военным министром?» Я разъяснил государю существенную разницу и даже неопределенность указаний в законе. Указал, что военный министр имеет власть над всеми округами ту же, что каждый командующий войсками имеет у себя; что военный министр есть прямой начальник всех управлений и учреждений; что командующие войсками сносятся с ним рапортами, «представляют», «доносят». Что, напр., если государь изберет вместо меня Сахарова, то я ему обязан буду писать рапорты. Что мне труднее будет влиять на подготовку к войне войск одесского и московского округов, чем если я останусь в Петербурге независимый от должности командующего войсками, что ныне с этою должностью связано и генерал-губернаторство, а мне придется быть только командующим войсками. Государь возразил: «Я раскаиваюсь, что вверил эту должность Драгомирову».

Я закончил просьбою не принять мой разговор как протест, что я более всего боюсь быть обвиненным в протесте против решений [1]) своего государя, что поэтому прошу уволить меня в двухмесячный отпуск, а затем государю видно будет, что со мной сделать. Что, быть

[1]) Дурной пример другим.

может, его величеству угодно будет, чтобы я провел план мероприятий на следующее пятилетие. Государь ответил: «Это очень важное дело». Спросил, куда поеду в отпуск. Ответил: «Преимущественно, в Финляндию!»—«Вы не боитесь жить там?»—«Нет, ваше величество, я боюсь бога и вас и больше никого. Я верю в бога и убийц не боюсь».—«Ловить рыбу? Я слышал, что выезжаете ловить рыбу в бурю»... Надо прибавить, что среди разговора, когда я говорил о Безобразове, то испросил у государя разрешение вытребовать у Безобразова все полученные им секретные у нас материалы и сделать распоряжение, чтобы таких материалов ни ему, ни лицам, при нем состоящим, не выдавалось.

Говоря о трудности министерского служения, я заметил, что год работы отнимает два года жизни. Государь твердо сказал, что во всяком случае он сохранит за мною главнокомандование войсками в военное время.

Сегодня прошел первый день пребывания государя на маневрах под Псковом. Шел все время дождь, и путаницы в войсках было много. Особенно напутала гвард. стрелковая бригада и 22 див. Афанасовича. Завтракали в поезде, сидел рядом с государынею. Говорили много по-русски. Государь был оживлен.

Обедало всего 10 человек. Из нашего поезда были приглашены только Фредерикс, Гессе и я. Кроме того, дежурный адъютант Долгоруков. Были приглашены *Пендзек*, начальник штаба французской армии, и Сахаров. Менее оживленно, чем за завтраком, но тоже весьма просто и мило. Государь и государыня очаровательны. Кроме них, пока из царской семьи только Ольга Александровна. Она прелестна, но много мальчишеского. Фрейлина одна—Оленина. Все в поезде живут *мирно*.

5 августа.

Сегодня день прошел без осмотра маневров войск, кои заслуживали бы внимание государя. Все утро оставались в поезде. Государь принял меня с докладом и дал $2^1/_2$ часа времени. Успел окончить свой доклад по командировке на Дальний Восток. Делал доклад по пограничной страже, по железной дороге в техническом и экономическом отношениях, по Приамурскому краю. Государь сочувственно отнесся к моему заявлению, что новые предприятия на Дальнем Востоке еще более обездолили Приамурский край. Согласился и с мнением, что нам придется продолжить дорогу от Сретенска до Хабаровска. Затем после завтрака ездили осматривать Псково-Печерский монастырь. Много старины времен Иоанна Грозного. Там он приказал отрубить голову настоятелю за переписку с Курбским, и в тот же день, раскаявшись, нес покойника во главе всех хоронить, а монастырь одарил.

За обедом и за завтраком сидел рядом с государынею, а ее величество много говорила со мною по-французски и по-русски.

Все идет сильный дождь.

Маневры идут вяло. Задача составлена Васмундом умело и интересно, но исполнители: Мейендорф и Чекмарев (головной корпус Каханова) действуют слабо, ибо не понимают обстановки. Конница своего дела не делает. Отдельные стычки пехотных частей вчера, на глазах у начальника штаба французской армии, были неестественны и беспорядочны.

6 августа.

День вышел удачный по погоде. Небо прояснилось. Парад относительно удался, если не считать, что преображенцы прошли слабо, хуже всех. Лучше других прошел Новороссийский пехотный полк 3 кавалерийской дивизии, тоже праздновавший свой полковой праздник.

Государь все же отметил в приказе, что все части на параде представились в блестящем виде. Завтрак был предложен от двора 300 офицерам. Государь произнес обычные тосты. После завтрака все вернулись в поезд, и около 4-х часов пополудни гуляли в сосновом лесу.

Обед в очень тесном кругу прошел оживленно. Государь вспоминал сочинение Золя «Bête humaine» и «Le Débacle». Особенно его поразили сцены Седанской катастрофы. После обеда вышли на платформу и, по шаловливому почину Ольги Александровны, катались с лестницы на подносе: сама Ольга Александровна, Струков, Гессе. Затем стали кататься с песчаной насыпи. Скатился и государь. Много все смеялись. Государь очень ловко прыгал с вершины откоса на скат. Далее всех прыгнул флиг.-ад. Нарышкин. Он прыгнул и с перил. Ольга Александровна резвилась, как прелестный мальчик, и заражала всех своею веселостью. Государь мило и любовно шутил с нею.

Государыня, оставаясь у лестницы, много смеялась. Но вот она захотела перелезть через перилы, запнулась и упала навзничь. Она тотчас поднялась, сказала, что не ушиблась, но раза два подносила руку к голове. Когда все разошлись, Гирш был потребован к государыне.

Струков 64 лет удивил всех своею ловкостью.

8 августа.

Вчера и сегодня много ездили верхом. Вчера должны были видеть, как Мейендорф, пользуясь превосходством в силах, разобьет Каханова по частям. Этого не вышло. Каханов успел притянуть к себе 20 корпус, которым наступал на гвардию, и 1 корпусом атаковал сводную дивизию 18 корп. Мейендорф, непонятным образом, направил 24 пех. дивизию правым берегом Великой. Все пехотные части двух армий бродили впотьмах, так мало было при них оставлено корпусной конницы. В то же время конница двух сторон в составе 12 полков составила, по обыкновению, конное, довольно беспорядочное ристалище. Воспользовался этим случаем, чтобы еще раз доложить государю об увлечении с нашей стороны стратегическою (армейскою) конницею. Докладывал свое мнение, что прежде всего надо обеспечивать корпуса пехоты корпусной конницей по расчету 6 эск. или сотен на арм. корпус

и уже, что останется, давать в армейскую конницу, а не (на)оборот. Дальнюю разведку мы выучились делать, а ближнюю не умеем и не учимся.

Странное тоже было распоряжение о спешном отступлении гвард. корпуса, когда показались только еще передовые части 20 корпуса. Вместо того, чтобы напротив держаться, чтобы облегчить положение Курта, гвардия, не принимая боя, отступила и оставила свои позиции перед Псковом противнику.

Государыня плохо спала ночь и на маневры не ездила. Ольга Александровна и Мария Павловна ездили верхом и очень хорошо.

Сегодня был «генеральный бой». Дабы он мог состояться впереди Пскова, на правом берегу р. Великой, 20 корпус отодвинули назад, а гвардии дали занять выбранную ею ранее позицию.

Тактические действия двух сторон не были поучительны. Особенно ошибочно было приказывать переходить в наступление с горы Преображенского полка [1]), когда противник был еще в 800 шагах. Противнику (6 полков 45 и 29 дивизии), вместо движения навстречу, следовало бы остановиться и открыть огонь. Государь выразил желание в этот день особенно хорошо осмотреть 20 корпус. Но, вместо сего, слишком много времени уделил на объезд гвардии. Окончив объезд войск по фронту, государь повернул к резервам, где стояла и кавалерия. Когда я заметил Гессе, что мы удаляемся от 20 корпуса, который государь хотел особо подробно видеть, Гессе заметил: «Мы едем к кавалерии, чтобы увидеть улан. В этом все дело». И так и в других делах. Государыня в этот день ездила в коляске. 20 корпус в этот день мы видели очень мало, но со всеми гвардейскими полками государь поздоровался.

10 августа.

Вчера был обычный доклад. Спросил: утвердил ли государь журнал совещания трех министров, Ламсдорфа, Витте и меня по делам Дальнего Востока, на основании совещаний в Порт-Артуре. Государь ответил уклончиво, что он не дочитал еще последних четырех страниц. Это совещание (второе уже) было у нас 1 августа, и государь выразил желание, чтобы был приглашен и Безобразов: «пусть,—сказал государь Ламсдорфу,—останется при особом мнении».

Безобразов ответил на приглашение условно, указав, что в этот день он ожидает быть принятым у государя. Государь мне говорил, что действительно (в 6 часов вечера) Безобразов был принят. Мы же заседали до первого часу ночи. Поэтому Безобразов мог явиться на заседание хотя в 9 или 10 час. вечера. Но он не явился, и уже выпустил жалобу, что его не пригласили. Надо это рассеять.

В докладе моем наибольшее упоминание заслуживает дело о политически неблагополучном элементе в армии. К нам поступают привлеченные к ответственности. Когда о них дела оканчиваются, то некоторые исключаются из рядов армии, а некоторые арестуются. Из нижних чинов, совершивших преступление до поступления в армию, было в 1898 году—8 чел., 1899—15, 1900—30, 1901—25, 1902—40, в 1903 по

[1]) Так в ориг. *Прим. ред.*

1 июля—73. Офицеров—8 за 5 лет. Меры принять надо сериозные, но я снова государю докладывал, что, без оздоровления всей народной массы, зараза в армии будет проникать все более и более.

Ездили сегодня в собор, монастырь, Поганкины палаты. Были на «чае» у дворян. Обедали с французскою миссиею, Пендзеком и двумя его адъютантами. Государь и государыня были к ним очень любезны и, после обеда, на платформе говорили с каждым. Ольга Александровна была тоже приглашена занимать их, но скоро отказалась. Подошла ко мне и откровенно говорила, что это очень скучно, и что она этого делать не умеет. Жаловалась, что забыла французский язык.

Сегодня был общий парад. Прошел прекрасно. Погода благоприятствовала. Все войска имели в. свежий и бодрый вид. Лошади в отличных телах. 20 корпус представился оч. хорошо. Лучше других на мой взгляд прошли полки 37 п. дивизии. Два дня под ряд государь с офицерами завтракает в поле. При проводах офицеров несколько сот офицеров, так теснятся к государю с криками «ура» и с желанием поднять на «ура»,что я и Фредерикс с трудом два дня сдерживали эту толпу. Надо принять меры.

Вчера на докладе, как вывод из маневров, я доложил государю после обзора действий двух сторон, что маневр задуман был прекрасно, интересно в высшей степени, но что начальники сторон требовались выдающиеся.

Стратегически Каханов действовал очень хорошо. Мейендорф очень плохо. Тактически и тот и другой действовали слабо, в особенности, благодаря отсутствию корпусной конницы.

Сейчас пил чай с царской семьею. Государь был очень в духе. Много говорил. Смеялись много тому, что Гессе упал в толпе. Ольга Александровна рассказывала, что какой-то офицер взял ее руку и ею толкал офицеров. Государыня, с которою я сидел рядом, много говорила со мной о предстоящих маневрах в варшавском в. округе. Я ей напомнил, как 5 лет тому назад перед отъездом с государем, по случаю смерти бабушки его, государыня говорила мне о необходимости нам спешить с перевооружением артиллерии.

За завтраком в царском шатре я сидел рядом с Ольгою Александровною. Говорили о том, что она собирается делать. Она сказала: «Я поеду в эту несчастную Данию». Когда я ей шутя заметил, что она высказывает мне доверие, высказывая такую смелую мысль, она мне ответила, я не скрываю, что не люблю Данию. Тут же она поставила в Преображенском полку и в жизни для себя первым номером брата и только вторым мужа, и когда я заметил, что обыкновенно бывает обратно, она мне мило ответила: «я своего брата знаю раньше и полюбила раньше».

За чаем Ольга Александровна довольно больно укусила государя своими белыми зубами за руку, Государь вскрикнул и дал ей хорошаго пинка, но сделал это в высшей степени любовно. Любовно смотрит на Ольгу Александровну и государыня.

12 августа.

Сейчас ушел гр. Ламсдорф. Передал, что государь в отмену своего решения, дабы ранее утверждения журнала трех министров (Ламсдорфа, Витте и меня) по Маньчжурским и Корейским делам запросить заключение наместника (что и было сделано), ныне приказал телеграфировать Алексееву, что он утверждает наше предположение по Маньчжурскому вопросу и будет ждать заключения Алексеева лишь по Корейскому. Главным образом государь держится за Ялу и не хочет соглашаться, чтобы это предприятие стало совершенно частным.

Относительно указа о наместничестве Ламсдорф рассказал интересную новость. Государь и мне говорил, что относительно издания указа он советовался с Алексеем Александровичем. На-днях Авелан был у Ламсдорфа и рассказал, что, зайдя 2 августа к великому князю, он застал его в необычайном виде. Великий князь с недовольным видом сидел за письменным столом и что-то писал. Он встретил Авелана словами: «Сегодня я не могу дать вам много времени для доклада. Государь прислал мне на просмотр вот этот проект указа о наместничестве, и я сижу за этим делом». Авелан, к великому удивлению великого князя, ответил: «Напрасно трудитесь, ваше высочество, указ уже опубликован несколько дней тому назад». Удивление вел. князя было великое...

Ламсдорф тоже передал мне, что в дипломатических кругах (узнано, вероятно, путем перлюстрации или дешифрирования депеши) полагают, что Витте соединился с Безобразовым. Ламсдорф этому не верит.

Государь обещал мне сегодня, поддержать меня завтра в совещании, под его председательством, о постройке с будущего года Бобр-Наревской железной дороги до Остроленки.

Он, выслушав мой доклад о предположенном сосредоточении I и II армии по мысли Николая Николаевича (вел. кн.), ныне государем утвержденном, и бывшем проекте сосредоточения, выразился, что он сам давно разделял те мысли, которые были выражены вел. кн. Ник. Ник. Я указал при этом, что оставление без обороны (или при очень слабой обороне) реки Нарева между Зегржем и Остроленкою тяжко отразится на положении III армии, ибо тыл ее и особенно правый фланг будут угрожаемы германскими войсками по прорыве ими линии Нарева, что поэтому надо принять все меры, дабы положение армии не стало критическим. Надо ей облегчить возможность уйти за Буг; выражает [1]) при этом значение Влодавы. В числе мер к более упорному отстаиванию линии Бобра и Нарева я отношу и прокладку вдоль этих рек линии железных дорог. Но что временно ограничиваю свои требования проведением дороги по Нареву только от Визовны до Остроленки.

Государь одобрил эти соображения и выразился, что он особенно внимательно к ним отнесся и потому, что я докладываю ему это дело не только как военный министр, но и как главнокомандующий южным фронтом.

---

[1]) Так в оригинале. *Прим. ред.*

18 августа.

Вчера С. Ю. Витте, когда я навестил его, рассказал мне следующее: в пятницу 15 августа государь назначил ему доклад в 2 часа пополудни, и накануне запискою поручил привезти с собою Плеске. Витте, ничего не предполагал особенного и в течение двух часов докладывал государю такие мероприятия, кои касались более будущего, чем настоящего. Когда доклад уже оканчивался, государь неожиданно обратился к Витте со словами:—«у меня к вам, Сергей Юльевич, есть просьба: я хочу вас просить принять пост председателя комитета министров». Витте сидел молча и, вероятно, на лице его выразилось что-либо, ибо государь проговорил: «Я вижу вы, Сергей Юльевич, недовольны. Но ведь это важнейший в государстве пост». По словам Витте, он ответил, что если государь ему прикажет быть дворником при его доме, то и тогда он употребит все силы, дабы с успехом выполнить возложенную на него задачу, но если государю угодно знать личное мнение Витте, то он затрудняется говорить его без разрешения на то государя.—«Говорите, говорите»,—сказал государь. «Тогда, ваше величество, я бы просил совсем уволить меня от всех должностей» [1]). Государь удивился. «Зачем это вам?» Витте объяснил, что до призыва на государственную службу он получал на частной службе до 60.000 руб. в год. Никогда ранее и тем более теперь казна не могла его так обеспечить. Поэтому он и просит вернуть его в первобытное состояние.

Затем государь успокаивал Витте и говорил: «Вы видите, я вам назначаю преемником Плеске, которого вы сами мне намечали. Каждый в этом увидит, что доверие мое к вам продолжается». Далее государь обратился к Витте с предложением помочь расчленить министерство финансов, дабы Плеске было легче справиться с этим и сам указал на восточно-кит. железную дорогу, на железнодорожный департамент, на учебные заведения, пограничную стражу. По словам Витте, он ответил государю, что не видит в этом расчленении пользы, ибо люди, стоящие во главе министерства, куда попадут железнодорожные дела, как Хилков, еще хуже справятся с ними. Что то же и в школьном деле после Боголепова ничего не достигли. Стража и так подчинена теперь Алексееву.

Затем вошел Плеске, и государь объявил ему об его новом назначении.

Жена Витте, Матильда Ивановна, не была так сдержанна. Она со слезами говорила: «Разве можно так поступать с министром, работавшим 11 лет? Так не поступают с лакеями. И тех предупреждают об увольнении. Мы только что сдали в наем свой дом, который готовили для себя. Мы уже послали вперед в Сочи прислугу». Далее она говорила, что на посту министра они прожили те сбереженья, которые отложены были за время частной службы Витте.

---

[1]) Витте прибавил, что Петербург ему ничего не дает, что жена и дочери его в «остракизме».

19 августа.

(Вагон на ходу к Либаве).

Сегодня имел продолжительный разговор с государем.

Я докладывал, что с ростом нашей армии увеличивается число командных инстанций. Прежде были только корпуса. Теперь корпуса и округа, но уже и этого оказывается мало. Государь на военное время уже наметил двух главнокомандующих фронтами, которые каждый в военное время будут командовать войсками нескольких округов. Что не следует ли и в мирное время тех из командующих войсками, кои предназначаются главноком. на военное время, уже в мирное время назначать главнокомандующими. Им можно прибавить к существующему лишь самый незначительный штат, как кадр будущего штаба главнокомандующего. Выгода будет та, что главнокомандующий явится более самостоятельным в военной иерархии лицом. Он не будет иметь даже условного подчинения военному министру и получит право непосредственного сношения с государем. На это его величество ответил: «конечно, и чем чаще, тем лучше». Я продолжал, что при таком решении главн(окомандующему) легче будет исполнить задачу по подготовке к войне вверяемых ему армий, и соседние командующие войсками легче перенесут как бы вмешательство в их работу мирного времени. Государь одобрил мысль и высказал, что он твердо остановился как на главнокомандующих на мне и на Ник(олае) Ник(олаевиче) и надеется, что нас на его век хватит. Что доверие к нам в этой роли—полное.

Прочитав тогда письмо ко мне ген. Сухомлинова, которого я приглашал в сентябре на время отпуска поработать со мной по главнокомандованию и в котором Сухомлинов ждал Пузыревского, как командующего войсками, и просил убрать его из Киева, я доложил государю, что в варшавском военном округе через несколько дней ему придется окончательно решить вопрос о назначении лица на место Драгомирова. Что, вспоминая мысль государя послать меня в киевский военный округ ком. войсками, я верноподд. докладываю: если уже государю угодно будет заменить меня на министерском посту другим лицом, то не следует ли меня послать в Киев с титулом главнокомандующего с назначением при этом членом госуд. совета. Государь спросил: «а под вами будут ли еще командующие войсками?».—«Нет, в. в., не будут. Лишь помощник получит титул помощника главнокомандующего и придется прибавить несколько человек для кадра штаба главнокомандующего». Государь выразил тогда сожаление, что он уже обещал пост командующего войсками киевского военного округа Пузыревскому и говорил об этом Черткову, но что, «конечно, если будете вы назначены в Киев, то Пузыревскому обижаться не придется», прибавил государь. Сказал, что ему надо подумать над этою комбинациею. Затем государь спросил:—«И это вас удовлетворяет?» Я тогда взял смелость сказать, что все в руках государя, если он пожелает, чтобы я стал простым часовым у дома его, то я стану и буду твердо стоять, не пожалев себя, а если придется, то и умру на этом

посту. Поэтому, если государь признает, что я еще нужен на министерском посту, то, как ни труден этот пост, я не пожалею сил, чтобы исполнить должность министра с успехом, но что надо доверие государя. И в Киеве, хотя размер, масштаб работы будет много менее, но и там я буду полезен. Займусь этим фронтом крепко; силы у меня еще довольно и государь будет спокоен за этот важный фронт, где я буду часовым. Государь прерывает меня и говорит: «Конечно, конечно, я буду спокоен, а сил у вас много. Стоит посмотреть на ваши плечи». «Поэтому говорил я то, что вы государь признаете за лучшее для использования моих сил, то и будет принято мною со смирением». Государь спросил: почему же вы теперь говорите это? Я ответил, что говорю на тот случай, если мой уход из министерства уже решен государем. Зная, что меня будет не легко заменить, я и позволяю себе предлагать комбинацию с моим назначением в Киев.—«Да,—сказал государь,—вас будет трудно заменить». Я позволил тогда назвать кандидатов: Сахаров, Сухомлинов. Государь ответил: «Сахаров хороший начальник главного штаба, но в военные министры не годится. Кстати,—сказал государь,—мне снова приходит в голову мысль: не следует ли разделить военное министерство, как предлагал Обручев, на две части?» Я докладывал вред такого деления и, повидимому, еще раз убедил его повременить с этим вопросом. Я направил мысль государя на другое важное дело: на развитие совещаний по стратегическим вопросам под его председательством, подобно бывшему в прошлом году. Государь придал сему большое значение и высказал желание, чтобы заседания эти были периодически повторяемы и при том при участии моряков, чтобы в них обсуждались вообще все главные вопросы об обороне государства должны решаться в этом совещании. «Командующие войсками,—сказал государь,—должны иметь равный голос с военным министром». При такой постановке дела, заключил государь, согласен, что в разделении министерства нужды и не представится. Ранее в числе доводов, чтобы сохранить нынешнее положение министерства, я указывал на необходимость продолжить наши децентрализационные работы и крепко усилить право атаманов и Туркестанск. ген.-губернаторства.

Докладывал государю о несогласии между Субботичем и Алексеевым. Первый подал в отставку. Надо взять его в военный совет. Доложил государю о принятых нами мерах, дабы помочь Алексееву разобраться в порученном ему деле. Мы, военные, государь, ему поможем всеми силами. Считая то или другое решение неправильным, я обязанным считаю бороться против него и высказываю прямо вам, государь, свое мнение, даже зная, что этим делаю вам неприятность. Легче молчать и поддакивать, но полезно ли это, государь? Его величество с ласкою ответил, что так и надо действовать, что он очень дорожит прямотою моею. Но, закончил я, раз *приказание* отдано, мы все военные подадим пример точному исполнению высочайшей воли.

Затем я попросил указания, какой случай государь признает наиболее желательным: уничтожение приамурского военного округа и Квантунской области и подчинение всего района Дальнего Востока

непосредственно наместнику или оставление приамурского военного округа и Квантунской области, как они есть, с подчинением команд. войсками наместнику, с придачею ему высших прав за счет Петербурга—и даже за счет меня,—прибавил государь. Его величество указал на первый случай, как на наиболее желательный. Я доложил тогда необходимость перенести управление этим районом из Порт-Артура в другой пункт. Государь оспаривал это мнение, указывая, что временно Порт-Артур является главнейшим на Дальнем Востоке пунктом. Я докладывал, что, притягивая дела из Забайкалья и Приамурья искусственно к Порт-Артуру, мы жертвуем интересами русских областей в ущерб их развитию. Просил государя не решать этого вопроса до приезда Алексеева в Петербург. Государь согласился. Напомнил государю мнение Алексеева о подчинении Приамурья. Государь сказал, что он внимательно прочел мой дневник о заседаниях в Порт-Артуре. Что много думал. Что и ему приходит в голову мысль, что он мог и *неправильно* решить вопрос о наместничестве. Но что же делать? Теперь, так или иначе, вопрос этот решен, и с этим надо всем считаться.

Я заговорил о Безобразове. Указал государю, как отношусь к нему в дневнике. Что я не считаю, чтобы он не принес известной пользы. Да,—прибавил государь,—он разбудил многое. Государь при этом сказал: «Разве мне приятно было слышать два года тому назад Безобразова, когда он говорил мне, что мы избрали ложный путь на Дальнем Востоке. Но я признал, что он был прав. Конечно, скверно, что он критикует всех министров и все, и всех. Критиковать легко, особенно неответственному человеку». Тогда я сказал: он фанатически увлекается. Что полезное действие его уже произведено. Что в руках государя Безобразов, мечтающий, что он руководит политикой царя, является только орудием. Взяв это орудие в свои руки, государь колол им нас, своих министров, больно. Безобразов в руках государя явился как бы горчичником, который был приставлен и к людям и делу. Требовалось произвести известный процесс. Цель достигнута. Теперь надо с Безобразовым поступить так, как поступают с сослужившими службу горчичниками. Государь веселою улыбкою прервал меня: «знаю, надо выбросить его».—«Так точно, ваше величество, Безобразова пора выбросить в окно. Ведь, государь, если горчичник передержать, то вместо пользы получается вред: являются нарывы. Так нельзя передержать и Безобразова».

Затем я говорил государю: какую тяжкую работу ему приходится делать, дабы, выслушав всех министров, выслушав сторонних лиц, прочитав массы бумаги, находить правильный путь к правде и пользе. Что во многих случаях даже доклад самый неприятный, идущий в разрез со своими мыслями, доклад, при котором, по первому впечатлению, дается отпор, при спокойном обсуждении открывает новые горизонты и дает возможность воспринять ту или другую верную мысль. Государь ответил мне в теплых словах, что этою работою он занимается, когда гуляет пешком или верхом. Что ему тяжко приходится напрягать свой ум. Что он думает, что это усилие ума, если бы могло

проходить в лошадь, то очень встревожило бы ее. Что он тяжко мучается, выбирая из всего слышанного—нужное.

В начале доклада государь передал мне записку Юзефовича (через Гессе), сказав, что давно знает Юзефовича, что он киевский житель. Очень надежный, преданный. Много помог ему в учебном деле. Что в записке этого штатского человека разбирается вопрос о вольноопределяющихся. Что многое я и лично докладывал уже ему, согласное с мыслями, помеченными в записке, что надо ее рассмотреть.

Государь вспомнил, как он сам давал мне указания, дабы уменьшить число генералов и вообще военных вне военного ведомства. Теперь видит, что без военных в других ведомствах, особенно внутренних дел, обойтись невозможно, что он с особым удовольствием во время поездки в Саров видел много земских начальников из военных. Что военные более других дисциплинированы и лучше других умеют обращаться с народом, а это важно.

Государь говорил, что на-днях завтракал у Константина Константиновича. Что он значительно успокоился, а то он, государь, уже думал прижать его. Что говорили о кадетских корпусах, и государь порадовался, что почти все вакансии в военных училищах пополнены из кадетских корпусов. Что поступающих со стороны с гимназическим курсом так много, что их нельзя было принять. Что надо открыть еще военное училище.

Сегодня перед отъездом сидел у меня Витте.

Более спокоен, чем то было третьего дня. Обласкан государем при приеме его уже как председателя комитета министров. Государь усадил его, пошел сам за папиросою, говорил теплые слова. Витте говорил, что и молодая государыня «первый раз приняла его по-человечески». Посадила, тепло разговаривала. Ранее принимала его не иначе, как стоя, надменная, как статуя. Государь, отпуская Витте, обнял его, а Витте поцеловал руку у государя.

Государыня мать и наследник встретили Витте родственно, вышли из-за завтрака, подошли к окну, махали салфеткою. Приехал неожиданно. Посадили завтракать. Окружили вниманием. Наследник говорил, что он теперь еще более, чем прежде, будет пользоваться советами Витте. Что в комитете министров они будут сидеть рядом и будут шептаться о том, куда наследнику надо поехать, какие заводы, учреждения видеть.

Витте говорил мне о своем желании вести дела комитета министров бесстрастно и беспристрастно. О своем желании не приобретать влияния на ход дел. Но среди этих спокойных рассуждений вдруг у Витте несколько раз прорывались горькие вопросы: зачем это сделано? Что выиграют государь и Россия от столь неожиданного удаления его с должности?

После завтрака, кн. Шервашидзе, старый знакомый его по Тифлису, рассказал ему следующее:

Под Витте уже давно подкапывались. Против него были государь, вел. кн. Александр Михайлович, некоторые министры. За Витте—государыня Мария Федоровна и наследник. Удары отводились. Уже на

первое января был подписан указ об его уходе, но государыня Мария Федоровна уговорила государя не делать этого, и ему был дан даже рескрипт. Только теперь Витте понял слова государыни 1 января: довольны ли вы?

Но теперь были подведены одновременно три мины: 1) вел. кн. Александра Михайловича на почве, что Витте забрал себе слишком много власти, что он развил у себя ряд министерств, что он обезличивает не только другие министерства, но и само самодержавие. Лично вел. кн. хотел отторгнуть от мин. финансов департамент торговли и мануфактур (осенью прошлого года в Мисхоре Алекс. Михайлович говорил мне все это и приглашал содействовать дележу наследства Витте, отобрав два корпуса пограничной стражи); 2) вторую мину вел Безобразов. Он обвинял Витте в ошибочности нашей политики на Дальнем Востоке. Указывал, что в дружной работе на Дальнем Востоке министров ин. дел, финансов и военного—Витте главный, что если его убрать—соглашение перестанет существовать; 3) третью мину вел Плеве с некоторыми министрами (разумел Муравьева и, вероятно, Победоносцева). Вел наиболее опасную мину. Указывая государю, что Витте красный, что все недовольные элементы в своей противоправительственной работе находят поддержку и опору в Витте: финляндцы, армяне, учащаяся молодежь, евреи. Что деятельность его вредна.

Если бы мины подводились по одной, то успеха не имели бы, но подведенные одновременно, произвели взрыв. Государь хотел прежде отправить в Данию государыню, а уже после уволить Витте. Отсрочка отъезда привела к необходимости сделать этот шаг при государыне.

Витте тепло со мною прощался и растроганно вспоминал, что, несмотря на все наши споры и несогласия, он всегда помнил, что мое обращение лично к нему было корректно и сердечно. Что и с своей стороны ни к кому не имел столько симпатии сам Витте, как ко мне. «В вас я видел солдата-воина, который не боится высказывать свое мнение и не боится говорить правду и царю»,—говорил Витте. Я тоже был тронут, ибо, не отдавая себе точного отчета как и почему, но привязан к Витте, как к могучему человеку, хотя и полному противоположностей, но сильному и крупному даже в своих слабостях.

Очень был рад доставить ему некоторое утешение, сообщив, что государь соизволил оставить ему мундир пограничной стражи.

О Плеске.

Витте говорил мне, что Плеске хороший человек, очень честных, твердых правил, не очень широкого кругозора, отличный работник и отлично знающий кредитную часть. Упрям. Имеет слабость к музыке.

Вчера он был у меня. Ранее встречались редко. Производит впечатление аккуратного бюрократа, изящного на немецкий лад по фигуре и по манерам. Не крепкого здоровьем. Несколько нервного. Знакомился у меня с отношениями военного ведомства к финансовому. Говорил ему о необходимости добавочного кредита (к 130 милл. руб., которые условлено прибавить к предельному бюджету) на расходы

по формированию и содержанию 16 бат., 3 батарей и 1 саперн. б-на для обороны города Дальнего, выстроенного даже не спрося мнения военного министерства.

Плеске говорил мне, что ему досталось тяжелое наследие. Что ему после Витте неизбежно суждено быть серепьким министром. Что в общем он сочувствует финансовой политике своего даровитого предшественника и не будет делать ломки, но что мы шли по разным делам слишком большим ходом. Витте сам признавал, что если бы даже он остался министром финансов, то ему пришлось бы этот ход приостановить. Плеске признает, что податное напряжение весьма большое.

Сегодня я возвращался вместе с Плеске из Петергофа после его первого и короткого доклада государю. Плеске вспоминал свое детство. Он из Балтийских провинций, окончил курс в лицее и долго жил в Гапсале, где в то время совершенно просто проживала Мария Федоровна с Александром III, тогда еще наследником престола. Оом—секретарь Марии Федоровны—был дядя Плеске. На один из вечеров, устроенных Марией Федоровной был приглашен и Плеске, тогда еще лицеист. Была музыка, в которой и он принимал участие. Мария Федоровна его обласкала. Теперь, представляясь государыне матери, он был тронут, что она все это помнит и что окружающие государыню помнят это.

Я советовал Плеске дорожить этою связью.

Плеске говорил мне, что у него никаких знакомых при дворе нет. Что живет он в Петербурге замкнуто, сурком. Что имеет круг своих друзей. Что перспектива отношений к великим князьям и разным чинам двора его устрашает, но что он постарается от всего этого держаться вдалеке. Снова повторил мне свое желание в делах министерства производить поменьше ломки. Я, дабы отдать ему визит, довез его до госуд. банка, где он и принял меня в своем кабинете. Там же принесли нам депешу в конверте с надписью: вскрыть в присутствии военного министра. В депеше из Владивостока управляющий банком извещает, что по донесению военного агента в Японии, японцы готовятся объявить нам очень скоро войну и потому управляющий банком просит немедленно подкрепить рессурсы банка.

19 августа 1903 г. вагон.

Приложение к № 17.

Имевшееся в этой тетрадке письмо [1]).

12 июня № 5.

Многоуважаемый
Алексей Николаевич!

С отъездом ст. секр. Безобразова в Порт-Артур затихли поднятые по Дальнему Востоку вопросы, разрешение которых ожидается на

[1]) Письмо Сахарова мы не выделяем из дневника № 17, следуя копии, с которой мы публикуем дневник. *Прим. ред.*

месте в совещании военного министра, адмир. Алексеева и статс-секретаря.

Перед отъездом последний заявил, что для усиления войск на Дальнем Востоке необходимо, чтобы военный министр поступился некоторыми предположенными мерами на Западе, дабы освободить часть отпущенных на будущее пятилетие средств для Востока. На это я возразил, что наши нужды на Западе отпущенными ассигнованиями удовлетворяются в очень слабой степени, при каковом условии вряд ли военный министр в состоянии будет чем-либо поступиться. Тогда он мне сказал, что можно отказаться от принаревской железной дороги и от укреплений по Нареву, так как якобы эти меры не настоятельны и что между прочим вел. кн. Николай Николаевич не признает их полезности. На это я ответил, что могут быть разные взгляды на этот вопрос, но взгляд военного министра освящен утверждением государя, а при таком условии он является обязательным и не может быть оспариваем, пока не будет изменен тем же порядком, каким и утвержден. На заявление же Безобразова, что он может судить о стратегических вопросах, как бывший военный, я заметил, что для этого недостаточно быть не только бывшим, но и настоящим военным, так как необходимо знать всю совокупность условий обороны государства, а это знают очень немногие. В конце концов я полюбопытствовал узнать, откуда он имел сведения о принаревской дороге и о предполагаемых к постройке укреплениях, на что получил ответ, что ему, Безобразову, сказал Сергей Юльевич.

Безобразов мне довольно торжественно объявил, что получил телеграмму от Вогака, что военный министр встретил его очень хорошо, без всякого выражения неудовольствия. На мой вопрос, почему он думал, что Вогак будет принят иначе, он определенного ответа не дал.

Из других новостей могу сказать лишь, что государь разрешил пригласить на петербургские маневры начальн. франц. главного штаба и что государь приказал отменить при полковых мундирах панталоны с лампасами и восстановить прежний порядок.

Войска, отправляемые в Забайкалье, начинают движение 12 июня и заканчивают в половине июля; будут они по распоряжению команд. войсками приамурск. округа расположены в Чите.

Желая всего лучшего, прошу верить в мое искреннее уважение.

В. Сахаров.

Рукою ген. Куропаткина: *Удивительный нахал этот новый статс-секретарь.*

№ 18.

С 21 августа 1903 г. по 27 ноября 1903 г.

21 августа. Крепость Либава.

Вчера и сегодня осматривал крепостные сооружения Либавы. Еще надо удивляться, как при относительно небольшом расходе в $8^1/_2$ милл. руб. по инженерной смете создалась хотя и слабая приморская крепость. Расход по артилл. части выражается в 10 милл. рублей, в том числе 8.600 береговых и 1.400 т. сухопутные. Из этой суммы только расход: 1) на 4—11″ в 35 кал., 2) на 14—6″ Канэ и 16—11″ мортир может признаваться расходом в 3 милл. руб. на нового типа береговые орудия. Все остальные орудия старых типов. В числе сухопутного вооружения нового типа можно считать 6″—120 пудов, 42 лин., 57 милл. метр.—легкие на тумбах и пулеметы.

Фортиф. сооружения состоят из обычного типа береговых батарей с массою бетонных работ и сухопутных укреплений на 2 и 1 роту с водяными рвами и достаточным числом казематированных помещений. Все казалось бы в порядке. Надо только окончить начатые работы (много частных замечаний продиктовано). Надо: 1) Построить батареи аванпорта ($5^1/_2$ милл. и $3^1/_2$ милл. на вооружение—9 милл.). Надо построить батареи № 7 и 8. Надо связать оборону южного укрепления с право-фланговым редутом по западному берегу Либавского озера. 2) Надо увеличить гарнизон в военное время до 10 рез. б-ов и включить в наш план всех моряков. 3) Надо орудия старого типа заменять орудиями нового типа. Но у меня являются этот раз более чем когда-либо сомнения принципиальные. Строим ли мы то, что нужно? Не тратим ли мы слишком много денег напрасно? Недостатки существующих укреплений и батарей огромны. Эти недостатки, *главным образом*, заключаются в том, что *орудия и люди слишком открыты* и при сильном противнике такие батареи и форты слишком скоро замолчат. Уже мы сделали большой шаг вперед, приняв канониры для обслуживания промежутков между фортами. *Надо придумать, чтобы фронтальная оборона орудийная и ружейная* была, хотя и меньшая по числу ружей и орудий, но более действительная по способности действовать продолжительное время, ибо должна быть закрытою: действовать успешнее—ибо надо брать современные образцы. Ныне, напр., в двух редутах на сухопутной линии обороны в исходящих углах устроено значительное сооружение из бетона, дабы хранить там противоштурмовые орудия. Несо-

мненно, что эти орудия (старых типов к тому же), выкаченные открыто на барбет, просуществуют крайне короткое время, ибо открыто стоящая прислуга будет перебита. Нельзя ли эти самые бетонные твердыни видоизменить так, чтобы хотя вдвое меньшее число орудий, но стояло *закрыто* и могло давать фронтальную оборону. Если прибавить, что вместо 4 полевых орудий старого типа поставить два новых полевых скорострельных орудия, то очевидно, что полезное действие будет в. значительнее, чем ныне.

Таким образом в моем представлении рисуется опорный пункт крепостей следующего примерно типа: все бетон или сталь, все укрыто, и люди и орудия. Масса патронов и снарядов, но мало людей и орудий. 100 стрелков, 50 артиллеристов и 10 орудий—это уже должен быть хороший опорный пункт. Двойной силы—опорный пункт—особо важного значения [1]). Между такими опорными пунктами, связанными между собою непрерывною огневою связью—2-3 версты расстояния, лежат наши позиции для обычного вида траншей, для пехоты, батарей, для артиллерии. Тут все земля и дерево. Все в мобил. армии, кроме части земляных работ и работ по устройству экспланады.

Много фашин, туров, земляных мешков.

Пока же надо спешно заготовлять для наших крепостей щиты для охраны стрелков, мешки для земли (не боясь, что их пробивают пули). Иметь расчеты на огромную заготовку фашин, туров, утилизации разных деревянных, цинковых ящиков, кулей и т. п.

24 августа.

Третьего дня и вчера происходили осмотры государем морской части и сухопутной обороны Либавы. Моряки не тратили на Либаву 42 милл. руб. Мы истратили на инженерную оборону 85 милл. и на артиллерийскую 10 милл., из коих только до 4 милл. нового расхода. Остальные орудия взяли из существующих запасов и крепостей старого типа.

«Штандарт» вошел в новый канал и стал против доков. Все было украшено флагами. Государь утром 22 августа присутствовал на освящении собора, действительно прекрасного и обширного, в русском стиле, но с декадентскими подробностями на коврах, иконах. После окончания принял парад всего гарнизона: сводный батальон моряков, Венденский пех. полк, Либавский крепостной пех. батальон, два бат-она крепостной артиллерии, саперы, минеры... Парад прошел удачно.

После завтрака государь с государынею осматривал наполнение дока, мастерские, казармы, госпиталь и принял чай в морском собрании (временном). День был утомительный. В 7 час. вечера государь принял меня с докладом вместо субботы. Самый серьезный вопрос, проведенный мною в докладе, заключался в образовании особых курсов

---

[1]) Каждому нужно иметь продовольственные запасы и воду, каждому—комендант (вероятно, каземат. *Прим. ред.*).

для приготовления преподавателей в кадетских корпусах. Будем принимать ежегодно по 12 человек. Курс двухгодичный. Мера эта будет стоить около 40.000 руб. ежегодно. Курсы будут учреждены при Педагогическом музее, там же, где мы подготовляем и воспитателей для кадетских корпусов.

Завтракал и обедал на «Штандарте» рядом с вел. кн. Ольгою Александровною. Как всегда, она была для меня прелестна. Говорила о солдатах. Говорила, что разговаривает с нижними чинами роты своего мужа по вопросу о политической пропаганде между нижними чинами (о прокламациях). Что некоторые нижние чины сами спрашивают ее по этим вопросам. Трогательная черта этой девушки-женщины: это желание делать добро простым людям. Чистота душевная, изумительная. Приходя в соприкосновение с внутренним миром этой натуры, чувствуешь, что и сам становишься лучше.

Вчера с $9^1/_4$ час. утра государь без государыни и Ольги Александровны осматривал Либавские укрепления. Его сопровождал и Алексей Александрович. Укрепления Либавы проектированы были мною в 1889 году. В комиссии участвовали Заботин, Вогак, Макдональд (строитель порта) и другие, в том числе и моряки. Я задавался целью укрепить Либаву только, как важный коммерческий пункт, дабы обширные запасы Либавы не достались противнику без борьбы. Об обширном морском порте мы тогда не соображали, но сделали предположение, что если бы моряки захотели устроить в Либаве военный порт, то нам надо было бы сухопутную оборону вынести вперед на Грабенские высоты, а нынешняя линия обороны составила бы только главную ограду крепости.

По вопросу, быть ли в Либаве военному порту или не быть, шла долгая борьба. Обручев стоял за то, чтобы быть, дабы России иметь незамерзающий порт в Балтийском море. Многие моряки и наши, в том числе и я, указывали, что природа мало сделала для того, чтобы создать из Либавы морской порт, боролись, чтобы в Либаве порта не было. Указывали и на Виндаву, как на пункт более удобный для военного порта, чем Либава. Подсчитывали огромную сумму, потребную для расхода на порт, и такие моряки как Копытов, Дубасов, Пилкин высказывали, что лучше эти деньги израсходовать на усиление флота, чем на портовые сооружения. В комиссии по этому вопросу упр. морск. министерством Чихачева почти единодушно проваливали Либаву. Чихачев, казалось, присоединялся к этому мнению и вдруг неожиданно нам объявили, что по докладу государю сего вопроса, государь соизволил повелеть: «Быть в Либаве военному порту», и потом соглашался, чтобы порт получил имя: порт Александра III. Теперь все недовольны этим портом и называют его ловушкою для флота. Да и флота теперь в Балтийском море нет: все направлено на Дальний Восток. Мы еще слабее стали (относительно Германии) на нашем главном морском театре—Балтийском море, чем то было 10—15 лет тому назад.

Поэтому порт есть, но флот им не пользуется. Придут на зиму два старых судна и миноносцы, и это—все. Тем не менее и оборона Либавского порта с моря и суши далеко еще недостаточна. По отпущенным

нам суммам мы многое сделали, и сделали с толком. Но главное береговое вооружение все почти старых и слабых образцов.

Государь, однако, видимо остался доволен осмотренными им батареями № 3, № 2, северным и средним укреплениями, а также батареею № 6.

В вагоне он дал Алексею Александровичу и мне сделать представление о сооружении батареи в аван-порте № 4 и № 5 на сумму *сверх предельного бюджета*, как сооружение нужное, особенно морякам. По предварительному подсчету инженерные работы двух батарей будут стоить 5 милл. руб. и артилл. вооружение (24 оруд.—10″ и 12 оруд.—6″ Канэ) до 4 милл. рублей. Тогда оборона Либавы (вместе с батареями № 7 и № 8, кои мы устроим) значительно выиграет.

В среднем укреплении бравый саперный унтер-офицер не узнал государя и направился к Алексею Александровичу. На батарее № 6 из трех взрывов удались два,—это наши неудачи. По артилл. части все шло хорошо. Заведующий практическими занятиями в артиллерии подполк. Маниковский (очень даровитый и преданный своему делу шт. офицер) делал отличные доклады государю и на мортирной батарее демонстрировал прибор Лауница. По моему и Грипенберга ходатайству, Маниковский был вчера уже произведен государем в чин полковника.

После завтрака на «Штандарте» опять рядом с Ольгою Александровною была поездка в город, украшенный и многолюдный. По улицам полный порядок, но все напоминало немецкие порядки. Цехи, знамена, особые костюмы, хор певчих, но культурность была видна в сравнении с нами большая. Это надо было признать. Государь заехал в городскую церковь, посетил батарею № 6 и затем, в особо устроенном павильоне, принял от курляндского дворянства чай. Павильон был небольшой, но все происходило в полном порядке. Старшими представителями дворянства были старый, милый граф Пален и его супруга, затем предводитель дворянства граф Ливен. Старый Пален обедал со мною 27 августа и снова, в трогательных лестных для моего покойного отца выражениях, вспоминал службу с отцом моим почти 40 лет тому назад в Псковской губернии, где Пален был молодым губернатором, а отец мой, убежденный честный земец—председателем холмской уездной управы.

Обедал у государыни Марии Федоровны на «Полярной Звезде». Кроме живущих на «Штандарте», я был приглашен к обеду только один. Сидел рядом с государынею Александрою Федоровною. После обычных расспросов про впечатления в Либаве (государыня довольно небрежно про Либаву сказала: «все по-немецки»), я навел разговор на то, что в Либаве в военном отношении мы очень слабы, что денег нет, флота нет, что все теперь берет Дальний Восток и что в этом существует большая опасность. Государыня начала возражать мне не с обычной горячностью, что теперь и надо все силы и средства направлять на Дальний Восток, что там главная опасность, что там может вспыхнуть быстро война, что там мы должны быть особенно сильны во флоте, что потом, года через 4, когда там все будет готово, можно опять пе-

ренести внимание на Запад. Мое замечание, что на Западе для нас зреет и все увеличивается главная опасность, что если мы отстанем от наших соседей, мы будем побиты так, что все наши успехи на всех второстепенных театрах ни к чему не приведут. Говорил, что опасаюсь европейской войны. Государыня выразила уверенность, что до европейской войны не допустят, но что теперь страшно нашествие желтой расы и что ей надо дать отпор и пр. Чувствуя, что тут поддержки я не найду, я признал себя побежденным и откровенно сказал государыне—«увы—чувствую, что моя вылазка окончилась полной неудачею». Государыня смеялась, но твердо говорила: «да, да, тут нет сомнений». Очевидно государь делится с ней своими разногласиями с министрами. Государь с интересом прислушивался к нашему разговору. Государыня тоже сказала ему несколько слов о том отпоре, который она мне дала. После обеда государь, проходя мимо меня, смотрел на меня с торжествующею улыбкою, которая говорила: «что, не удалось»...

Буду все же бороться, пока хватит сил, дабы увлечения по Дальнему Востоку не причинили России и государю бедствий.

Ранее, после обеда на «Штандарте» 22 августа, я долго разговаривал на ту же тему с государыней Марией Федоровной. Тут я встретил полное сочувствие и полное представление об опасности, которая угрожает России, если политика ее станет чрезмерно односторонней и все интересы внутренние и внешние будут принесены в жертву новому молоху—Дальнему Востоку и предприятиям на Ялу.

Между прочим, Гессе уже говорил мне о каком-то готовящемся повороте во взглядах на предприятие на Ялу: будто бы уже возник вопрос о привлечении японцев к участию в барышах по предприятию на Ялу.

Фредерикс, с которым я поделился результатами моего разговора с государыней Александрой Федоровной и своими опасениями, что нас ослабят на Западе и потом ударят на нас, сказал мне: «да, опасность большая, но если уж так нужно лезть на Дальний Восток, то следовало бы держаться и старых традиций и не рвать дружбы с Германией». При этом он вспомнил, что два года тому назад на борту Гогенцоллерна император Вильгельм прижал его к борту и горячо и долго говорил на тему, что надо устранить разрыв Германии с Россией. При этом он сказал на мой взгляд великие слова: «Пускай я буду лично неприятен вашему государю, но ему надо помнить, что только мы с ним вдвоем имеем большую власть, что только в наших, поэтому, руках участь мира Европы. Ответственны мы поэтому будем перед историей, если дело доведем до войны между нашими народами. Мы можем лично ссориться, но народы наши должны жить между собою в мире». Дай бог, чтобы эти высокие слова одинаково твердо и неуклонно служили путеводною нитью двух могущественнейших монархов всего мира.

После обеда на «Полярной Звезде» все вышли на палубу. Был чудный, хотя несколько свежий вечер. Полная луна, тихая вода, тысячи огней электрических на берегах. Огневые нити причудливых фигур (больше якоря) на 6 землечерпалках, выстроеных у берега против «Полярной Звезды» и «Штандарта», снующие паровые катера, тихий

лес, с одной стороны канала и большие торговые здания с другой,— все это составляло прекрасную картину. На палубе по личному выбору государыни матери играла и играла прекрасно музыка с яхты «Полярная Звезда». Невольно напрашивались у присутствующих сравнения с Венециею и особенно с Севастополем, но там на берегах было больше жизни.

Государь, Авелан, командир «Полярной Звезды» и Фредерикс уселись на стульях с одной стороны, а две государыни, Ольга Александровна и я сели на общую скамью с другой. Часа полтора шла тихая, дружеская простая беседа, цари спустились на землю и стали чудными, чистыми сердцем, симпатичными людьми. Государыни более говорили между собою, государь с командиром судна, я с Ольгою Александровной, но часто разговор делался общим, и нет-нет слышался смех. Государыня Мария Федоровна, которой Александра Федоровна тоже рассказала про́ мою неудачную попытку повлиять на нее, дабы остановить несколько увлечение государя Дальним Востоком, сочувственно обратилась в мою сторону и, через Ольгу Александровну, протянув свою ручку, показала мне на якорь из электрических лампочек на мачте ближайшей из землечерпалок, показала на якорь, и глаза ее говорили «надейся». Я так и понял это милое, дорогое мне одобрение.

Ольга Александровна находилась под впечатлением чудной ночи. Нервно ее ножки и ручки все не находили места. На любимых местах некоторых пьес она очень удачно подсвистывала. Мария Федоровна каждый раз при этом с нежным укором обращалась в ее сторону, но это унимало своенравную княгиню не на долго. В разговоре со мной, она между прочим разбирала заданный мною ей вопрос о двух типах людей: люди одного типа способны пользоваться благами минуты полностью, не задаваясь мыслью о будущем, прошлом, не отравляя себе радость настоящего. Другие, напротив, вечно неспокойны, вечно отравляют себе радость настоящего мыслью, что эта радость скоро пройдет и наступит печаль. Княгиня предпочитает первый тип, но думаю, что элементы беспокойства скрыты и в ней.

Прочие участники обеда, Гессе, Бенкендорф, Мосолов, четыре фрейлины, Гирш, Рождественский, составляли другую группу и тоже оживленно разговаривали.

Возвратился домой только в двенадцатом часу ночи.

Между прочим, характерно, что Ольге Александровне Либава не понравилась. «Совсем лучше было во Пскове», говорила она мне, несколько коверкая русский язык.

Когда под конец вечера государыня приказала играть датский гимн, она обратила мое внимание и спросила мнение. Конечно, я хвалил и говорил, что маршировать под этот гимн должно быть очень удобно. Оно так и есть.

Ольге Александровне очень не хочется ехать в Данию. Не спешит этот раз ехать туда и государыня Мария Федоровна.

28 августа.

Угруск, близь Влодавы. На больших маневрах варшавского военного округа.

Приехал в Холм 26 августа утром и тотчас в экипаже и верхом поехал по шоссе во Влодаву смотреть маневры войск. Видел, как 49 рез. бригада (г.-м. Шишковский) атаковала позицию впереди с. Ловчи 12 бат.—в 16 пех. дивизии (г.-л. Селиванов). Атака была признана отбитою. Подготовка артиллерии недостаточна. Боевой порядок был слишком растянутый. Селиванов перешел в наступление, выдвинув полк из резерва против левого фланга наступающих и в обхват этого фланга. Действовал очень хорошо. Отбив атаку, он повел два полка на помощь войскам, державшимся у Ганска, что тоже хорошо. Углицкий полк и две батареи остались на укрепленной позиции сдерживать 8 бат-ов, 3 баттареи, 5 сотен.

Шоссе содержано в отличном порядке. Ближе к Влодаве осмотрел позицию у д. Люта. Значение этой позиции нахожу преувеличенным. Лучше защищать подступы к р. Влодавке, где и заняты и укреплены две позиции, намеченные мною еще в марте.

27 августа объехал позиции под Влодавою, намеченные мною по верстовой карте в марте месяце, когда было предположено, что я буду командовать северною армиею. Осмотр этих позиций убедил меня в большом значении этих позиций. Обстрелы большею частью отличные. Не всюду хороши укрытия для резервов. Против западного фронта подходит близко лес, который придется частью вырубить. Южный фронт наиболее силен. Лучше в мирное время укрепить только ближнюю линию обороны, возведя 4—5 опорных пунктов такого же типа, что на Нареве. В самой же Влодаве образовать обширный склад шанцевого инструмента в 10.000 лопат с соответствующим количеством других инструментов и большим запасом топоров. Тут же иметь запас проволоки на 15 опорных пунктов.

Надо иметь еще в мирное время три моста через р. Буг, кроме железнодорожного. Просил сохранить временный мост, выстроенный для ремонта постоянного моста. Третий мост (считая и временный) тоже уже существует, но очень плохой, еврейский.

В настоящее время река Буг у Влодавы имеет незначительные размеры и серьезной преграды ни в каком случае не представляет.

Вчера встретил государя в Бресте и в царском поезде поехал на ст. Угруск, откуда три дня будем ездить во Влодаву.

Обедал в царской семье.

Рука государыни значительно поправилась. Я сидел рядом с нею. Начала помогать и правою рукою. Государь и государыня были веселы. Государь рассказывал мне, что в Беловеже он убил зубра в 45 пудов.

Сегодня утром ездили на позиции у Люты.

Команд. северным отрядом г.-л. Вонлярлярский действовал и сегодня очень плохо. Вместо того, чтобы воспользоваться сильными позиция-

ми за р. Влодавкою и болотами, разобщающими силы противника, двигающегося по двум шоссе к Влодаве, он занял растянутую позицию от реки Буг через сел. Люта (где была укрепленная позиция), д. Здзорки, д. Сухово Колаче, д. Любень.

Все было вытянуто в одну линию. Общий резерв главной колонны стал за таким участком позиции, где атаки на флангах и против центра позиции, где противник готовил прорыв, конницы не было. Хрещатицкий действовал умело, не раз бросался и, собрав в кучу 30 бат-в, прорвал расположение Лярского, ударив на правый фланг позиции у Люта, где его встретили лишь 6 бат-в.

О действиях 5 и 14 корпусов никаких еще известий не имеем. Завтракали, пили чай и обедали в поезде за царским столом. Государь, государыня и наследник много говорили и были веселы. Погода была дождливая, и все вернулись мокрые. В царском поезде живет и М. И. Чертков, который держит себя с большим достоинством. Государь к нему весьма внимателен.

Сведения о том, что предположено делать обеими сторонами, поступают очень несвоевременно. Я полагаю помогать государю ориентироваться.

29 августа.

Сегодня был последний день маневра.

Южный отряд атаковал северный на укрепленной позиции к северу от с. Королевка. Всего участвовало в маневре 136 бат., 72 эск., 41 сотня, 60 батарей, 62 генерала, 2.661 офицер, нижних чинов 80.000. Распоряжения по отрядам не были получены до утра. Если я их получил ночью, то только потому, что оставил на весь вчерашний день секретаря своего подп. Сиверса, который и получил требуемые сведения, а также нанес на карту укрепленную позицию в 9 верст. Позиция была растянута. Правый фланг плохо прикрыт, с фронта близко подходили сел. Королевка и рощи. Центр позиции был занят слабо. Лярский отбил атаку против флангов, но был прорван в центре атакою двух дивизий: 2 и 38. На последнюю из них произведена 4 кав. дивизиею атака. В общем войска действовали хорошо. Лучше всего было, когда, после отбоя, войска встали по обеим сторонам дороги и провожали государя непрерывным ура. Многие из полков, особенно 2 и 16 дивизии, представились хорошо. Хорошо глядели стрелки; 38 див. смотрела тоже молодецки, но наиболее грязно. Лошади сохранены. Вид нижних чинов не утомленный. Многие нижние чины смотрели на государя трогательно-преданно. Между прочим, одна старушка при остановке во время маневра государыни все выражала радость, что удостоилась увидеть царицу, и несколько раз высказывала пожелание увидеться и на том свете.

Государь был видимо доволен всем виденным.

За завтраком (4 ч. п.п.). и обедом (9 час. вечера), государь и государыня были веселы. Государь снова говорил о необходимости усилить конницу, сообразно увеличению и других родов оружия.

Говорил о том, что надо выкинуть из употребления слова «царство польское», что пора забыть это.

После обеда наследник и два флигель-адъютанта, а также Г. А. Струков делали гимнастику, прыгали в ширину, бегали, спрыгивали с лестницы, ходили по вагонам и проч. Наследник обнаруживал большую силу и ловкость. Государыня села на ступеньки лестницы, весело болтала и много смеялась. Рука все еще на привязи.

31 августа.

По пути в Петербург. Вагон.

Вчера окончились царским смотром маневры войск варшавского военного округа. Подведу главные замечания по тактической подготовке войск как на Псковских маневрах, так и на маневрах под Влодавою.

1) Работа конницы не приносит достаточно пользы армии. Стремятся к единоборству конных масс и оставляют при пехоте лишь недостаточное число конницы и ту расходуют неправильно на штабную службу, многочисленные конвои, прикрытие обозов. Для службы же при пехоте конницы почти не остается. Целые колонны от дивизий до корпуса бродят с завязанными глазами в расстоянии иногда нескольких верст от противника, не зная о том (наприм., движение 37-й пехотной дивизии под Псковом, вблизи отряда Курча 7 августа).

2) Неуменье штабов организовать ближнюю разведку о противнике. Поэтому штабы не знали достаточно расположение сил противника, что отражалось на распоряжениях, особенно на употреблении резервов.

3) Неуменье штабов организовать связь по фронту и в глубину своих войск и отсюда распоряжения в. запаздывали.

4) Построение для решительной атаки войск в слишком компактные массы и движение в сфере самого сильного огня чуть не в резервном порядке. Так двигались в последний день маневра под Псковом 8 августа $1^1/_2$ дивизии 20-го корпуса, наступавшие против центра позиции северной армии, занятой Преображенским полком и другими частями.

Так сомкнуто двигались 28 августа полки 17-й пех. и части 2-й пех. дивизии против правого фланга позиции у Люта.

Так же замкнуто двигалась 29 августа против центра позиции у Королевки 38-ая пех. дивизия. Почти прежние колонны к атаке. Ныне такое движение обошлось бы очень дорого.

5) Недостаточная подготовка атаки атакующими артиллерийским и ружейным огнем. Савицкий 8 августа, Крюков 28 и 29 (у Люты и Королевки), Шишковский 26 августа против Ловчи наступали почти без огня.

6) Обороняющийся на Псковских маневрах, имея в достаточном числе саперные части, мало практиковался в укреплении позиций.

Обороняющийся на маневрах под Влодавою, несмотря на малое число саперных частей, умело усиливал позицию окопами и укреплениями. Особо умело были укреплены подступы с юга к речке Влодавке.

7) К войскам варшавского военного округа слишком мало было придано саперных войск. Надо приучить войска работать совместно с саперами. Надо на маневры их назначать по саперному батальону на каждый корпус войск. Надо пересмотреть распределение занятий в саперных частях и установить их так, *чтобы все саперные части принимали участие в общих сборах войск*. Надо сильно поднять саперное дело в войсках. Стало падать. Надо восстановить войсковых сапер. 46-ая рез. бригада под руководством полк. Штегельмана, без помощи сапер, выполнила с успехом значительные работы.

8) Служба штаба лучше всего была организована в южном отряде варш. в. округа Хрещатицкого. Нач. штаба—Эверт. Говорят, очень даровитый человек. Такое и производит впечатление. Затем в южной армии Каханова г.-м. Эбелов. Служба штабов была организована плохо в северной армии Мейендорфа—нач. штаба г.-м. Поппен и в северном отряде варш. в. округа Лярского—нач. штаба г.-м. Закржевский. Поппену и Закржевскому хода в службе ген. штаба давать не следует.

По обстановке и те и другие маневры были чрезвычайно интересны и поучительны. На маневрах выказались сильные стороны наших войск—огромная выносливость, отсутствие заболеваемости, отсутствие отсталых, твердый внутренний порядок, благодетельные результаты от походных кухонь.

Государя войска приветствовали, особенно в варш. в. округе, восторженно.

Состав нижних чинов во 2 и 16 п. дивизии за 26 лет после войны в физическом отношении значительно изменился к лучшему. Изменились округа укомплектования. Прежде много было белоруссов, поляков, татар. Теперь великороссы. Состав нижних чинов и других дивизий очень хорош в варш. округе. Лошади сохранились хорошо. Хуже сохранились в казачьих частях.

Поход вчерашнего числа прошел отлично. Не видно было усталости. Смотрели и проходили молодцами. Некоторые части удивляли просто сомкнутостью и стройностью. Все шли большим шагом. Размахались за подвижные сборы отлично. Артиллерия и конница тоже проходили в большом порядке. Казаки прошли рысью бесшумно. Должны производить на иностранцев большое впечатление.

Следующие полки удостоились получить от государя похвалу «Славно»: 26 Могилевский, 61 Владимирский, 64 Казанский, 1 стрелк. полк, 183 Пултусский, 72 Тульский, 152 Владикавказский, 196 Заславский. Государь император обратил внимание, что в некоторых полках, напр., Суздальском, мало офицеров.

Вчера на пути между Либавой и Брестом имел последний перед отпуском докладу государя и продолжительный разговор.

Государь одобрил приказ о порядке подчинения г.-а. Алексееву войск приамурского в. округа, согласно с представлением самого Алексеева. Много неопределенности, но я не желал ходатайствовать внести поправки, проектированные Сахаровым и Редигером ввиду временного значения этой меры. Государь утвердил также относитель-

но расположения одной стрелковой бригады 2 сиб. корпуса в Южной Маньчжурии.

Я попросил также у государя денежные средства на опыт введения в кадетских корпусах преподавания по новым программам. Хотим дать больше самостоятельности в работе учеников, увеличить внеклассные занятия, увеличить практические занятия, перестать равняться по последним, как это, к сожалению, делается теперь. Во внеклассных занятиях будем помогать слабым ученикам.

Еще более важную меру наметил тоже вчера по отношению к юнкерским училищам. Наплыв желающих поступать в эти училища после реформы их огромный. Являются до 400—500 человек, когда принять можно сто. Это дает мне возможность сделать еще один серьезный шаг к достижению важной цели, которую я преследую неуклонно: достигнуть того, чтобы каждый выпускаемый в офицеры имел общую подготовку полного курса средних учебных заведений. Государь вчера выразил согласие, чтобы я усилил требования по поступлению в юнкерские училища. Полагаю первоначально ограничиться требованием пяти классов среднеучебных заведений, а потом перейти и к шести классам с тем, чтобы все юнкерские училища обратить в *военные училища*.

Мой идеал таков: иметь три вида училищ—*двухклассные*, комплектуемые из кадетских корпусов и юношами, кои окончили полный курс среднеучебных заведений; *трехклассные*, в том числе с одним общим, куда принимаются лица со знанием шести классов средних учебных заведений, и *четырехклассные*, куда принимаются лица со знаниями пяти классов гимназий и вообще среднеучебных заведений. Сюда же будем принимать и из дворянских школ.

Одновременно с повышением знаний необходимо улучшить и состав будущих офицеров по происхождению. На первое время можно отделить известный процент вакансий для детей офицеров действительной службы, запаса или отставных. Вместе с этою мерою требуется поднять требования для вольноопределяющихся. Полагаю возможным и желательным вольноопределяющимися первого разряда считать только окончивших полный курс высшего или среднего учебного заведения. Вольноопределяющимися 2-го разряда принимать окончивших шестиклассные заведения или шесть классов семиклассных заведений, но подготовленных по особой программе, по которой мы теперь принимаем.

Государь вчера высказал мне свое полное довольство войсками варш. в. округа. Вынес, как он говорил, отрадное впечатление с парада. Говорил о разных национальностях в нашей армии. С доверием относится к магометанам. Не верит особо полякам. Несколько брезгливо относится к белоруссам и вполне презрительно к евреям. Говорил, что Драгомиров просил разрешения представиться, чтобы, вероятно, проситься на покой. Ответил, что примет его в Беловеже 7 сентября. Говорил, что с ним ему, государю, было иногда трудно. Так в начале царствования своего он заметил Драгомирову, что ему не нравится,

как отвечают на приветствие войска киевского военного округа: они отрывают конец и не слышно титула, не слышно к кому их здорованье относится. Тем не менее в прошлом году на Курских маневрах государь увидел, что все осталось по прежнему. Это его огорчило. Я возразил государю, что следовало отдать приказание, и тогда Драгомиров исполнил бы. Государь ответил, что он тогда был молод и стеснялся Драгомирова. Он не мог не считаться с его авторитетом, с его ранами. Что он «только теперь забирает силу».—«Тогда был,—повторил государь,—молод».

Тут же государь высказал, что решается на место Драгомирова поставить Пузыревского. Он связан своим словом. Иначе нельзя. Он получил после Гриммовского дела много доносов на Пузыревского, но, конечно, не верит им. Удивился и нашел нехорошим делом, что и Драгомиров был против Пузыревского. Когда был у государя разговор с Драгомировым об его уходе, то он просил о Сухомлинове и высказал государю пожелание, чтобы только не был назначен Пузыревский. На это государь ответил Драгомирову в сильных выражениях, что это его дело. Драгомиров опустил голову и просил обычным тоном прощения. Я сказал государю, что знаю, что старик не любит (Пузыревского?), но всегда признаю, что заслуги его велики, что надо прощать его слабые стороны. Что старик был обижен тем, что государь, хотя бы из вежливости не уговаривал его еще послужить, что и теперь надо старика приласкать. Государь согласился с этим. Тогда я просил прислать проект рескрипта в Беловеж к 7, на что и последовало согласие. Затем я говорил государю о необходимости дать указания Пузыревскому, чтобы он сдерживался и не начал ломать порядки, заведенные Драгомировым. Что есть коньки, которые сами собой исчезнут, но есть многое, что требует охраны. Между тем Пузыревский, которому известно, что Драгомиров не хотел иметь его преемником, как человек страстный, может дело смешать с личными счетами с Драгомировым. Государь обещал «огладить» Пузыревского.

Говорил мне, что Чертков просил назначить ему в помощники вместо Пузыревского Сухомлинова. Государь согласился. Когда я указал высокие служебные качества Сухомлинова, государь возразил: «Кому вы это говорите? Я Сухомлинова знаю давно. Он мне читал лекции. Конечно, за ним останется та особая роль, которая ему предназначена на случай войны—быть начальником штаба главнокомандующего Южным фронтом». Затем государь прибавил: «Будем держать между собою в секрете, что я соглашаюсь на назначение Сухомлинова, только пока в Варшаве Чертков. Затем Сухомлинову надо дать другое назначение». Такое неожиданное заключение вызывает у меня мысль: не хочет ли государь после Черткова назначить в Варшаву вел. кн. Николая Николаевича. Говорил и о Черткове. Удивлялся и радовался, что никто ему на Черткова не жаловался. Я тоже прибавил замечание о большом житейском такте и авторитетности Черткова, о том, что он забрал в руки даже Пузыревского. Государь сказал: «А отец мой не любил Черткова. Тут была какая-то история с покупкою имения».

Спрашивал, куда поеду в отпуск.—Вероятно, в Териоки ловить рыбу. Ну, а потом?—Тогда я сказал, что заеду, кроме того, к матушке в Холмский уезд, и потом, вероятно, попаду в Париж. Спросил, не будет ли каких поручений в Париже.—Повесьте Андрие: он портит французскую армию. Потом государь сказал, что его интересует вопрос: пройдет ли двухлетний срок службы в французской армии.—Это все же переход к милиции.—Я вызвался, если буду в Париже, ознакомиться с проектами французов относительно Китая. О деятельности французов в Тонкине государь не высокого мнения. Все время государь говорил со мною в особо дружеском теплом тоне. Вообще вот около 2-х недель, начиная с Псковских маневров государь, государыня, наследник и Ольга Александровна относились ко мне с такою внимательностью и предупредительностью, что я не мог не быть тронут. Все время пребывания на маневрах под Влодавою государь за завтраком и обедом сажал меня рядом с собою и очень много расспрашивал, задавая интересовавшие его вопросы по разным отраслям знания. Государыня утром и около 5 часов пополудни за чаем тоже много говорила.

Посмотрим, означает ли это, что государь решился приласкать меня, чтобы удержать министром. От мысли отправить меня в Киев уже отказался.

8 сентября. Понедельник.

Был у гр. Ламсдорфа. Говорили о Македонских делах. Он уже не довольствуется предъявленною программою реформ. Хочет добиваться, чтобы иметь в Македонии нашего представителя вместе с представителями других держав. Сам указал на г.-м. Шостака, помня его в. усиленную деятельность на о-ве Крите. Я прибавил, что Шостаку надо дать кадр инструкторов: несколько офицеров и унтер-офицеров, и что надо при управлении страною допустить местных представителей из славян. По словам Ламсдорфа согласие у нас с Австрией самое полное. Надеется удержать Болгарию от войны. Готовит ноту. Я предупредил гр. Ламсдорфа, что в предпринимаемых нами шагах в Македонии по приглашению нашего генерала и инструкторов для полиции вижу повторение истории с инструкторами в Болгарии. Что сформированная нами в Македонии военная сила восстанет против турок, и мы будем вынуждены или итти вместе с македонцами, или будем изгнаны, как были изгнаны наши инструктора из Болгарии. Гр. Ламсдорф с необычайной для него горячностью говорил мне, что у нас, к сожалению, связаны руки на Дальнем Востоке, иначе он мог бы действовать много энергичнее на Ближнем Востоке.

Я согласился, что ныне совершенно не в наших интересах иметь войну с Турцией, но что мы не должны забывать Босфора. Что нам надо самим выбрать минуту, когда принять меры к овладению им. Указал Ламсдорфу на деятельность Германии, на то, что она может захватить Босфор и уже захватила Гайдар-пашу. Ламсдорф успокоивал меня. Я говорил о Македонии для македонцев. Ламсдорф признает это

невозможным. Говорил, что македонцев нет, что есть конгломерат народностей и «масса турок».

Далее говорили про Дальний Восток. Ламсдорф тревожится. По его мнению, Алексеев юлит, поддерживая увлечение государя предприятиями на Ялу. Алексеев уже собирался посылать на Ялу миноноску и указывал Ламсдорфу на наше право послать в Корею войска. Не согласился, чтобы мы уменьшили наши требования по Маньчжурии против проектированных в Порт-Артуре. Полагает необходимым заключить с Китаем новый трактат, а не предъявлять наши требования, как наше неизменное решение, с приступом к эвакуации Маньчжурии.

15 сентября.

Долго сидел у кн. Оболенского, товарища министра иностр. дел. Ламсдорф отсутствовал (за границею с государем). Говорил, что предполагаются переговоры с Австриею. Государь и министры будут говорить о Македонии. Предметом разговоров будет вопрос об усилении опеки над македонцами, что между нами и австрийцами существует твердое соглашение. Другие державы примкнут к нему. В Македонию попадут наши офицеры и унтер-офицеры. Я повторил свое опасение. Кн. Оболенский говорил мне о сепаратных переговорах Болгарии с Турциею. Кажется, идут успешно. Не видит в них вреда. Надеется, что войны между Болгарией и Турцией не будет. Гр. Ламсдорф, может быть, поедет и в Рим.

Оболенского более всего тревожит вопрос Дальнего Востока. Там, по его мнению, собираются серьезные тучи. Государь повелел вести дела там так, как хочет Алексеев. Между тем между мнениями Ламсдорфа и Алексеева существуют серьезные разногласия. В мин. ин. дел не хотели заключать нового договора, не вести особых переговоров, но сделать Китаю твердое заявление, в котором выразить нашу волю. Алексеев же настоял, чтобы наши предложения были сделаны, дабы иметь новый договор. На наши требования, предъявленные китайцам, они по наущению японцев отвечали отказом. Американцы готовятся 26 сентября предъявить свои требования. Они тоже «подуськиваются», как говорил Оболенский, японцами. Несомненно, что и англичане тоже поднимут свой голос. И все это поднимается по поводу все того же предложения об устье Ялу. Алексеев горячится. Не умеет вести дипломатических переговоров. У него нет помощников. Вызвал в Порт-Артур барона Розена. Всюду против нас общее возбуждение. Придется или со стыдом отступить, или итти на войну. Оболенский выразился при этом, что «мы все» скоро соберемся в Сочи, отстранившись и отстраненные от дел. Он мне говорил, что гр. Ламсдорф будет иметь очень серьезный разговор с государем, который не понимает серьезности положения дел и относится к ним оптимистически.

Расставаясь с Ламсдорфом перед поездкою в Либаву и далее в Беловеж, государь выразился о Маньчжурском деле, как о законченном.

Из депеши Алексеева в главный штаб видно, что он тревожится возможностью войны с Японией. Просит ускорить присылку подкреплений.

23 сентября в отпуску в с. —ской.

Сегодня получил письмо от генерала Сахарова от 21 сент. с приложением копии с двух депеш адм. Алексеева №№ 75 и 66. Из первой депеши, по мнению Сахарова, видно, что японцы приступают к активным действиям. Повидимому, японский флот частью уже прибывает к Корейским берегам у Мозампо. Сахаров сделал распоряжение о поверке мобилизационной готовности предназначенных к отправлению на Дальний Восток подкреплений из Европ. России.

В депеше № 75 Алексеева военному министру значилось: «ввиду вновь полученных сведений, подтверждающих возможность высадки отряда (японского) (в) Корее, мною послана телеграмма государю императору о мерах, которые считаю (в) таком положении необходимыми. Извлечение из этой депеши имею честь сообщить вашему высокопревосходительству:

«В случае высадки в Чемульпо, Цинанпо или в устье Ялу, первое оказать противодействие открытою силой на море высадке дальнейших эшелонов; второе—немедленно мобилизировать войска Квантунской области и расположенные в Маньчжурии. Одновременно подготовить все для их сосредоточения к Мукдену и объявить всю Маньчжурию на военном положении. Следующею мерою могла бы быть требующая значительного времени мобилизация резервных войск в Забайкалье и приготовление к мобилизации для подкрепления военных сил Дальнего Востока войск: сибирского, московского и казанского округов. Что касается остальных войск приамурского округа, то ввиду их достаточной мобилизационной готовности и во избежание преждевременных крупных расходов полагал бы возможным их мобилизацию отложить до полного выяснения обстановки». № 75. Ген.-Адъют. Алексеев».

Получив эту депешу, сделал все распоряжения окончить мой отпуск на месяц ранее, чем мне был дан, и возвратиться в Петербург к 2 октября. Послал государю депешу, испрашивая приказание вступить в должность.

14 окт[illegible]

Сегодня первый раз председательствовал в комитете министров С. Ю. Витте. Все прошло, как будто никаких перемен не было.

По окончании заседания Витте передал мне, что бар. Фредерикс рассказывал ему, Витте, о следующем эпизоде по делам Дальнего Востока. Когда государь получил депешу Алексеева, в которой он собирался атаковать японский флот, если бы японцы начали высаживать свои войска в Корее, государь позвал Ламсдорфа и просил составить ответ. Ламсдорф уклонился, говоря, что он не в курсе дела (Фредерикс прибавил при этом, что не все депеши Алексеева по дипло-

матической части попадают в копиях к Ламсдорфу). Говорил, что ему неизвестна главным образом психическая сторона ведущихся на Дальнем Востоке переговоров. Государь настаивал. Тогда Ламсдорф прислал государю следующий проект депеши, уверенный, что государь не подпишет его: «не желаю войны России с Японией и не допущу этой войны. Примите все меры, чтобы войны не было». Государь подписал эту депешу и послал Алексееву.

Несколько дней тому назад государь на моей записке, что вследствие тревожных сведений с Дальнего Востока я прервал свой отпуск, надписал: «Кажется, тревога на Дальнем Востоке начинает улегаться».

15 октября.

Сейчас получил депешу от Фрезе, что кн. Голицын, возвращаясь из Ботанического сада, был атакован тремя туземцами. Они ранили Голицына кинжалами три раза в голову и раз в руку. Ранен и казак, защищавший Голицына. По осмотре оказалось, что череп не пробит. Погонею один из нападавших убит, один смертельно ранен, один ранен и схвачен.

25 октября.

Вчера долго работал с вел. кн. Николаем Николаевичем. Присутствовал ген. Палицын.

По своей новой обязанности на военное время главнокомандующим северо-западным фронтом он сделал небольшой объезд, был в Ковне и в Гродно, и, не ознакомившись хорошо со всеми работами в округах и в главном штабе, спешно пришел к заключению, что Гродно должно быть обращена в первоклассную крепость, и что ранее исполнения этой задачи не следует расходовать на северо-западном фронте на что-либо какие бы то ни было суммы. Такое безусловное мнение о важности крепости в Гродно Ник. Ник. доложил и государю и получил от него соизволение, дабы работы по инженерной подготовке северо-западного фронта представлялись его величеству с заключением по ним великого князя. Я и привез вчера великому князю наши предположения и просил указанного выше заключения. Нельзя было не коснуться и слишком быстрого решения великого князя отнести все сосредоточение более к востоку с явно выраженным желанием не защищать линии Нарева. Из разговора с князем, из его довольно презрительного отношения к обороноспособности не только Нарева, но и Бобра, я пришел к заключению, что великий князь не готовится защищаться и за Бобром, что он рассчитывает на дальнейшее отступление к «базе» и что Гродно является в его предположении пунктом, прикрывающим базу.

Я высказал князю мнение, что ныне крепости-лагеря скорей ловушки для войск, чем источник спасения армий. Что 20 бат-ов,

которые князь полагает необходимыми для Гродно, на 40 верст обвода очень слабый гарнизон, что активной роли крепость иметь не будет, ибо из 20 бат-ов самое большее могут выйти для действий в поле 10—12 бат-ов. Что эти силы могут быть остановлены одной бригадою; что Гродно всегда был важным пунктом в военном отношении, что оценил этот пункт Петр Великий, но что увлекаться им настолько, что ничего больше не делать для подготовки всего театра, неправильно и опасно, и пр. Из разговоров далее выяснилось, что Ник. Ник. считает даже разрешенную к постройке Бобровскую дорогу излишнею, пока не будет готова крепость Гродно. Что он будет «умолять» государя не строить эту дорогу, пока нет денег на Гродно. При рассмотрении присланного с места первоначального предположения, сделанного двумя офицерами, командированными в Гродно, оказалось, что они совершенно не то хотят укреплять, что предназначил себе князь и Палицын.

После двухчасовых разговоров и споров вел. князь согласился, чтобы начатые работы в плацдарме Ломже и Рожанах продолжались; чтобы кредиты, внесенные на Гродно, Червонный Бор, Визку, позиции на верхнем Нареве (Желтой и Топилицы) вносились, но расходование их не производилось до осмотра вел. князем этих мест.

28 октября.

Вчера в государственном совете имел большую радость. Витте, три года не соглашавшийся со мной в необходимости присоединения к России северной Маньчжурии, наконец, сдался. После разных оговорок, что мы сами испортили положение, он признал, прочитав мою записку по Маньчжурскому вопросу, представленную государю, что ныне нам ничего другого не остается, как присоединить к России северную Маньчжурию, как мною проектировано.

Вчера же Оболенский (товарищ Ламсдорфа) говорил мне, что на Дальнем Востоке все еще не хорошо, что японцы не уступают и соглашение с ними не двигается вперед, что с китайцами прекращены всякие переговоры.

Вчера возвратился от государя всеподд. доклад, в котором я испрашивал повеления государя на сформирование еще четырех батальонов для гарнизона Владивостока (в 87 стр. бригаду). При этом мною ставился вопрос: на какие суммы отнести это формирование, предвиденное на совещании в Порт-Артуре: на предельный бюджет или на особые кредиты, сверх предельного бюджета. *В первом случае указывалось, что придется на 6 милл. руб. сократить наши предположения по усилению западного фронта империи.* Государь, 25 октября, на этом докладе надписал: «Считаю эту меру лишнею, ввиду общего усиления войск на Дальнем Востоке».

Несколько дней тому назад государь возвратил также доклад о порядке объявления мобилизации на Дальнем Востоке, при чем

испрашивалось указание: будет ли предоставлено наместнику объявить мобилизацию в пределах наместничества, или это объявление б[ы]ет совершаться лишь волею государя на общем основании. Государь начертал: «Оставить по прежнему» (т.-е. по закону, без особых полномочий наместнику).

Эти два факта в связи с данным Алексееву указанием умерить воинственный пыл дают основание думать, что медовый месяц наместника уже проходит.

Сегодня посетил меня гр. Ламсдорф, возвратившийся из-за границы. Все еще тревожится делами Дальнего Востока. Говорит, что там идет путаница. Не доволен и Розеном. Говорит, что он закинулся и, как упрямый немец, настаивает на проведении своего мнения: чтобы японцы отказались от Маньчжурии, а мы откажемся от Кореи (лично я сочувствую сему мнению). Лессар сбит с толку требованиями Алексеева, проводил дело не по частям, как хотел Лессар, а особым торжественным заявлением. Китайцы уперлись, и дело стало. Другие пользуются. Ламсдорф показал государю письмо Лессара, в котором достается Алексееву и осуждаются заведенные порядки вести дела не через Петербург. Государь письмо не возвращает.

Ламсдорф рассказал, что, когда государем была получена воинственная от Алексеева депеша, он очень встревожился и не скрыл своего беспокойства:

«Надо сейчас же телеграфировать Алексееву, что я не хочу войны,—говорил он Ламсдорфу.—Составьте ответ».

Ламсдорф составил ответ в сильных выражениях, что государь войны не хочет и возлагает на Алексеева принятие мер, чтобы войны не было. Обыкновенно государь только помечал такие депеши, как проекты, и уже ждал к подписи не проекта. А тут он зачеркнул слово проект и уже подписал без изменений. С этой минуты, повидимому, в настроении государя произошло изменение. Ему стало ясно, куда нас может завести политика потрясения кулаком, без желания ударить им. По словам Ламсдорфа, он говорил государю: «Нельзя, ваше величество, потрясать кулаком без решимости нанести удар. Придется сбавлять тон, — а это очень нежелательно». Все же Ламсдорфу представляется, что немедленного разрыва с Японией не будет.

Выяснилось, что государь, несмотря на полномочия, данные Алексееву, все же разрешал и Ламсдорфу давать указания нашим послам на Дальнем Востоке. Выходит двойственность распоряжений, путающих дело и смущающих диплом. представителей других держав.

Ламсдорф все поговаривает, что надо ему уйти.

Относительно Македонии гр. Ламсдорф спокоен. Мое опасение, как бы Македония не подпала под власть Германии, через германских офицеров, он опровергает, но я продолжаю опасаться.

31 октября.

Вчера сидел у С. Ю. Витте более двух часов. Говорили о наступившем затишье по делам Дальнего Востока. Витте высказал мысль, что государь, ударив по нем и доказав свою мощь и решимость не останавливаться ни перед чем для проведения своих идей по Дальнему Востоку, теперь успокоился. Что в особенности воинственное настроение в сентябре Алексеева встревожило государя. Что теперь он спокойнее будет смотреть и на окружающих. В числе их особенно занимает Витте Безобразов. Теперь, по словам Витте, вполне определилось, что Безобразов—негодяй. Но тут в отзыве С. Ю. Витте сквозило личное раздражение. Он с основанием считает, что Безобразов очень способствовал удалению его с места министра финансов. Тотчас после смены Витте, Безобразов был у него и упрекал, что он, Витте, не хотел с ним итти и потому пал. Говорил и в других местах, что это он свалил Витте. Государю в Дармштадте передали похвальбу Безобразова, что это он свалил Витте, и государь раздраженный сказал: «Пора, однако, это окончить». Затем Витте говорил, что он не мог так прямолинейно действовать по отношению к Безобразову, как действую я, что он, Витте, связан с Безобразовым серьезными делами уже с 1900 года. При этом Витте достал из своего секретного шкапа документы, из которых показал мне два. В первом из них были изложены основания действий лесного предприятия на Ялу, а на обороте государь написал почти всю страницу карандашом. Тут значилось, что барыши с предприятия на Ялу должны поступать в доходы кабинета в соответствии с теми расходами, которые произведены на это предприятие из сумм кабинета. Что потом дальнейшие барыши должны итти на содержание войск на Дальнем Востоке и, наконец, на эти же барыши следует развить церковное строительство. Документ, повидимому, 1900 года. Того же года Витте показал мне собственноручное письмо государя к нему, которое начиналось так: «Любезный Сергей Юльевич, сделайте распоряжение об открытии А. М. Безобразову в русско-китайском банке кредита в два миллиона рублей»... Витте прибавил, что эти два миллиона израсходованы без толка, что теперь сам Безобразов признает неудачу своих предприятий; что никакого отчета в этих двух миллионах он никому не дает; что дела ведутся очень темные; что из русско-китайского банка, по словам Ротштейна, к Безобразову на службу поступили все подозрительные люди и этим очистили личный персонал банка.

Далее С. Ю. Витте рассказал мне удивительную историю по рабочему вопросу. По его словам, в 1881 году в каземате по политическим делам сидели два лица: Тихомиров и Зубатов. Теперь Зубатов недавно был начальником всей сыскной части, а Тихомиров является составителем особого плана к решению рабочего вопроса. Тихомиров подал государю красноречивую записку, в которой изложил программу социал-демократической партии, заключающуюся в борьбе с капиталом, с буржуазиею и с правительственной властью. Он по-

советовал направить силы недовольных рабочих при помощи *особой* организации только на борьбу с капиталом и буржуазиею, изъять из программы борьбу с правительством. Мысль понравилась. Кажется, ранее всего мысль одобрили в Москве (Сергей Александрович). И вот началось невиданное на Руси дело. Само правительство с одобрения высшей власти через Зубатова начало организовывать рабочее движение. Все бывшие на юге вспышки—в значительной мере результат усердия не по разуму зубатовцев. Фабричные инспектора пришли в ужас и стали доносить Витте о происходящем. Он отсылал донесения Плеве при письмах, счетом около 12. Ответа не получал. Плеве сочувствовал. Зубатов забирал все бóльшую силу. Плеве говорил, уезжая в отпуск, что он спокоен, ибо Зубатов всех выручит. Лично Зубатов спас жизнь Плеве три раза. Как сыщик, он гениален. Зубатов являлся к Витте и выражал недовольство общим течением дел и деятельностью Плеве. Он говорил, что Плеве никто не знает, что знают его маску. Витте обещал их разговора Плеве не передавать. Зубатов отправился к Мещерскому и говорил ему то же, что и Витте. Мещерский поехал и передал все Плеве. Кончилось арестом и смещением Зубатова. Произошло это так. Зубатов кому-то из своих написал о разговоре государя с одесским градоначальником, а именно, что государь против еврейских тузов, но не против еврейских масс; что, напротив того, он готов оказать доверие массе. Письмо это попалось в руки Плеве, и он потребовал при ген. Вале к себе Зубатова, показал ему письмо, признал передачу царских слов изменою присяге и тут же отрешил его от должности и приказал арестовать. Зубатов пошел, вероятно, выпущенный из-под ареста, к Мещерскому, рассказал, что с ним сделали, и, показывая на себя пальцем, сказал: вот как делают Балмашевых и ? (один из убийц Александра II, врач). Витте прибавил, что ныне Сергей Александрович хлопочет о назначении Зубатову пенсии и хочет взять его к себе на службу с хорошим окладом. Витте сделал следующую характеристику Плеве: человек не государственного склада ума, никаких новых широких путей не изобретет и России не выручит. Но очень умен, опытен, обладает сильным характером, лично смел, очень хитер и чрезвычайно способен к интриге. Необычайно умеет скрывать свои мысли и планы.

Сегодня целый день работал, составляя государю записку по главнокомандованию юго-западным фронтом. Очень плохо стоит дело с III армиею. Сергий, конечно, не годится в командующие армией но и Соболев, его начальник штаба, очень плох. Составил совершенно невозможное соображение по наступлению III армии в пределы Австрии.

7 ноября.

Сегодня долго сидели у меня Муравьев (мин. юстиции), а потом Плеве.

Муравьев только что возвратился из Гааги, где разбирал третейским судом дело об иске к республике Венецуела. Очень доволен

результатами дела. Приписывает себе поднятие на должную высоту принципа третейского суда. Начали сухо, окончили обращением к портрету государя, инициатора сего дела. По мнению Муравьева, надо расширять это дело, и оно вырастет в дело огромного значения на судьбы государства.

Но этот частный успех России и русского царя не закрыл от Муравьева общего неблагоприятного для России настроения Европы. Нас перестают уважать. Франция от двойственного союза начинает стараться примкнуть к тройственному. Туда же тянут и Англию. Я спросил Муравьева: значит мы снова останемся одни? Он ответил—да. По мнению Муравьева, наши дипломаты очень плохи. В Гааге во время разбирательства секретарь нашей миссии проворовался. Муравьев не скрывает, что он очень хотел бы попасть в Париж. Озлоблен. Конечно, лучше был бы Новиков. Урусов, по словам Муравьева, только гоняется за кокотками. *Внутреннее положение России, по мнению Муравьева, тревожно. Зубатовщина сделала свое дело. Всюду провокаторство.* Само правительство ведет борьбу с самим собою и с представителями капитала. Так долго итти не может. Ему, Муравьеву, хочется уйти.

Плеве под личиною спокойствия тоже имеет тревожный вид. Ему, очевидно, становится ясно, в какую кашу он втянул государя и Россию, присоединившись к Безобразовым. Сам признается, что совершенно не знает дел Дальнего Востока. Просил прислать ему труды печатные, новые, которые мы недавно издали (я говорил ему, что еще недавно прочел два тома, содержащие описание провинции Мукденской и Гиринской).

Рассказал мне, что перед совещанием первым на Ялу (в апреле) государь позвал Плеве и говорил с ним о необходимости организации сильной власти на Дальнем Востоке. Поэтому-то Плеве и предупреждал меня в вагоне, чтобы я был осторожен в выражении своего мнения.

Плеве говорил, что государь был крайне недоволен противодействием ему министров. Нельзя ему резко противоречить. Вот почему государь и обратился к Безобразовым. И это, по словам Плеве, очень жаль, ибо влияние попало в нехорошие руки и прежде всего в руки людей неверующих. По мнению Плеве, все дело в том, что в Маньчжурии собирались устроить особое государство (разумеется, при этом государство Витте). Масса ошибок. Например, устройство Дальнего. Теперь это открылось. Ему, Плеве, тем не менее неизвестно, куда же мы идем. И ему, согласно с моим мнением, кажется, что России надо ограничиться Северною Маньчжуриею, что в этом смысле он готов поддерживать меня.

Он упрашивал меня не уходить из состава министерства.—«У нас Куропаткин один».

Расставаясь, я сказал ему, что если бы не любил царя и родины, а был бы только солдат, любящий войну и военную славу, то радовался бы нынешнему ходу вещей и смуте: будет война, начнется с Японией. Наделаем ошибок. Пошлют меня поправлять дело. Тре-

тий опыт постановки во главе сухопутных войск адмирала тоже окажется неудачным (первые были в 1812 г. с Чичаговым и второй в 1854—1855 г. с Меньшиковым).

10 ноября.

Прочел сегодня в «Берлинском листке» № 4—5 статьи о самодержавии и удивился. Те же идеи, что и у Тихомирова и Зубатова, но выраженные еще подобострастнее по адресу царя-самодержца, еще циничнее и презрительнее по адресу правительственной власти. Говорится, между прочим, что: «все канцелярии, как бы ни были высоки их названия, суть лишь необходимое зло, так или иначе разменивающее недостижимый идеал прямого соприкосновения русского человека с его царем».

Далее проповедывается польза борьбы рабочих с капиталом. В конце газеты на странице 52 напечатано «Отдел промышленности № 12214 «следующее уведомление: «Государь император по всеподданнейшему докладу министра финансов, в 25 д. июля сего года высоч. повелеть соизволил разрешить вам (издателю-редактору) беспошлинный пропуск издаваемого вами журнала на русском языке под названием «Берлинский листок».

Что все это значит? Куда мы идем?

13 ноября.

Сидел сегодня у Муравьева. Говорил мне о новом проекте министра внутренних дел по изданию положения о крестьянах. Нам проект этого положения прислан (в комитет министров) с целью дальнейшего направления его в особые комитеты, но нашего заключения не запрашивалось. По мнению Муравьева, новый закон имеет целью окончательно закрепостить крестьян, окончательно отделить и уединить их от прочих сословий. Их хотят низринуть в бездну. У них будут свои власти, свой суд, свои законы. Составлял Стишинский с двумя незначительными личностями. Составляли чиновники, не знающие Россию. При отдаче проекта на суд общества поднялся бы крик негодования. Затем Муравьев выразил мнение, *что так далее дела итти не могут*; что государь или признает полезным и необходимым вернуться к установленному в законе порядку и продолжать управлять Россиею при помощи высших правительственных учреждений, или, если государь пожелает покоя и сложения с себя ответственности, то надо будет перейти к конституции. Управлять же Россиею при помощи Беловых, Хлоповых, Мещерских и Безобразовых государь сам скоро увидит невозможность.

Сейчас светлейшая Мария Михайловна Голицына говорила мне о делах в Скерневицах. Болезнь государыни очень мучительна, теперь прокололи барабанную перепонку, гноя идет очень много. Доктора говорят, что угнетенное положение, в котором находится государыня, вследствие смерти принцессы Гессенской, препятствует быстрому благоприятному ходу болезни.

Государыню тревожат: а) смерть принцессы, б) разлука с детьми, в) сознание, что она удерживает государя в Скерневицах, когда ему надлежит быть в Петербурге. Не знает, когда царская семья возвратится в Петербург.

Министр Муравьев, рассказывая мне об отречении Кирилла Владимировича от наследования русского престола, прибавил, что пока жива Мария Павловна, Владимировичи не могут рассчитывать попасть на русский престол, и что у него есть «документы».

24 ноября.

Сегодня сидел (перед докладом завтра у государя) у Ламсдорфа. Очень все еще встревожен. Признает, что наше положение в Европе попатнулось. Придает особое значение тому, что ведение дипломатических переговоров по Дальнему Востоку поручено наместнику. Представители всех держав в недоумении, к кому обращаться. Отказываются иметь при наместнике аккредитованных лиц. Говорил мне, что китайское соглашение не подвигается вперед. Ныне китайское правительство через посланника в Петербурге жалуется на действия наместника, который вновь занял Мукден нашими войсками по ничтожному поводу. Японские переговоры идут неуспешно. Повидимому, Алексеев затягивал их преднамеренно, чтобы выиграть время для приготовления к войне. На проект японцев о соглашении с нами, мы долго не давали ответа. Лишь по настойчивым требованиям японского правительства, государь приказал отправить наш контр-проект, который теперь и рассматривается. Успеха Ламсдорф не ожидает. Алексеев ставит требования японцам, как будто они побеждены уже. В переговорах надо допускать гибкость. Мнения Алексеева на совещаниях в Порт-Артуре забыты. Когда я входил к Ламсдорфу, от него вышел корейский посланник и его переводчик. Ламсдорф сообщил мне, что посланник явился по поручению корейского императора узнать: что же мы хотим, как должны держать себя корейцы, могут ли они рассчитывать на нашу помощь, если будут сопротивляться японцам, они хвалятся, что готовы при нашей поддержке выгнать их. Я усумнился в искренности этих заявлений и сделал предположение, что японцам они то же самое говорят по нашему адресу.

Но, по мнению Ламсдорфа, итти так неопределенно, как мы идем, так нельзя, что пускай ему скажут: надо присоединить всю Маньчжурию или часть ее, и он это сделает. Поводов достаточно. Когда он указывал государю, что Алексеев вновь занимает некоторые пункты в Маньчжурии, государь ответил, *что он всегда был того мнения, что Маньчжурии не следует очищать*. На замечание Ламсдорфа, что еще недавно он выражал иное мнение, государь ответил: он тогда еще не был наместником.

26 ноября.

Вчера государь принял меня первый раз по возвращении в Царское Село. Был очень ласков. Расспрашивал, как провел время отпуска. Говорил о своих занятиях, о вопросах, кои его интересовали. Гово-

рил, что государыня стала поправляться, что со вчерашнего дня температура несколько упала. Очень милостиво согласился на мои представления к наградам вне правил и вне очереди своих ближайших помощников.

О делах Дальнего Востока не говорил.

Доклад длился $1^1/_2$ часа.

Ранее говорил с г.-а. Гессе. Он снова вспомнил свое мнение, высказанное государю о том, что нам надо отдать Квантун обратно, и как государь ответил ему: «Вы не один этого мнения, и Куропаткин так же думает». Затем Гессе сказал мне интересную новость: адм. Алексеев по приезде в Петербург *две недели* был тоже того мнения, что надо Квантун с Порт-Артуром отдать обратно. Но потом это мнение переменил.

Возвратившись в Петербург, поехал в комитет министров, где рассматривалось дело о передаче в особые губернские комитеты проекта законоположений об устройстве крестьян. Законы разработаны в мин. внутр. дел как бы на основаниях закона 19 января 1861 года, но в сущности крестьян хотят отделить стеною от других сословий и под предлогом охраны их еще раз закрепостить. Такое впечатление производит новый закон при первоначальном его просмотре. Надо соблюсти большую осторожность. Я отказался ныне же решить вопрос об учреждении губернского комитета для рассмотрения сего закона в Донской области.

Позабыл написать, что гр. Ламсдорф говорил мне о провале лесного предприятия на р. Ялу. Безобразов, обещавший нам в заседании в Порт-Артуре в этом году 5 милл. и будущем 10 милл. барышей казны, в действительности нагрузил лесом только одно из зафрахтованных им судов. На второе судно леса не хватило и лес *купили американский!*

27 ноября.

Вчера на георгиев(ском) празднике рядом с государем сидел Роон, а рядом с Роопом– -я. После обеда ко мне подошел Роон и сказал, что во время обеда государь говорил с ним о Маньчжурских делах, и он, Роон, высказал государю свое мнение, что России нужна Маньчжурия только по магистраль железной дороги, но отнюдь не южная ее часть. На это государь ответил, что такое же мнение и военного министра.

Гессе тогда же говорил мне о «гипнозе» Безобразовым государя с добавлением, что очарование, вероятно, проходит.

Бар. Фредерикс говорил с негодованием, как зазнались Безобразов и Абаза, но теперь, кажется, дела их пошли на убыль: Безобразов сказался больным, Абаза в клубе, в присутствии нескольких лиц и Фредерикса, с ожесточением заявил: «Что же это: разве у нас две России?». Оказалось, он недоволен тем, что переговоры по делам Дальнего Востока велись Алексеевым прямо в Дармштадте, а не через них (Абазу с Безобразовым). Он, оказывается, смешивает Россию с собою и Безобразовым! Фредерикс прибавил, что дальше этого нахальства итти нельзя.

Фредерикс рассказал мне, что в бытность в Дармштадте он дешифрировал депеши, получаемые от Алексеева в то время, как там находился и Ламсдорф. Государь первоначально не посвящал Ламсдорфа в эти переговоры, но потом, по совету Фредерикса, стал посвящать и через Ламсдорфа послал Алексееву цука за излишне воинственный пыл, что государь несколько раз говорил, что он войны не хочет и не допустит.

К Ламсдорфу стал относиться хорошо. Ко мне тоже. Но вопрос о командовании киевским в. округом продолжает считать открытым.

Когда умерла маленькая принцесса, государь был огорчен только потому, что государыня была неутешна. Он страдал ее горем. Когда состоялось решение ехать на похороны в Дармштадт, Фредерикс отговаривал государя, указывая на серьезность минуты ввиду осложнений на Западе. Но государь говорил, что ему все равно, как будут судить его поступок другие. Он знает, что многие в его поступках находят только дурное. Он считает себя обязанным слушаться только голоса совести, а совесть ему подсказывает о необходимости не оставлять государыни во дни ее неутешного горя. Фредерикс прибавляет, что государыня, действительно, обнаруживала столько сердечности, что никто этого не мог ранее предполагать. Когда государыня заболела, Фредерикс сказал государю, что сам бог помогает, дабы государь поездкою в Дармштадт не сделал ложного шага. Болезнь была очень мучительна. Государыня сильно страдала. Первые три дня государь находился в Скерневицах, но потом, по совету Фредерикса, стал ездить на охоту, уезжая рано утром и возвращаясь к вечеру. Государыня была совершенно одна, ибо даже приход в ее комнату фрейлины ее раздражал.

Сегодня утром послал государю свою записку по Маньчжурскому вопросу об обмене у Китая северной Маньчжурии на Квантун и южную ветвь железной дороги.

27/XI 1903.

Приложение к № 18.

Рукою Куропаткина написано: «Это заключение взято из написанной мною и представленной государю записки по Маньчжурскому вопросу. Была отправлена в Дармштадт в десятых числах октября.

28/X 1903. Куропаткин.

Заключение.

28 октября.

Присоединение только северной Маньчжурии даст нам следующие главные выгоды:

а) Мы получаем возможность приостановить заселение китайцами свободных земель.

б) Взяв в свое распоряжение все свободные земли, мы можем направить в северную Маньчжурию переселение русских людей.

в) Мы получим местности, важные в военном отношении, по производству зерна и возможному развитию коневодства и скотоводства.

г) Мы получим местности с большими лесными и минеральными богатствами.

д) Мы получим государственную границу на 1.300 верст более короткую, чем ныне.

е) Включение всего бассейна реки Амура в наши владения обеспечит прочно деятельность русского населения трех существующих областей.

ж) Оборона новой границы значительно облегчится, и этим прочно обеспечится положение Приамурского края.

з) За рекою Сунгари мы найдем отличную позицию как для обороны, так и прочную базу для перехода в наступление.

и) Новая граница, не прикасаясь с Кореею, не вызовет осложнений с Японией.

к) Так как в северной Маньчжурии еще не создалось прочных экономических интересов с другими державами, то присоединение северной Маньчжурии к России может и не вызвать разрыва ни с одной из заинтересованных держав.

К невыгодам присоединения северной Маньчжурии относится то, что, присоединяя эту страну, мы создадим опасность еще более быстрого, чем ныне, проникновения желтолицых в Приамурский край.

Присоединяя северную Маньчжурию, мы должны готовиться к энергичному протесту Китая и даже разрыву с ним.

Присоединение, кроме северной, еще и южной Маньчжурии даст нам следующие выгоды:

а) Мы связываем Квантунскую область с прочими областями России.

б) Мы получаем возможность эксплоатировать естественные богатства южной Маньчжурии (лесные и горные).

Но невыгоды этого присоединения, сравнительно с присоединением только северной Маньчжурии, следующие:

а) Мы удлиняем государственную границу на 1.800 верст.

б) Оборона этой границы будет весьма затруднительна.

в) Опасность для Приамурского края сделаться китайским по преобладающему населению весьма возрастет.

Присоединение южной Маньчжурии приведет к необходимости занять важные пункты вне линии железной дороги [1]) и вызовет значительные расходы на усиление войск, прокладку дорог, устройство укреплений.

г) Присоединение южной Маньчжурии со священным Мукденом отзовется тяжким образом на наших отношениях с Китаем.

д) Придя в соприкосновение с Корейскою границею, мы вынуждены будем вступить в соперничество с Японией из-за Кореи, которое

---

[1]) Например: Мукден, Гирин.

может окончится войною. Устье Ялу прежде всего будет служить яблоком раздора между нами и японцами.

е) Присоединение южной Маньчжурии может нарушить наше согласие с европейскими державами, Америкою и проч., из-за Инкоу, устья Ялу, Мукдена и других пунктов.

ж) Активная оборона этой границы будет весьма затруднена и может привести к войне с европейскими державами.

з) В результате, занимая южную Маньчжурию, мы должны непрерывно увеличивать на Д. В. свои силы и средства и жить в состоянии вооруженного мира, как и на Западе.

и) Занятие только северной Маньчжурии может обойтись и без войны с Китаем и Японией. Занимая южную Маньчжурию мы должны готовиться к войне с Японией из-за Кореи, с Китаем—из-за Мукдена.

Сравнение выгод и невыгод занятия нами южной Маньчжурии не может не привести к выводу, что нам в настоящий исторический период необходимо ограничиться только присоединением к России северной Маньчжурии.

№ 19.

С 28 ноября по 1903 г. по 7 февраля 1904 г.

28 ноября 1903.

Вчера отправил государю свою записку по Маньчжурскому вопросу (окончание), в которой я в сильных выражениях указываю опасность настоящего положения нашего на Дальнем Востоке и советую государю овладеть северною Маньчжуриею путем добровольного соглашения с Китаем, отдав Китаю южную Маньчжурию, Квантун с Порт-Артуром, ветвь южной железной дороги и, кроме северной Маньчжурии, получить еще вознаграждение в 250 миллионов руб. Указываю, что, веди далее наступательную политику, мы не только будем иметь войну с Японией и Китаем, но будем иметь против себя весь мир. *Что даже Франция, ввиду нашей политики на Дальнем Востоке, начинает сознавать необходимость искать другой опоры и ищет соглашения с Италией и Англией,* а там и до соглашения с Германией один только шаг. Не понимают, что мы хотим, куда идем, и потому тревожатся; что и в Англии просыпаются сказки о наших замыслах на Индию. *Написал, что война с Японией будет крайне непопулярна в России, что противоправительственная партия воспользуется этою войною, чтобы увеличить смуту и пр.*

Писал с полною откровенностью.

Читать государю эту записку будет тяжело, ибо в ней есть осуждение его политики, его мнений. Но надо, чтобы государь знал правду. Эта правда принесет пользу не только России, но и нашему чудному государю.

3 декабря.

Вчера на докладе государю императору плана наших мероприятий на пятилетие 1904—1909 года *мне в значительной мере удалось направить главные усилия наши опять на Запад.* Из 130 м. руб. на предельный бюджет взято лишь 7 милл. руб. на новые мероприятия на Дальнем Востоке, кроме 30 милл., которые будут отпущены сверх предельного бюджета. Главное усиление постоянной армии составит 22 корпус [1]), который мы будем формировать в казанском в. округе. Этим удовлетворяются разные цели: 1) обеспечится внутреннее

---

[1]) 32 бат., 12 эск., 8 батарей, 1 сап. бат-он.

спокойствие, ибо теперь между Волгою и Уральским хребтом оч. мало войск, 2) подкрепим VI (резервную) армию и 3) получим возможность рассматривать 22 корпус и как резерв для Дальнего Востока, Туркестана и Кавказа.

Затем мы закончим организацию резервных войск, обратив остальные 22 б-на в резервные полки. На Западе 49 рез. бригаду обратим в 48 пех. дивизию. Сформируем 1 саперный, 1 железнодорожный, 5 военно-телегр., 2 полевых железнодорожных роты, 2 обозных батальона.

Окончим заботу об офицерах, начнем об нижних чинах и проявим заботу об лошадях и пр.

Государь очень внимательно слушал и многое расспрашивал. Был очень добр.

После доклада поехал в комитет министров, где защищал интересы русских рыбаков на Каспийском море против монополиста Лианозова (его наследников). По окончании заседания С. Ю. Витте говорил со мной по поводу прочитанной им моей записки по Маньчжурскому вопросу (окончание), представленной государю. Витте говорил, что год тому назад он был бы против предложенного мною решения, но теперь, после всего сделанного, он не видит другого исхода из того тяжелого, неопределенного положения, в которое мы попали, кроме предложенного мною: т.-е. закрепить за Россиею северную Маньчжурию ценою уступки южной Маньчжурии и Квантунской области. Он, Витте, если бы государь пожелал, взялся бы убедить в необходимости этого решения и гр. Ламсдорфа. Он же, Витте, взялся бы реализировать указанные мною в записке 250 милл. руб. за южную ветвь и сооружения на Квантуне и вполне согласен, чтобы употребить их на дела устройства Дальнего Востока. Результаты получил(ись) бы огромные. Конечно, он возражал мне и доказывал ошибочность мнения, что занятие Порт-Артура явилось следствием постройки, по предложению Витте, магистрали через северную Маньчжурию. Он говорил: «Представьте себе, что я повел своих гостей в Аквариум, а они, напившись пьяны, попали в публичный дом и наделали там скандалы. Неужели я виноват в этом? Я хотел ограничиться Аквариумом. Далее тянули другие»...

В понедельник я был у вел. кн. Александра Михайловича. Он много говорил мне, как его волнуют настоящие события. Что он знает, что государь твердо желает дело не довести до войны, но что есть и другая сторона. Он радуется, что во время успел удалиться от лесного дела на Ялу. Он видел, как летом я сердился на него, был хмурый и приписывал это тому, что это он выдумал Безобразова и Абазу и солидарен с ними. Он вовсе не солидарен и удивляется, как Безобразов может иметь влияние.

Сегодня вел. кн. Николай Михайлович горячо передавал мне свои огорчения по Кавказской службе. Служба ему стала невыносима. Он взял 4-х мес. отпуск и затем хочет проситься на отдых. Надо заняться и своими делами.

На Кавказе идет полный развал. Войска мотают в помощь полиции. Трудно учиться. Всюду вредные влияния. Глупый закон о церковных армянских имуществах возмутил армян нижних чинов. В Грузинском полку 19—20 армян собирались бежать с ружьями. Крали патроны. Руководил армянский священник. На него, вел. князя, по донесению полиции, тоже собирались сделать покушение. Думает, что полиция выдумала, а теперь, чтобы доказать, что она была права, действительно, *чинами полиции* готовит на него покушение.

Голицын напутал и запутал всюду.

Государь вчера на докладе выразился, что он доживет до того, что увидит всю армию в папахах.

Сам носил ее с детства. Ему дал отец. Привык и любит ее.

6 декабря.

Праздновали тезоименитство государя. Парадный завтрак. Сидел между великими княгинями: Елизаветою Федоровною и Ксениею Александровною. Очень скоро стали говорить о политике. Я стращал и несколько дразнил Ксению Александровну, что мужу ее, быть может, на-днях придется выехать на Дальний Восток, принять в командование морскую дивизию. Что войны редки, что надо ему не упускать случай померяться силами с японцами. Что пойду туда и я, что ей же предстоит обратить свой семейный дом в дом благотворительности. Что там будут шить воинам белье, вязать куртки, готовить пачки с табаком, вязать носки, рукавицы... Что время от времени с Дальнего Востока будут получаться депеши: все идет благополучно. Вчера на суше у нас 1.000 чел. убитых и 7.000 раненых. Вчера потопили столько-то японских судов. У нас перевернулись такие-то суда. Княгиня возражала, что никакой войны не будет, что брат ее войны не хочет, что нам не за что воевать с Японией, что Корея нам не нужна. Я ответил, что можно так далеко зайти, что вопрос о войне или мире уже выскользнет из наших рук. Государь скажет: не хочу войны, а ему ответят: «Поздно. Теперь мы хотим войны»,—и война начнется.—Тогда княгиня сказала: «И что это вы точно черный ворон каркаете? Пожалуй, и накаркаете войну».

Елизавета Федоровна очень правильно определила настроение Москвы: *войны не хотят, цели войны не понимают, одушевления не будет*. Когда я говорил, что Мукден тоже Москва для Китая, и что надо не трогать Мукдена, великая княгиня выразилась: «И совсем напрасно мы туда забрались. Все и всех тревожит, что там делают, и еще более тревожатся за будущее. Надо вернуться к нашим делам». Когда я выразил радость слышать такие мысли от представительницы матушки-Москвы, великая княгиня с живостью ответила: «Нет, нет, я политикой не занимаюсь. Я *обезьяна*, заучиваю все, что говорят кругом, и это вам и передала».

9 декабря.

Сегодня государь утвердил представленный мною план мероприятий на 1904—1909 года на сумму в 130 милл. руб., отпускаемую нам прибавкою к предельному бюджету. *Удалось перенести наше главное внимание с Дальнего Востока опять в Европейскую Россию.* Утверждено сформирование 22-го корпуса войск в казанском в. округе, 48 пех. дивизия в Ковельском районе, сформирование 2-х обозных, 5 военнотелеграфн., 1 железнодор. бат-на и пр. Переформируем остальные 22 рез. б-на в двух-батальонные полки. Утверждено укрепление Гродно и Ковеля; основание одного юнкерского училища; для улучшения быта нижних чинов утвержден приступ к частному довольствию и прибавок к приварочному окладу. Улучшим положение лошадей. Приступим к неотложным мероприятиям по казачьим войскам. На дела Дальнего Востока отчислено 7 милл. руб. и пр. Закажем два конных железнодорожных парка. Хорошие средства отпустим на военно-учебное дело. В военно-мед. академии оснуем еще две клиники: хирургическую и сифилитическую.

Государь от себя прибавил формирование конно-пионерного эскадрона.

Говорил, что он показывал государыне мой доклад, при котором был представлен план, и обратил ее внимание, что в текущее пятилетие на улучшение быта офицеров израсходовано 86 мил. руб. из 160 мил., отпущенных прибавкой к предельному бюджету.

Высказал, что он радуется, что мы не будем усиливать, как предполагали, войска в варшавском округе, и будем формировать 22 корпус в варшавском в. округе. «Вильгельм,—говорил государь,—в последнее наше свидание так был дружески расположен ко мне и к России, как никогда. Он и не скрывал причины: его тревожит Англия, а еще более Америка». Государь прибавил, что Америка и его тревожит.

Вчера Ал. Петр. принц Ольденбургский говорил мне с ожесточением, что войны не надо допускать, что общее недовольство всюду растет, что вопрос о войне может стать «династическим».

Говорил, что на Кавказе в Тифлисе чуть не накануне восстания. Все недовольны кн. Голицыным. Армяне соединились с грузинами. Ему, Ольденбургскому, на улице не кланялись.

Гессе мне говорил, что он пытался говорить с Абазою, чтобы узнать: чего же мы хотим. Но из длинных ответов Абазы ничего не понял.

Ламсдорф, спрошенный мною о делах Дальнего Востока, ответил, что ему ничего неизвестно, но что нет ничего и хорошего.

11 декабря.

Сегодня получил депешу от нашего военного агента в Шанхае (от вчерашнего числа) г. м. Дессино, что японские министры решили объявить России войну и что японский флот уже отплыл. Поехал к

Ламсдорфу. Он успокаивает, говоря, что переговоры еще идут, что третьего еще дня к нему приходил японский посланник Курино и в очень почти почтительных выражениях представил заключения на наши предложения, сделанные Японии. Он, главным образом, обращал внимание Ламсдорфа на то, что в наших предложениях ничего не упоминается об Маньчжурии, а, между тем, у них имеются там значительные интересы. Ламсдорф надеется, что до войны не дойдет, но неопределенность положения и наших требований тревожит его. Он, граф, с наслаждением прочел мою записку, поданную государю о получении северной Маньчжурии, взамен южной и Квантуна, и очень был бы рад принятию этого плана. Тут есть определенность. Тревожит его и положение, занимаемое в Маньчжурии другими державами. На-днях ратифицирован договор Китая и Америки об открытии для торговли Мукдена. Теперь там американцы получили право иметь консула, а китайцы посылают их к нам, жалуясь, что мы не только не очищаем Мукдена, но вторично заняли его. Государь, по мнению Ламсдорфа, уже с Дармштадта не относится с прежнею горячностью к делам Дальнего Востока, но влияние шайки Безобразова, Абазы и других еще существует. Ламсдорфа особенно беспокоит роль во всем этом деле Плеве. Он имеет основание думать, что Плеве не прочь иметь войну с Японией. Он надеется, что война отвлечет внимание масс от политических вопросов. Ламсдорф также тревожится мнением государя о возможности ему лично не допустить до войны. Того же мнения Алексей Александрович. Государь говорил Ламсдорфу, что мощное поведение наше на Дальнем Востоке выгодно, ибо лучший залог того, что войны не будет, но он, Ламсдорф, заметил государю, что может случиться так, что вопрос о войне и мире уйдет из его, государя, руки, и нас втянут в войну.—«Тогда надо повесить Безобразова»,—закончил он. Он, Ламсдорф, видит, как государя подталкивают к войне даже со стороны Германии. Вильгельм все справляется, цел ли еще Безобразов, ибо это—их надежный союзник.

Плеве, которого я видел сегодня же и показал ему депешу Дессино. я думаю, мне удалось его убедить, что война с Японией не уменьшит его забот об успокоении России. Что, напротив, если мы на первых порах потерпим неудачи, то внутри страны могут вспыхнуть серьезные волнения, что на нас самое главное может ополчится весь мир, ибо, начав войну с Японией, мы дадим образчик возможных для нас столь же бессмысленных и стихийных действий и в будущем. На очередь, быть может, попадут Тибет, Индия, Персия. Народы поймут опасность распоряжения 130 милл. людей одною самодержавною волею при возможности влиять на решения самодержца таких проходимцев, как Безобразов.

Я вспомнил Плеве слова Ольденбургского, что война будет иметь «династическое» значение. Плеве указывал, что Россия выйдет победоносною из всех затруднений, но что, если будет война, то нельзя оставлять войска в руках Алексеева, а надо туда послать меня.

15 декабря.

Сегодня было совещание у государя по поводу депеши адм. Алексеева, в которой он советовал прекратить с японцами переговоры ввиду их согласия на наши предложения по Корейскому вопросу. Они соглашались не укреплять Корейского пролива, но не соглашались принять наше предложение не переходить в Корее 39 параллели (линии Пеньян-Генсан) и не укрепляться по побережью. Они хотели получить право укрепиться даже на границе с Маньчжуриею.

В совещании участвовали: вел. кн. Алексей Александрович, Абаза и я. Государь открыл заседание, сказав очень спокойно хорошо продуманную речь. Говорил, что настоящие события напоминают ему бывшие 8 лет тому назад после японско-кит. войны. Тогда Россия твердо сказала Японии: «назад», и она послушалась. Теперь японцы становятся все более требовательными. Все же это варварская страна. Что лучше: итти на риск войны или продолжать уступчивость?

Ламсдорф говорил первый и доказывал, что не следует прерывать переговоры, что мы ультиматума не объявляли; что прервать переговоры всегда будет время; что согласно желаниям японцев можно включить и статью о Маньчжурии; таковая в первоначальном проекте была вычеркнута государем. Ламсдорф в ласковых, но настойчивых выражениях говорил, что главное нам надо определить: что же мы хотим в Манчьжурии? что он добьется решения Маньчжурского вопроса в нашу пользу, но надо знать, чего добиваться; требуется осторожность в переговорах.

Государь ответил, что теперь, действительно, можно включить и статью о Маньчжурии. Государь сказал: «Война безусловно невозможна. Время—лучший союзник России. Каждый год нас усиливает».

Алексей Александрович примкнул к мнению гр. Ламсдорфа о необходимости продолжать переговоры: «Надо добиться соглашения хотя бы с небольшими уступками. В вопросе Маньчжурском мы играем роль собаки на сене: сами не пользуемся и другим дать не хотим».

Я говорил в главном следующее:

Надо продолжать переговоры. В Корейском вопросе для нас имеет особую важность пункт о 39 параллели. Его надо отстоять. Японская редакция о 50-веретной зоне в обе стороны Маньчжурской границы совершенно не может нас удовлетворить. Другая важная статья—неукрепление Корейского пролива. Остальное второстепенно. Мне представляется возможным окончить распрю присоединением к нам северной Маньчжурии и к Японии южной части Кореи. Северную Корею и южную Маньчжурию объявить нейтральною между нами зоною. Если допустим японцев занять всю Корею, а сами будем занимать всю Маньчжурию, то война между нами и японцами неизбежна. В лучшем случае придем к тяжелому вооруженному миру. Если бы мы исполнили договор, как обещали, и очистили бы южную Маньчжурию, к чему все приготовления были сделаны, то настоящего тяжелого осложнения не было бы. Мы твердо стали бы в северной Маньчжурии, и за нее никто

не стал бы с нами драться. Злополучное предприятие (я так и выразился) всему причиною. Вместо очищения Маньчжурии (южной) в условный срок мы занялись активною деятельностью на Ялу. Выставили отряд в Фан-Хуан-Чен. Выдвинулись на Ялу. Остались в Инкоу. Вторично заняли Мукден. В Японии началась смута. Теперь, быть может, уже и не в ваших силах,—сказал я государю,—остановить войну. История учит, что даже слабейшие государства начинали войны. Но ранее надо, сохраняя достоинство России, испробовать все средства, дабы войны не было. Надо успокаивать и местные власти, которые, стоя ближе к опасности, менее ее боятся. Надо главное, твердо выяснить, что мы хотим в Маньчжурии, и то, что мы решим, отстаивать твердо. По моему мнению, из-за северной Маньчжурии войну вести стоит, из-за южной—не стоит. Не стоит вести войны и из-за Кореи. Надо готовиться, что скоро и другие державы поднимутся и предъявят нам свои требования из-за южной Маньчжурии. Самое опасное в настоящем положении это: 1) то, что мы не готовы к войне с Японией в железнодорожном отношении: три поезда в сутки не такая сила, чтобы можно было своевременно собрать армию в 300 т. чел. и, главное, питать ее: надо выиграть время; 2) трудно представить, чем окончится и как разовьется начавшаяся на востоке война. Быть может, война охватит все границы.

Государь по вопросу о южной Маньчжурии высказал, что там у нас есть интересы в таможне в Инкоу; что мы можем четвертую часть расходов перечислить в русско-китайский банк, что надо взять движение по Ляохе в свои руки.

Говорил и Абаза, в общем, следующее:

Он тоже исходит из желания, чтобы войны не было. Протекторат Японии над Кореею нам не вредит. Если же мы уступим и дадим Японии то, что она требует, то японцы снова предъявят новые требования. Лучше последовать совету Алексеева и прервать переговоры. Стремление Японии в Корею есть «остаток феодальных течений». Он твердо убежден, что войны с Японией не будет, ибо Россия не желает войны, а Япония ее боится.

Япония перевернула картину. Чем дольше будут продолжаться переговоры, тем опасность большая. Японцы могут дойти до дерзких требований, и тогда война станет неизбежна. Его мнение: японское правительство будет вынуждено дать выход страстям народа и занять Корею. Занятие Кореи без нашего разрешения даже выгодно нам. Это будет пиявка. Озлобит Японию. Европейские державы не признают законности действий Японии. Японцы дурно Кореею воспользуются. Они—мелкие торгаши, но не крупные купцы. Скоро будут заискивать у нас, ибо будут окружены с трех сторон. Как только Япония перейдет на материк, крепость ее исчезнет. Наместник лучше может судить. Он ощущает пульс. Нам надо протестовать, но не мешать японцам занять Корею.

Я заявил, что одного протеста мало. Абаза говорил, что надо скорее еще усилить войска в Маньчжурии—это лучше войны.

Ламсдорф говорил, что по Маньчжурии мы никогда не пришли к окончательному результату. Государь ответил: «Да». Ламсдорф

говорил, что бессрочная оккупация Маньчжурии приведет к присоединению ее.

Я указал на неизбежность и выгодность при данной обстановке присоединить северную Маньчжурию. Государь возразил, что управление населением надо оставить в руках китайцев.

Государь решил: надо продолжать переговоры. Поставить вопрос: «Не следует ли вызвать Алексеева? Это успокоит всех». Закончил решением: «если можно, продолжать переговоры со включением и Маньчжурии».

К этой тетради приложил конспект своей речи. Ламсдорф очень хвалил ее Витте.

20 декабря.

Сегодня пришло известие о смерти гр. Мусин-Пушкина. Государь говорил об этом без большого огорчения, так был приготовлен. Назвал преемником ему бар. Каульбарса.

В книжке № 23 записаны слова государя об Японии. Он не тревожится тем, что японцы влезут в Корею. Согласен с мнением Алексеева, чтобы они сделали это без нашего разрешения. Тогда этот «нарыв», который всех тревожит, наконец, разразится. Государь все еще надеется, что войны не будет. Я докладывал подробно соображения адм. Алексеева о сосредоточении наших сил на Дальнем Востоке на случай войны. Много оптимизма после прежнего пессимизма. Надеется, что флот наш не может быть разбит. *Я докладывал, что положение дел на Дальнем Востоке стало так тревожно, что требуются новые усиления войск.* Представил доклады: 1) о скорейшем сформировании 9 стр. бригады; 2) об укомплектовании до 84-рядного состава полков 31 и 35 дивизий, находящихся на Дальнем Востоке. Придется послать 6—11.000 укомплектований с ружьями и теплою одеждою. Придется покупать лошадей; 3) значительно усилить наши артиллерийские средства: послать три батареи для 9 стрелковой бригады; три батареи, дабы увеличить число скорострельных батарей до 21, т.-е. по три батареи в стр. бригаде; одну батарею резервную, разворачиваемую в четыре батареи. Парки. Всего будет по три орудия на батальон, а у японцев приходится $4^1/_2$ орудия на батальон.

Государь все это одобрил. Затем я его предупредил, что уже сделал распоряжение, дабы составляли расчет сформировать при каждом полку третьи батальоны. Это прибавит еще 32 батальона. Тогда придется прибавить и по четвертой батарее к каждому дивизиону. Государь сказал, что это *дешевейший* способ усилить войска на Дальнем Востоке; что если бы я не доложил ему о необходимости новых усилений, то ему пришлось бы самому напомнить мне о необходимости сего.

23 декабря.

Сегодня докладывал государю о невозможности изъять войска Дальнего Востока из ведения военного министерства. Сочинили там удивительный проект.

Говорили, что дела законодательные и дела денежные, сметные должны во всяком случае доходить до Петербурга и проходить через главные управления и военный совет. Что они не могут на Дальнем Востоке иметь свою смету. Что иначе им придется создать массу учреждений. Государь ответил мне, что он надеется, что со временем Дальний Восток будет жить на доходы Дальнего же Востока. Такую мысль внушили государю. Это все те же фантазии с 10 милл. доходов по лесному делу на Ялу.

Сегодня же я разбирал в общих чертах присланный адм. Алексеевым проект устройства военного управления на Дальнем Востоке. Государь был видимо удивлен требованиями.

Действительно, и ныне Дальний Восток стоит непомерно дорого, а Алексеев (Флуг, Волков и компания) хотят взвинтить это дело до абсурда. Так над двумя корпусами войск в настоящее время мы имеем: приамурский округ, который стоит 510.000 р.; Квантунскую область, которая стоит 260.000. Они хотят Квантунскую область развить в квантунский в. округ, который будет стоить тоже 510.000 р. и, кроме того, штаб наместника будет стоить 412.000. Всего требуют 81 генерала, из коих строевых только 23. По одному генералу будет на каждый батальон. Государь высказал мысль, что, быть может, Алексееву можно будет скоро приехать в Петербург, и тогда многие недоразумения рассеятся.

28 декабря.

Приехал сейчас от Витте. Все его волнует вопрос: вспоминает ли его государь. Очень огорчен резолюциею государя по крестьянскому делу, по которой в указе предположено объявить, что государь признает сословность, общину и неотчуждаемость крестьянской земли — вопросами им решенными и неподлежащими обсуждению в губернских комиссиях или комитетах. Государь также пометил, чтобы представители от земства в эти комиссии не выбирались земством, а назначались губернаторами. Витте очень недоволен ходом переговоров по германскому торговому договору. *Германцы предъявляют тяжкие требования.* Витте имел большой доклад по сему вопросу у государя, но, повидимому, не остался удовлетворенным. Просил государя письмом уволить его от этой работы.

О делах Дальнего Востока продолжает надеяться на мирное улажение дела с японцами, но ценою больших уступок с нашей стороны. Мы «подожмем хвост и отступим», говорил Витте. По его словам, предложения японцев в августе были вполне приемлемы, за исключением одного пункта. Он так и написал государю, но его величество нашел, что подобные требования составляют «нахальство» со стороны японцев. Теперь мы уже согласились на гораздо бо́льшие уступки и согласились еще на новые. Войны не будет, но престиж государя будет потрясен. Государственные люди Европы увидят в нашем отступлении урок для себя и начнут щипать Россию. Впрочем, прибавил Витте, по последним сведениям представители черного комитета: Безобразов, Вонлярлярский, Вогак переменили тон. До последнего времени они

все твердили, что войны не будет и не может быть. Теперь галдят, что так итти далее нельзя, что из нас «тянут жилы», что лучше итти на войну. Вогак подал какую-то записку государю.

Рассказал мне также Витте, что Безобразова дважды забаллотировали в новом клубе, и все же комитет: Абаза, Юсупов и кто-то третий повезли билет Безобразову. Многие возмутились этим поступком и грозят выйти из клуба. Граф Пален вернул свой билет, сказав, что он не хочет быть членом в клубе, где есть место Безобразову. Высказал мнение, что считает Безобразова преступным за то, что он тянет Россию в войну против мнения министров и, особенно, противно с мнением военного министра Куропаткина. Кстати, Витте сказал, что старый граф Пален часто вспоминает с большим уважением моего покойного отца, с которым служил, когда во Пскове был губернатором. Витте, когда говорил о войне и о неизбежности больших финансовых операций, чтобы достать деньги, сказал мне, чтобы я доложил государю о необходимости возвратить его, Витте, к должности министра финансов на время войны. Можно даже оставить в должности председателя комитета министров. А то все равно, по словам Витте, кто бы ни управлял финансами, все же будут приходить к нему и руководствоваться его указаниями. Жажда власти по-прежнему мучит Сергея Юльевича, но тут он прав: в случае войны надо постараться поставить его во главе финансового ведомства, иначе мы запутаемся.

Сегодня похоронили гр. Мусин-Пушкина в церкви Кавалергардского полка. Пышно и церемонно. Был государь и царская семья, но теплого сожаления не встретил.

31 декабря 1903.

Вчера был важный доклад у государя. Его величество одобрил мой проект ответа адм. Алексееву, просившему при высадке японцев в Корею (вторым эшелоном) мобилизировать наместничество и сибирский в. округ или мобилизировать и прислать на Восток 10 и 13 арм. корпуса. Просил разрешения выставить отряд на Ялу, объявить крепости Порт-Артур и Владивосток на военном положении. Подробно все записано в книжке записной № 24 вчерашнего же числа. В общих чертах государь одобрил объявление крепостей на военном положении, лишь *подготовление* к мобилизации и к выставлению отряда на Ялу и одобрил ассигнование 3 милл. руб. на вызываемые чрезвычайными обстоятельствами расходы по заготовлению разных запасов, формированию транспортов, разработке дорог, устройству укреплений и увеличению готовности войск наместничества.

Государь лично вписал, чтобы отряд на Ялу не посылался, а только «подготовился».

Вчера же государь передал мой доклад по письму Абазы о том, чтобы наместник по всем без исключения делам сносился с государем и Абазою. Государь согласно с моим мнением приказал, впредь до вы-

работки нового положения о военном положении наместничества, сохранить установленный ныне порядок сношений. В особенности я указывал государю, что без изменения ст. 12 к. 1 св. в. пост. (по которой только военный министр является докладчиком перед государем по делам военного ведомства) удар шайке «Черного Кабинета» большой.

Когда я был вчера у Авелана, то он, по поводу распоряжения, дабы наместник сносился только с государем и Абазою, рассказал следующее:

Ему Абаза так передавал происхождение этого странного распоряжения: будто бы Алексеев жаловался государю, что ему министры иногда не то пишут, что он получает из комитета по Дальнему Востоку. Дабы избежать разноречия в действиях, государь и поручил Абазе составить проект распоряжения. Абаза составил проект депеши от государя к Алексееву, который его величество лично изменил и пополнил. Когда Авелан спросил Абазу: значит ли, что отныне, напр., полученное им только что требование от Алексеева сменить трех командиров судов и прислать двух адмиралов должно докладываться государю Абазою. Этот последний ответил: «Да, мною». Авелан усумнился, справится ли он. Абаза ответил: будет трудно, но справится.

Дорогой, вчера, Ламсдорф высказал мнение, что передавать наши распри с Японией в Гаагу не следует. Трактаты против нас. Указывал, что Алексеев лично согласился с предложением японцев не вести демаркационную черту по Корее по 39 параллели, а установить нейтральную зону по обе стороны Корейской границы на 50 верст. Я не признавал эту зону выгодною нам.

Ехавший в поезде Гессе порадовался, что государь отнесся спокойно к новым воинственным попыткам Алексеева и осадил Абазу, но высказал сомнение: надолго ли хватит у государя твердости держаться этого направления и не изменит ли он свое мнение.

3 января 1904 г.

Не помню, записал ли я, что в последнее свидание с Витте он говорил мне, что в случае войны надо, чтобы его назначили министром финансов, с оставлением в должности председателя комитета министров.

1 января в Зимнем дворце контр-адмирал Рождественский, мало мне знакомый, занимающий должность начальника морского штаба, очень бранил адмирала Алексеева; называл его совершенно фальшивым человеком, у которого личное самолюбие выше дела и всегда на первом месте. Он же критиковал морские порядки в Порт-Артуре. Указывал, что суда мало практикуются в маневрировании, дабы не износить котлов, что котлы плохи кое-где, что ремонт не удовлетворителен, снарядов недостаточно. Что главный командир эскадры—адмирал Старк—тупой чухонец, совершенно не подходящий к роли руководителя таким большим флотом. Что над ним смеются даже иностранцы.

Вчера вечером я получил от гр. Ламсдорфа депешу Розена с ответом Японии на наши предложения и записку Ламсдорфа, поданную им государю по поводу сего ответа. Утром я написал Ламсдорфу пись-

мо, в котором изложил свое мнение, что необходимо настаивать, чтобы японцы не могли пользоваться корейскою территориею северней 39 параллели для стратегических целей, что из соглашения по Маньчжурским делам надо исключить требование, что мы обязываемся уважать территориальную неприкосновенность Маньчжурии. Я порадовался согласию Японии признать, что Маньчжурия находится вне сферы ее влияния. Россия должна признать то же относительно Кореи. Все это записано в книжке № 24. Успел по этому вопросу сделать и государю доклад. Приказал написать гр. Ламсдорфу. Государь назвал «дерзким» требование Японии, чтобы мы обязались уважать территориальные права Китая в Маньчжурии. Относительно Кореи государь идет легко на уступки. Относительно Маньчжурии тоже пришлось сделать большую уступку, признав договорные права в Мукдене и других портах Японии и других держав.

Государь говорил о стратегических расчетах деятелей Дальнего Востока с недоверием. Встретил дов. сочувственно мое заявление, что в случае войны нельзя во главе нашей армии, собираемой в Маньчжурии, поставить адмирала. Государь вспомнил на мое замечание, что уже были опыты постановки во главу сухопутных армий, что это были «опыты неудачные».

Одобрил мои предположения по подготовке театра войны в Маньчжурии.

Докладывал о посылке калмыка, подъесаула Уланова, в Тибет разузнать, что там делается и особенно, что там делают англичане. Государь соизволил, чтобы это была частная поездка на свой страх и риск. Приказал посоветывать Уланову «разжечь там тибетцев против англичан». О таковом приказании государь сказал, чтобы я не говорил Ламсдорфу.

4 января.

Вчера Витте делал мне следующую характеристику В. К. Плеве: великий человек на малые дела; глупый человек на дела государственные. Неоткуда явиться у него достаточному кругозору. Прошлое к тому не подготовляло. Домашнего воспитания не получил, в семейной жизни ничего не нашел. 20 лет был прокурором и упражнялся в красноречии без внутреннего убеждения в справедливости им произносимого; 20 следующих лет ведал делами полиции и полицейским сыщничеством на политической подкладке. Все, что имеет, добился своим трудом. Огромная, почти невероятная выдержка; исключительное уменье владеть собою; никто не знает, что он думает; личное мужество. Низкопоклонство сверху. Политика с государем—одно поддакиванье. Отсюда ряд неудачных назначений. Там, где сам выбирает—люди дельные и ему нужные, но хамы.

7 января.

Адм. Абаза сделал новую попытку мешаться в дело, которое не понимает. Прислал мне письмо с извещением, что 5 января государю императору благоугодно было «предоставить» адмиралу Алексееву сно-

ситься по делам военным «общего и принципиального характера» с ним, Абазою. Опять пойдет путаница.

Японские дела попрежнему тревожат всех. Несомненно, что Америка и Англия выступили против России. Кассини телеграфирует из Вашингтона, что по американо-китайскому торговому трактату состоялся 31 декабря обмен ратификаций, и уже внесены на утверждение сената штаты консульств в Мукдене, Андунге и Татунго (последние два близ устья Ялу и на нижнем Ялу).

Гр. Бенкендорф депешею от 2 января доносит, что англичане недовольствуются сделанным нами заявлением об уважении договорных прав держав по заключенным ими относительно Маньчжурии трактатам с Китаем. Они спрашивают, что мы хотим и в будущем делать с Маньчжурией. «Lansdowne a ajoute que les conditions futures peuvent être modifiées à divers degrès: occupation, protectorat, annexion».

Бенкендорф уклонился от ответа.

Адм. Алексеев телеграфировал 3 января государю императору, что, по его мнению, ответные предложения еще более притязательны, чем прежние. Продолжение переговоров может повести только к более вероятному разрыву. Поэтому Алексеев снова настаивает на необходимости ранее ответа Японии всесторонне обсудить Корейский вопрос в связи с общим положением дел на Дальнем Востоке.

Сегодня государь прислал мне депешу адм. Алексеева, в которой *он снова* настаивает на высылке к Ялу отряда из 3 в. Сиб. стр. и казачьей бригады.

13 января.

Вчера имел совещание с гр. Ламсдорфом по поводу ответа Японии на ее последние требования. Ламсдорф полагает, что, по отношению к Корее, ему легче, как он говорил то и ранее, настоять, чтобы Япония не занимала с стратегическими целями никаких пунктов во всей Корее. Относительно Маньчжурии он надеется какою-либо общею фразою избавиться от требования Японии, дабы мы обязались уважать террит. неприкосновенность Китая в Маньчжурии. Обсуждали запрос наместнику по поставленному им же вопросу о том, чтобы наш ответ Японии был соображен «в связи с *общим политическим положением дел* на Дальнем Востоке». Я настоял, чтобы Алексееву был проектирован и запрос о том, что он полагает, должны мы делать и в Маньчжурии, если японцы займут Корею. Я написал Ламсдорфу следующий проект запроса:

«Если японцы займут Корею, то этим существенно изменится наше, по отношению к Японии и Китаю, положение в Маньчжурии. Можем ли мы и после занятия Японией Кореи, при решении Маньчжурского вопроса, руководствоваться предположенными ранее условиями соглашения с Китаем, или вы предвидите необходимость значительного изменения наших требований и какие именно»?

Государь сегодня утвердил этот проект, и депеша Алексееву послана. Государь говорил со мною по делам Дальнего Востока. Главное записал в Царском же Селе в книжке № 24.

Несомненно, что государь продолжает верить в мирный исход конфликта и продолжает быть настроенным миролюбиво. Но несомненно и то, что в нем все растет и растет вообще враждебное чувство к Японии. Он скрывает от всех нас с удивительным самообладанием. Растет неприязнь и к Англии. Он радуется возможности, что англичане будут побиты в Тибете. Я разочаровывал его на этот счет и говорил, что, если посланные с Юнгенебендом три батальона будут побиты, в чем я сомневаюсь, англичане пошлют 10, но настоят на своем; что тибетцы — не буры и драться не умеют. Государь говорил про природу и трудности движения, про падеж обоза. Я уговаривал также государя завтра при приеме подъесаула (калмыка) Уланова, посылаемого нами в Тибет на разведку о положении дел, быть осторожным в словах. Указывал, что надо помнить пример посольства Столетова в 1878 году в Кабул к Шир-али-Хану. Столетов наобещал Шир-али-Хану помощи русских в борьбе с англичанами. Шир-али поверил, начал борьбу с англичанами. Мы, конечно, никакой помощи не дали, чтобы не вызывать европ. войны, и в результате Шир-али пал, англичане заняли Кабул и Кандагар, и 25 лет афганцы не могут забыть этого шага с нашей стороны.

Государь утвердил сегодня, чтобы войска и управления Дальнего Востока оставались в ведении военного министерства, и чтобы присланный наместником проект нового устройства военного управления был рассмотрен по докладу по главному штабу военным советом.

15 января.

Сейчас возвратился из совещания, бывшего под председательством вел. кн. Алексея Александровича по составлению ответа на контр-предложения Японии. Участвовали Ламсдорф, я, Авелан, Абаза. Продолжалось $2^1/_2$ часа.

Заседание открыл Алексей Александрович. Говорил между прочим: «что дальше с нашими уступками итти некуда». Указывал на «громадное миролюбие России».

Надо определить зону в Корее, где они (японцы) могут укрепляться. Если во всей Корее, то тогда и Порт-Артур теряет свое значение.

Гр. Ламсдорф первый говорил, что лучше от зоны (ст. 6) отказаться, но настаивать на сохранении всей 5-й статьи, дабы японцы во всей Корее не имели права занимать какой-либо пункт со стратегич. целью.

Абаза говорил, что еще 12 июня прошлого года государем было предназначено решение по сему вопросу. Он, Абаза, подавал записку. Писал почти со слов государя. Границы Японского преобладания определить по водораздельным линиям бассейнов реки Тумень-улы и Ялу. Хребтовая линия, определяющая эти бассейны, и должна стать линиею, разграничивающею сферы влияния России и Японии. У нас останется заслон. Важно решить и по береговой линии: все ли линии не допускать укреплять или только проливы. Стратегические сооружения вне зоны нашего влияния надо бы допустить или не допускать

на побережье. «Дерзость и нахальство» японцев исчезнут. Можно также редактировать так, что укрепления береговой линии могут возводиться только по соглашению с Россиею.

Позже Абаза говорил, что экономическое водворение японцев в Корее поведет и к военному занятию Кореи японцами. Государь еще 6 лет тому назад не хотел допускать японцев в северную Корею, желая, чтобы там был «заслон». Последняя уступка Абазы «пустить их до заслона».

Авелан говорил за сохранение зоны по 39 параллели, иначе Порт-Артуру трудно! Говорил неопределенно; дела не знает. Говорил и о последующем соглашении, чтобы русскому флоту выговорить в Корее Мозампо.

Я докладывал, что предложение Абазы, как совершенно новое, трудно приемлемо. Что идея понятна, но при отсутствии у нас теперь хороших карт нам теперь наметить линию водораздела оч. трудно, а верно наметить—невозможно.

Я указал, что 6-я статья о 39 параллели находятся в противоречии с 3 и 4 статьями, что как она нам ни выгодна, но принять ее японцы не могут, ибо, принимая ее, следовало бы переделать весь договор и в сущности притти к разделу Кореи на две части. Запрещение вводить в нейтральную зону войска поведет к анархии в этой местности, а в то же время будет противоречить 3 статье, которая дает японцам право принимать меры к защите своих интересов во всей Корее, и противоречить статье 4-ой, по которой японцы имеют право вводить войска во всю Корею для поддержания порядка или в случае волнений. Статья 5 в нашей прибавке также может вызывать большие затруднения при принятии ее. Прежде всего трудно разграничить, какие именно пункты будет Япония занимать с стратегич. целями, какие—без этих целей. Второе—это то, что Япония в *южной* части Кореи без занятия стратегич. важности пунктов обойтись не может. В-третьих, мы статьею 8 уже разрешаем Японии вести железную дорогу от Сеула до Ялу (у Виджу). Это есть наибольшее из всех предприятий, имеющих стратег. характер. Но все же в северной части Маньчжурии, если мы значение статьи 5-й ограничим 39 параллелью, мы можем наблюдать, чтобы японцы не заводили укрепленных пунктов, особенно вблизи нашей госуд. границы по Тюмень-улу. Но если гр. Ламсдорф берется провести всю 5 статью легче, чем проектированное ограничение мною 39 параллелью, то «я согласен примкнуть к его мнению. Я сомневаюсь только в согласии японцев на наше требование относительно южной Маньчжурии.

Ввиду горячих споров я предложил представить государю два проекта ответа. Один, составленный и прочитанный нам гр. Ламсдорфом, где мы отказываемся от 6 статьи, но сохраняем 5-ую. Другая, редактированная мною, будет заключать в себе, примерно, следующее: 5-ую статью относительно стратег. пунктов мы будем редактировать так, что японцы и мы не будем иметь право вооружать какие-либо укрепления на побережье и гарантировать свободу сообщения по проливам. Но эта статья позволит японцам занимать с стратег. целью пункты внутри Кореи южнее 39 параллели. Статья 6-я будет редакти-

рована так, что 39 параллель отделит нейтральную зону, в которую японцы будут иметь право вводить для поддержания внутреннего спокойствия свои войска только по соглашению с Россиею. Абаза предложил редактировать и третий случай, если государь, вместо 39 параллели, примет мнение Абазы об водораздельной линии бассейнов Ялу и Тумень-улу. Гартунг записал все наши суждения и должен завтра прислать нам проект заключения совещания.

Я говорил, между прочим, что, если война неизбежна, то нам надо оттянуть ее на 1 год 4 месяца (окончание Кругобайкальской ж. дороги и усиление Восточно-Китайской дороги). Если же этого нельзя, то хотя бы на 4 месяца, пока мне удастся послать все подкрепления.

Ламсдорф торопит с ответом, говоря, что дорог каждый час.

Относительно Маньчжурии я твердо ставил необходимость не соглашаться с предложением Японии, дабы мы обязались уважать территориальные права Китая в Маньчжурии. Я говорил, что если бы мы такую статью дали, то скоро вынуждены были бы ее нарушить.

Гр. Ламсдорф обещался и не допустить обсуждение этой статьи, выработав по Маньчжурии такую редакцию, в которой о территориальных правах Китая в Маньчжурии ничего не говорилось бы.

Все это меня не успокаивает.

20 января.

Вчера на большом бале в Зимнем дворце, гр. Ламсдорф говорил мне, что у него был японский посол Курино и умолял поспешить ответом на последние предложения Японии. Он говорил, что настроение в Японии дошло до такой степени возбуждения, что дорог каждый час. Просил ради возможности сохранить мир умерить наши требования, написать ответ в приемлемом для Японии смысле. Ламсдорф ответил, что наше миролюбие Японии известно, что и Японии надо знать, что есть предел и этому миролюбию. Поэтому,-то от Японии будет зависить умерить свои требования. Согласились обменяться письмами, как Курино и Ламсдорф, но не как министры своих правительств.

Там же на балу долго со мной говорил Витте.

У него все на уме возврат к власти. Он рисовал в мрачном виде финансовое положение России ввиду предстоящих событий. Что рента упала до 98, что у нас финансового плана на случай войны не выработано. Что не думают: как надо поступить? Следует ли задержать золото? Какие произвести финансовые операции? Для него, Витте, важно выяснить: должны ли мы готовиться к войне только с Японией или после войны с Японией нам надо ждать войны европейской. Меры должны быть особые в том и в другом случаях. Говорил, что его надо с объявлением войны призвать к власти. Иначе не справятся и испортят только то, что им сделано.

Спрашивал меня: когда я отправляюсь на Дальний Восток. Говорил, что он, Витте, лучше Алексеева справился бы с задачею командовать сухопутными силами. Говорил, что общественное мнение может вынудить на назначение меня командовать армиею на Дальнем Востоке.

Сегодня перед моим докладом у государя вышел от его величества Абаза. Когда я спросил его о новостях с Дальнего Востока, он с обычным важным видом ответил, что совершенно не понимает, почему волнуются мыслью о «какой-то» войне с Японией. По его мнению, такая война совершенно невозможна. Самое большее, если японцы «заберутся» в Корею. Он же хвастал, что ему удалось направить общественное мнение американцев в пользу России. Что поворот уже начался. Что теперь американцы основали свое «бюро прессы» в Петербурге не без участия его, Абазы. Разговор этот, кажется, слышал дежурный флигель-адъютант гр. Шереметев.

Государь доволен вчерашним балом. Рад, что государыня могла показаться публике. «А то,—прибавил государь,—«бог знает, что про нее рассказывали».

21 января.

Вчера поздно вечером гр. Ламсдорф прислал мне проект ответной ноты японскому правительству, предварительно одобренный государем, но по которому требовалось и мое заключение. 6-я статья о нейтральной зоне исключается. Статья 5-я о том, чтобы никакая часть Корейской территории не занималась с стратегическими целями, отстаивается. По Маньчжурскому вопросу указывается на уважение прав Японии, приобретенных по договорам с Китаем наравне с другими державами, но вместе с тем требуется признание Японией, что Маньчжурия с ее побережьем стоит вне сферы ее интересов. Я ответил, что не имею замечаний.

25 января.

Вчера государь выразил первый раз тревогу по поводу возможной войны с Японией. Вместо обычной уверенности, что войны не будет, с некоторым раздражением сказал мне: «Надо скорее выяснить вопрос о войне, воевать так воевать; мир так мир, а эта неизвестность становится томительною».

Предоставил по моему докладу наместнику объявить мобилизацию и другие меры.

Вечером (в 12 часов ночи) получил письмо Ламсдорфа с извещением, что им получена нота японского посланника о том, что ему приказано со всею миссиею покинуть Петербург. Государь приказал отозвать и нашу миссию из Токио.

Сегодня Ламсдорф приложенным к сему тому письмом извещал меня и подтвердил при моем свидании словесно, что отозвание посольств не означает еще, что война неизбежна. Опасается, чтобы, как он пишет, *наши герои* на Дальнем Востоке не увлеклись внезапно каким-нибудь инцидентом и не вызвали войну.

Кн. Оболенский, с которым я также виделся сегодня, смотрит на дело мрачнее и высказывает мнение, что отозвание посольства есть тревожный признак. Ламсдорф и Оболенский полагают, что война может начаться без торжестенног объявления ее.

Сейчас получил от государя записку следующего содержания: «Завтра, 26 января, у меня соберется совещание в $11^1/_2$ час. по вопросу относительно того: следует ли нам разрешить высадку японцев в Корее или принудить их силою к отказу от замысла. Прошу вас приехать к этому часу.

Николай».

Повидал вчера же Авелана. Считает, что силы наши достаточны, чтобы атаковать японский флот. Броненосных кораблей у них столько же, но есть и старого типа. Крейсеров малых больше, но малые плохи и будут привязаны к берегам. Минный флот у них сильный. Мы технически и по составу сильнее, но Авелан выразил сомнение в способности адмирала Старка вести самостоятельно такую огромную морскую операцию. Говорил, что Старк исполнителен и знает дело, но лишен инициативы, что хорошо, если бы Алексеев сам повел флот. На мой вопрос: почему же, имея таких адмиралов как Скрыдлов, Бирилев, Рождественский, Макаров, Дубасов, вверяют почти весь наш флот неспособному Старку, Авелан сказал, что личный состав флота определяет сам Алексеев, что он просил Бирилева, но Бирилев отказался из-за характера Алексеева: «По долгу присяги,—говорил он,—заверяю, что через два месяца я вынужден буду уехать». По тем же причинам не могут ехать Рождественский и Дубасов.

Авелан считает, что Алексеев может препятствовать высадке на всем западном побережье и даже противиться несколько высадке в Фузане. Что три крейсера из Владивостока могут при высадке у Фузана принять участие в бою.

Видел вечером и Рождественского. Считает, что наш флот может атаковать японский флот, противясь десанту только на западном берегу Кореи и то с высоты Чемульпо. Что и у Чемульпо неудобная местность (много закрытий для нечаянной атаки) для большого морского боя. Не хвалит Старка. Жалуется, что Вирениус идет слишком медленно со своей эскадрою. Выдумывает предлоги для замедления хода. Собирался возвратиться обратно. Он, Рождественский, с радостью принял бы эту эскадру.

---

26 января.

Сейчас возвратился с заседания у государя по его записке ко мне от вчерашнего числа. Участвовали в совещании: вел. кн. Алексей Александрович и Авелан. Были приглашены Ламсдорф и я. Абаза был за делопроизводителя. Ничего не говорил, но ему поручено было составить (на основании суждений совещания) о решении государя депешу г.-а. Алексееву.

Государь обратился прежде всего ко мне. Я изложил возможно кратко мнение местного начальства о совместном действии флота и сухопутных сил, если Япония вздумает объявить нам войну. В сентябре (октябре) когда составляли план стратегического развертывания наших сил в южной Маньчжурии, Алексеев принимал, что флот наш

не может потерпеть поражение и поэтому высадка японцев невозможна севернее Чемульпо на западном берегу Кореи. При этом мы могли ожидать подхода японцев к линии Восточно-Кит. ж. дороги в южной Маньчжурии только на третий месяц. Этого на месте казалось достаточно, чтобы организовать отпор.

Но уже депешею от 20 сентября (№ 75) Алексеев сообщал содержание своей депеши, в которой просил разрешения оказать противодействие открытою силою высадке в Чемульпо, Цинампо или в устье Ялу. Ныне ввиду непрерывной деятельности японцев 21 января Алексеев вновь повторял свою просьбу о разрешении ему решительных действий наших морских сил в тех же пределах. В сухоп. отношении и я признал, что теоретически эти действия очень необходимы, ибо в противном случае японцы слишком быстро дойдут до Ялу и могут вторгнуться в Маньчжурию до нашей готовности их встретить. Доложил расстояние от Фузана до Чемульпо, до Пеньяна, до Ялу, от Генсана до Пеньяна. Показал важность, дабы высадка совершилась южнее. Затем я в кратких словах очертил, как осторожно действовали японцы 10 лет назад с китайцами в Корее, как высадку в Ялу предприняли, лишь разбив китайский флот 17 сентября. Ранее высадили в Цинальто и в Генсане лишь по бригаде, чтобы атаковать Пеньян. Будут осторожны и теперь. У них должны быть два плана. Один—занять Корею и по возможности избежать с нами войны. Другой—объявить нам войну и, не ограничиваясь Кореею, перенести войну в Маньчжурию. В первом случае будет невыгодно, если мы сами откроем военные действия и этим ввяжемся в войну из-за Кореи, чего государь не хотел. Во втором случае надо принять все меры, дабы использовать наши морские средства. Помешать десанту на восточном берегу у Генсана мы не можем. Не надо и мешать. Выгоды большие. Вероятно там сделают высадку. Оттуда до Пеньяна 130 верст. Выгадают много. В Фузане трудно мешать. Не уверен, могут ли наши моряки помешать высадке в Чемульпо. Очень удобная местность для обороны, очень неудобная для атаки: много случаев действовать миноносцами. Это дело моряков. Но надо во что бы то ни стало помешать высадке севернее Чемульпо.

Прочел письмо Сахарова ко мне, в общих выражениях то же.

Государь открыл заседание краткою речью, в которой высказал, что он желает знать наше вполне откровенное мнение, какого образа действий надо нам держаться. Воспретить ли нам силою высадку японцев в Корею и, если воспретить, то в каком районе? Так ли, как я давал ранее указание наместнику, чтобы он смотрел сквозь пальцы, если японцы высадятся к югу, начиная от Чемульпо, или иначе. Не следует ли решиться атаковать севернее Чемульпо?

Гр. Ламсдорф говорил после меня. Указал, что он согласен с выраженным мною мнением (выше не записанным), что если только есть какая-либо возможность избежать войны, то этим надо воспользоваться. Действительно японцы поступили опрометчиво. Они нам дали большой шанс, так резко прервав сообщения. Против них становится

Европа и Америка. Он, Ламсдорф, начинает получать в этом смысле депеши. Мы имеем право всего ожидать от японцев. Они должны иметь свой план. Вероятно, на этих днях они выкинут что-либо очень необычайное. Но все же надо принять все меры, чтобы избежать войны, чтобы войну начали сами японцы.

Алексей Александрович говорил следующее: он согласен с моим мнением, что допускать дессант севернее Чемульпо нельзя. Очевидно, японцы задаются не только захватить Корею, но имеют виды и на Маньчжурию. Говоря с морской точки зрения, но считает опасным разбрасываться. Это неосторожно. Поэтому нам помешать высадке на восточном берегу нельзя. Если пойдут на Сеул (Чемульпо), то нам можно выдержать. Государь перебил его словами: «От Чемульпо к югу— пускать». Ал. Алекс. не думает, чтобы они пошли на морское сражение. Скорее будут высаживаться (это было сказано в возражение моему мнению, что японцы ранее высадки на нашем берегу должны атаковать наш флот). Если сделают высадку в Корейском заливе, то надо атаковать.

Ламсдорф снова вставил слово о необходимости избежать войны. Государь ответил «разумеется». Но на слова Ламсдорфа о посредничестве сказал с печалью «поздно», если захотят мирить нас. Японцы уже высказали мнение, что они не примут посредничества. Они действовали теперь «глупым образом», закончил государь. Авелан сказал несколько слов о трудности противиться высадке на восточном берегу. Когда государь пробовал резюмировать, Абаза вмешался два раза неудачно. Первый раз предложил послать условную депешу, допускающую для наместника полную свободу действий. Второй раз на мое мнение, что желательно, чтобы Алексеев лично повел эскадру, Абаза заметил, что у Алексеева было мнение о переезде к острову Цусима (в Корейском проливе), откуда он может руководить действиями флота. Я просил посылать депешу вполне определенную, согласованную и с ранее высказанным государем мнением и согласную с мнением генерал-адмирала, т.-е. запретить Алексееву начинать военные действия южнее 38 параллели. Предложили редакцию: «Если японцы сами не начнут военных действий флотом или дессантом, Алексеев не должен допускать высадки японцев на западном берегу Кореи севернее 38 параллели. Высадку в южной Корее и в Чемульпо допускать. На восточном берегу допускать. Если войска японские будут продвигаться в северную Корею, то это не считать за начало военных действий и их туда допускать».

Государь приказал телеграфировать категорично, к исполнению. Мнения наместника не запрашивать.

Государь в заключение выразил мнение, что если бы наш флот разбил японский, то этот урок, вероятно, прекратил бы возможность войны, ибо прекратил бы возможность высадки.

28 января.

26-го в $10^1/_2$ час. вечера на вечере у ген. Лобко Витте передал мне известие, полученное от комм. агента, что японцы напали неожиданно на наш флот в Порт-Артуре и утопили два броненосца и один

крейсер. Поехал к Авелану. В полночь он еще не знал ничего. Утром 27 узнали, что нападение было, но не потоплены, а пробиты «Цесаревич», «Ретвизан» и крейсер «Паллада», лучшие суда. Впечатление тяжелое. Моряки говорили, что прозевали. Стояли без сетей. У «Цесаревича» их не было.

На докладе 27 числа государь был бледен, но спокоен. Был и Сахаров. Докладывал по юго-западному фронту. Все мои предположения утверждены. После ухода Сахарова государь передавал мне подробности полученных им известий. Возмущался поведением японцев.

В 4 часа был выход во дворце по случаю начавшейся войны и благодарственное служение. После молебна, при проходе государя по залам, гремело «ура!».

При докладе 27-го подал государю список лиц, кои могли бы командовать Маньчжурскою армиею при подчинении Алексееву, ибо он будет иметь права главнокомандующего. В список поместил: Леневич, Сухотин, Сухомлинов, Сахаров, Бильдерлинг, Пузыревский, Каульбарс, Гродеков, Гриппенберг, Куропаткин.

Сегодня был снова с докладом у государя. Поднес на подпись указ о мобилизации сибирского военного округа и пяти уездов казанского. Выставляют с наместничеством 110.000 чел.

Сегодня же государь подписал указ о предоставлении Алексееву прав главнокомандующего и согласился временно назначить Леневича командующим Маньчжурскою армиею. Очень колеблется. Спрашивал: не годится ли Любовицкий. Ответил, что начал разваливаться.

Вчера получили сведения, что японцы бомбардировали Порт-Артур. Батареи и эскадра отвечали. Около часу длился огонь и эскадра ушла. У нас четыре раненых судна, в том числе «Аскольд» и «Новик», которые были со мною в течение одного месяца в водах Дальнего Востока. У нас за два дня до 100 убитых и раненых. На батареях сухопутного ведомства, кажется, три убитых и 8 раненых. Повреждения незначительны. Кажется, наш флот нравственно несколько угнетен. Моряки в Петербурге неприлично ругают Алексеева и Старка.

Сегодня в 4 часа по полудни Скрыдлов по телефону взволнованным голосом передал мне, что он только что из дворца, где представлялся молодой государыне, стал перед нею на колени и умолял назначить меня главнокомандующим сухопутными силами на Дальнем Востоке. Государыня ответила, что будет двоевластие. Скрыдлов ответил, в свою очередь, что Алексеев ничего не понимает и может испортить дело. Сейчас гр. Сольский прислал мне письмо, в котором пишет, что по дошедшим до него сведениям я уезжаю на этих днях на Дальний Восток.

2 февраля.

Третьего дня у меня обедал С. Ю. Витте. Очень возбужден. Продолжает говорить о необходимости сменить адм. Алексеева. Бранил порядки во флоте. Рассказывал, что кн. Мещерский был в пятницу

у государя и на коленях умолял послать на Дальний Восток меня. Государь не соглашался заменить Алексеева. Витте рассказывал, что государь предлагал Мещерскому быть мин. народн. просвещения. Отказался. Указал на г.-м. Шильдера, директора Псковск. кад. корпуса.

Вчера приезжал ко мне адъютант адм. Авелана. Критиковал действия флота в Порт-Артуре. Рассказывал, что в минуту атаки «Цесаревича» командир пировал на берегу по случаю своих именин. Говорил, что во флоте меры на случай войны принимались только до 25 декабря. Затем совершенно ослабели. Говорил, что моряки хотят теперь моего назначения. Макаров едет принимать эскадру. Рождественский не едет, ибо эскадра Вирениуса возвращается домой. Будут усиливать ее. Из Порт-Артура отрывочные сведения о готовящихся вылазках. От разъездов казачьих узнают, есть или нет (суда?) неприятельского флота у берегов. Суетятся. 29 взлетел на воздух «Енисей», натолкнувшись на свою мину. Погибло более 90 человек. Погибли в Чемульпо «Кореец» и «Варяг». Погибли доблестно. Ход «Корейца» был 13 узлов; «Варяга»—23 узла.

7 февраля.

Государь сегодня на докладе говорил мне, что из двух представленных ему указов на подпись: один о назначении меня командующим армиею с оставлением в звании военного министра, другой—с назначением командующим Маньчжурской армиею, он не знает который подписать. Боится, что если через несколько месяцев он остановится в выборе на должность военного министра, то это будет как бы разжалованье меня уже при командовании армиею. Затем государь сказал мне: «Я хочу быть с вами, Алексей Николаевич, совсем откровенным. Помните наш разговор, кажется, в августе перед поездкою в Либаву. Вы тогда высказали мнение, что при назначении вас в Киев желательно дать вам титул главнокомандующего. Я теперь пришел к заключению, что так и надо сделать. Когда, уверен, со славою возвратитесь к нам с войны, я вас и назначу главнокомандующим войсками киевского в. округа с подчинением вам войск, входящих в состав юго-западного фронта.

Затем относительно заместителя меня государь сказал, что он думает взять Лобко. «Вы так много сделали и так энергично по военному министерству работали, что требуется, быть может, временно приостановиться и укрепиться в том, что мы сделали. Лобко для этого будет хорош». Относительно нач. гл. штаба Сахарова государь выразился, что он доволен им как начальником главного штаба, но что в министры он не годится. Относительно Киева сказал, что Драгомиров просил на коленях не назначать в Киев Пузыревского. Просил уважить эту просьбу ради всей его, Драгомирова, службы.

Вернувшись домой я отправил государю письмо, в котором просил назначить меня командующим армиею без прибавления титула военного министра. Писал, что так будет удобнее для Алексеева и проще для государя.

Приложение к № 19.

Ген.-л. Леневич 65 лет.
» » Сухомлинов 56 лет.
Ген.-ад. Сахаров 56 лет.
Ген.-лейт. Сухотин 57 лет.
Ген.-от инф. Бильдерлинг 58 л.
» » » Каульбарс 60.
» » » Пузыревский 59.
» » » Гродеков 61.
» » » Гриппенберг 66.
Ген.-ад. Куропаткин 56.
Вел. кн. Николай Николаевич [1]).

Этот список был представлен мною государю во вторник 27 января, как материал для избрания *команд. Маньчжурскою армией* под начальством Алексеева.

$19\frac{30}{I.}04$.

Куропаткин.

---

[1]) Имя вел. кн. Николая Николаевича зачеркнуто Куропаткиным в подлиннике, что оговорено в копии особым примечанием. (*Прим. ред.*).

Примечания.

Абаза, Александр Аггеевич (ум. в 1895 г.),—был членом совета министерства финансов; в 1871—1874 г.г.—госуд. контролером, затем председателем департамента государственной экономии Госуд. Совета. В 1880 г. был назначен министром финансов, но в 1881 г. вышел в отставку вместе с Лорис-Меликовым.

Абаза, Алексей Михайлович,—ген.-майор, контр-адм., управляющий делами, член Особого Комитета по делам Дальнего Востока.

Авелан, Федор Карлович,—вице-адм., в 1902—3 г.г. начальник главного морского штаба, после смерти Тыртова—управляющий морским министерством.

Александра Иосифовна,—вел. кн., жена вел. князя Константина Николаевича, брата Александра II.

Александр Михайлович,—вел. кн., сын Михаила Николаевича—брата Александра II, главно-управляющий торговым мореплаванием и портами.

Алексеев, Евгений Иванович, — ген.-ад., вице-адм., главный начальник и командующий войсками Квантунской области и морскими силами в Тихом океане; в 1903 г. в чине адмирала назначен наместником государя на Дальнем Востоке. Во время войны с Японией был назначен главнокомандующим сухопутными и морскими силами России. В конце 1904 г. вместо него был назначен главнокомандующим ген. Куропаткин.

Алексей Александрович,—вел. кн., брат Александра III, ген.-адм., ген.-ад. главный начальник флота и морского ведомства, чл. Гос. Сов.

Андроников,—князь, камер-юнкер.

Афанасович, Виктор Константинович,—ген.-лейт., командир 22 пех. дивизии.

Балмашев, Степан Валерианович,—член «Боевой организации» партии социал.-революционеров. Б. убил мин. вн. дел Сипягина 2 апреля 1902 г.

Бахметьев, Георгий Петрович,—камергер, д. ст. сов., дипломат. агент в Болгарии.

Безобразов, Александр Михайлович, — действ. ст. сов., ст.-секр., член правления «Русского лесопромышленного товарищества», созданного в 1901 г. на средства казны, которое приобрело от корейского правительства концессию на рубку леса по р. Ялу. В 1896 г. Б. подал докладную записку, в которой излагал свое мнение о необходимости приобретения казною концессий от корейского правительства на рубку леса по Ялу. Тогда этот проект не был принят, но позднее было сорганизовано означенное товарищество. В 1903 г. Б. был назначен членом Особого Комитета по делам Дальнего Востока в звании ст. секретаря.

Бенкендорф, Александр Константинович,—граф, гофмейстер, действ. ст. сов., посол в 1902 г. в Копенгагене и с 1903 г.—в Лондоне.

Бенкендорф, Павел Константинович, — граф, свиты его вел. ген.-майор, гофмаршал.

Бирилев, Алексей Алексеевич,—адм., в 1905—7 г.г. морской министр.

Бильдерлинг, Александр Александрович,—ген. от кав., командир 17-го арм. корпуса, с которым был послан на войну на Дальний Восток.

Бобриков 2-й, Георгий Иванович,—ген. от инф.

Боголепов, Николай Павлович,—мин. нар. просв., убит в 1901 г. Карповичем.

Бомпар,—французский посол в России.

Валь-фон, Виктор Вильгельмович,—тов. мин. вн. дел., командир корпуса жандармов.

Васмунд, Георгий Робертович,—ген.-лейт., нач. штаба войск гвардии.

Величко, Константин Иванович,—ген.-м., член инженерного комитета.

Витте, Сергей Юльевич,—министр финансов. В 1903 г. В. получил отставку и был назначен председателем совета министров.

Вирениус,—к.-адм., пом. нач. главного морского штаба.

Власов, Петр Михайлович,—д. ст. сов., посланник в Тегеране.

Владимир Александрович,—вел. кн., брат Александра III, чл. Гос. Сов., член Комитета министров.

Вогак, Ипполит Константинович,—контр-адм., младш. флагм. балтийского флота.

Вогак, Константин Ипполитович,—генерал. штаба ген.-м., военный агент в Китае.

Волков, Владимир Сергеевич,—ген.-лейт., пом. командующего войсками Кван-

Вонлярлярский, Александр Михайлович,—д. ст. сов., пом. ст.-секретаря Гос. Сов.

Вонлярлярский, Николай Михайлович,—ген.-лейт., командир 5-го арм. корпуса.

Гершельман, Федор Константинович,—ген.-м., нач .штаба варшавск. воен. округа.

Гессе, Петр Иванович,—ген.-ад., ген.-лейт., дворцовый комендант.

Гирш, Густав Иванович,—д. ст. сов., лейб-хирург.

Голицын, князь Кавказский, Григорий Сергеевич,—ген.-ад., ген. от инф., командующий войсками и главноначальствующий гражданской частью на Кавказе.

Голицына, Мария Михайловна,—светлейшая княгиня, статс.-дама.

Гриппенберг, Оскар-Фердинанд Казимирович,—ген. от инф., командующий войсками виленского военного округа.

Гродеков, Николай Иванович,—ген. от инф., чл. Гос. Сов. С 1898 г. по 1902 г. был Приамурским ген.-губернатором, командующим войсками приамурского военного округа.

Дессино, Константин Николаевич,—ген.-м., русский воен. агент в Китае.

Драгомиров, Михаил Иванович,—ген.-ад., ген. от инф., ген.-губ. киевский, подольский и волынский. Военный писатель.

Дубасов, Федор Васильевич,—в.-адм., председатель морского технич. комитета.

Драга,—королева Сербии, жена короля Александра I.

Елизавета Федоровна,—вел. княгиня, жена вел. кн. Сергея Александровича, сестра императрицы Александры Федоровны.

Жилинский, Яков Григорьевич,—ген.-м., ген.-квартирмейстер главн. штаба.

Заботкин, Дмитрий Степанович,—ген.-м., чл. инженерного комитета в 1887 г.

Закржевский, Николай Иосифович,—ген. м., нач. штаба 5-го арм. корпуса.

Золотова,—молодая девушка, арестованная в 1902 году на станции Тихорецкой, была изнасилована охранявшими ее казаками. Рабочие Тихорецких железнодорожных мастерских разгромили сторожку, станционное правление, ж.-д. станцию и избили полицию и казаков.

Зубатов, Сергей Васильевич,—начальник московского охранного отделения.

Иванов, Николай Иудович,—ген.-лейт., состоящий для поручений при генерал-фельдцейхмейстере.

Игнатьев, Алексей Павлович,—гр., ген. от кав., чл. Гос. Совета.

Извольский, Александр Петрович,—д. ст. сов., камергер. С 1897 г. по 1902 г. был посланником в Японии, затем переведен на пост в Данию. В 1906—10 г.г. был министром иностран. дел и, наконец, послом в Париже.

Кассини, Артур Павлович,—гр., гофмейстер, посол в Вашингтоне.

Катков, Михаил Никифорович,—публицист, редактор «Московских Ведомостей», и редактор-издатель журнала «Русский Вестник».

Каульбарс, Александр Васильевич,—барон, ген. от кав., пом. команд. войсками одесского военного округа.

Каханов, Семен Васильевич,—ген. от кав., командир 20-го армейск. корп.

Кирилл Владимирович,—вел. кн., сын Владимира Александровича.

Ковалевский, Владимир Павлович,—тайн. сов., тов. мин. финансов.

Константин Константинович,—вел. кн., сын Константина Николаевича—брата Александра II, ген.-майор, президент Академии Наук.

Копытов, Николай Васильевич,—вице-адм., старш. флагман балтийского флота.

Коссаговский, —ген.-м., начальник казачьей бригады в Персии.

Кремер, Оскар Карлович,—ген.-ад., адмирал.

Крюков, Григорий Васильевич,—ген.-лейт., командир 19-го армейского корпуса.

Ксения Александровна—вел. княгиня, сестра Николая Романова, жена Александра Михайловича.

Кладо, Николай Лаврентьевич,—моряк-писатель.

Курч, Степан Осипович,—ген.-м. 50-й пех. резервн. бригады в I корп.

Ламсдорф, Владимир Николаевич,—гр., д. т. сов., ст.-секр., мин. иностр. дел.

Lansdown (Ленсдоун),—мин. иностр. дел в Англии.

Линевич, Николай Петрович,—ген.-лейт., командир 1-го сибирского арм. корпуса.

Лесар, Павел Михайлович,—д. ст. сов., посланник в Пекине.

Лобко, Лев Львович,—ген. от инф., чл. Гос. Сов., государственный контролер.

Лорис-Меликов, Михаил Тариелович,—гр., министр внутр. дел в царствование Александра II (умер в 1888 г.).

Любовицкий, Юлиан Викторович,—ген. от инф., командир 9-го армейского корпуса.

Маврин, Алексей Александрович,—ген.-м., ген.-квартирмейстер киевск. воен. окр.

Мадритов,—подполк., числившийся в штабе Алексеева.

Макаров, Степан Осипович,—в. адмирал, командир и губернатор Кронштадтского порта; был назначен командующим флотом Тихого Океана. Погиб на броненосце «Петропавловск» во время русско-японской войны.

Мария Павловна,—вел. княгиня, жена вел. кн. Владимира Александровича.

Мария Федоровна,—вдовствующая императрица, жена Александра III.

Мейендорф, Феофил Егорович,—барон, ген.-ад., ген. от кав., командир 1-го арм. корпуса.

Меншиков, Александр Сергеевич,—кн., ген.-ад., адм. (ум. в 1869 г.). Во время войны 1853—56 г.г. был главнокомандующим в Крыму.

Мещерский Владимир Петрович,—кн., камергер, публицист, редактор-издатель газеты «Гражданин», сотрудник «Моск. Ведомостей», «Русского Инвалида» и др.

Милютин, Дмитрий Александрович,—граф, ген.-фельдмаршал., чл. Гос. Сов., деят. эпохи так называемых великих реформ, быв. воен. министр (выш. в отставку в 1881 г.).

Михаил Александрович,—вел.кн., наследник престола, брат Николая Романова.

Мосолов, Александр Александрович,—свиты ген.-майор.

Муравьев, Михаил Николаевич,—граф (ум. в 1901 г.). В 1897 г. был назначен министром иностранных дел.

Муравьев, Николай Валерианович,—ст.-секр., д. т. сов., министр юстиции.

Мусин-Пушкин, Александр Иванович,—ген.-ад., ген. от кав., команд. одесского военного окр.

Набоков, Дмитрий Николаевич,—ст.-секретарь, чл. Гос. Сов., был министром юстиции с 1878 г. по 1885 г.

Нарышкин, Кирилл Анатольевич,—капитан, флигель-адъютант.

Нечаев, Сергей Геннадиевич,—революционер, как убийца студента Иванова (в 1869 г.) был выдан в октябре 1872 г. швейцарским правительством в Россию и судим в 1873 г. 12 января в московском окружном суде; приговорен к 20 годам каторжных работ; был заключен в Алексеевский равелин Петропавловской крепости, где и умер в 1883 г. от чахотки.

Новиков, Евгений Петрович,—д. ст. сов., чл. Гос. Сов. (ум. в 1903 г.). Был посланником в Афинах, Вене и Константинополе.

Николай Николаевич,—вел. кн., сын вел. кн. Ник. Ник. старшего, брата Александра II, ген.-ад., ген. от кав., генерал-инспектор кавалерии.

Оболенский-Нелединский-Мелецкий, Валентин Сергеевич,—кн., шталмейстер, тов. министра иностран. дел.

Обручев, Николай Николаевич,—ген.-ад., ген. от инф.

Оленина, Александра Александровна,—фрейлина при Александре Федоровне.

Ольга Александровна,—сестра Николая Романова, замужем за принцем Ольденбургским, Петром Александровичем.

Ом, Федор Федорович,—камергер, пом. ст.-секретаря Гос. Совета.

Павел Александрович,—вел. кн., брат Александра III.

Павлов, Александр Иванович,—камер-юнкер, ст. сов., посланник в Сеуле.

Пален фон-дер, Константин Иванович, —чл. Гос. Сов., быв. министр юстиции.

Палицын, Федор Федорович,—ген. штаба ген.-лейтенант, нач. штаба генерал-инспектора кавалерии.

Пилкин, Константин Павлович, —вице-адм., предс. морск. технич. комитета в 1889 г., в 1903 г.—адм., член адмиралтейств-совета.

Плеве фон, Вячеслав Константинович,—ст.-секр., д. т. сов., сенатор, мин. внутр. дел, статс-секретарь велик. княжества Финлянд., шеф жандармов.

Плеске, Эдуард Дмитриевич,—т. сов., управляющий государственным банком, в 1903 г. назначен министром финансов.

Победоносцев, Константин Петрович,—ст. секретарь, обер-прокурор свят. синода.

Покотилов, Дмитрий Дмитриевич,—чиновник особых поручений при министре финансов. В 1905 г. назначен посланником в Китае.

Половцев, Александр Александрович,—д. т. сов., сенатор, чл. Гос. Совета.

Поппен фон, Георгий Васильевич,—ген.-м., нач. шт. 1-го арм. корпуса.

Потапов, Александр Львович (умер в 1886 г.),—ген.-ад., был шефом жандармов и начальником III Отделения.

Протопопов, Александр Павлович,—начальник штаба одесского военного округа.

Пузыревский, Александр Казимирович,—ген. от инф., пом. командующего войсками варшавского военного округа.

Радолин,—германский посол в Париже; в 1898 г. (в этом году Россия получила в аренду Порт-Артур) был послом в России.

Редигер, Николай Александрович, — ген.-лейт., инспектор стрелковой части.

Рихтер, Оттон Борисович,—ген.-ад., ген. от инф.

Рогачев, Н. М.,—поручик, входил в состав центральной группы военно-революционной организации «Народной Воли». По делу «14» был приговорен к смертной казни и повешен вместе с Штромбергом 10 октября 1884 года.

Рождественский, Зиновий Петрович,—свиты контр-адмирал, младший флагман.

Розен, Роман Романович,—барон, ст. сов., камергер, посланник в Токио.

Розинг, Илиодор Иванович,—д. т. сов., сенатор. Ум. в 1903 г.

Роop, Христофор Христофорович,—ген. от инф., член Гос. Сов.

Рыкачев,—см. Рогачев.

Савицкий, Людвиг Федорович,—ген.-лейт., нач. 45-й пех. дивизии в 20 корпусе.

Сахаров, Виктор Викторович,—ген.-лейт., нач. главного штаба, председатель военно-ученого комитета; в 1904 г. назначен военным министром.

Селиванов, Андрей Николаевич,—ген.-лейт., нач. 16-й пех. дивизии.

Сергей Александрович,—вел. кн., ген.-ад., ген.-лейт., командующий войсками моск. военного округа, московский ген.-губернатор, убит в 1905 году.

Симановский, Николай Петрович,—д. ст. сов.

Сипягин, Дмитрий Сергеевич,—министр внутр. дел. Убит 2-го апр. 1902 г. соц.-революционером Балмашевым.

Скобелев, Михаил Дмитриевич, (ум. в 1882 г.),—ген. от инф. Боевой генерал, прославившийся в период войн 70-х и начала 80-х г.г.

Скрыдлов,—вице-адмирал, командир черноморского флота в 1904 г.; после гибели Макарова, назначен командующим флота в Тихом океане.

Соболев, Леонид Николаевич,—ген.-лейт., нач. штаба моск. воен. округа.

Сольский, Дмитрий Мартынович,—граф, ст.-секретарь, д. т. сов., член Гос. Сов., председатель департамента государственной экономии.

Сперанский, Михаил Михайлович, — государственный деятель в царствование Александра I и Николая I, автор преобразовательных планов.

Старк, Оскар Викторович,—контр-адм., командир порт-артурского порта и начальник эскадры Тихого океана.

Стишинский, Александр Семенович,—т. мин. внутр. дел.

Струков, Александр Петрович,—ген. от кав., инспектор ремонтов и запасов кавалерии.

Субботич, Деан Ивнович,—ген.-лейт., приамурский ген.-губернатор и войсковой наказный атаман приамурского казачьего войска.

Сухомлинов, Владимир Александрович,—ген.-лейт., пом. команд. войсками киевского военного округа, впоследствии военный министр.

Сухотин, Николай Николаевич,—ген.-лейт., командующий войсками сибирского казачьего войска.

Татаринов, Валериан Алексеевич (ум. в 1871 г.),—государственный контролер, член Государственного Совета.

Тевяшев, Николай Николаевич,—ген. от кав., главный интендант.

Тихомиров, Лев Александрович,—публицист, бывший народоволец, впоследствии сотрудник «Московск. Ведомостей».

Трепов, Дмитрий Федорович,—ген.-м., московский обер-полицеймейстер.

Тыртов, Петр Петрович,—ген.-ад., адм., управляющий морским министерством.

Урусов, Лев Павлович,—князь, ст. сов., посол в Париже.

Филипп,—вызванный из Франции врач, не получивший законченного медицинского образования, пользовался большим влиянием на императрицу Александру Федоровну.

Флуг, Василий Егорович,—полковн., нач. штаба войск Квантунской области.

Фор,—б. президент французской республики.

Фредерикс, Владимир Борисович,—барон, ген.-ад., ген. от кав., министр императорского двора и уделов и командующий императорской главной квартирой.

Фрезе, Александр Александрович,—ген.-лейт., пом. команд. войск. кавказского военного округа.

Хилков, Михаил Иванович,—князь, д. т. сов., министр путей сообщений.

Хрещатицкий, Ростислав Александрович,—ген.-лейт., командир 14-го арм. корпуса.

Чекмарев, Андрей Иванович,—ген.-лейт., нач. 43-й пех. дивизии во 2-м корпусе.

Чертков, Михаил Иванович,—ген.-ад., ген. от кав., чл. Гос. Сов., варшавский генерал-губернатор, командующий войсками варшавского военного округа.

Чихачев, Николай Матвеевич,—адм., чл. Гос. Сов., председатель департамента промышленности, был управляющим министерством с 1880 по 1896 г.г.

Чичагов, Павел Васильевич,—адм. Во время войны 1812 г. был назначен командующим дунайской армией. Вместе с Александром I, им был выработан план, по которому он должен был ожидать переправлявшегося через Березину Наполеона у Борисова. Последний переправился в другом месте. После этого Чичагов, обвиненный в неудаче, покинул Россию.

Шервашидзе, Георгий Дмитриевич,—князь, гофмейстер.

Шишковский, Николай Феофилович,—ген.-м., командир 49-й пех. рез. бриг.

Збелов, Михаил Иванович,—ген.-лейт., нач. шт. 20-го арм. корпуса.

Зверт, Алексей Ермолаевич,—ген.-м., нач. шт. 1-го арм. корпуса.

Юсупова, Зинаида Николаевна,—дочь князя Николая Борисовича Юсупова, известного мецената, вышедшая замуж за гр. Сумарокова-Эльстон Ф. Ф.

Юсупов, князь, гр. Сумароков-Эльстон, Феликс Феликсович,—полковник кавалергардского полка, адъютант вел. кн. Сергея Александровича.

Четыре письма принца Вильгельма Прусского к Александру III.

В 1921 г. поступили в продажу в английском переводе неизданные главы из воспоминаний Отто Бисмарка (New chapters of Prince Bismarck's Autobiography, translated by Bernard Miall. London, Hooder and Stoughton) [1].

Тексту не предпослано никакого предисловия. До Москвы дошло библиографическое известие о том, что в Германии появился недавно и немецкий текст этих глав; но есть ли это немецкий подлинник или перевод с перевода, нам неизвестно.

Эти неизданные главы, вероятно, разочаруют тех многочисленных читателей, которые надеялись найти в книге сенсационные разоблачения. И все-таки книга очень интересна. К числу самых любопытных ее страниц принадлежат сообщения об отношениях принца Вильгельма Прусского, будущего Вильгельма II, к Александру III.

Вильгельм, в изображении Бисмарка, выступает сначала руссофилом.

В мае 1884 г. дед послал его в Россию на придворные торжества по случаю совершеннолетия наследника, будущего Николая II.

Вильгельма приняли при русском дворе почетно и сердечно, к чему он не привык в своей семье. С своей стороны, Вильгельм слушался инструкций деда—вел себя сдержанно и произвел благоприятное впечатление.—Летом 1886 года Вильгельм снова был в России. Его послали присутствовать на маневрах под Брест-Литовском.

Но он имел и политические беседы с Александром III, который принял гостя еще приветливее. В это время у России были очень натянутые отношения с Англией и Болгарией, а Вильгельм тех дней очень не любил Англию и бабку Викторию и был против брака своей сестры с Александром Баттенбергом.

Охлаждение русских симпатий Вильгельма Бисмарк относит к ноябрю 1887 года. Александр III возвращался тогда домой из Дании и решил ехать через Берлин. Вильгельм думал оказать особую любезность гостю и без предупреждения отправился встречать его в Виттенберг. Вильгельм был уверен, что Александр оценит такое внимание и будет особо ласков, интимен. Но случилось так, что поезд Александра попал в Виттенберг ночью, что царя свита не решилась разбудить и что Вильгельм смог увидать Александра только перед самым Берлином, да и то лишь в присутствии свиты. Вильгельм был очень оскорблен, тем более, что он подозревал здесь умысел, приписывая холодность царя нашептываниям датской и английской родни. Симпатии к России остывают у Вильгельма быстро и резко [2]. А к маю 1888 года поворот стал так крут, что Вильгельм, теперь уже кронпринц, в очень любопытном письме к Бисмарку, вполне определенно счи-

---

[1]) Новые главы из автобиографии князя Бисмарка, перевод Bernard Miall.

[2]) К этой поездке относится анекдот о Вильгельме, рассказанный в „Мемуарах" С. Ю. Витте.

тается с возможностью войны на два фронта—с Францией и Россией—и пророчит России, в случае военных неудач, внутреннюю смуту и долгое бессилие [1]).

Ставши императором Вильгельм пытается наладить добрые отношения с Александром, но безуспешно. Бисмарк, с мало почтительной насмешкой, рассказывает, насколько плохо Александр выносил Вильгельма. Как известно, натянутость русско-прусских и Вильгельмо-Александровских отношений была одною из причин отставки Бисмарка [2]).

По многим соображениям, воспоминания Бисмарка надо считать источником, требующим весьма осторожного с собою обращения. Историки должны приветствовать введение в научный оборот новых материалов, контролирующих показания эгоцентрического рейхсканцлера. Материалы такого рода имеются и в русских государственных архивах. Например, в Государственном Архиве Р. С. Ф. С. Р. (2-ое отделение) хранятся четыре собственноручных письма принца Вильгельма к Александру III, написанные в 1884 и в 1885 годах. Они бросают яркий свет на Вильгельма в период его молодого и напряженного руссофильства, помогают понять позднейшего Вильгельма и, несомненно, заслуживают напечатания даже помимо своей ценности в качестве документов, проверяющих соответственные свидетельства Бисмарка.

Первое письмо написано Вильгельмом в первую бытность его в России.

Из Петербурга он проехал в Москву, пробыл здесь три дня, от 11 до 13 мая, и написал свое лирическое излияние. В московских газетах можно найти придворную хронику его визита. Три последующих письма написаны из Берлина и не требуют комментария.— Вслед за письмами к Александру III напечатаны тесно связанные с ними по содержанию и хранящиеся вместе с ними в архиве письмо и телеграмма князю Долгорукову, военному представителю России в Берлине.

По поводу первого письма полезно указать, что Бисмарк ничего не говорит о политическом характере первой поездки Вильгельма в Россию.

Но на политическое значение поездки определенно указывает Хюдвиг Гогенлое в своем дневнике под 2 ноября 1884 года (II—351—2).

Гогенлое был принят в этот день Вильгельмом-дедом, который завел разговор о Скерневицком свидании и в этой связи похвалил внука.

«Einen sehr guten Einfluss habe Prinz Wilhelm auf den Kaiser von Russland ausgeübt. Der Kaiser und Bismarck hätten dem Prinzen Instruktionen gegeben, für die Einigung der drei Kaisermächte zu sprechen, und er habe dies sehr gut ausgeführt [3]).»

Вскоре после отъезда Вильгельма из Москвы, 16 мая в «Московских Ведомостях» появилось официозное письмо из Берлина от 8 мая старого стиля, тоже подчеркивающее политическую важность визита Вильгельма.

Письма напечатаны в точном соответствии с подлинником. Читатели увидят, что Вильгельм был не очень силен во французском языке, особенно в орфографии.

Сообщил *А. Савин.*

---

[1]) Bismarck. New chapters, 261—263.

[2]) Письмо напечатано в „Воспоминаниях“ Бисмарка, 264—273.

[3]) „Принц Вильгельм оказал на русского императора очень хорошее влияние. Принц имел от императора и Бисмарка инструкции говорить в пользу сближения трех империй и выполнил поручение очень хорошо“.

I.

Kremlin, 25 V 1884.

Votre Majesté.
Mon cher cousin

Il m'est impossible de partir de la capitale des Tsars et de la Russie sans T'avoir encore une fois remercié de ta grande bonté. J'ai le coeur encore tout ému de l'accueil cordial et chaud que Tu as bien voulu m'accorder, en même temps que Sa Majesté l'Impératrice et toute Ta famille.

Comme j'ai très rarement l'occasion de visiter des cours étrangere, et n'ayant pas vu beaucoup du monde en général, j'avoue que c'était avec le coeur un peu serré que je me suis mis en route, et l'inquiétude de faire des faux pas me poursuivait toujours. Mais Ta bonté et franchise fraternelles envers moi ont bien vite fait disparaitre toutes ces visions.

Je suis profondement reconaissant de la confience, et de l'intérêt que Tu m'as montrés pendant notre conversation politique, dans laquelle j'ai—le crains—parlé pas comme je l'aurai du, sentant que j'étais vis-à-vis d'un Souverain. Mais malheureusement—ou heureusement?—je n'ais pas eu une éducation diplomatique mais au contraire purement militaire, et je Te demande pardon si j'ais parlé plus en soldat qu'en diplomate. Je Te demande seulement une faveur. Défi Toi des Oncles Anglais! Ne Te laisses pas effrayé par des choses que Tu entendras de mon pêre. Tu le connais, il aime l'opposition, est dans les mains de ma mêre qui dirigée de son tour par la reine d'Angleterre, lui fait tout voir à travèrs «die englische Brille». Je t'assure que l'Empereur, le Prince de Bismarck et moi nous sommes d'accord, et je ne cesserais de regarder comme mon devoir le plus haut de consolider et maintenir le «Dreikaiserbund» partout. Le Bastion triangulaire qui doit défendre la monarchie et l'Europe contre les vagues de l'Anarchie; et c'est précisément ce que l'Anglee terre redoute le plus au monde. Au reste s'il arrive quelque chose de gravdans la politique chez nous, qui pourrait donnér cause a des rumeurs embarrassantes, je me permettrais de T'en prévenir, si Tu me le permets.

Encore une fois mille et mille merci de toute bienveillence et bonté que Tu m'as accordées et crois moi toujours.

Ton fidèle ami et cousin *Guillaume*.

Перевод.

I.

Кремль 25/V 1884.

Ваше величество
дорогой кузен.

Я не могу покинуть столицу царей и России, не поблагодарив тебя еще раз за твою доброту. Я тронут до глубины души оказанным мне тобой, ее величеством императрицей и всей твоей семьей сердечным и теплым приемом.

Так как мне очень редко представляется случай посещать иностранные дворы, и так как я вообще мало видел свет, признаюсь тебе, что сердце у меня сжималось, когда я пускался в путь, и меня все время преследовал страх, как бы не наделать ошибок. Но твоя братская по отношению ко мне доброта и искренность быстро рассеяли все эти призраки.

Я глубоко благодарен за доверие и участие, проявленные тобой во время нашего политического разговора, во время которого я, боюсь, говорил не так, как должен бы был говорить, находясь в обществе монарха. Но,—к несчастью или к счастью,—я получил воспитание не дипломатическое, а, напротив, чисто военное и прошу тебя извинить меня, если я говорил скорее, как солдат, чем как дипломат. Я прошу у тебя только одной милости. Остерегайся своих английских дядей. Не пугайся того, что ты услышишь от моего отца. Ты его знаешь, он любит быть в оппозиции, он под влиянием моей матери, которая, руководимая с своей стороны английской королевой, заставляет его видеть все сквозь «английские очки». Уверяю тебя, что между императором, князем Бисмарком и мной царит согласие, и я не перестану считать своим высшим долгом везде поддерживать и укреплять «Союз трех императоров».—Трехугольный бастион, который должен защищать Европу от валов анархии: а именно этого-то и боится больше всего на свете Англия! Впрочем, если у нас случится в политике что-нибудь важное, что могло бы подать повод к неприятным слухам, я позволю себе, если ты разрешишь, предупредить тебя.

Еще раз тысячу и тысячу благодарностей за проявленные тобой доброжелательство и доброту, смотри на меня всегда, как на твоего верного друга и кузена

Вильгельма.

II.

Palais de Marbre 19/VI 1884.

Votre Majesté
mon cher Cousin

Comme Tu as bien voulu m'accorder la permission de T'ecrire je fais usage d'elle, en Te priant d'accepter gracieusement la photographie que je me permets de Te remettre. Ce n'est qu'une revanche bien pauvre de ma part, pour la grande bonté et l'accueil cordial que Tu m'as fait chez Toi; mais cela doit être un souvenir de ces beaux jours, où j'ai eu l'honneur de faire la connaissance d'un des Monarques le plus affable, séduisant et adorable que je connais.

D'après l'accueil que m'ont fait mon Grand-père et aussi M. de Bismarck je ne doute guère que Tu as ecrit des choses trés amicales sur moi, car ces deux m'ont dit tant de phrases flatteuse et Grand-papa m'a etreigni si chaleureusement que je ne savais plus ou me fourrer. Mais comme il y a à toute medaille un revers, ici il y a un aussi.Le coté «Anglais»!—Ce que je T'écris maintenant c'est pour Toi seul, parceque je crois que c'est mon devoir envers Toi d'agir avant tout avec franchise, que l'ami peut user envers son ami. Mes parents m'ont accordé un accueil froid; avant tous ma mère qui a fait tout ce qu'ell a pu pour empêcher mon voyage. Mais avant tout c'est aujourdhui, que j'ai entendu des choses peu rassurantes, de la propre bouche de mon Père. Nous avions une conversation sur la garnison de Petersburg, choses militaires etc, puis sur les différents personnages politique. Entre autre aussi sur le Prince de Bulgarie; du quel je remarquais, qu'il n'était pas très populaire en Russie ce moment. La dessus explosion soudaine de la part de mon père, qui abusait d'une façon incroyable le Gouvernement Russe de la manière infame dont il avait traité cet «excellent» (!) Prince. Il (Papa) accablait le Gouvernement de mensonge, de trahison etc, enfin il n'y avait adjective haineux qu'il ne s'en servit pour Vous peindre d'une couleur noire. J'essayai, vainement, de parer tous ces coups et de démontrer, que d'après ce que j'avais appris, la chose était autre, et que mentir était un mot que je ne pouvais permettre en relation avecToi et Ton gouvernement. En réponse il me traitait de Russophile, Russifié, qu'on m'avait tourné la tête, et Dieu sait quoi de chose. Puis il me fit une sorte d'esquisse de la manière dont on devrait faire la politique chez nous. C'était un galimatias indescriptible qui culminait, en ces termes, que le Prince de Bulgarie était placé la par Beaconsfield *et* les «Grands Pouvoir» pour Vous menacer! Et Vous empêcher d'avancer en Turquie! Grand Dieu, disais-je, mais il a donc reçu de l'argent, des employé s et des officiers Russes, comment doit- il menacer la Russie avec les Russes?

La dessus nouvelle explosion, que ne comprenais rien à la politique, et que je ne savais rien; mais lui s'y connaissait mieux, parcequ'il

Перевод.

II.

Мраморный дворец 19/VI 1884.

Ваше величество
дорогой кузен.

Пользуясь данным мне тобой разрешением писать тебе, я прошу тебя не отказать принять фотографию, которую я позволяю себе послать тебе. Это, с моей стороны, очень слабое выражение признательности за твою доброту и оказанный мне тобой сердечный прием; но пусть это будет воспоминанием о прекрасных днях, когда я имел честь познакомиться с одним из самых приветливых, обворожительных и очаровательных монархов, каких я знаю.

По оказанному мне дедом и г. Бисмарком приему, я не сомневаюсь, что в своих письмах ты отозвался обо мне очень дружелюбно, потому что оба наговорили мне столько лестных фраз, а дедушка обнял меня так горячо, что я не знал, куда мне деваться. Но, так как у каждой медали есть изнанка, здесь также имеется таковая. «Английская» сторона! То, что я пишу тебе теперь, предназначается для тебя одного; потому что я считаю своим долгом по отношению к тебе действовать прежде всего с искренностью, которую можем себе позволить друг по отношению к другу. Родители мои приняли меня холодно; прежде всего моя мать, сделавшая все возможное, чтобы помешать моему путешествию. Но, главное, сегодня я слышал мало успокоительные вещи из собственных уст моего отца. Мы говорили о Петербургском гарнизоне, о военных вопросах и о разных политических деятелях. Между прочим, и о болгарском князе, о котором я заметил, что он в настоящий момент не особенно популярен в России. На это мой отец вдруг вышел из себя, с невероятной горячностью обвинял русское правительство за его подлое отношение к этому «прекрасному» (!) князю. Он (отец) осыпал правительство обвинениями во лжи, в предательстве,—одним словом, нет выражающего ненависть прилагательного, к которому бы он не прибег, чтобы обрисовать вас в черном цвете. Напрасно я старался отражать все эти удары и показать, что, судя по тому, что я узнал, дело обстоит иначе, и что я не могу допустить слова «лгать» по отношению к тебе и твоему правительству. В ответ на это он называл меня руссофилом, руссифицированным, говорил, что мне свертели голову, и, бог знает, еще что. Затем он обрисовал мне в общих чертах, какою должна бы быть наша политика. Это была неописуемая галиматья, кульминационным пунктом которой было заявление, что болгарский князь поставлен Биконсфильдом и «Великими Державами» для того, чтобы вам угрожать и помешать вам продвигаться в Турции! Великий боже, говорил я, но ведь он получил русские деньги, русских чиновников и офицеров, каким же образом должен он угрожать России при помощи русских?

На это последовал новый взрыв, говорилось, что я ничего не понимаю в политике и ничего не знаю; но что он в этом более сведущ, т. к. он читал, что тебе писал князь, и что он прав. В общем, дорогой кузен,

avait lu ce que le Prince t'avait écris et qu'il avait raison. En somme, cher cousin, le Prince de Bulgarie—«by fair means and foull—a mis ma mère dans sa poche et aussi naturellement mon père. La mission du Prince de Galle a porté et continue de porter des fruits extraordinaires, qui continueront de se multiplier sous la main de ma mère et de la Reine d'Angleterre. Mais ces Anglais m'ont oublié par hasard! Et je Te le jure, mon cher Cousin, que ce que je pourrai faire pour Toi et Ton pays je le ferais, et ce que je jure, je le tiendrais! Seulement cela durera longtemps et cela doit se faire lentement. Je t'emprie ne mentionne rien à personne, car ces nouvelles ne sont que pour Toi pour T'orienter; car il n'y a rien à faire au moment, il est trop plein de haine (Anglaise!).

Si mon style n'a pas toujours été assez respectueux, je t'en demande pardon, et je Te prie de vouloir agréer les voeux les plus sincères de la part de Ton Cousin affectionné *Guillaume*.

III.

Berlin 13/III 1885.

Votre Majesté
mon bien aimé cousin.

Vivement touché de la bonté que Tu as bien voulu me montrer par les paroles gracieuses et flattantes que Mouravieff m'a adressées de Ta part; je prends l'occasion qui se présente par le depart du Comte de Yorck pour Petersbourg pour l'exprimer ma plus vive reconaissance. Tu sais bien que tout ce que je peu faire pour être utile à Toi et Ton pays je le fairais avec plaisir et de toutes mes forces. Heureusement nous sommes placés hors des vacillations quotidiennes d'autrefois par Skiernievice, et nous en avons vu les bons resultats et nous continuons de les voir. Mais il faut toujours être sur notre garde, que rien ne se faufile dans cette entente! Mon cher cousin, Tu m'as permis de parler franchement avec Toi, eh bien je le continue. Nous verrons ici dans peu de jours le Prince de Galles. Je ne suis nullement enchanté de cette apparition inattendue; car—pardonnes-moi il est Ton beau-frère—dans son caractère faux et d'intriguant il esseyerat sans doute par ci par là ou de pousser l'affaire du Bulgare—que Allah le relègue aux Enfers dirait le Turc—ou de faire un peu de politique derrière les coulisses, avec les dames. Je ferai de mon mieux pour les surveiller, mais on ne peut être partout! J'ai donné quelques petites notes intéressantes à Dolgorouki au sujet du nombre et des noms des Regiments Indiens et Anglais qu'ils sont en train de concentrer à Rawul Puidi pour passer Revue devant l'Emir le 24 de ce mois. C'est pour Toi! et tout ce que je puis entendre la dessus je le ferai savoir au Prince. Le Language et la Gravure sur la Russie dans le dernier «Punch» sont insolents au dernier degré, tout cela il faut le combiner! Avis au lecteur! Que le Mahdi les jette tous dans le Nil! Adieu mon cher cousin, milles compliments à l'Impératrice et tous les membres de Ta famille et crois moi comme toujours pour la vie Ton devoué ami et cousin

Guillaume.

князь болгарский «и честными и и нечестными средствами» вьет веревки из моей матери и, конечно, также и из моего отца. Миссия принца Уэльского принесла и продолжает приносить необычайные плоды, которые будут все умножаться под руками моей матери и королевы английской.—Но эти англичане случайно обо мне забыли. И я клянусь тебе, дорогой кузен, что сделаю все, что буду иметь возможность сделать, для тебя и для твоего государства, и клятву свою я сдержу. Только это будет продолжаться долго и должно совершаться медленно. Прошу тебя, не упоминай об этом ни при ком, потому что эти известия предназначаются только для тебя, для твоего осведомления, потому что нельзя ничего сделать в этот момент, он слишком полон ненависти (английской!).

Если мой стиль был не всегда достаточно почтителен, прошу тебя извинить меня и принять самые искренние добрые пожелания от твоего любящего тебя кузена *Вильгельма.*

Перевод.

III.

Берлин 13/III 1885.

Ваше величество горячо-любимый кузен.

Живо тронутый добротой, которую ты проявил по отношению ко мне в переданных мне от тебя Муравьевым любезных и лестных словах, я пользуюсь представляющимся благодаря отъезду графа Иорка в Петербург случаем для того, чтобы выразить тебе мою живейшую благодарность. Ты хорошо знаешь, что я сделаю с удовольствием и приложу все усилия к тому, чтобы быть полезным тебе и твоему государству. К счастью, благодаря Скерневицам, мы уже стоим вне ежедневных колебаний прежних времен, мы уже видели хорошие последствия этого и продолжаем их видеть. Но мы должны постоянно следить за тем, чтобы ничего враждебного не закралось в это согласие. Дорогой кузен, ты разрешил мне говорить с тобой откровенно, и я продолжаю это делать; через несколько дней мы увидим здесь принца Уэльского. Это неожиданное появление нимало меня не восхищает; потому что, прости меня, он твой зять, при его фальшивом характере интригана он, без сомнения, будет здесь стараться, то тут, то там или подвинуть вперед дело болгарина—да сошлет его Аллах в ад, сказал бы турок—или заняться немного политикой за кулисами, с дамами. Я постараюсь как можно лучше наблюдать за ними, но ведь нельзя быть везде. Я дал Долгорукому несколько интересных заметок касательно числа и имен индийских и английских полков, которые они концентрируют в Rawul Puidi для того, чтобы произвести смотр перед эмиром 24-го этого месяца. Это для тебя. И все, что мне удастся услышать по этому поводу, я сообщу князю. Надпись и карикатура по поводу России в последнем номере «Punch» до крайности дерзки, все это надо сопоставить! Имеющий уши слышать—да слышит! Да сбросит их Махди всех в Нил! Прощай, дорогой кузен, тысячу приветов императрице и всем членам твоей семьи; считай меня, как всегда, на всю жизнь преданным тебе другом и кузеном *Вильгельмом.*

IV.

Potsdam 4/V 1885.

Votre Majesté

mon cher Cousin.

Dans ma dernière lettre je t'avais promis de veiller sur le Prince de Galles pendant son séjour à Berlin et de rester au fait—autant que possible de ses idées et discours sur la situation. Ce qui m'a paru de très important, c'était la mission d'un de ses chambellans auprès de Mr. Bleichröder avec une lettre du Prince, qui était pleine de termes plus que polits et amicales. Dans la dite lettre on m'assure il a demandé à ce Juif d'aider l'Angleterre en faisant baisser l'argent Russe! J'ai communiqué cette nouvelle sur-le-champ, à Dolgoroucki, qui je crois T'en a averti. Tous les Messieurs de l'entourage du Prince—qui sont, comme Tu le sais, instruits de dire, ce qu'il veut qu'on entende pour le colporter ailleurs, et qui représentent les idées du Gouvernement—ne parlaient que de la guerre. Ils disaient que c'était absolument nécessaire, et que *tôt ou tard* les deux pays se batteraient, qu'il n'y avait pas moyen de l'éviter. Des ce moment j'ai commencé de prendre mes notes et de m'informer sur tous ce qui se passait en Angleterre en fait de mobilisation, et tout ce qui a pu être d'utile à savoir pour Toi j'ai immédiatement envoyé à Dolgoroucki. Pour ma part—étant en grande intimité avec l'attaché militaire Anglais—qui me dit beaucoup ce que d'autres n'entendent pas,—je suis convaincu que Mr. Gladstone et quelques uns des «pleutres» de ses collègues ne veulent pas la guerre et tacheraient de l'éviter à tout prix, mais que la nation et spécialement l'armée et la flotte la veulent. Le Gouvernement a une peur salutaire des bataillons et Escadrons Russes, qu'ils craignent en même temps qu'ils en parlent légèrement. Ce qui m'a le plus étonné, c'est que ma mère, qui ne parle jamais politique avec moi—pour rien au monde—et qui a une horreur de tout ce qu'on appelle «guerre» ou «combat» me dit hier lorsqu'on parlait de l'aspect paisible: «oh for nothing in the world can we have peace now, we *must* make war it is our duty!». Guerre à tout prix! C'est très remarquable; je suppose que c'est l'opinion de la Reine et de la famille, qui se trouvent en opposition contre le Gouvernement, mais d'accord avec la nation ?! Pour moi je te félicite de tout mon coeur de la victoire de Komarow qui a donné une immense satisfaction ici et dans toute notre armée. Je puis T'assurer que les sympathies de tous mes camarades vont avec les troupes qui se battent pour Toi, et moi je souhaite, comme officier Russe, que la victoire ne se lasse jamais de suivre les drapeaux du Tzar, que je regrette de ne pas pouvoir servir de ma personne et de mon sang! Advienne que veut, que Dieu te prenne en Ea sainte garde Toi et toute Ta famille c'est le voeux le plus fervent que ne laissera adresser au Ciel

Ton humble et affectueux cousin *Guillaume*.

P. S. En tout cas j'espère que tout ira pour le mieux!

Перевод.

IV.

Потсдам 4/V 1885.

Ваше величество

дорогой кузен.

В своем последнем письме я обещал тебе наблюдать за принцем Уэльским во время его пребывания в Берлине и насколько возможно быть осведомленным касательно его мыслей и речей о положении вещей. Что мне показалось очень важным, так это поручение, возложенное на одного из его камергеров к г. Блейхредеру с письмом принца, полным более чем вежливыми и дружескими выражениями. Меня уверяют, что в этом письме он просит этого еврея помочь Англии, понизив курс русских денег! Я тотчас же сообщил это известие Долгорукому, который, кажется, тебя предупредил. Все лица из свиты принца, которым, как ты знаешь, внушено говорить то, что он желает, чтобы было услышано и разнесено далее, и которые представляют собой идеи правительства—только и говорили, что о войне. Они говорили, что она совершенно необходима, что рано или поздно оба государства будут воевать, что нет возможности этого избежать. С этого момента я начал делать себе заметки и наводить справки обо всем, что происходит в Англии в смысле мобилизации и все, что могло быть тебе полезно знать, я немедленно посылал Долгорукому. Что касается меня—будучи очень близок с английским военным агентом, который говорит мне многое, чего не слышат другие,—я убежден, что г. Гладстон и некоторые из его «дряни» коллег не желают войны и постарались бы избежать ее во что бы то ни стало, но что нация и особенно армия и флот ее желают. Правительство испытывает спасительный страх перед русскими батальонами и эскадронами, которых они боятся в то самое время, как говорят о них пренебрежительно. Больше всего меня удивило то, что моя мать, которая никогда—ни за что на свете—не говорит со мной о политике, и которая испытывает ужас перед всем, что называют «войной» или «сражением», сказала мне вчера, когда говорили о видах на мир: «о, ни за что на свете не можем мы теперь поддержать мир, мы *должны* воевать, это наш долг!». Война во что бы то ни стало! Это замечательно; я думаю, что это мнение королевы и королевской семьи, которые находятся в оппозиции по отношению к правительству, но в согласии с нацией?! С своей стороны, я от всего сердца поздравляю тебя с победой Комарова, которая вызвала здесь и во всей нашей армии чувство живейшего удовлетворения. Могу тебя уверить, что симпатии всех моих товарищей на стороне войск, сражающихся за тебя, и я, как русский офицер, желаю, чтобы победа всегда сопровождала знамена царя; я жалею, что не могу им служить лично и своей кровью! Что бы ни случилось, да хранит тебя бог, тебя и все твое семейство—вот самое горячее пожелание, которое не перестану возносить к небу.

Твой почтительный и любящий кузен *Вильгельм*.

P. S. Во всяком случае я надеюсь, что все устроится к лучшему!

V.

Potsdam 20/V 1885.

На конверте рукой Вильгельма:

Seiner Durchlaucht dem Fürsten Nicolaus Dolgoroucki. Berlin Roonstrasse.

Cher Prince

C'est avec un grand intérêt que j'ai lu le rapport du Général Komarow, que vous m'avez bien voulu envoyer. Il correspond en tout à l'idée que je m'avais formée de cet affaire. La position était très difficile pour lui, et je trouve qu'il s'en est bien tiré d'affaire. Il a agi purement du point militaire, et lorsque son camp était en danger d'être entouré—après qu'il avait averti l'ennemi—il s'est débarrassé de ce danger, d'une manière énérgique au même temps que brillante et heureuse. Aussi suis—je bien heureux de la belle et honorable récompense que S. M. l'Empereur a daigné accorder au brave Général! Je ne crois pas encore à la paix! En Angleterre les sentiments belliqueux ne sont rien moins qu'éteints! Au contraire ce n'est que le ministere qui a peur! Seulement ils veulent gagner du temps; car les préparations ne sont pas encore achevées. Figurez vous, j'ai lu un rapport secret! de Portsmouth dans lequel est dit, que les nouveaux vaisseaux cuirassés en rade là bas, qui forment le l'escadre Baltique, sont prets les canons exceptès, qui sont du nouveau modéle chargeant par la culasse—qui n'ont pas encore leurs «Verschlüsse»!!! Comme un Régiment de Cavalerie sans chevaux.—Quand à l'Asie le Gouvernement vous céderat tout ce que vous voulez, même Herat si vous montrez un peu d'énergie! Car le nouveau plan est de défendre les Indes est au bord de l'Indus et de laisser faire les Afgans ce qu'ils veulent.

Votre amie fidèle

Guillaume P. de Pr.

VI.

Fürst Dolgoroucky Roonstr. I. Aus Potsdam 26 Worte 1885 den 9-ten 4 um 7 Uhr 28 Min. Mitt. Aufgenommen den 9.4 um 8 Uhr M.

Mes plus chaleureuses felicitations pour la brillante affaire de Kuschk. Dieu protège vos braves soldats, nos camarades!

Guillaume Pr. de Pr.

Перевод.

V.

Потсдам 20/V 1885.

На конверте рукой Вильгельма:

Его светлости князю Николаю Долгорукому.

Берлин, Роонштрассе.

Дорогой князь.

Я прочел с большим интересом присланное мне вами донесение генерала Комарова. Оно вполне соответствует тому, что я думал об этом деле. Его положение было очень трудное, и я нахожу, что очень удачно из него вышел. Он действовал с чисто военной точки зрения и, когда его лагерю грозила опасность быть окруженным,—дав предостережение врагу,—он избавился от этой опасности столь же энергично, сколь и блестяще, и счастливо, что е. в. император соизволил пожаловать храброму генералу такую прекрасную и почетную награду. Я еще не верю в мир! В Англии воинственные чувства еще далеко не угасли! Напротив, только министерство боится! Но они хотят выиграть время, потому что приготовления еще не закончены. Представьте себе, я читал секретное донесение из Портсмута, в котором сказано, что стоящие там на рейде новые броненосцы, образующие Балтийскую эскадру, готовы, кроме пушек, которые нового образца и заряжаются сзади, но не имеют еще замков!!! Точно кавалерийский полк без лошадей. Что касается Азии, правительство вам уступит все, чего вы пожелаете, даже Герат, если только вы проявите немного энергии, потому что новый план заключается в том, чтобы защищать Индию и на берегах Инда, и предоставить Афганцам делать, что они хотят.

Ваш верный друг

Вильгельм принц Прусский.

Перевод.

VI.

Князю Долгорукому Роонштрассе 1 Из Потсдама 26 слов 1885 9-го 4 в 7 ч. 28 м. пополудни. Принята 9-го 4 в 8 часов пополудни.

Мои самые горячие поздравления по поводу кушкинского дела. бог да хранит ваших солдат, наших товарищей.

Вильгельм принц Прусский.

Переписка
В. А. Сухомлинова с Н. Н. Янушкевичем.

(*Продолжение*) [1]).

2/XI.

Ваше Высокопревосходительство,

Глубокопочитаемый

Владиміръ Александровичъ.

Позволяю себѣ обратиться къ Вамъ съ большой покорнѣйшей просьбой.

Генералъ Бѣляевъ сообщилъ мнѣ копію отзыва командующихъ войсками въ округахъ отъ 25/X, в которомъ, по Вашему приказанію, предлагается представить къ наградамъ лицъ, понесшихъ особые труды по мобилизаціи, къ 6 декабря. Такъ какъ, съ одной стороны, Вы изволили согласиться на назначеніе ген. Добророльскаго вмѣсто Драгомирова въ III армію и это назначеніе ожидается на-дняхъ, а съ другой—наиболѣе интенсивная работа предмобилизаціоннаго періода и самой мобилизаціи прошли на моихъ глазахъ и, по моему глубокому убѣжденію, обязаны успѣхомъ генералу Добророльскому, то я и рѣшаюсь усердно просить Васъ, не будетъ ли признано возможнымъ, чтобы назначеніе его совпало съ производствомъ въ генералъ-лейтенанты и утвержденіемъ въ должности.

Въ надеждѣ, что Вы мнѣ не поставите въ особую вину мое почтительнѣйшее ходатайство, покорно прошу принять увѣреніе глубокаго уваженія и искренней преданности.

Вашъ покорный слуга

Н. Янушкевичъ.

Петроградъ, 5 ноября 1914 г.

Дорогой

Николай Николаевичъ.

Государь очень доволенъ своей поѣздкой и съ восторгомъ вспоминаетъ о всемъ, что видѣлъ.

Слѣдимъ теперь, быть-можетъ, за послѣдними, рѣшительными усиліями нѣмцевъ, съ понятною жадностью лицъ, обреченныхъ быть въ глубокомъ тылу.

---

[1]) «Красный Архивъ», т. I, стр. 209—262.

На производство Добророльскаго Его Величество согласился, но я просилъ на одновременное производство и Лукомскаго, а то вѣдь я дѣйствительно останусь въ Петроградѣ въ одиночествѣ, ибо все остальное сбѣжитъ.

Собираюсь писать Вамъ два офиціальныхъ письма по авіаціи и автомобилямъ.

Ради Бога, уберите отъ меня Каульбарса: безъ моего вѣдома собираетъ какія-то компаніи якобы бы по порученію Верховнаго Главнокомандующаго и держитъ Бѣляева, Роппа и др. моихъ немногочисленныхъ сотрудниковъ по 6 часовъ безъ всякаго смысла и результата.

Вы только подумайте, что это за помѣха въ такія трудныя минуты, я не могу добиться въ продолженіе многихъ часовъ моихъ подчиненныхъ, которыхъ г. баронъ держитъ по полусуткамъ, начиняя ихъ своими благоглупостями. Прямо въ отчаяніе прійти можно. Кончится это тѣмъ, что я ему запрещу входъ въ управленіе.

Жена моя Вамъ очень кланяется; а бѣдная она очень утомилась, и я боюсь, какъ бы только не свалилась, работаетъ черезъ силу.

Храни Васъ Господь

Сердечно Вашъ

В. Сухомлиновъ.

Петроградъ, 6/XI 14 г.

Дорогой

Николай Николаевичъ!

Строго конфиденціально посылаю Вамъ записку, которая дастъ Вамъ понятіе о неблагополучіи у Забѣлина и Павскаго [91]).

Читать Вамъ мелкое писаніе несовсѣмъ разборчиваго почерка— некогда, но это можетъ сдѣлать С. А. Ронжинъ, по Вашему порученію.

Сердечно Вашъ

В. Сухомлиновъ.

Ваше Высокопревосходительство

Глубокопочитаемый

Владиміръ Александровичъ.

Сердечно признателенъ Вамъ за письмо отъ 5/XI. Счастливъ, что Государю удалось побывать кое-гдѣ, не нарушая своихъ предположеній и до наступившей теперь обстановки. Эта обстановка по-моему тяжела не только сама по себѣ (противъ центра фронта) при наличіи нашихъ 2 корпусовъ противъ 4—5 нѣмецкихъ. Тяжела она еще особенно тѣмъ, что у Н. В. Р. (Рузскаго) и его ближайшихъ сотрудниковъ вдругъ пропала вѣра въ войска. Правѣе прорыва у насъ отъ Вислы на Ловичъ 2 сибирскихъ, II и сборный корпусъ. Лѣвѣе 1, 2 Сибирскихъ

IV, XXIII, IX и V—5 кавк. див., бо́льшаго сдѣлать мы не могли. Какъ при такихъ силахъ допустили прорывъ и не возстановили его,—объяснить трудно. При подъемѣ духа, стратегическое положеніе обѣщаетъ рѣшительную побѣду, ибо противникъ въ клещахъ. Что угодно сулить намъ судьбѣ, увидимъ завтра и 9-го. Сейчасъ же при первыхъ признакахъ, когда фронтъ еще смотрѣлъ бодро, мы вытребовали объ Петр(оградскія) дивизіи, а теперь подняли съ отдыха гв. кавалерію и направляемъ ее на Ивангор. прикрыть сообщеніе Ю.-З. фронта. Больше рессурсовъ нѣтъ. Н. Ю. (Юденичу) [92]) поручено войти въ связь с П. А. Пл. (Плеве), К-са (Каульбарса) выпустилъ В. К. А. М. (Великій Князь Александръ Михайловичъ). На-днях онъ будетъ въ Петроградѣ. Можетъ-быть, Вы его попросите водворить К. (Каульбарса) на мѣсто или вернуть въ Совѣтъ. Радъ за Лук. (Лукомскаго). Что же касается Добр. (Добророльскаго), то онъ на VII небѣ и по его примѣру уже просится Монкевицъ, говоря, что его до войны рѣшили отпустить въ строй, а теперь держатъ.

Низко кланяюсь Екатеринѣ Викторовнѣ. Передайте ей это отвѣтное письмо. Искренне Вамъ признательный и почтительно преданный

Н. Янушкевичъ.

Р-фу (Ренненкампфу) по одному вопросу черезъ Н. В. Р. (Рузскаго) посланъ «выговоръ», т.-е. начало конца его готово.

Петроградъ, 10 ноября 1914 г.

Дорогой

Николай Николаевичъ.

Мотоциклетки у насъ на вѣсъ золота. Случилась же такая исторія. У милаго моего, добрѣйшаго Н. В. Рузскаго въ штабѣ завелась скверная интрига, генер. штаба полк. Лукирскій, по общимъ отзывамъ дрянь большая,—желая поставить у этого дѣла своего родственника шт.-ротм. Дембовскаго, замариновалъ при штабѣ въ Сѣдлецѣ командира мотоцикл. роты и одно отдѣленіе, которые сидятъ тамъ рѣшительно безъ всякой работы. Между тѣмъ генералъ Шейдеманъ умѣетъ этимъ матеріаломъ прекрасно распоряжаться, и онъ тамъ въ арміи ему, конечно, нужнѣе, нежели среди интригующаго штаба главнокомандующаго, вынужденнаго быть въ тылу.

Я деликатно написалъ объ этомъ Ник. Владим. (Рузскому), а онъ мое письмо передалъ Бончъ-Бруевичу, который полностью находится подъ вліяніемъ господина Лукирскаго.

Не найдете ли Вы возможнымъ освѣдомиться о количествѣ работы мотоциклетной команды въ Сѣдлецѣ, и, на основаніи полученныхъ данныхъ, предложить отправить мотоциклетки къ Шейдеману?

Мнѣ досадно, что я съ такимъ трудомъ организовалъ это дѣло, а какой-нибудь Лукирский топитъ его своими неопрятными лапами, позволяя себѣ еще по моему адресу всякія непріятности. На послѣднее я, конечно, не могу обращать вниманія, но на ущербъ большому дѣлу, конечно, обязанъ.

По части снабженія арміи всѣми видами довольствія подтягиваю всѣхъ и вся, но публика поутомилась и начала болѣть. Мое же дамское начальство, на удивленіе, показываетъ всѣмъ примѣръ энергіи и кипучей дѣятельности. Вчера помчалась въ Москву: чего-то здѣсь достать нельзя, ну и покатила на одинъ день.

Будьте же здоровы и храни Васъ Господь.

Сердечно Вашъ

В. Сухомлиновъ.

Ваше Высокопревосходительство,

Глубокопочитаемый

Владиміръ Александровичъ.

Не знаю, какъ охарактеризовать Вамъ положеніе вещей. Еще нѣтъ полной увѣренности въ успѣхѣ, но все же лучше, чѣмъ было вчера ночью, когда въ 3 ч. меня вызвалъ къ аппарату Н. В. Р. (Рузскій) съ печальнымъ рѣшеніемъ спасать II и V арміи и, видимо, по разговору чувствовалъ себя тяжело. Долго буду помнить эти часы и потомъ свое состояніе отъ 3—5 дня вчера, когда получилось какъ бы подтвержденіе вѣроятной новой катастрофы и пришлось составлять директиву Иванову. И вдругъ 7.30 получилась невѣроятно радостная вѣсть, что нѣмцы начали отходить на фронтѣ II и V. Хорошо, что мы рѣшили «отступать» послѣ контр-атаки и при томъ въ ночь с 10 на 11-е, за сутки все подготовивъ, въ смыслѣ распоряженій. А то была бы картина Лаояна, т.-е. отступленіе въ моментъ фактической побѣды. Теперь идетъ развязка тяжелаго узла Лодзь—Брезинье—Стрыковъ. Можетъ-быть Господь поможетъ. Надѣюсь, что Р. (Рузскій) будетъ отпущенъ съ миромъ.

О мотоцикл. сдѣлаю запросъ о порядкѣ ихъ пользованія. Неутомимой заботливой попечительницѣ о раненыхъ Екатеринѣ Викторовнѣ прошу передать низкій поклонъ.

Р. (Рузскій) передалъ записку и П-скаго (Парскаго?) подтянемъ. К. (Каульбарсъ) отправленъ въ Крымъ на долго.

Не известно ли рѣшеніе Государя по разслѣдованію г.-а. Пантелѣева: надо ликвидировать нѣкоторыхъ генераловъ, напр. Благовѣщенскаго.

Прошу принять увѣреніе глубокого уваженія и сердечной за все признательности.

Н. Янушкевичъ.

Командированъ Кендз. [93]) (Кендзеровскій) в Ю.-З. ф., чтобы на мѣстахъ провѣрить пополненія, обращеніе съ ружьями отъ раненыхъ и убитыхъ, снаб. тепл. вещами. Съ начала войны до 1/XI прошло по Ю.-З. фронту 193 т. раненыхъ и больныхъ, а осталось или было всего въ войсковомъ тылу еще 57 т.

Ваше Высокопревосходительство

Глубокопочитаемый

Владиміръ Александровичъ.

Лодзинская операція, надѣюсь, ликвидируется. Сожалѣютъ, что безъ разгрома, но начальство и я говорило, когда все было на волоскѣ, то надо благодарить Бога и за это. Г. Р. (Ренненкампфа) тоже ликвидируемъ. Вѣроятно, его отчислятъ въ свиту. Предполагалъ бы возможнымъ предложить Литвинова [94]). Онъ прошелъ школу г. Плеве и расписывать вензеля не станетъ. Удостоенъ Георгія по ходатайству П. А. (Плеве).

Надѣюсь, что Н. В. Р. (Рузскій) не будетъ отстаивать Р. (Ренненкампфа).

Спѣшу отправить сводку. Низко кланяюсь Вамъ и глубоко уважаемой Екатеринѣ Викторовнѣ.

Почтительно преданный и за все искренне признательный

Н. Янушкевичъ.

---

13 ноября 1914 г.

Дорогой

Николай Николаевичъ.

Могу себѣ представить, что Вы переживали въ эти тревожные дни, потому что и мы здѣсь чувствовали себя подъ какимъ-то невѣроятно тяжкимъ гнетомъ. Слава Богу, что все развертывается для насъ въ хорошую сторону.

Посылаю для Вашего свѣдѣнія два письма о генер. Усовѣ [95]), такія же свѣдѣнія имѣетъ и Государь; повидимому, этого командира нельзя оставить во главѣ стрѣлковъ.

Заявленія о бродячихъ командахъ нижнихъ чиновъ въ тылу армій—все поступаютъ. На-дняхъ вернулся изъ дѣйствующей арміи ген.-м. Болотовъ [96]), ѣздившій туда для урегулированія дѣла гвард. экон. общества. Онъ подтвердилъ мнѣ, что лично наблюдалъ мародерство и что отбившихся отъ своихъ частей такая масса людей, что въ тылу, ближайшемъ къ арміямъ, изъ нихъ можно формировать крупные разбойные отряды. Я только что вернулся изъ Финляндіи, куда ѣздилъ навести порядки въ новыхъ нашихъ портахъ Раумо и Мянтамуото, возникшихъ благодаря войнѣ.

Это лучшее теперь наше сообщеніе черезъ Швецію, откуда мы получаемъ то, чего у насъ нѣтъ. Загружены они ужасно и надо было вызволить станки для изготовленія шрапнелей, машины къ поездамъ-прачечнымъ и пр. Послѣдніе теперь на-дняхъ, будут совершенно готовы и пойдутъ въ армію.

Его Величество поручилъ мнѣ написать Вамъ, что художнику Кравченко, издавшему альбомъ въ 1902 году,—разрѣшено составить

такой же и настоящей кампаніи, при чемъ Кравченко будетъ работы свои представлять Государю черезъ штабъ Верховного Гл-щаго.

Для этого, очевидно, ему надо дать отъ Васъ разрѣшеніе пріѣзжать въ армію.

Жена проситъ передать Вамъ сердечный привѣтъ и благодарность за память.

Просто удивляюсь энергіи этого больного человѣка, совершенно несвойственной даже женщинѣ съ ее силами.

Храни Васъ Господь и дай Богъ дальнѣйшихъ успѣховъ.

Сердечно Вашъ

В. Сухомлиновъ.

15/XI.

Ваше Высокопревосходительство

Глубокопочитаемый

Владиміръ Александровичъ.

Письмо Ваше съ приложеніями получилъ. Объ У. (Усовѣ) доложилъ и послалъ Гул. (Гулевичу) телеграмму срочно выяснить въ виду достовѣрныхъ свѣдѣній, полученныхъ В. К. (Великимъ Княземъ), который разрѣшаетъ его отчислить и уволить въ отставку или предать суду, буде что-либо подтвердится.

О Р. (Ренненкампфѣ) разговоръ будетъ завтра въ Сѣдл. (Сѣдлецѣ).

Очень огорчилъ меня Н. В. Р. (Рузскій) за эту операцію. Въ чемъ дѣло, понять не могу. Но какъ-то сильно сдалъ въ руководствѣ. Развѣдки не было, руководство ускользнуло, связь потеряли и едва вновь возстановилъ, и никакъ не могутъ выяснить, потеряли ли мы 50—100—200 тысячъ и при томъ въ честномъ бою или въ позорномъ плѣну. *Слухов* масса.

Будемъ завтра браниться, т. к. кто бы ни былъ виноватъ, но ложь донесенія совершенно сбиваетъ руководство. О мотоциклеткахъ Б.-Бр. (Бончъ-Бруевичъ) молчитъ, какъ убитый. Завтра, если увижу, скажу ему, нѣтъ—Ор. (Орановскому).

На поѣзда-бани мало возлагаю надежды: раненые, маршевыя команды еще могутъ воспользоваться. Прачечныя дѣло другое. Дойдутъ до конца, выгрузятъ новое бѣлье, которое повезутъ на позицію и оттуда вывезутъ грязное, которое перемоютъ и опять повезутъ. Это трудновато, но вполнѣ возможно. Ждемъ «визитъ» (царя) на среду.

Мой нижайшій поклонъ Вашей доброй феѣ—Екатеринѣ Викторовнѣ. Дай Богъ ей силъ и здоровья.

Прошу вѣрить глубокому уваженію и сердечной преданности искренне признательнаго

Н. Янушкевича.

---

17 ноября 1914 г. Петроградъ.

Дорогой

Николай Николаевичъ.

На этотъ разъ поѣздка такая продолжительная, что меня не взяли и не думаю, чтобы за дурное поведеніе, а потому, что длительное отсутствіе мое изъ центра, при бѣдности личнаго состава въ Питерѣ, дѣло не подходящее.

До сихъ поръ не выяснились наши убытки въ Брестѣ. Въ Варшавѣ у насъ большой заказъ шрапнелей и надо бы понажать тамъ, чтобы скорѣе работали. И въ тотъ и въ другой пунктъ Его Величество разрѣшилъ мнѣ съѣздить; если Верховный Главнокомандующій не будетъ имѣть ничего противъ этого,—то я таковымъ разрѣшеніемъ и воспользуюсь.

Повидимому, нѣмцы на нашъ фронтъ обратятъ теперь исключительное вниманіе, и дѣятельная перевозка войскъ идетъ съ Запада.

Хорошо бы имъ разбить лобъ такъ, чтобы и не поднялись. Надо думать, что французы воспользуются ослабленіемъ непріятеля, противъ нихъ стоящаго, тѣмъ болѣе, что надо ожидать переброски не одного лишь корпуса.

Жена тронута Вашимъ вниманіемъ и шлетъ Вамъ душевный привѣтъ.

Сердечно Вашъ *В. Сухомлиновъ.*

Петроградъ, 21 ноября 1914 г.

Дорогой

Николай Николаевичъ.

Всей душой съ Вами во всѣхъ тревогахъ, Вами переживаемыхъ. Чѣмъ только могу, стараюсь быть полезнымъ для арміи.

Много разныхъ предложеній изъ Англіи и Америки. Въ послѣдней заказываемъ ружья къ нашему патрону,—обѣщаютъ даже нашъ штыкъ, а самъ образецъ лучше нашего ружья. Денегъ все это стоитъ огромныхъ, но о нихъ теперь и говорить непристойно.

Французы купили 30 т. лошадей въ Канадѣ, и, говорятъ, ими очень довольны.

Не признаете ли Вы полезнымъ, чтобы Великій Князь обмѣнялся какимъ-либо привѣтствіемъ съ Кичинеромъ. Англичане сформировали около 900 т. войска, оканчиваютъ ихъ подготовку и собираются перевозить на материкъ.

Съ разрѣшенія Совѣта Министровъ и соизволенія Его Величества, 26 ноября устраиваемъ сборъ въ пользу отдѣла склада Ея Величества. Поэтому Екатерина моя кипитъ въ работѣ.

Она Вамъ очень кланяется.

Сердечно Вашъ *В. Сухомлиновъ.*

27-го думаю проѣхать въ Брестъ и Варшаву.

22/XI 1914 г.

Ваше Высокопревосходительство

Глубокопочитаемый

Владиміръ Александровичъ.

Позвольте поздравить Васъ съ наступающимъ днемъ Ангела глубокоуважаемой Екатерины Викторовны и не откажите передать ей мое поздравленіе.

Буду безконечно Вамъ благодаренъ, за армію, если признаете возможнымъ подтянуть Рудзскаго *), для скорѣйшей выдѣлки снарядовъ. Это мой кошмаръ. Съ уменьшеніемъ числа орудій и числа патроновъ стали выбывать изъ строя на 50—60% больше. Нельзя ли сверхъ всего увеличить число гранатъ (трубокъ не надо, а выстрѣлы будутъ). Все же поддержится духъ войскъ.

(Утопающій всегда за соломинку хватается). Дѣло съ подборомъ винтовокъ удалось-таки наладить: до 50% обезпечено.

Получилъ я письмо М. А. Бѣляева (частное), въ которомъ со свойственной ему деликатностью онъ проситъ *моего* заключенія о производствѣ генерала Померанцева въ полные генералы и отмѣчаетъ его заслуги. Каюсь—я чуть скептичнѣе, но и только. Но если Вамъ угодно будетъ одобрить эту мысль, то разрѣшите мнѣ до конца быть назойливымъ. Я позволю себѣ (не имѣя на то права, конечно) бить челомъ за во сто кратъ болѣе достойнаго Михаила Алексѣевича. Если кто по Вашимъ указаніямъ распластывается для насъ, здѣсь сидящихъ, для арміи—то несомнѣнно М. А. Б. (Бѣляевъ) по праву—первый.

Надѣюсь, Вы простите меня за это вмѣшательство не въ свое дѣло, но это вызвано письмомъ М. А. Б., который и не подозрѣваетъ моего шага.

Н. В. Р. (Рузскій) еще не остановился на замѣстителѣ Шейдемана. Дай Богъ намъ вывернуться изъ положенія, въ которое попали съ 1/XI.

Прошу вѣрить глубокому уваженію и преданности неизмѣнно Вамъ за все признательнаго

Н. Янушкевича.

23/XI.

Ваше Высокопревосходительство

Глубокопочитаемый

Владиміръ Александровичъ.

Вернулся сегодня изъ объѣзда армій Ю.-З. фронта нач. Мих. артил. училища генер. Карачанъ. Привезъ много цѣннаго матеріала о причинахъ недостатка патроновъ въ артиллеріи, о порядкахъ по сбору и храненію оружія и пр. и пр. Словомъ, на мѣстѣ разъяснилъ

*) Известный металлообрабатывающий завод в Привислянском крае. *Прим. ред.*

всѣмъ, что ждетъ ихъ въ дальнѣйшемъ, а намъ далъ возможность посмотрѣть, что дѣлалось за китайской стѣною.

Если бы Вы признали возможнымъ поощрить его за его безспорно большой трудъ и возможность теперь Г. А. У. (главному артиллер. управленію) имѣть подъ рукою лицо, говорящее на понятномъ имъ языкѣ, то я былъ бы Вамъ глубоко благодаренъ. Велик. Князь ничего для него сдѣлать не въ силахъ.

Второе, не найдете ли возможнымъ провести вопросъ о перечисленіи калмыковъ въ казачество черезъ Сов. Министровъ ускореннымъ порядкомъ. Вмѣстѣ съ симъ я пересылаю въ Гл. Штабъ всѣ приговоры общества за подписями старшинъ и выборныхъ о пожертвованіи ихъ на нужды войны и о желаніи причислиться къ казачеству, при условіи закрѣпленія за ними занятыхъ земель. Народъ этого хочетъ давно: еще въ 1904 г. былъ поднятъ вопросъ и раньше, но «друзья» въ Думѣ, ненавидящіе казачество, будутъ сторожить, чтобы среди муллъ возбудить агитацію.

Третье, не разрѣшите ли бить челомъ за полковн. генер. шт. Троцкаго-Синютовича—нач. шт. 21 див. (командовавшаго подъ Ивангородомъ Ширванскимъ полкомъ и трижды раненаго) о назначеніи его директ. Владикавказскаго кад. корпуса (есть слухъ—что вакантенъ) Тр. (Троцкій) предст. къ тремъ боевымъ наградамъ за эти бои (чинъ ген.-м., Георг. оружіе и Вл. III ст. съ мечами). Онъ эвакуированъ во Владикавказъ. Ручаюсь за него, какъ за человѣка, въ высшей степени честнаго, порядочнаго, энергичнаго, работящаго и чуткаго. Иначе бы не смѣлъ просить Васъ.

Великій Князь очень доволенъ, что Вы хотите проѣхать и подтянуть заводы. Ронжинъ 27-го ѣдетъ на нѣсколько дней въ Петроградъ и въ Ваше распоряженіе.

Глубоко тронутъ памятью добрѣйшей и глубокоуважаемой Екатерины Викторовны. Прошу передать ей почтительный привѣтъ и не очень пенять за всѣ просьбы на искренне Вамъ преданнаго и неизмѣнно за все признательнаго

Н. Янушкевича.

---

24 ноября 1914 г.
Петроградъ.

Дорогой

Николай Николаевичъ.

Распоряженія о гранатахъ сдѣлалъ и поручилъ Вернандеру нажать еще на это дѣло. На заводъ Рудзскаго и Лильпопа,-Рау и К° я самъ, во время поѣздки, поприналягу и посмотрю, что они могутъ сдѣлать и чѣмъ имъ помочь.

Что касается воздушныхъ кораблей типа «Илья Муромецъ»—то, по моему, надо произвести серьезный боевой опытъ, чтобы рѣшить, какъ съ ними быть.

На-дняхъ будетъ готова цѣлая группа и болѣе совершенной конструкціи.

Я желалъ бы образовать временную авіаціонную школу для этихъ именно кораблей и вмѣстѣ съ механикомъ и конструкторами завода, на которомъ они строились, водворить эту школу гдѣ-нибудь около Варшавы. Тамъ сосредоточены будутъ всѣ техническія средства и такой личный персоналъ, съ которымъ и можно будетъ работать. Цѣлый рядъ боевыхъ задачъ при такихъ условіяхъ убѣдитъ насъ воочію,—отказаться ли намъ отъ нихъ,—или принять въ качествѣ боевыхъ единицъ. Я думаю, что ни Великій Князь, ни Вы не будете имѣть ничего противъ этого моего плана.

Прибыли въ Архангельскъ грузовики и бронированные автомобили, которые и будутъ отправлены въ армію. Послѣднихъ имѣется 90 штукъ.

Полковн. Добржанскій, судя по Вашей телеграммѣ, лицомъ въ грязь не ударилъ, и автомобили его начистили морду нѣмцамъ,—Богъ дастъ, и дальше они себя покажутъ.

Относительно Мих. Алек. Б. (Бѣляева) совершенно съ Вами согласенъ и представленіе уже сдѣлалъ: наши мысли сошлись.

Сегодня видѣлъ Вашу супругу,—она совсѣмъ молодецъ; поговорили, конечно, о Васъ.

Будьте же здоровы и дай Вамъ Господь силъ и здоровія.

Сердечно Вашъ

В. Сухомлиновъ.

Уходъ двухъ нѣмцевъ, которые выпустили третьяго (Гинденбурга), произвелъ здѣсь прекрасное впечатлѣніе. Оказывается особенно негодовала вся Москва, куда привезли о Р. (Ренненкампфѣ) всякія данныя раненые.

Петроградъ
26 ноября 1914.

Дорогой

Николай Николаевичъ.

Вчера явился Р. (Ренненкампфъ) и спросилъ меня, за что его убрали. Сказалъ, не знаю, думаю—выяснится.

Впечатлѣніе произвелъ на меня отвратительное,—какого-то наглаго пруссака.

Не совѣтую брать въ армію Ашеберга [97]): зарекомендовалъ себя такъ, что начальство VI арміи умоляло его убрать: сталъ «кадетствовать» и даже хуже; къ тому же совсѣмъ дряхлъ, грубъ и ненадеженъ.

Посылаю Вамъ матеріалы по дѣлу оружія.

Вопросъ очень серьезный и трудный. Покупаемъ въ Америкѣ,—но когда все это прибудетъ...

А тутъ еще, повидимому, нѣмцы,—стараются перекупить все, что мы собираемся купить.

Вчера у И. Л. Горемыкина было по этому поводу совѣщаніе Сов. Министровъ, т. к. Минист. финансовъ не справляется съ валютой,—а я пристаю чуть не съ ножемъ къ горлу и требую быстраго рѣшенія. Положеніе Мин. фин. дѣйствительно затруднительное,—вѣдь ему надо на военныя нужды вываливать ежедневно около 16 м. рублей. Относительно Карачана, Троцкаго-Синютовича и калмыковъ постараюсь сдѣлать, что можно будетъ.

Завтра ѣду въ Брестъ, Нов. Минскъ и Варшаву—думаю вернуться въ понедѣльникъ.

Государь, кажется, въ Батумъ не поѣдетъ,—оно и лучше,—тамъ много всякаго сброда.

Жена Вамъ шлетъ искренній привѣтъ и поздравленіе. Сегодня она очень занята сборомъ на раненыхъ и на теплую одежду.

Храни Васъ Господь.

Сердечно Вашъ

В. Сухомлиновъ.

Псковъ.
1 дек. 1914.

Пишу Вамъ въ вагонѣ, дорогой Николай Николаевичъ, на обратномъ пути въ Петроградъ.

Въ Брестѣ картина ужасная (отъ происшедшаго тамъ взрыва), но убытки—частью не такъ важны. Слѣдствіе въ полномъ ходу и матеріалъ уже обильный. Къ причинамъ стали приплетать аэропланы,—но это уже общая галлюцинація, которой не избѣжала даже Пермь, Саратовъ и др. мѣста глубочайшаго нашего тыла.

Въ Ново-Минскѣ, на заводѣ Рудзскаго я засталъ забастовку именно того отдѣла, который изготовляетъ шрапнели.

Явное дѣло нѣмцевъ, орудующихъ черезъ евреевъ.

Я посовѣтовалъ администраціи прогнать 18 человѣкъ зачинщиковъ, а остальнымъ объявить, что, если не станутъ на работу, то, какъ союзники нѣмцевъ,—будутъ вмѣстѣ съ послѣдними плѣнными высланы въ Сибирь.

Результатъ: вчера уже стали на работу. Осмотрѣлъ въ Варшавѣ большой заводъ Лильпопъ-Рау.

Работы идутъ успѣшно, но недостатокъ угля, который доставляется съ Дона съ большими задержками, задерживаетъ иногда дѣло.

На-дняхъ должны были на трое сутокъ пріостановить работы за недоставкою угля. Въ этомъ надо имъ помочь и лучше всего взятіемъ Домброва, уголь котораго значительно выше по качеству Донецкаго.

Все это я объяснилъ Рузскому, который не зналъ, что шрапнели изготовляются въ Варшавѣ.

Настроеніе Н. В. Р. (Рузскаго), какъ Вы писали, дѣйствительно не восторженное, но какое счастье, что убрали Ренненкампфа, ибо послѣ того, что мнѣ пришлось слышать теперь со всѣхъ сторонъ, не

избѣжать бы намъ катастрофы; а отступленіе его изъ В. Прус. было позорнѣйшимъ бѣгствомъ.

О генералѣ Слесаренкѣ, о полк. Балтійскомъ въ войскахъ говорятъ, какъ о герояхъ, а Р. (Ренненкампфъ) ихъ устранилъ, смѣнивъ ихъ въ самый разгаръ военныхъ дѣйствій, и назначилъ,—вмѣсто перваго гр. Шувалова, не имѣвшаго никакого представленія о ходѣ дѣла, и такого проходимца, какъ подполк. Меньчуковъ,—вмѣсто Балтійскаго. Вѣдь это просто измѣна.

Масса офицеровъ болтается въ тылахъ (разныхъ). Что касается Петрограда, то постараюсь выпроводить всѣхъ боеспособныхъ. Напишу Вамъ о 13 корпусѣ то, что знаю отъ кн. Туманова. Ему надо помочь, а то ничего не выйдетъ.

Будьте же здоровы и храни Васъ Господь.

Сердечно Вашъ

В. Сухомлиновъ.

Простите за неизящное вагонное писаніе на ходу.

Петроградъ.
2 декабря 1914.

Дорогой

Николай Николаевичъ.

Пріѣхалъ домой и засталъ Ваше письмо, надъ которымъ очень призадумался. Дѣлаю рѣшительно все, что только доступно человѣческимъ силамъ въ той обстановкѣ, въ которой мы находимся.

Нѣмцы въ своей промышленной странѣ, имѣя Круппа,—40 лѣтъ готовились къ войнѣ,—а мы всего какихъ-нибудь 5 лѣтъ и вотъ уже пятый мѣсяцъ безпрерывно стрѣляемъ,—да какъ еще палимъ, и даже просто бросаемъ боевые припасы. А что было въ I и II арміяхъ.

Повидимому, по снарядамъ и въ иностранныхъ арміяхъ также слабо,—и они не справляются.

Какъ Вы знаете, при содѣйствіи Министра торговли и промышленности, собраны были у меня всѣ заводчики и заказы на шрапнель розданы всѣмъ, кто только могъ приспособиться для производства снарядовъ. Генералъ Вернандеръ энергично налегаетъ на артиллерійское вѣдомство; я просилъ для этого Маниковскаго, какъ самаго энергичнаго человѣка,—но онъ нуженъ былъ и для Кронштадта.

Самъ ѣзжу по заводамъ и понукаю, но натыкаюсь на забастовки, отсутствіе угля, недоставку станковъ изъ-за границы,—а у насъ ихъ нѣтъ. Несмотря на все это, около 12 парковъ въ декабрѣ надѣюсь получить и отправить.

Обученіе новобранцевъ идетъ хорошо,—но задержка можетъ быть въ оружіи, которое ждемъ изъ Америки. То, что мы собираемъ у себя, ничтожно по сравненію съ тѣмъ, что требуется.

Изъ Владивостока войска катятся пассажирскою скоростью.

1 декабря изготовили около 4 т. молодыхъ офицеровъ, но необходимо возвращать въ строй сравнительно легко раненыхъ, опыт-

ныхъ старшихъ офицеровъ, которые застрѣваютъ въ «эвакуаціяхъ» и наполняютъ большіе города въ тылу.

Прилагаю корректуру, по которой можно судить, что приходится дѣлать цензурѣ. Нельзя ли разрѣшить печатать наименованіе частей, когда этимъ не обозначается ни мѣсто ихъ пребыванія, ни въ составъ какой арміи онѣ входятъ.

Жена шлетъ Вамъ душевный привѣтъ.

Сердечно Вашъ

В. Сухомлиновъ.

Ваше Высокопревосходительство

Глубокопочитаемый

Владиміръ Александровичъ.

Письмо Ваше съ пути получилъ, Михаилу Алексѣевичу (Бѣляеву) вчера уже передалъ согласіе Верховнаго на производство опытовъ по Вашему выбору—въ Яблонной.

Въ С.-З. фронтѣ духъ неладный. Предвзятое рѣшеніе «ничего сдѣлать нельзя». Противникъ не напираетъ при отходѣ, а уже говорится о невозможности задержаться на той позиціи, на которую еще отходятъ. На фронтѣ 100—70 верстъ до 34-х дивизій. Что ни дай, все съ поѣзда валятъ въ бой. Уже говорятъ объ отходѣ на Варш. укр. позицію, на которой съ такимъ же успѣхомъ не будутъ держаться, если появится корпусъ у Серпеца или Плоцка. Завелся въ штабѣ какой-то Мальгусурскій микробъ, съ которымъ Н. В. (Рузскій) не борется. Больно и обидно отдавать такъ все кровью политое. Конечно, не спорю, что будь патроны—артиллерія не подпускала бы къ пѣхотѣ нѣмцевъ, но все же 3 кавк. корпусъ и др. показываютъ, что можно и невозможное сдѣлать возможнымъ.

Вѣдь страшно подумать, что приходится говорить фронту о дивизіяхъ и корпусахъ. Еще въ октябрѣ говорили объ укрѣпленіи позиціи отъ Вышеграда по Бзурѣ. Начались неудачные бои подъ Лодзью 4-XI, а они лишь въ 20-хъ числахъ приступили къ чему-то, и на указаніе держаться на Бзурѣ отвѣтили:—«трудно, т. к. еще только начали работы, считали излишнимъ».

Не важно, говорятъ, и на Кавказѣ. Намѣстникъ полуживой, Беркманъ пародія на к-ра корпуса, и «какъ нѣмецъ» уже слываетъ «измѣнщикомъ», Мышлаевскій, говорятъ, боленъ. На всѣ вопросы о несоотвѣтствіи начальниковъ и смѣнѣ таковыхъ отмалчиваются. Въ послѣднемъ совѣщаніи В. К. подстегнулъ начальника снабженій, и отдается грозный приговоръ, чтобы благополучіе не ограничивалось бумагой и наличіемъ запасовъ въ тысячахъ вагоновъ.

Былъ у В. К. (Великаго Князя) Родзянко и жаловался на видѣнное во II и I арміяхъ, на недостатокъ теплыхъ вещей, сапогъ, винтовокъ и патроновъ. Дѣйствительно, трагическое положеніе: 700 т. обучен. и едва 50—70 т. винтовокъ. Родзянко предлагалъ В. К. услуги

южныхъ заводовъ для выдѣлки патроновъ. Бои показали, что % шрапнелей великъ, надо пополамъ. Простите за всегдашнее нытье, но кому же не докладывать и не освѣщать, какъ все есть, какъ не Вамъ.

Мой почтительнѣйшій привѣтъ глубокоуважаемой Екатеринѣ Викторовнѣ. Васъ же прошу на меня не гнѣваться и вѣрить моему глубокому уваженію и неизмѣнной преданности и благодарности за все.

Н. Янушкевичъ.

У Мищенко осталось 4 т. штыковъ... Вытягиваемъ для grand cas у Иванова гвардію въ Сѣдлецъ. Ждемъ пополненій для этого корпуса.

---

6 дек. 1914.

Дорогой

Николай Николаевичъ.

Внутреннее чувство у меня таково, что, Богъ дастъ, все будетъ хорошо. Нервы у всѣхъ, конечно, напряжены до крайности,—въ томъ числѣ и у меня, но я стараюсь ихъ утихомирить и усиленно повторяю себѣ то, что постоянно твердилъ Мих. Ив. Драгомировъ: «Если тебѣ тяжело, то помни, что и противнику твоему не легко,—а, можетъ-быть, и тяжелѣе,—только ты свое знаешь, а его не знаешь».

Посылаю Вамъ интересные документы.

Р. (Ренненкампфъ) подъ сурдинку знакомитъ публику съ своей запиской, а добрый человѣкъ какой-то доставилъ мнѣ одинъ экземпляръ.

Сегодня, въ день Вашего Ангела, заходилъ къ Вашей супругѣ, но не засталъ ее дома.

Екатерина Викторовна шлетъ Вамъ душевный привѣтъ.

Сердечно Вашъ

В. Сухомлиновъ.

6-XII.

Ваше Высокопревосходительство

Глубокопочитаемый

Владиміръ Александровичъ.

Знаю, что причиняю Вамъ хлопоты и тревогу своими воплями, но что же дѣлать. Вѣдь волосы дыбомъ становятся при мысли, что по недостатку патроновъ и винтовокъ придется покориться Вильгельму. Для благополучной стрѣльбы нуженъ паркъ на корпусъ въ мѣсяцъ. Составъ нѣкоторыхъ корпусовъ дошелъ до $4^1/_2$-7 т. чел... Чѣмъ меньше патроновъ, тѣмъ больше потери. Приливъ ежедневно 4-5 тысячъ равенъ 0, вѣрнѣе— т. к. потери больше. Если бы сразу влить тысячъ 150-250 т., то можно было бы въ 1-$1^1/_2$ недѣли отбросить про-

тивника и сразу выиграть положеніе. Задержка офицеровъ тоже тяжело отражается. Ихъ теперь въ нѣкоторыхъ полкахъ 7-10 (!!!) человѣкъ. Вотъ почему я считаю своимъ долгомъ бить Вамъ челомъ. Много людей безъ сапогъ отмораживаютъ ноги, безъ полушубковъ или тѣлогрѣекъ начинаютъ сильно простуживаться. Въ результатѣ тамъ, гдѣ перебиты офицеры, начались массовые сдачи въ плѣнъ, иногда по иниціативѣ прапорщиковъ. «Чего намъ дохнуть голодными и холодными, безъ сапогъ, артиллерія молчитъ, а насъ бьютъ, какъ куропатокъ. У нѣмцевъ лучше. Идемъ». Казаковъ, отбившихъ атакой 500 плѣнныхъ, послѣдніе изругали: «кто васъ, ироды, просилъ: опять голодать и мерзнуть не желаемъ». Правда, это—печальные случаи, но они грозны. Вотъ почему я такъ теперь кликушествую. Англичане предлагаютъ помочь выполнить заказы у себя, въ Америкѣ и въ Японіи. Будьте милостивы приказать заказать все, что возможно (подковы, патроны, ружья). Лишняго не будетъ. Все проглотитъ армія, какъ ненасытное чудовище. Простите Бога ради. Вѣрьте, что не преувеличиваю, а говорю по совѣсти.

Почтительно цѣлую ручку глубокоуважаемой Екатерины Викторовны и прошу не гнѣваться на искренне Вамъ преданнаго и за все благодарнаго

Н. Янушкевича.

7-XII.

Ваше Высокопревосходительство

Глубокопочитаемый

Владиміръ Александровичъ.

Позвольте раньше всего принести Вамъ и глубокоуважаемой и добрѣйшей Екатеринѣ Викторовнѣ мою глубокую и сердечную признательность за Ваше вниманіе и память 6-XII.

Я далъ прочесть письмо С. (?) и записку Р. (Ренненкампфа) Верховному. Великій Князь повелѣлъ мнѣ безотлагательно снестись и выяснить, гдѣ пр. К. (?) и проситъ Васъ поручить Э. (Эрандакову?) провѣрить, что за личность м-me Б-я (?). Записка Р. (Ренненкампфа), по моему мнѣнію, «нестоящая вниманія».

Его теперь такъ усердно «возненавидѣли», что пиши, не пиши, а вѣрить не станутъ. Поговорку М. И. Д. (Драгомирова) знаю, но такова слабость моей натуры, что побороть себя не могу. Мнѣ все кажется, что наступитъ день и часъ, когда Вы и многіе другіе скажутъ мнѣ: «А для чего вы тамъ сидѣли? Почему вы не предупреждали о ужасѣ положенія? На что вы надѣялись? За что на васъ сыпались большія незаслуженныя вами милости?». И не въ юридическое оправданіе себѣ пишу я, нѣтъ,—отвѣчать долженъ я и никто больше, а исключительно въ нравственное оправданіе, чтобы и осужденному имѣть право все же смотрѣть въ глаза всѣмъ и сказать: «виноватъ безусловно, но я не обманывалъ, не скрывалъ ничего, совѣсть спокойна».

Съ надеждою на Бога и Вашу помощь рѣшили сформировать 15 корпусъ, а из 13 три знаменныхъ полка, которые перевести въ Ковну, въ виде 8 (регул.) действ. батальоновъ въ придачу къ ополченію. Торклусъ, видимо, молодецъ, по энергіи. Флугъ маркой ниже. Изъ гвардейскаго корпуса, который разсчитываемъ укомплектовать, и 4 сибирск. корпуса, можетъ быть, удастся составить ко 2 половинѣ декабря свѣжій кулакъ. Долженъ доложить, что часть новобранцевъ поступила въ 15 корпусъ только недѣлю назадъ (долго собирались).

Будьте милостивы приказать сократить сборы и доставку новобранцевъ до минимума, т. к. это идетъ въ явный ущербъ и безъ того сокращенному, ихъ скороспѣлому обученію. Какъ изволите видѣть, я все клянчу. Простите. Радъ бы не надоѣдать. Нужда и Ваша снисходительность развязываютъ мой языкъ. Покорно прошу принять увѣреніе глубокаго уваженія и искренней Вамъ благодарности.

Н. Янушкевичъ.

---

8 дек. 1914.

Дорогой

Николай Николаевичъ.

Вы уже получили, конечно, записку г. Р. Ренненкампфа, которую я Вамъ послалъ.

Къ этому долженъ добавить, что этотъ господинъ распространяетъ такіе слухи и такъ комментируетъ дѣйствія на театрѣ войны, что необходимо его обуздать.

Въ этомъ отношеніи мое положеніе очень трудное, ибо Государь считаетъ, что я отношусь пристрастно къ этому «герою».

Между тѣмъ послѣдствія такого поведенія г-на Р. (Ренненкампфа) сказываются, и есть люди, склонные винить за неудачи не его, а высшее командованіе.

Затѣмъ распространеніе подобныхъ записокъ, по моему,—преступленіе: я получилъ ее отъ неизвѣстнаго лица и, конечно, безъ подписи, но тогда, вѣдь она попадетъ и въ Берлинъ,—если уже не попала.

Я, конечно, обязанъ буду доложить все это Его Величеству, но весьма возможно, что къ этому моему докладу отнесутся несочувственно, по извѣстнымъ причинамъ.

Общество сильно возмущено «героемъ», который закругленными усами и наглымъ видомъ всюду афишируется здѣсь.

Я просилъ назначить ему содержаніе изъ военнаго фонда минимальное,—а Государь ему назначилъ 12.000.

Я бы очень хотѣлъ знать мнѣніе Верховнаго Главнокомандующаго, какъ бы онъ посовѣтовалъ мнѣ поступить въ данномъ случаѣ.

Можетъ быть, Вы найдете возможнымъ узнать и протелеграфировать безъ указанія имени,—я пойму.

Сердечно Вашъ

В. Сухомлиновъ.

Петроградъ.
10—XII 14.

Дорогой

Николай Николаевичъ.

Сожалѣю, что не могу обмѣняться съ Вами живымъ словомъ. А бумага, какъ неизмѣнная канцелярская принадлежность,—мертвитъ до извѣстной степени всякую мысль.

Въ тяжелыя минуты я часто вспоминаю философскіе совѣты М. И. Драгомирова и всегда убѣждаюсь, до какой степени онъ проповѣдывалъ истину.

Какъ-нибудь война прикончится,—меня отпустятъ на покой,—будутъ и у Васъ свободныя минуты,—тогда и обмѣняемся по этой части мыслями.

А сейчасъ—знайте, что все, что только въ силахъ сдѣлать для арміи,—мы здѣсь дѣлаемъ; я безпощадно веду войну со всякой канцелярской волокитой и самъ ѣзжу по заводамъ и мастерскимъ.

Порадовалъ меня Путиловскій заводъ, на которомъ я былъ на-дняхъ, работаетъ быстрѣе, чѣмъ предположено было. Слава Богу, въ Москвѣ стали выдѣлывать станки, которыми мы до сихъ поръ снабжались только изъ-за границы.

Вчера учинилъ разносъ пріемщикамъ Петрогр. Ремесленной Управы за волокиту въ дѣлѣ изготовленія предметовъ Интендант. снабженія арміи.

Вчера же въ Совѣтѣ Министровъ заявлялъ о безобразіи, которое я нашелъ въ этомъ дѣлѣ, и буду воевать дальше.

Что касается Р. (Ренненкампфа), то онъ позволяетъ среди членовъ Государственнаго Совѣта и Думы распространять такія свѣдѣнія о непорядкахъ въ нашей арміи, что я начинаю уже получать заявленія, съ которыми не знаю, что и дѣлать,—въ отсутствіи Государя.

Храни же Васъ Господь!

Сердечно Вашъ

В. Сухомлиновъ.

10-XII.

Ваше Высокопревосходительство,

Глубокопочитаемый

Владиміръ Александровичъ.

Исполнилъ Ваше приказаніе, доложилъ Вашъ вопросъ. В. К. (Великій Князь (отвѣтилъ такъ: «Р. (Ренненкампфъ) не въ моемъ распоряженіи. Считаю, что такія записки до конца войны писать вообще нельзя. Разъ онѣ нецензурны, то подлежатъ изъятію, а авторъ отвѣтственности». «Въ первой части записокъ есть много справедливаго; не могу сказать этого про вторую, т. к. это надо провѣрить. Вообще его надо провѣрить и прослѣдить».

Вамъ извѣстно, что насъ, повидимому, хотятъ навѣстить (царь). Есть признаки, но нѣтъ обычнаго предупрежденія.

Чтобы Васъ не тревожить, я по приказанію В. К. (великаго князя) послалъ вопль по телеграфу генералу Вернандеру, рисуя ему картину съ патронами. Оба Главнокоманд. (фронтами) прислали такія депеши, что волосы дыбомъ становятся. Патроны исчезаютъ. У нѣмцевъ уже появились статьи, что мы при послѣднемъ издыханіи, т. к. почти не отвѣчаемъ на ихъ огонь, что по показанію нашихъ солдатъ (плѣнныхъ) мы таемъ безъ пополненія, и артиллеріи запрещено стрѣлять. Отсюда выводъ, что побѣда близка. А пополненія, обѣщанныя къ 1 декабря, дѣйствительно, не идутъ. И я усердно просилъ М. А. Б. (Бѣляева) ускорить призывъ 1915 г. и требовать срочной доставки новобранцевъ въ части. Уже половина декабря, а есть новобранцы, еще не приступившіе къ обученію. Это вѣдь сильно нарушаетъ всѣ расчеты. Крайне необходимо ускорить призывъ, чтобы успѣли ихъ обучить. Считаю своимъ долгомъ обрисовать Вамъ и эту картину.

Покорно прошу передать мой почтительный привѣтъ глубокоуважаемой Екатеринѣ Викторовнѣ.

Нельзя ли намъ дать для провѣрки тыла на 14—20 дней П. А. Фролова или Ростковскаго. Нужны лица съ положеніемъ и энергичные. Простите, надоѣлъ Вамъ, чувствую. Глубоко Васъ уважающій и горячо Вамъ преданный и благодарный

Н. Янушкевичъ.

11-XII.

Ваше Высокопревосходительство

Глубокопочитаемый

Владиміръ Александровичъ.

Я отлично сознаю, что Вы дѣлаете все возможное и, если позволяю себѣ quand même писать Вамъ свои слезницы, то исключительно, чтобы Вы были вполнѣ въ курсѣ дѣйствительнаго положенія вещей.

Великій Князь передалъ мнѣ Ваше письмо о Р. (Ренненкампфѣ), а я Ему доложилъ и содержаніе Вашего ко мнѣ о немъ же. Верховный повелѣлъ мнѣ передать, что никакихъ препятствій къ выясненію виновности генералъ-адъютанта фонъ-Ренненкампфа и доклада о выяснившемся Государю Императору съ Его стороны нѣтъ. Если угодно, то я это закрѣплю официально.

Распространеніе записки и слуховъ о состояніи арміи Вел. Кн. признаетъ недопустимымъ и подлежащимъ прекращенію. О способѣ В. К. не высказался, т. к. считаетъ его теперь въ Вашемъ всецѣло распоряженіи. Объ Усовѣ (командирѣ л.-гв. 3-го стр. полка) получились отъ IX арміи заявленія, что разслѣдованіе генерала Безобразова[98]) не подтвердило об виненія, и генералъ Б. (Безобразовъ) настоятельно проситъ сообщить ему источникъ, послужившій мнѣ основаніемъ для моей телеграммы: «О г.-м. У. (Усовѣ) имѣются крайне неблагопр.

свѣдѣнія, вооружилъ офицеровъ, нетактиченъ, полкъ портитъ. Прошу разслѣдовать, устранить, предать суду, если подтвердится». Какъ прикажете быть. Г. Усовъ оказывается представленъ или получилъ уже Г. (Георгія) 4 ст. и Г. (Георгіевское) оружіе... Гв. корпусъ сосредоточивается въ Ново-Минскѣ и Сѣдлецѣ. Члены(Военнаго)Совѣта проѣдутъ по линіямъ каждой арміи отъ тыла Забѣлина и Данилова до 1 корпуса, его дивизій, а буде возможно полка и прослѣдятъ, что изъ запасовъ, какъ, когда, въ какомъ видѣ доходитъ, какъ проходятъ подкрѣпленія, какъ идетъ питаніе на этапахъ и т. д.

Покорно прошу передать почтительный привѣтъ глубокоуважаемой Екатеринѣ Викторовнѣ, а на меня прошу не очень гнѣваться за мои надоѣдливыя просьбы.

Глубоко Васъ уважающій и благодарный

Н. Янушкевичъ.

12-XII 1914.

Дорогой

Николай Николаевичъ.

Вчера я пригласилъ ген. Р. (Ренненкампфа) и сказалъ ему, что по городу ходятъ записки о дѣйствіяхъ I-й арміи, приписываемыя ему. Сперва онъ нахально заявилъ, что никакихъ записокъ не писалъ, а затѣмъ сказалъ, что онъ, конечно, для своей реабилитаціи долженъ обрабатывать матеріалы, что и дѣлаетъ у себя въ кабинетѣ, а не распространяетъ ничего.

Когда же я ему сказалъ, что онъ, вѣроятно, поступаетъ съ «матеріалами» неосторожно, ибо я получилъ отъ неизвѣстнаго лица его записку, тогда онъ сознался, что записку одну составилъ и пришлетъ мнѣ самъ. Сейчасъ я ее получилъ и оказывается это не та, которую я Вамъ послалъ.

Словомъ, свои подвиги на полѣ брани, нѣсколько инымъ фасономъ продолжаетъ и здѣсь.

Общество возбуждено противъ него ужасно.

Доказательства его недопустимаго поведенія начинаютъ появляться въ такомъ размѣрѣ, что я передаю все через Генеральный Штабъ Главному Военному Прокурору,—у котораго имѣется уже ихъ достаточно по дѣятельности Р. еще въ мирное время.

Вчера видѣлъ Вашу супругу,—она имѣетъ бодрый, свѣжій видъ, а мое начальство такъ утомилось Петроградомъ, что доктора совѣтуютъ ей проѣхаться съ однимъ изъ поѣздовъ, отправляемыхъ с подарками въ армію, о чемъ считаю долгомъ доложить начальнику Штаба Верховнаго Главнокомандующаго.

Сердечно Вашъ

В. Сухомлиновъ.

12-XII 1914.

Дорогой

Николай Николаевичъ.

Ножницы Гулькевича [1]) заказаны, но, по-моему, это даромъ истраченныя деньги изъ военнаго фонда, ибо за то, что стоитъ 5—6 рублей, съ насъ запросили 22 и затѣмъ милостиво согласились на 16 рублей. Надѣтыя на ружья они ихъ только портятъ, срываютъ мушки, портятъ штыки—словомъ, будемъ имѣть еще меньше исправнаго оружія. Кн. Енгалычевъ, по заявленію генерала Чернявскаго, собирается усилить артиллерію VI арміи за счетъ баттарей артиллерійскихъ училищъ. Если это допустить, то придется закрыть училища.

Правильнѣе будетъ подготовить личный составъ для этихъ баттарей и въ крайней лишь необходимости забрать пушки у юнкеровъ.

16-го будетъ готовъ поѣздъ съ подарками теплыхъ вещей для арміи, и Екатер. Викторовна рѣшила отправиться сама, объѣхать всюду, гдѣ только можно будетъ, по фронтамъ и привезти обратно раненыхъ.

Я протестовалъ противъ этой ея поѣздки,—но доктора меня увѣрили, что это будетъ для нее отдыхъ, сравнительно съ нервной работой здѣсь.

Вотъ она и проситъ меня походатайствовать передъ Вами о выдачѣ ей отъ Штаба Верховнаго Главнокомандующаго своего рода «паспорта» о томъ, чтобы было бы оказываемо ей въ пути всяческое содѣйствіе для выполненія этой миссіи. Снаряжается поѣздъ отлично, берутъ и автомобили съ собой.

Я предложилъ дать отъ себя такую бумагу,—но она мнѣ заявила, что признаетъ только пропускъ отъ Васъ,—а на «твое писаніе»,—говоритъ—«никто и вниманія не обратитъ». Вотъ какъ распоряжается мое начальство.

Будьте же здоровы.

Сердечно Вашъ

В. Сухомлиновъ.

Если такой паспортъ дать можете, то вышлите съ ближайшимъ фельдъегеремъ, а то не получитъ во-время.

Ваше Высокопревосходительство,

Глубокопочитаемый

Владиміръ Александровичъ.

Получилъ оба Ваши письма. О Р. (Ренненкампфѣ) я уже докладывалъ Вамъ точку зрѣнія Верховнаго. Очевидно, не миновать ему возмездія.

Спѣшу представить Вамъ пропускъ для «доброй феи» Екатерины Викторовны. Сдѣлалъ распоряженіе, чтобы не было задержекъ въ мѣрѣ возможности.

---

[1]) Для разрезывания проволочных заграждений.

О ножницахъ Гулькевича просилъ потому, что масса гласныхъ и негласныхъ моихъ корреспондентовъ и начальниковъ частей кричали въ письмахъ: «не руками же солдату рвать проволоку, побойтесь Бога, Вы все испытываете что-то, а есть испытанные ножницы Гулькевича». Одинъ изъ начальниковъ дивизій приложилъ отвѣтъ сего господина, что радъ бы въ рай, да гл. арт. или техн. упр. не пускаютъ.

Мелкими партіями дѣлать невыгодно, а требованій много, но разрозненныхъ.

Черезъ день появились на ставкѣ полковн. Аничковъ и отст. генер. Цуръ-Миленъ. Второго не видѣлъ, т. к. не хотѣлъ его принять. Первый продемонстрировалъ очень портативные ножницы, надѣваемые разъ на всю войну, легкіе, дающіе упоръ при стрѣльбѣ лежа (увелич. мѣткость по свидѣт. комиссіи офиц. Измайлов. полка) на 50,7, и при томъ дешевыя, сравнительно съ Гулькевичемъ (не болѣе 7 р.). Я немедленно протелегр. А. П. Вернандеру (чтобы Васъ не тревожить), что прошу вниманія. Въ мѣсяцъ изготовятъ 100 т. штукъ.

Никто Енгалычеву не разрѣшалъ брать у артилл. училища орудія, это какое-то крупное недоразумѣніе. Онъ просилъ поддержать его одно формированіе баттарей для бригадъ ополченія. Сегодня пріѣхали на ставку ст. секр. Горемыкинъ по вопросамъ Галиціи, Буковины и Привисл. края, о землевладѣніи нѣмцевъ, евреевъ и поляковъ. Въ $10^3/_4$ изволилъ прибыть Государь. Встрѣтили на ставкѣ. Принялъ оперативный докладъ. Доволенъ поѣздкой. Вѣсти съ Кавказа грустныя. У «Ольты» не хорошо. Генералъ Вильямсъ предлагаетъ черезъ англ. посл. дать заказъ на винт. и арт. патр. Обѣщаетъ къ 1—15 марта первыя партіи винтовокъ (по 100 т.) въ мѣсяцъ и снарядовъ (по 450 т.) въ мѣсяцъ. Я позволилъ себѣ вызвать Смысловскаго, дабы они сговорились. Если это выполнимо, то сразу наше положеніе будетъ вдвое лучше, если не втрое.

Просятъ только рѣшить вопросъ быстро. Рѣшаться, конечно, онъ будетъ въ Петроградѣ, а здѣсь надо договориться.

Почтительно цѣлую ручку глубокоуважаемой Екатерины Викторовны. Прошу не гнѣваться на не въ мѣру безпокойнаго, но глубоко за все благодарнаго

Н. Янушкевича.

15-XII 14.

Дорогой

Николай Николаевичъ.

Изъ 24 членовъ Военнаго Совѣта въ командировкѣ: Каульбарсъ, Тумановъ, Ашебергъ, Сандецкій, Гернгроссъ [99]), Мартсонъ и Мавринъ. Ставровскій сидитъ плѣннымъ въ Германіи,—уйдутъ еще Фроловъ, Брилевичъ [100]) и Ростковскій въ командировку, и 1-го января уходитъ въ отставку Рыльке, Так. образомъ остается 12 членовъ, изъ коихъ половина совсѣмъ больные люди, и можемъ не собрать требуемаго по закону числа членовъ для засѣданій.

Мое правило ни въ чемъ не отказывать Вамъ, поэтому не протестовалъ, но, какъ видите, источникъ этотъ изсякъ и дать больше ничего не можетъ.

О Р. (Ренненкампфѣ) испрошу указаній Его Величества, когда буду съ докладомъ. Держитъ себя нагло,—привезъ съ собой свиту какихъ-то ординарцевъ, разсказываетъ, что его собираются назначить на Кавказъ, но что онъ добьется назначенія на Германскій фронтъ, должно быть потому, что въ нѣмецкихъ газетахъ его хвалятъ и превозносятъ его таланты.

Вотъ будетъ интересно, если эти «таланты» обнаружатся въ вагонахъ на Виленскихъ запасныхъ путяхъ!

Объ Усовѣ приказалъ собрать все, что намъ извѣстно—и сообщу Вамъ: главный источникъ былъ—Царское Село.

Ужасно доволенъ, что вызвалъ Смысловскаго,—это сейчасъ самый дѣятельный человѣкъ гл. арт. упр.

Но безъ мощныхъ и исправныхъ заводовъ трудно выполнить тѣ задачи, которыя выпали на насъ въ эту войну и не на насъ однихъ, а и на всѣ воюющія арміи: совершенно тѣ же недочеты у нашихъ враговъ, принимающихъ самыя невѣроятныя мѣры,—чтобы пополнить боевые припасы, которые расходуются теперь въ такомъ количествѣ, что надо имѣть двойной или даже тройной комплектъ орудій и ружей, чтобы они выдержали эту пальбу.

Лично объѣзжаю заводы и закатываю имъ «допинги» и не могу не упрекнуть тѣхъ, кто такъ настойчиво настаивали на заграничныхъ заказахъ. Нельзя базироваться на «заграницѣ», опасно даже создавать заводы вблизи границы,—а надо имѣть ихъ внутри страны.

Надѣюсь, что Верховный Главнокомандующій и Вы въ этомъ со мной согласитесь. Приходится уже теперь думать о заказѣ новыхъ пушекъ на всю нашу артиллерію, и чуткіе господа стараго порядка закидываютъ уже удочки,—нельзя ли получить заказы на прежнихъ основаніяхъ.

Жена благодаритъ Васъ очень за Вашу любезную телеграмму,—но она у меня слегла, переутомившись, и теперь принимаетъ всѣ усилія, чтобы поправиться и продолжать работу.

Сердечно Вашъ

В. Сухомлиновъ.

---

16 дек. 1914.

Дорогой

Николай Николаевичъ.

Слава Богу, купленное за границей начинаетъ достигать Петрограда:

1) 30 броневыхъ автомобильныхъ взвода будутъ состоять,—каждый изъ 3-хъ автомобилей брон., 3-хъ легкихъ, 2-хъ грузовиковъ и 3-хъ мотоциклетокъ;

2) 15 санитарныхъ транспортовъ, каждый изъ 20 санит. автомоб., 3-хъ грузовиковъ и 2-хъ легкихъ автомоб.;

3) 40 мотоциклетн. отдѣленій конно-саперныхъ командъ, каждое—изъ 41 мотоциклетки, 2-хъ грузовиковъ и 1-го легков. автомоб.

Затѣмъ приступаемъ къ формированію мотоциклетн. пулеметныхъ взводовъ,—черезъ 2—3 неделивыступиттъ Кавказская автомоб. рота.

Такъ какъ техническая часть широко развивается въ войскахъ (автомоб., мотоцикл., тракторы, прожекторы, аэропланы), то необходимо имѣть, хотя бы на первыхъ порахъ въ арміяхъ, такія мастерскія и источники пополненія, чтобы все это можно было поддерживать въ исправности.

Такія подвижныя мастерскія надѣюсь тоже выслать по мѣрѣ ихъ оборудованія,—по Вашимъ указаніямъ.

Генералъ Смысловскій Вамъ устно доложилъ подробно наше артиллерійское положеніе. Я Вамъ, кажется, писалъ въ свое время, что англійскій посолъ былъ у меня и просилъ, не можемъ ли мы имъ дать нѣсколько сотъ тысячъ нашихъ ружей и корпусъ войскъ. Курьезно то, что при такихъ условіяхъ Вильямсъ теперь предлагаетъ черезъ того же посла снабдить насъ оружіемъ и снарядами. Надо думать, что источникъ американскій, т. к. мы тамъ наталкиваемся на заказы нѣмцевъ и англичанъ, что ведетъ только къ поднятію цѣнъ и не гарантируетъ исправной поставки. Какъ видно вообще у всѣхъ воюющихъ «не хватаетъ пороха», по народной нашей поговоркѣ. Мы же теперь платимся за то, что безъ заграничныхъ заказовъ не привыкли жить.

Наученные горькимъ опытомъ, съ подобной тенденціей, надѣюсь, мы теперь покончимъ.

Будьте же здоровы и Богомъ хранимы.

Сердечно Вашъ

В. Сухомлиновъ.

Жена переутомилась, и врачи уложили ее въ постель,—тѣмъ не менѣе, черезъ нѣсколько дней она собирается ѣхать, и никакими резонами ее не урезонить.

18-XII 14.

Дорогой

Николай Николаевичъ.

Пріѣхалъ ген. Покотилло и описалъ мнѣ, что дѣлается въ Тифлисѣ, а отъ гр. Вор.-Дашкова (Кавказскаго намѣстника) я получилъ телеграмму съ просьбой о присылкѣ войскъ и съ такимъ заключительнымъ аккордомъ: «положеніе, угрожающее потерей Тифлиса»,—и плѣненіемъ намѣстника, конечно, т. к. онъ уже не встаетъ съ постели.

Во всемъ этомъ узнаю г. Мышлаевскаго, орудующаго тамъ всѣмъ и создавшаго совершенно невозможное положеніе.

Очень трудно сказать, что теперь дѣлать, но несомнѣнно, что на Кавказѣ сейчасъ два врага: турки и Мышлаевскій—и оба дѣйствуютъ успѣшно.

По письмамъ оттуда можно судить, что такое тамъ творится.

Интересно будетъ узнать отъ Государя,—замѣтилъ ли Его Величество признаки этого развала, или онъ былъ искусно замаскированъ лезгинкой, тамашой, алаверды и пр. мѣстнымъ очковтирательнымъ оружіемъ.

Это, конечно, второстепенный театръ войны, но какой все-таки же это скандалъ при готовящейся тамъ катастрофѣ.

Годъ тому назадъ я докладывалъ, что управленіе Кавказомъ въ такой обстановкѣ, что не дай Богъ войны—катастрофы не миновать.

Пока, слава Богу, еще только она на бумагѣ и въ сознаніи г. Мышлаевскаго, но ходъ событій именно въ этомъ направленіи.

Сегодня освященіе поѣзда прачечной № 1, а на-дняхъ и № 2; вышли очень удачно, и дай Богъ, чтобы имъ удалось хорошо поработать.

Громадный поѣздъ съ «теплыми подарками» отправленъ вчера,—жену же докторъ задержалъ, и она его догонитъ въ субботу. И откуда только у нея столько энергіи. Храни Васъ Господь.

Сердечно Вашъ

В. Сухомлиновъ.

18-XII.

Ваше Высокопревосходительство

Глубокопочитаемый

Владиміръ Александровичъ.

Съ грустью вижу, что глубокоуважаемая Екатерина Викторовна переутомилась. Не боитесь ли Вы за ея здоровье въ пути? Вѣдь это не путешествіе съ Вами, а значительно хуже,—что бы ни дѣлалось.

Великій Князь крайне доволенъ и признателенъ за автомобили и мотоциклетки, послѣднимъ онъ придаетъ огромное значеніе.

Его Величество во время пребыванія здѣсь потребовалъ полный докладъ со всѣми цифрами, какъ въ отношеніи вливанія пополненій, такъ равно ружей и патроновъ.

Результатомъ и были повелѣнія, сообщенныя г. Смысловскому и доложенныя мною Вамъ по телеграфу.

Назначеніе Енг. (Енгалычева)—бомба послѣ посѣщенія И. Л. Гор. (Горемыкина). Послѣдній привезъ письмо отъ Р. (Ренненкампфа), который просилъ выпросить у Вел. Кн. аудіенцію. Я доложилъ Верх. о недопустимости этого, дабы не дать повода думать, что его возстановленіе возможно. В. Кн. категорически заявилъ, что ни въ коемъ случаѣ не допуститъ этого г-на на глаза къ себѣ. Тѣ части моего доклада, которыя заключали хотя бы косвенное осужденіе Р. (Ренненкампфа) прошли мимо.

Члены В (оеннаго) Сов. вызваны только для того, чтобы проѣхать отъ Дан. (Данилова) и Заб. (Забѣлина) до див (изіи) (протралить путь снабженія до войскъ) и вернуться.

Шагъ къ раскрѣпощенію Маник. (Маниковскаго) и переходу въ Ваше распоряженіе сделанъ наконецъ. Онъ пробудетъ у насъ сутки по вопросамъ формир. крѣпостными артиллеріями осадныхъ и позиціонныхъ дивизіоновъ.

О ножницахъ Гулькевича я по присланной Вами справкѣ А. С. Лукомскаго немедленно телеграфировалъ А. П. Вернандеру, что нужны ножницы въ большомъ количествѣ, рѣжущія безъ отказа и не натянутую проволоку, не портящія ружье, а система—это дѣло второстепенное. За недостаткомъ ножницъ 3 Сиб. корпусъ напоролся на такую линію загражденій, что уложилъ 2 т. человѣкъ, т. к. малое число ножницъ затянуло работу.

Мой почтительный привѣтъ и пожеланіе полнаго и скорѣйшаго выздоровленія Екатеринѣ Викторовнѣ.

Прошу простить за все безпокойства глубоко признательнаго Вамъ

Н. Янушкевича.

На Кавказе потеряли голову.

Ваше Высокопревосходительство

Глубокопочитаемый

Владиміръ Александровичъ.

Всю переписку о Вельям. (Вельяминовѣ) Его Величество изволилъ взять съ Собою, обѣщавъ переговорить съ Г. И. М. Ѳ. (государыней императрицей Маріей Ѳеодоровной), безъ которой вопросъ рѣшать не хотѣлъ. Былъ у меня Колосовскій, его идея уже принята была Ю.-З. фронтомъ, но, какъ связанная тогда судьбою лицъ и указаніемъ, что это могло бы принести пользу, была отвергнута. Теперь экстрактъ письма бар. Роопа будетъ сообщенъ во Францію.

У насъ при нынѣшнихъ условіяхъ дѣлать такому органу нечего, т. к. вся оборона передана согласно положенію во фронты.

Имѣть инженеровъ и не имѣть артиллеристовъ будетъ непослѣдовательно.

Личнымъ составомъ мы не вѣдаемъ, какъ Вы изволите знать, и съ этой стороны это было бы пустымъ звукомъ. Несомнѣнно при переработкѣ положенія о полевомъ управленіи н-ку Ген-го Штаба придется это учесть и ввести такіе органы, которыхъ сейчасъ нѣтъ, но это въ общемъ столь утяжелитъ дежурство, т. е. положеніе дежурнаго генерала, что придется подумать о его перегруппировкѣ.

Вотъ пока все, что можетъ быть доложено по вопросу о ген. Колосовскомъ.

Былъ сегодня у насъ Н. В. Рузскій. Отдали ему гвардію, въ виду новаго скандала у Іоганисбурга, гдѣ 57 див. шарахнулась и позорно бѣжала. Просто больно, если сравнить съ мужествомъ 60 дивизіи Альфтана [101]).

Нѣмцы рѣшили напереть на оба фронта и попробовать прорвать центръ и захватить Варшаву. Собрали на л. бер. (лѣвомъ берегу) Вислы 2 корпуса съ фронта.

Что-то Богъ дастъ! Завтра утромъ въ Гомель, осмотримъ 15 корпусъ.

Почтительно цѣлую ручку глубокоуважаемой Екатерины Викторовны. Скоро понадобится опять ея усиленная помощь. На Бзурѣ потеряли $39^1/_2$ т., 353 оф., изъ нихъ 65 оф. и 6 т. н. ч. плѣнными.

Прошу не сѣтовать за разбросанность мыслей глубоко Васъ уважающаго и благодарнаго

Н. Янушкевича.

Ваше Высокопревосходительство

Глубокопочитаемый

Владиміръ Александровичъ.

Очень тронутъ Вашей телеграммой и, съ Вашего разрѣшенія, почтительно цѣлую ручку многоуважаемой Екатерины Викторовны.

Ман. (Маниковскаго) вызываю со Смысл. (Смысловскимъ) вмѣстѣ, а равно изъ фронтовъ. Тогда дойдемъ до точки. Радъ буду косвенно услужить. Вѣроятно, ложь выпустилъ г-нъ Р. (Ренненкампфъ). Здѣсь никогда это не говорилось. А можетъ быть, это происходитъ отъ выгнаннаго Вами. Кому терять нечего, тому и врать не трудно. Наше вынужденное бездѣйствіе даетъ себя знать: начинаютъ опускаться, нервы сдаютъ отъ бездѣйствія, а безъ патроновъ ничего не сдѣлаешь.

Слухи ходятъ о визитѣ (царя). Шуваевъ получилъ одобреніе.

Прошу не гнѣваться за краткость на глубоко Вамъ признательнаго и преданнаго

Н. Янушкевича.

Ваше Высокопревосходительство

Глубокопочитаемый

Владиміръ Александровичъ.

Дай Богъ глубокоуважаемой Екатеринѣ Викторовнѣ набраться силъ и благополучно совершить свое паломничество. Это вещь не легкая. Пославши В. И. Пок. (Покотилло) телеграмму, послалъ отъ имени Великаго Князя гр. В.-Д. (гр. Воронцову-Дашкову) очень рѣшительную о смѣнѣ «паническаго Веселовзорова» [102]), послававшаго 5–6 такихъ возмутительныхъ телеграммъ многимъ Вел. Княз. и Горемык. (Горемыкину).

Намѣстникъ (вѣроятно нам-ца или самъ Весел.) отвѣтилъ, что въ личное одолженіе проситъ не смѣнять этого, правда, нетактичнаго,

но вполнѣ доблестнаго генерала, которому онъ хочетъ поручить отвѣтственную боевую задачу!!? Гр. В.-Д. [Воронцовъ-Дашковъ] полагаетъ ограничиться выговоромъ. Вторично послана кислая телеграмма. Повидимому, графиня сама въ паникѣ. Гдѣ М-скій (Мышлаевскій), неизвѣстно. Слава Богу, прибылъ въ Тифлисъ Болховитиновъ и менѣе доблестный генералъ сталъ присылать значительно болѣе спокойныя вѣсти. Все же рѣшили послать имъ 3 бригады ополч., Кавк. кав. дивизію и Кавк. стр. бригаду, а также 2 горн. батареи. Больше ослаблять Зап. фронтъ нельзя.

Получилъ наивное письмо Рен. (Ренненкампфа), спрашивающаго, въ чемъ виноватъ и за что отчисленъ. По повеленію Верх. отвѣчаю коротко: что по ходат. Главнок. за отсутствіе управленія въ I арміи.

Съ радостью прочелъ о поѣздахъ-прачечныхъ. Дай Богъ успѣха.

Посылаемъ очень рѣзкую телеграмму Эбергарду, проспавшему перевозку и десантъ цѣлаго армейскаго корпуса изъ Константинополя .

Вѣроятно vis-à-vis зашипятъ (т.-е. морское вѣдомство), но что же дѣлать.

Почтительно цѣлую ручку Екатерины Викторовнѣ, желаю ей хорошо провести боевые праздники.

Прошу вѣрить глубокому уваженію, преданности и благодарности.

Н. Янушкевичъ.

---

21 дек. 1914.

Дорогой

Николай Николаевичъ.

Въ Тифлисѣ развели такую панику, что началось бѣгство, судя по телеграммѣ, полученной генер. Джунковскимъ.

Тамъ полное безначаліе, уже давно и много скверныхъ людей,—въ этомъ и корень всего неблагополучія, которое тамъ создалось: нуженъ крѣпкій человѣкъ съ хорошей метлой.

Р. (Ренненкампфъ) распускаетъ слухъ, что его туда пошлютъ.

О немъ выяснилось при помощи Еранд. (Ерандакова), что записки печатаются въ квартирѣ кн. Андроникова, откуда и расходятся всякія сплетни по городу.

17-го дек. Р. (Ренненкампфъ) представлялся Импер. Мар. Ѳеодоровнѣ, воображаю, что онъ тамъ вралъ. Очень скверную роль играетъ Св. Его В. ген.-м. гр. Шуваловъ и К° разныхъ проходимцевъ съ нимъ, орудующихъ въ обѣленіи и прославленіи невинно пострадавшаго героя, о которомъ нѣмецкія газеты пишутъ, что былъ единственный способный начальникъ въ арміи и тотъ пострадалъ, благодаря только нѣмецкой фамиліи.—Удружили...

Слава Богу, что его нѣтъ больше въ арміи. Жена уѣхала,—не могъ отговорить ее,—но Богъ дастъ вернется благополучно.

Первый прачечный поѣздъ отправляется во вторникъ въ Ивангородъ, а второй немного погодя,—они прекрасно оборудованы, и надѣемся, службу они сослужатъ хорошо.

Иногда удается видѣть супругу Вашу,—видѣлъ ее вчера,—она совсѣмъ молодцомъ. Вчера она ужасно хохотала: Марія Витальевна стояла рядомъ съ М-me Кондзеровской; я подошелъ къ нимъ и говорю: «дѣйствующая армія»,—онѣ, дѣйствительно, стояли вмѣстѣ такъ уютно, дружно.

Будьте же здоровы и Богомъ хранимы.

Сердечно Вашъ

В. Сухомлиновъ.

Ваше Высокопревосходительство

Глубокопочитаемый

Владиміръ Александровичъ.

Былъ у меня г.-м. Шидловскій. Все, что могъ сдѣлать для обезпеченія его самостоятельной работы, сдѣлалъ. Надѣюсь, онъ теперь можетъ работать спокойно и добиться успѣха.

Телеграмму глубокоуважаемой Екатерины Викторовны получилъ, и все, что возможно, будетъ сдѣлано.

На Кавказѣ послѣ телеграммы гр. В.-Д. (Воронцову-Дашкову) какъ будто очнулись. Эбергарду послана очень кислая телеграмма за то, что прозѣвалъ перевозку 1-го корпуса изъ Конст.

Онъ вышелъ въ море. Моряки увѣряли, что послѣ телеграммы онъ покончитъ съ собой. Я отвѣтилъ, что могу выслать револьверъ безъ осѣчекъ. Видимо, они ошиблись. Дастъ Богъ, и этихъ толстокожихъ проберемъ наконецъ.

Желаю Вамъ не очень грустно встрѣтить и провести праздники.

Прошу вѣрить моему глубокому уваженію и неизмѣнной благодарности за все.

Н. Янушкевичъ .

23/XII.

Ваше Высокопревосходительство

Глубокопочитаемый

Владиміръ Александровичъ.

Надѣюсь, что Екатерина Викторовна путешествуетъ безъ особыхъ неудобствъ. Всѣ распоряженія сдѣланы.

Пріѣхалъ къ намъ отъ Жоффра [1]) майоръ Ланглуа для обмѣна соображеніями о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ.

---

[1]) Главнокомандующий французскими армиями.

Побѣда на Кавказѣ, слава Богу, успокоитъ нервы. Что значитъ допингъ. Но меня тревожитъ оставленіе «паникуса» Веселовзорова, которому мѣсто въ Буффѣ, а не на театрѣ войны. Если бы я былъ нач. ген. штаба, я бы не далъ ему ходу, а пока рѣшаюсь усердно просить не дать проскочить ни одной наградѣ ему.

Р. (Ренненкампфъ) прислалъ телеграмму, прося слѣдствія о причинѣ увольненія. Думаю, что это до добра его не приведетъ. Отъ Верх. Главн. онъ поддержки не увидитъ ни въ чемъ, и до Кавказа не доберется раньше конца войны.

Теперь рѣшаюсь бить Вамъ усиленно челомъ за А. Ф. Забѣлина.

Будьте милостивы и дайте ему вернуться на его мѣсто: кончина сына и операція второго его сломили какъ разъ тогда, когда все стало, по отзывамъ многихъ лицъ, налаживаться очень хорошо.

Я былъ причиной назначенія его гл. нач. снабженія, доложилъ о немъ и, если кто въ чемъ виноватъ, то только я, и за это готовъ понести какую угодно кару и, если угодно, въ день перемирія подамъ прошеніе объ отставкѣ. Если Вы найдете, что А. Ф. уже не такъ энергично работаетъ, то Вы всегда можете снять его и потомъ. Будьте же милостивы и поддержите возвращеніе его на должность. Замѣстителемъ могъ бы быть очень хорошимъ В. И. Покотилло, если можно сохранить за нимъ право возвращенія на Донъ и если онъ не задержится на Кавказѣ, гдѣ его, видимо, не очень радушно встрѣчаетъ гр. В.-Д. (Воронцовъ-Дашковъ) по докладу М. (Мышлаевскаго). Простите, но, по моему мнѣнію, к. Ан-въ (князь Андрониковъ) очень темная и опасная личность и, желая Вамъ искренне добра, я бы позволилъ себѣ сказать—не подпускайте его къ себѣ. Я помню, что до войны онъ всегда старался на людяхъ быть около Васъ, чтобы импонировать, и я упорно избѣгаю подавать ему даже руку. Еще разъ не осудите за откровенность глубоко Васъ уважающаго и благодарнаго

Н. Янушкевича.

25-XII 14.

Дорогой

Николай Николаевичъ.

Отъ жены имѣю извѣстія, что она, благодаря Вашему «паспорту», путешествуетъ благополучно и раздаетъ подарки склада Ея Величества—прямо войскамъ.

Сейчасъ она изъ Граева двигается въ Варшаву.

На Кавказѣ, повидимому, начальство съ графиней во главѣ (Воронцовой-Дашковой)—сдѣлало все, чтобы провалить всякую операцію и, сознавая это, ударилось съ инициативой, заслуживающей лучшаго примѣненія,—въ панику.

Относительно Веселовзорова будетъ исполнено.

Р. (Ренненкампфъ) немного опоздалъ, такъ какъ разслѣдованіе его благородныхъ поступковъ уже дѣлается, и главный воен. прок. имѣетъ порядочный матеріалъ.

Кн. Андр. (Андрониковъ) негодяй большой: клеветникъ, шантажистъ, аферистъ и педерастъ. Хорошая вывѣска для конторы всякихъ мерзопакостныхъ дѣлъ.

Очень жалѣю, что онъ одно время втерся ко мнѣ,—но теперь этому конецъ, и господинъ этотъ посылаетъ мнѣ только анонимы и карикатуры въ отмѣстку за изгнаніе.

Относительно А. Ф. Заб. (Забѣлина) совершенно согласенъ съ Вами и не рѣшался только совѣтовать Вамъ сдѣлать именно такъ, какъ Вы намѣтили. Пусть возвращается на свое мѣсто, а затѣмъ можно его устроить или въ Военный Совѣтъ, или въ Сенатъ.

Не знаю, кого Верховн. Гл-щій поставитъ во главѣ Кавказск. войскъ и, если не Покотилло,—то берите его вмѣсто Забѣлина, съ сохраненіемъ, по окончаніи войны, настоящей должности, которой онъ очень дорожитъ.

Гр. Воронц. (Воронцовъ) совсѣмъ плохъ и его надо перевести «въ Россію», какъ говорятъ кавказцы,—а то никакъ командное начало тамъ не установится въ его присутствіи, и слава Богу, что славные кавказскіе войска сами расправились съ турками. А. г. Мышлаевскій сдѣлалъ, кажется, все отъ него зависящее, чтобы было наоборотъ.

Дай Вамъ Господь встрѣтить праздники и Новый Годъ въ добромъ здравіи и помоги Вамъ Всевышній одолѣть врага.

Сердечно Вашъ

В. Сухомлиновъ.

---

26 дек. 1914 г.

Дорогой

Николай Николаевичъ.

Сейчасъ получена бар. Роппомъ телеграмма отъ бар. Каульбарса, которая меня просто въ жаръ бросила. Онъ сообщаетъ, что назначенъ инспекторомъ эскадры воздушныхъ кораблей и требуетъ уже разныхъ свѣдѣній,—словомъ, начинаетъ извѣстную всѣмъ свою «поприщинскую» дѣятельность.

Близко зная его дѣятельность по документамъ суда при Военномъ Совѣтѣ за минувшую Манчьжурскую кампанію, при чемъ онъ былъ осужденъ и только помилованъ Государемъ, я прихожу въ отчаяніе, ибо онъ губитъ безъ осѣчки всякое дѣло, къ которому только прикоснется.

Дай Богъ, чтобы я въ данномъ случаѣ ошибся,—надежды только у меня на это мало. Воображаю бѣднаго Шидловскаго, который долженъ будетъ возиться съ этимъ невмѣняемымъ человѣкомъ.

Очень радъ Вашей телеграммѣ, что Его Импер. Высочество ничего не имѣетъ противъ разслѣдованія дѣла Р. (Ренненкампфа). Такъ какъ оно уже начато отчасти,—то выйдетъ теперь, что онъ самъ этого хотѣлъ.

Могу только его поздравить.

Сердечно Вашъ *В. Сухомлиновъ.*

27-XII.

Ваше Высокопревосходительство

Глубокопочитаемый

Владиміръ Александровичъ.

Не знаю, какъ и благодарить Васъ за Ваше отзывчивое отношеніе къ моей просьбѣ объ А. Ф. З. (Забѣлинѣ).

Безконечно Вамъ признателенъ. Этимъ ему несомнѣнно спасена жизнь, т. к. отказъ принесъ бы ему ударъ (параличъ).

Спѣшу доложить, что контроль б. Каульбарса устраненъ, и онъ уже нѣсколько дней поставленъ въ извѣстность черезъ фронтъ.

Ш-скій (Шидловскій) подчиненъ только Бобырю [103]), какъ онъ самъ просилъ объ этомъ.

Ген. (Ренненкампфъ) прислалъ «восторженную» телеграмму о разслѣдованіи, прилагаю ее. Отвѣтъ такой: «Вы въ распоряженіи Военнаго Министра, отъ котораго это и зависитъ».

Радуюсь, что Екатерина Викторовна удачно путешествуетъ. Дай Богъ ей силъ и здоровья.

Вел. Кн., озабочиваясь о возможности краха съ артилл. снабж., поручилъ мнѣ спросить Васъ, не признали ли Вы бы полезнымъ, чтобы «какъ изъятіе было установлено, что сіе управленіе обязано исполнить» повелѣніе Верховнаго. Тогда, если бы Вы признали нужнымъ произвести чистку сверху, то, не считаясь съ С. М. (Вел. Кн. Сергѣемъ Михайловичемъ), Верховный, по первому Вашему указанію, смѣстилъ бы 1—2—3-хъ и навелъ бы заочно страхи на всѣхъ этихъ кунктаторовъ. Жоффръ предлагаетъ прислать знающихъ спеціалистовъ, сумѣвшихъ въ 4 мѣсяца поднять производительность во Франціи съ 3 тыс. въ день до 80 тыс. снарядовъ въ день... А гл. арт. упр. теперь что-то обдумываетъ и не даетъ отвѣта.

Повторяю, если бы Вы признали идею подчиненія г. а. у. (Главн. Артилл. Упр.) Верховному въ указанномъ смыслѣ, то Вел. Кн. приказалъ просить Васъ лично испросить о томъ повелѣнія или сообщить «инициатива отъ Верховнаго». Тогда молотъ быстро опустится на виновныхъ, по Вашему же указанію, а Вы будете въ сторонѣ.

Прошу извиненія за нескладность. Мы вызвали Покот. (Покотилло). В. Кн. очень доволенъ Вашимъ указаніемъ, совпадающимъ съ его желаніемъ и реком. А. Ф. Заб. (Забѣлина). Дай Богъ Вамъ силъ въ Новомъ Году, здоровья Вамъ и Вашему доброму генію — Екатеринѣ Викторовнѣ.

Глубоко благодарный *Н. Янушкевичъ.*

Приложеніе.

Телеграмма. Изъ Вильно.

Д. Армія. Ств. Врх. Главн. Генералу Янушкевичу.

4497. Страшно счастливъ, ходатайствую, чтобы необходимые шаги приняты были Вашимъ штабомъ, или дайте мнѣ Петроградъ 9 линія 46 нужныя указанія, кому обратиться, сегодня выѣзжаю Петроградъ. Ренненкампфъ.

28-XII.

Ваше Высокопревосходительство

Глубокопочитаемый

Владиміръ Александровичъ.

Въ развитіе мысли вчерашней о воздѣйствіи на г. а. у. (Главное Артиллерійское Управленіе) не будетъ ли удобно сдѣлать такъ: создать исполнительный органъ (à la Костырко) съ Маников. (Маниковскимъ) во главѣ изъ свѣдущихъ энергичныхъ артилл. француз., подчиненный Ставкѣ и черезъ который предъявлялись бы требованія, обязат. для г. а. у. и немедленно приводимыя въ исполненіе. Органъ внѣ вѣдѣнія С. Мих. (Великаго Князя Сергѣя Михайловича).

Словомъ, не сердитесь за эти потуги исканія истины и выхода. Если французы, развивъ энергію, могли отъ 3 т. снар. въ день дойти нынѣ до 70—80 т., то почему же намъ не увеличить хотя бы на 40—50% свою производительность?

Я думаю, что Маниковскій уже этимъ путемъ сдѣлался бы на $^3/_4$ ближайшимъ Вашимъ замѣстителемъ Кузм.-Карав. (Кузьмина-Караваева).

Еще разъ прошу прощенія.

Голь на выдумки хитра.

Пока на-лицо «голь», а «выдумки» ищемъ.

Глубоко преданный

И. Янушкевичъ.

---

30 дек. 1914 г.

Дорогой

Николай Николаевичъ.

Съ «Новымъ Годомъ»! Дай Богъ въ 1915 году устроить нѣмцамъ Ватерлоо, по образцу 1815 года,—шлю Вамъ это пожеланіе отъ всего сердца. Только что отвѣтилъ Вамъ согласіемъ на «инициативу» Верховнаго по части артиллерійскаго довольствія.—Его Величество отнесся сочувственно къ этой мысли.

Жена сегодня вернулась и полна восторга отъ всего того, что видѣла,—настроеніе, говоритъ, дивное.

Относительно Р. (Ренненкампфа) разслѣдованіе будетъ поручено генер.-адъют. Баранову [104], а мы его подкрѣпимъ силами главн. воен. прокурора.

Принца Ольд. (Ольденбургскаго) пора убрать,—Богъ знаетъ, что онъ творитъ, и называютъ его въ войскахъ «сумбуръ-паша».—Храни Васъ Господь!

Сердечно Вашъ

В. Сухомлиновъ.

---

1 января 1915 года.

Дорогой

Николай Николаевичъ.

Телеграмму о Ман. (Маниковскомъ) получилъ, и все будетъ сдѣлано. Богъ дастъ, благодаря Верховному, артиллерійскій заторъ будетъ разбитъ, а Вы знаете хорошо, какъ никакія мои старанія справиться съ этимъ забронированнымъ учрежденіемъ не могли: спасибо, спасибо и еще разъ спасибо.

Представьте себѣ, что какіе-то негодяи распускаютъ слухи, что Великій Князь Верховный моего имени слышать не можетъ и что поэтому и Государь меня больше съ собою не беретъ въ Ставку.

Петроградъ меня не удивляетъ по этой части,—но досадно, что это попало и въ армію: въ Варшавѣ, въ Бристолѣ,—г.г. офицеры, не стѣсняющіеся вообще разговорами, «не подлежащими оглашенію», говорятъ и объ этомъ. Не понимаю, кому и зачѣмъ это нужно,—ну да Богъ имъ судья, а намъ да поможетъ Онъ довести нелегкое наше дѣло до конца, не обращая вниманія на шипѣніе всякихъ гадинъ.

«Сумбуръ-паша» покатилъ на Кавказъ,—только его тамъ и не доставало.

На-дняхъ закатилъ онъ такой «антраша», что Сенатъ не знаетъ, какъ съ нимъ быть: онъ измѣнилъ законъ объ освобожденіи отъ службы по физическимъ недостаткамъ, и на освидѣтельствованіи, по этимъ новымъ его правиламъ, отправленъ на службу человѣкъ съ двумя лишь пальцами на правой рукѣ.

Совсѣмъ пора его убрать, уже доигрался до скандала, съ которымъ приходится считаться, о чемъ Министръ юстиціи заявилъ въ послѣднемъ засѣданіи Совѣта.

Жена 4-го января ѣдетъ продолжать развозку подарковъ, ознакомившись на мѣстахъ, въ чемъ особенная нужда.

Жаль, что нельзя поручить ей дѣло о снарядахъ,—она навѣрное управилась бы лучше пушкарей на Литейномъ (т.-е. Главнаго Артиллерійскаго Управл.).

Будьте же здоровы и Богомъ хранимы.

Сердечно Вашъ

В. Сухомлиновъ.

Ваше Высокопревосходительство

Глубокопочитаемый

Владиміръ Александровичъ.

Сейчасъ получилъ Вашъ отвѣтъ о В. И. Покотилло. В. Кн. предпочелъ бы его, но въ виду настойчивости г. Ив. (Иванова) и Вашего согласія замѣнить г. М. (Мышлаевскаго) другимъ лицомъ, отпускаю сейчасъ съ миромъ П. (Покотилло) на Донъ. Онъ далъ яркую характеристику дѣятелей Кавказа.

Безконечно радъ, что Вы дали вѣрную оцѣнку к. А-у (Андроникову). Это грязный господинъ.

Жду Вашего рѣшенія объ использованіи Маник. (Маниковскаго). Желательны опыты съ минами и ракетами по описанію француза маіора Ланглуа, присланнаго Жоффромъ, и тѣхъ французовъ, которые ѣдутъ къ намъ для помощи. Будьте милостивы ихъ поддержать, а то г. а. у. (Главн. Артиллер. Управл.) опять затянетъ съ присяжными изобрѣтателями à la Дурляхеръ и К°.

Нѣмцы тоже выдыхаются, и будь у насъ хоть патроны, мы бы могли сейчасъ получить выходъ. Но у насъ не хватаетъ противъ подвижной нормы запасовъ 15 парковъ (т.-е. уже изъ общаго возимаго комплекта недочетъ 450 т. снарядовъ).

Очень бы хорошо было собрать на позиціонные участки всѣ поршневыя орудія съ максимальнымъ комплектомъ и подъ ихъ огнемъ, вполнѣ дѣйствительнымъ, сберечь и чуть поднакопить 3-хъ дм.; французы такъ и дѣлали.

Какъ здоровье глубокоуважаемой Екатерины Викторовны? Низко ей кланяюсь. Дай Богъ Вамъ въ Новомъ Году силъ, здоровья, и того же ко мнѣ долготерпѣнія и снисходительности, какъ въ 1914.

Почтительно преданный и искренне за все Вамъ благодарный

Н. Янушкевичъ.

---

4 янв. 1915.

Дорогой

Николай Николаевичъ.

Маниковскаго и Смысловскаго Вамъ высылаю; по-моему, дѣло отъ этого сильно выиграетъ, а главное, будете знать изъ первыхъ рукъ по тому отдѣлу нашего довольствія, который такъ смущалъ всѣхъ.

Прилагаю записку, которая будетъ для Васъ не безынтересной. Генер. Добророльскій исполнилъ данное ему порученіе,—освѣдомить меня, въ какомъ положеніи запасъ снарядовъ въ III арміи.

Пр. Ольденб. посадилъ подъ арестъ лейбъ-медика Двукраева и помчался на Кавказъ, откуда уже имѣется громоносная телеграмма о непорядкахъ по его части. Могу себѣ представить, что тамъ теперь творится.

Жена собирается на-дняхъ продолжать свою поѣздку, которая не только ее не утомила, но скорѣе пріободрила и укрѣпила.

Побывавъ ближе къ театру войны, она находитъ теперь, что настоящая жизнь тамъ, а не въ гниломъ Петроградѣ.

Будьте здоровы и Богомъ хранимы

Сердечно Вашъ

В. Сухомлиновъ.

5/I.

Ваше Высокопревосходительство

Глубокопочитаемый

Владиміръ Александровичъ.

Еще разъ приношу глубокую благодарность за Вашу помощь съ Ман. (Маниковскимъ). Что касается вопроса съ патронами (артилерійскими), то дѣло къ 28 декабря обстояло такъ: въ С.-З. фронтѣ недоставало подвижныхъ запасовъ—11½ парковъ, а въ Ю.-З.—3½, итого 15 парковъ, т.-е. около 450 т. патроновъ. Очевидно, III армію снабдили богаче, т. к. подвозъ къ ней труднѣе. 7-го ждемъ сюда Енг. (Енгалычева) и вечеромъ предполагаемъ ѣхать въ 4 Сиб. корпусъ, чтобы его посмотрѣть и себя показать, а то ужъ очень приросли. Потомъ послѣ 15-I на очереди 15 корпусъ.

Орлова хочетъ взять Рузскій, но еще не рѣшилъ окончательно. Р-фъ (Ренненкампфъ) замолкъ. Родзянко нашумѣлъ и обѣщалъ дать 1 милл. паръ сапогъ въ мѣсяцъ, а теперь даетъ адресъ какого-то X въ Варшавѣ на 60—80 т. въ мѣсяцъ и, смакуя величіе заслуги, бичуетъ все. Всѣ они другъ друга стóятъ. Ругать охъ какъ охочи, а дѣло дѣлать ниже ихъ достоинства.

Неутомимой доброволицѣ глубокоуважаемой Екатеринѣ Викторовнѣ прошу передать мой почтительный привѣтъ. Вѣроятно, при такомъ настроеніи шиповникъ въ загонѣ? А жаль.

Ходятъ слухи о ц. (царскомъ) визитѣ. Но это идетъ изъ ж.-д. сферъ.

Прошу не сѣтовать за надоѣдливость и вѣрить глубокому уваженію и преданности искренне Вамъ за все благодарнаго

И. Янушкевича.

---

8 янв. 1915.

Дорогой

Николай Николаевичъ.

Генералъ-адъютантъ Барановъ назначенъ для разслѣдованія по дѣлу Р. (Ренненкампфа). Въ помощь ему мы даемъ чиновъ судебного нашего вѣдомства, которые уже имѣютъ нѣкоторый матеріалъ. Мои указанія таковы, что выяснить надо всѣ тѣ обвиненія, которыя въ Петроградѣ имѣютъ большое распространеніе въ публикѣ.

Б. (Барановъ) будетъ у Васъ въ Ставкѣ, чтобы получить указаніе Его Императорскаго Высочества.

27 янв. собрана будетъ на два дня Госуд. Дума. Говорятъ, что желательно выступленіе Военнаго Министра. Рѣшительно недоумѣваю, что этотъ бѣдный человѣкъ можетъ сказать этимъ ругателямъ, которые спеціалисты по послѣднему ремеслу.

Жена вчера покатила опять съ массою всякихъ вещей, съ сапогами включительно.

Вашу супругу видѣлъ вчера,—она совсѣмъ молодецъ и имѣет прекрасный видъ,—о чемъ и спѣшу Вамъ рапортовать.

Дружески жму Вашу руку

В. Сухомлиновъ.

Ваше Высокопревосходительство

Глубокопочитаемый

Владиміръ Александровичъ.

Очень признателенъ Вамъ за любезную вѣсточку о женѣ. Отъ Екатерины Викторовны и Васъ получены телеграммы, и немедленно передалъ Капустину для распоряженій по линіямъ нужныя указанія. Вернулись изъ поѣздки въ 4 Сиб. корпусъ, находящійся сейчасъ вмѣстѣ съ Гвард. и почти готовымъ 15 въ резервѣ Верховнаго для контръ-удара, если нѣмцы двинутся раньше черезъ Млаву-Плоцкъ, или для активнаго удара, если удастся хотя немного пополнить ряды и подобрать патроны.

Было вчера совѣщаніе съ артиллер. Къ сожалѣнію, горизонты не прояснились. Впрочемъ, М-скій (Маниковскій) утверждаетъ, что не все сдѣлалъ у себя. В. К. С. М. (Великій князь Сергѣй Михайловичъ) прислалъ письмо. Крайне обиженъ за комиссію, видитъ въ ней одинъ вредъ.

Пишемъ бальзамное письмо. Орановскаго переводятъ на корпусъ, а на его мѣсто Гулевича. П. А. Плеве получаетъ новую армію (XII), въ которую войдутъ части резерва, 1 Турк. и 22. Чуринъ временно допускается въ V. На П. А. (Плеве) возлагается активная роль. В. К. желаетъ его повидать и обласкать, считая, что на С.-З. фронтѣ онъ выше всѣхъ.

Сюда же даются 7 кавалер. дивизій...

Вѣроятно, около 15—17 проѣдемъ къ 15 (корпусу). Послѣ 20 ждемъ визитъ (царя). Вы будете? Пока другихъ новостей нѣтъ. Очень жаль, что Юд-ча (Юденича) вытянули изъ армій. Это, очевидно, А. В. М. (Мышлаевскій) не спитъ отъ его лавроваго вѣнка. Послали соотвѣт. допингъ съ оцѣнкой пользы отъ Юденича и вреда Берхмана.

Прошу принять мою благодарность за Ман-го (Маниковскаго).

Дай Богъ Екатеринѣ Викторовнѣ и второй путь совершить столь же удачно.

Искренне Вамъ преданный и искренне благодарный

Н. Янушкевичъ.

Будемъ ждать Бар. (Баранова).

---

10 янв. 1915.

Дорогой

Николай Николаевичъ.

Прилагаю при семъ письмо редактора «Земщины», доморощеннаго стратега. Получаю много всякаго писанія въ этомъ родѣ,—но это болѣе грамотное и представляетъ извѣстный интересъ.

А. И. Гучковъ былъ здѣсь и устраивалъ какія-то совѣщанія, чтобы «помогать арміи» помимо ея Вождей.

Своимъ единомышленникамъ, членамъ Госуд. Думы, онъ давалъ инструкціи, что дѣлать и какъ на мѣстахъ военныхъ дѣйствій собирать матеріалъ для травли правительства по окончаніи войны.

Это опасный пропагандистъ и провокаторъ, котораго Реннен. (Ренненкампфъ) считаетъ самымъ достойнымъ кандидатомъ на постъ Военнаго Министра.

У насъ морозы пошли, а на Бзурѣ, говорятъ, 3° тепла.

Будьте здоровы и Богомъ хранимы.

Сердечно Вашъ

В. Сухомлиновъ.

---

12 янв. 1915.

Дорогой

Николай Николаевичъ.

Вмѣстѣ съ симъ посылаю Вамъ офиціальное письмо, по порученію Государя, о Вельяминовѣ. Со всѣхъ сторонъ доходятъ сюда самыя непріятныя жалобы на этого негодяя.

Я хорошо его знаю, этого косого жидофила, а какъ начальникъ Академіи онъ позорно держалъ себя и не заслуживаетъ никакого снисхожденія. Избавьте, ради Бога, насъ отъ этой самозванной опеки,—пусть себѣ «хирургитствуетъ» въ операціонныхъ, сколько ему угодно, а насъ «военное вѣдомство» не трогаетъ. Лучше же всего, конечно, было бы его выставить изъ арміи вмѣстѣ съ Гучковымъ и К°.

Слышалъ, что послѣ 20-го собираются съ визитомъ, но мнѣ ничего не сказано еще, а потому не знаю, возьмутъ ли.

Собираюсь проѣхать на только что выстроенную Подольскую дорогу, о которой я такъ хлопоталъ, будучи Кіев. Генер.-Губернаторомъ.

Надѣюсь Великій Князь Верховный не будетъ имѣть ничего противъ этого. Надо будетъ просмотрѣть продолженіе этой дороги на Черновицы и отъ Шепетовки на Тарнополь.

При случаѣ не откажите попросить разрѣшенія Великаго Князя на эту поѣздку, предварительное согласіе Его Величества имѣю.

Прилагаю памятную записку секретаря Вел. Кн. Ольги Александровны. Будьте добры дать разрѣшеніе оставить Зауеръ въ Петроградѣ.

Сердечно Вашъ

В. Сухомлиновъ.

13/I.

Ваше Высокопревосходительство

Глубокопочитаемый

Владиміръ Александровичъ.

Доложилъ Великому Князю все о Вельяминовѣ. На это Вел. Кн. приказалъ офиціально отвѣтить, какъ Вы изволите усмотрѣть изъ моего письма. Вмѣстѣ съ тѣмъ Вел. Кн. сказалъ, что т. к. В-въ (Вельяминовъ)

миновъ) назначенъ Императрицей М. Ѳ., то единственный выходъ— это доложить о немъ на словахъ.

Вел. Кн. поручилъ передать Вамъ, что проситъ Васъ побывать вездѣ, гдѣ Вы считаете это для себя и пользы дѣла желательнымъ, на всемъ раіонѣ театра войны.

Не откажите выслать мнѣ на 1 день Э. (Эрандакова), буду очень Вамъ признателенъ. Есть «дичь».

Какъ и предполагалъ, австрійцы, подкрѣпленные нѣмцами, начали напирать. Т. к. 15 (корпусъ) не готовъ, т. к. не получилъ имущества, то посылаемъ 22. Надѣюсь, еще поспѣетъ во-время. Очевидно, хотятъ изъ двухъ концовъ устроить клещи. Можетъ-быть, и дастъ Богъ ихъ отбросимъ.

Я думаю напустить на В-ва (Вельяминова) Вер. Сан. (Верховнаго Санитара), онъ его отдѣлаетъ круто.

Какъ путешествуетъ Екатерина Викторовна?

До меня дошли слухи, что за ком. Ман. (Маниковскаго) на меня сильно обидѣлся А. П. Вернандеръ. Крайне огорченъ. Ни 1 секунды не хотѣлъ ему дѣлать непріятности. Думаю, что врутъ.

Прошу вѣрить моему глубокому и искреннему уваженію сердечно признательный

Н. Янушкевичъ.

---

16 янв. 1915.

Дорогой

Николай Николаевичъ.

Отъ А. П. Верн. (Вернандера) не слыхалъ объ обидахъ и думаю, что врутъ подъ вліяніемъ съ «Милліонной».

Если прійдется увидѣть Васъ скоро, переговорю по части артиллерійскаго дѣла вообще.

Генералу Колосовскому я поручилъ быть у Васъ лично и доложить о томъ, что онъ мнѣ говорилъ. Слава Богу, онъ совсѣмъ поправился.

Э. (Эрандакова) высылаю, онъ сегодня, вѣроятно, выѣдетъ.

Жена путешествуетъ отлично, — сейчасъ, должно быть, въ Львовѣ.

Государыня Императрица получила отъ командира гвард. корпуса трогательную благодарность за «прачечную-баню»—страшно, видимо, всѣ довольны.

Храни Васъ Господь.

Сердечно Вашъ

В. Сухомлиновъ.

Только что смотрѣлъ отправляющіяся части: 12-ю автом. роту, 2 взв. брониров. автомобил. и мотоциклетныя команды.

Петроградъ
19-I 15.

Дорогой

Николай Николаевичъ.

Повидимому, и въ эту поѣздку меня не берутъ, такъ что, къ сожалѣнію, Васъ не повидаю.

Ген. Ростковскій вакансіи въ Совѣтѣ не заполняетъ, поэтому его командировка можетъ продолжаться сколько угодно.

Меня пугаютъ усиливающіяся заболѣванія холерой и тифомъ подъ Варшавой. Туда поѣхалъ Верховный Санитаръ (принцъ Ольденбургскій), если онъ тамъ будетъ распоряжаться, какъ здѣсь,—то толку будетъ немного. Былъ я на-дняхъ въ Николаевскомъ военномъ госпиталѣ и нашелъ тамъ 3.000 челов. на штатныхъ 1.500 мѣстъ и это при 8.000 свободныхъ коекъ въ остальныхъ лазаретахъ города.

Хорошо объединилъ и упорядочилъ дѣло эвакуаціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ я получилъ замѣчаніе (редакція полк. Кочергина) за то, что безъ его вѣдома внесенъ былъ на обсужденіе Военнаго Совѣта вопросъ о банномъ довольствіи, общаго характера. Нельзя привлекать въ такое время больныхъ головою людей къ такой отвѣтственной работѣ, вѣдь къ веснѣ изъ этого можетъ получиться катастрофа во всей странѣ.

Я хорошо помню и лично пострадалъ послѣ войны, когда наша армія остановилась въ виду Константинополя,—мы тогда потеряли подъ С.-Стефано отъ болѣзней больше людей, чѣмъ за всю кампанію убитыми и ранеными.

Чтобы предупредить подобныя бѣдствія, нужна голова не склерознаго перерожденія.

Завтра жду возвращенія жены изъ Львова,—эта поѣздка была очень продолжительна.

Будьте же здоровы и храни Васъ Господь.

Сердечно Вашъ

В. Сухомлиновъ.

Ваше Высокопревосходительство

Глубокопочитаемый

Владиміръ Александровичъ.

Какъ доѣхала Екатерина Викторовна? Всѣмъ ли довольна была въ пути? О визитѣ подтвержденій и отмѣнъ нѣтъ. В. Кн. С. М. (Сергѣй Михайловичъ) забилъ тревогу. Осаждаетъ всячески Верховнаго. Дай Богъ отстоять. Пріѣхалъ фл.-ад. Веселкинъ [105]) съ Дуная. Разсказалъ «ужасы» про двухъ негодяевъ дипломатовъ: Козеллъ-Поклев. [106]) и Савинскаго [107]). Висѣлицы мало. Верх. задержалъ, чтобы лично доложить Е. В., и хочетъ просить выгнать и предать суду.

А Вы такъ и не поѣхали на югъ? В. К. (Великій Князь) спрашивалъ, будете ли Вы здѣсь. Начинаются опять тяжелые дни.

У Боржимова и Воля Шидловская и на югѣ въ Карпатахъ противъ Альфтана. У Н. В. Р. (Рузскаго) бухнули на фронтѣ въ 8 верстъ 8—9 дивизій, а Альфтанъ съ бригадой и казак. на фронтѣ въ 30 верстъ отбиваетъ и отходитъ шагъ за шагомъ передъ 6 дивизіями германцевъ и австр. Вѣроятно, это крупная ставка германцевъ. Цѣль захватить Варшаву, Львовъ и Перемышль. Далъ бы Богъ отстоять, 15 корп. еще не готовъ, а бригада 13 еще очень отстала.

Трудно подогнать ихъ. Нѣтъ матер. части (телефоны, телеграфы и лошадей).

Вотъ уже ½ года нервной трепки. У кого-то они окажутся сильнѣе.

Почтительно цѣлую ручку Екатеринѣ Викторовнѣ и прошу вѣрить искреннему, глубокому уваженію и неизмѣнной признательности.

преданнаго Вамъ Н. *Янушкевича.*

Ваше Высокопревосходительство

Глубокопочитаемый

Владиміръ Александровичъ.

Очень радъ, что слухъ объ А. П. Верн. (Вернандерѣ), какъ въ свое время и объ Я. Гр. Ж. (Жилинскомъ), не вѣренъ. Ни тотъ, ни другой мнѣ никогда зла не сдѣлали и поэтому пріятно знать, что все благополучно.

В. К. считаетъ необходимымъ переговорить о смѣнѣ Сумбуръ-паши (принца Ольденбургскаго).

Второй «пугальщикъ» тыла Ю.-З. фр. генер. Ресинъ прибылъ сегодня и положительно доложилъ, что слухи о недостаткахъ сильно преувеличены и что тылы работаютъ добросовѣстно. Что при грандіозности фронтовъ, недостаткѣ ж. д. и другихъ путей недочеты естественны. Онъ побывалъ въ 21, 9, 11 и 12 корпусахъ (въ половинѣ дивизій) и добирался до полковъ.

Ресинъ былъ у Р.-Дм. (Радко-Дмитріева), но II. А. Ф. и Ашебергъ сильно закопались, а пути ихъ короче. Ростковскій затянется. Можно ли его опредѣлить на службу (какъ Рыльке) именно для провѣрки тыловъ, чтобы не лишить Васъ членовъ Военнаго Совѣта?

Очень благодаренъ за Э. (Эрандакова). Онъ сегодня былъ и уже пустился въ работу за «дичью».

Что-то Рум. и Италія готовы устроить «поворотъ». Балканы всполошились относительно Конст., Босфора и Дарданеллъ. Ронжинъ 2-й день въ Львовѣ и, вѣроятно, увидитъ Екат. Викторовну и можетъ ей услужить, въ чемъ нужно.

Вѣроятно, 21-го прибудемъ въ Гомель для осмотра 15 корпуса. Объ Орловѣ получились такіе слухи, что В. К. не согласился дать ему вновь корпусъ до выясненія справедливости жалобы ген. Брусилова.

Прошу вѣрить глубокому уваженію и искренней за все признательности глубоко Вамъ преданнаго

Н. Янушкевича.

Петроградъ.
22 янв. 1915.

Дорогой

Николай Николаевичъ.

Вчера удалось мнѣ видѣть Вашу супругу и поговорить,—могу поэтому доложить Вамъ, что она и видъ имѣетъ прекрасный и бодра духомъ. Мое начальство вернулось изъ поѣздки совсѣмъ молодцомъ и опять хлопочетъ по дѣламъ «склада», которыя прямо блестящи. Очень жаль, что нельзя помѣстить ее на (мѣсто) Дм. Дм. Кузм.-Караваева, можетъ-быть, дѣла склада и ослабѣли бы, но зато снабженіе артиллер. довольствіемъ арміи подтянулось впередъ и оживилось.

Ужасно досадно, что Вел. Кн. Серг. Мих. свое личное «я» поставилъ выше интересовъ государственныхъ и поставилъ намъ палку въ колесо. Но, можетъ быть, Богъ дастъ, Ман. (Маниковскому) удастся и при этихъ условіяхъ двинуть дѣло энергичнѣе. Французы пріѣхали, я ихъ видѣлъ и будемъ теперь работать по ихъ указаніямъ.

Прилагаю вамъ копію той переписки, которая можетъ служитъ иллюстраціей, легко ли воен. министру работать при извѣстныхъ условіяхъ.

Очень жалѣю, что не повидалъ Васъ и въ эту поѣздку Его Величества. За то буду сидѣть въ Государств. Думѣ 27-го числа.

Въ Комиссіяхъ Гос. Думы насъ ругали и выливали грязь во всю, обѣщаютъ, кромѣ того, послѣ войны ругать еще и не такъ.

Негодяй А. И. Гучковъ пріѣзжалъ сюда и всѣхъ подзадоривалъ, а спеціально на меня подалъ Импер. Мар. Ѳеодор. какую-то записку, въ которой, должно-быть, доказывалъ, что былъ бы лучшимъ военнымъ министромъ, чѣмъ я.

Храни Васъ Господь и помогай въ трудномъ Вашемъ дѣлѣ.

Сердечно Вашъ

В. Сухомлиновъ.

Моя Екатерина очень Вамъ кланяется и благодаритъ.

Ваше Высокопревосходительство

Глубокопочитаемый

Владиміръ Александровичъ.

Пріѣхалъ Государь и посыпались опять милости направо и налѣво. Просто бѣда. Представляю Вамъ списки.

Доложилъ переписку съ С. М. (В. Кн. Сергѣемъ Михайловичемъ), но Государь, побывавшій у него, изволилъ приказать быть Ему предсѣдателемъ и заявилъ, что Ман-му (Маниковскому) мѣшать не будетъ.

Былъ тутъ Н. І. И. (Ивановъ). Благодарилъ за В. І (орд. св. Владиміра I степени) и выпрашивалъ «корпусокъ» на «Карпатики».

Завтра будетъ Енгалычевъ.

В. Кн. выразилъ сожалѣніе, что Васъ нѣтъ, т. к. можно было бы переговорить о многомъ.

Ваше желаніе исполнилось, хотя и поздно. Пошло повелѣніе немедленно убрать измѣнника поляка Коз.-Покл. (Козеллъ-Поклевскаго) изъ Бухар(еста).

Государь возмущенъ его поведеніемъ. Лучше поздно, чѣмъ никогда. Сербы вымолили себѣ «полчокъ» казаковъ (53) для престижа.

Мыш-кій (Мышлаевскій) долго отказывался отъ всякой активной роли, предпочитая быть безотвѣтственнымъ помощникомъ. Но на поставленный ребромъ изъ Ставки вопросъ, что же онъ дѣлаетъ— принялъ должность гл. нач. Кавк. округа, о чемъ и пришла телегр. Г. И. (Государь Императоръ) на него косится.

Г. И. (Государь Императоръ) интересовался всѣми прокл(амаціями?) нѣмцевъ. О Вельяминовѣ докладывалъ. Г. И. (Государь Императоръ) потребовалъ Вашу переписку для возобновленія въ памяти и улаженія съ М. Ѳ. (Имп. Маріей Ѳеодоровной). В(еликій). К(нязь) указалъ прямо, что онъ его не просилъ, и что подобное поведеніе нежелательно. У Боржимова идетъ крупное по потерямъ дѣло. Заработали санит. поѣзда. Очень тронутъ и благодаренъ многоуважаемой Екатеринѣ Викторовнѣ за память и Вамъ благодаренъ за вѣсти о моей женѣ.

Прошу принять увѣренія глубокаго уваженія и сердечной преданности

Вамъ благодарнаго

И. Янушкевича.

---

24 янв. 1915.

Петроградъ.

Дорогой

Николай Николаевичъ.

Былъ у меня ген. Кондратовичъ и говорилъ, что генер.-ад. Пант. (Пантелеевъ) его обѣлилъ. По отчету дѣйствительно серьезнаго обвиненія установить нельзя. Теперь онъ меня проситъ ходатайствовать за него передъ Вами, въ виду возможности заявленія Н. В. Рузскаго, что онъ готовъ взять его на свой фронтъ.

Какого Вы о немъ мнѣнія? Допустимо ли возвращеніе въ армію?

По документамъ Э. (Эрандакова) видно, что старш. врачъ санитарно-гигіеническаго отряда 27 арм. корпуса Е. С. Лондонъ пишетъ сюда въ своихъ обширныхъ корреспонденціяхъ весьма подробные соображенія о нашихъ предполагаемыхъ дѣйствіяхъ, о расположеніяхъ нашихъ войскъ и пр. данныхъ.

Хотя онъ и «Лондонъ», т.-е. нашъ союзникъ, а все-таки человѣкъ, по меньшей мѣрѣ, неосторожный и неумный.

Члену Госуд. Совѣта Лукьянову онъ прилагаетъ и схемы своего сочиненія, для большей ясности.

Послѣ засѣданія Госуд. Думы 27-го числа, собираюсь проѣхать въ Каменецъ-Подольскъ.

Жена проситъ меня принести Вамъ ея горячую благодарность за протекцію, благодаря которой она прекрасно совершила свое паломничество. Она полна восторга отъ того чуднаго впечатлѣнія, которое произвели на нее наши войска.

Будьте же здоровы и Богомъ хранимы.

Сердечно Вашъ *В. Сухомлиновъ.*

О «Козлѣ»-Поклевск. я Вамъ говорилъ еще до войны, что это человѣкъ негодный и нашъ врагъ.

---

26 янв. 1915.

Дорогой

Николай Николаевичъ.

Дай-то Богъ, чтобы Ман-му (Маниковскому) не помѣшали работать такъ, какъ это надо. Боюсь, что все пойдетъ на смарку, и страшно буду радъ, если ошибусь.

А какая досада, что допустили «Бреслау» обстрѣлять Ялту. Помните, я Вамъ сообщалъ подслушанный разговоръ матросовъ, ѣхавшихъ изъ Германіи въ Турцію.

Вѣдь теперь можно ожидать и стрѣльбы по Ливадіи,—какъ они собирались.

Странное положеніе: у насъ флотъ—у турокъ всякіе калоши и два нѣмецкихъ крейсера; тѣмъ не менѣе хозяевами на Черномъ морѣ—турки.

Повидимому Эбергардъ дѣйствительно «Гебенгардъ», какъ его называютъ.

Сазоновъ говоритъ, что Покл.-Коз. отличный дипломатъ на своемъ мѣстѣ и что противъ него просто интрига и неправильный докладъ.—Онъ его вызвалъ въ Петроградъ.

Былъ у меня генер. Пономаревъ (бывшій ком. л.-гв. Казачьяго Е. Вел. п.)—жалуется, что не знаетъ, за что его убрали.

Вчера вечеромъ весь составъ кабинета присутствовалъ на закрытомъ засѣданіи Госуд. Думы, въ которомъ порядочно излито было грязи г. г. членами на всѣхъ насъ,—при чемъ намъ было объяснено,—что это необходимо для того, дабы въ открытомъ засѣданіи не было никакихъ неподходящихъ разговоровъ.

Будьте же здоровы.

Сердечно Вашъ

В. Сухомлиновъ.

Ваше Высокопревосходительство

Глубокопочитаемый

Владиміръ Александровичъ.

Очень признателенъ за Ваше письмо. Визитъ (царя) кончился благополучно и милостиво. Указано, что весь вопросъ о проливахъ (Дарданеллы) привести къ одному знаменателю предварительно в

Ставкѣ, а то С. Д. (Сазоновъ) [108]) будетъ вести свою политику, какъ повелъ Баркъ [109]) въ Парижѣ, замышляя экспедицію 3-хъ союзныхъ корпусовъ въ Сербію... И это не спрося ни Васъ, ни насъ.

Э. (Эрандаковъ) доложитъ Вамъ причину своего визита.

Собирается къ намъ Маклаковъ. Мы, вѣроятно, завтра тронемся въ путь на 2 дня въ Гомель. «Лондона» (доктора) уберемъ.

Гучковъ—это вреднѣйшій типъ. Онъ получилъ по носу послѣ обращенія къ Н. Н. (Великому Князю Николаю Николаевичу) о разрѣшеніи прибыть въ Ставку для доклада по дѣлу о тѣлѣ г. Самсонова.

Мой почтительнѣйшій привѣтъ глубокоуважаемой Екатеринѣ Викторовнѣ и я очень радъ, что все было въ пути хорошо.

Простите за краткость: визитъ выбилъ изъ колеи. Тутъ былъ Енгалычевъ, Джунковскій и другіе, и это все перевернуло время.

Глубоко Вамъ признательный и сердечно преданный и уважающій

Н. Янушкевичъ.

Вильно 28 I-15

Дорогой

Николай Николаевичъ.

Проѣзжаю черезъ Барановичи и не могу, за недостаткомъ времени (долженъ быть 1-го въ Петроградѣ), остановиться, чтобы повидать Васъ.

Но послѣ возвращенія, если Его Высочество разрѣшитъ, я пріѣду къ Вамъ и переговоримъ обо всемъ, что накопилось и на что требуется соотвѣтствующее указаніе Его Высочества—безъ переписки.

Пишу Вамъ на ходу моего новаго вагона, при скорости 75 верстъ.

Дружески жму Вашу руку

сердечно Вашъ

В. Сухомлиновъ.

Въ Государ. Думѣ вчера было все прекрасно, не слышалъ только господина Чхеидзе, т. к. въ 7 час. уходилъ мой поѣздъ.

Сообщил И. Блиновъ.

(Окончание следует).

Примечания.

[91]) **Павский, И. В.,** род. в 1870 г. По Ген. Штабу начал службу с 1898 г. и с 1901 г. всю остальную службу проходил на должностях по воен. сообщениям. На войну с Германией выступил нач. воен. сообщ. Юго-Зап. фронта; во время войны получил назначение помощн. гл. нач. снабж. армий Юго-Зап. фронта.

[92]) **Юденич, Николай Николаевич,** род. в 1862 г. Александр. воен. уч.; Акад. Ген. Шт. Произведен в офицеры л.-гв. Литовского полка в 1881 г.; с 1887 г. начал службу по Ген. Штабу. В войне 1904—1905 года принимал участие и был ранен. В 1913 г. назначен нач. шт. Кавказского военного округа. В этой же должности выступил на войну с Германией. По образовании Кавказ. армии получил командование ею, а в 1917 г. был назначен главнокомандующим Кавказского фронта.

После октябрьской революции удалился в Финляндию, а затем в Западную Европу, откуда руководил действиями белых против Советской России и и предпринял в 1919 году неудачное наступление на Петроград.

[93]) **Кондзеровский, П. К.,** род. в 1869 г., 1 кад. корп., Констант. в. уч.; Ак. Ген. Шт.; в 1889 г. произведен в офицеры л.-гв. Егерского полка, с 1897 г. перешел на службу в Главный Штаб, где в 1908 г. назначен дежурным генералом. С начала войны с Германией назначен дежурн. генералом штаба верх. главнокомандующего.

[94]) **Литвинов, А. И.,** род. в 1853 г. Произведен в офицеры в 1873 г. в 1 конно-арт. батар., принимал участие в кампании в 1877—1878 г.г. С 1882 года занимал должности по Ген. Штабу. По отстранении ген. Ренненкампфа заступил его место—команд. I армией. В 1917 г. уволен в отставку.

[95]) **Усов, А. В.,** род. в 1868 г.; произведен в 1889 г. в гв. кон. арт. бр. С 1896 г. перешел на должности по Ген. Штабу. Во время войны с Германией получил пехотную дивизию, но вскоре же был отчислен в резерв Двин. военного округа.

[96]) **Болотов, Н. А.,** род. в 1863 г. Всю службу с 1884 по 1910 год провел в строю в л.-гв. Павловском полку. В 1910 году, произведенный в генералы, был назначен председателем правления Гвард. Эконом. Общества.

[97]) **Барон фон Ашеберг, Н. П.,** род. в 1846 г. Пройдя в молодых чинах службу в строю в гвардии, в 1874 году перешел на штабные должности. Принимал участие в камп. 1877—1878 г.г. Затем последовательно командовал пех. полком, гв. стрелков. б-ном и в 1900 году был назначен начальн. Петербургской местной бригады. От 1906 до 1908 года командовал корпусом. В 1912 году назначен членом Военного Совета.

[98]) **Безобразов, В. М.,** род. в 1857 г. Выпущенный в офицеры в 1877 г., принимал участие в кампании 1877—1878 г.г., проходя всю службу в строю, командовал 9 улан. и кавалергадскими полками и бригадой 1 гв. кав. дивизии. В 1912 г. получил в командование гвард. корпус, с которым и выступил на войну с Германией. Закончил свою карьеру в чине ген. от кав. и ген-адъют. командующим войсками гвардии.

[99]) **Гернгрос, А. А.,** род. в 1851 г. До 1897 г. службу нес в строевых частях, в 1897 г. перешел на службу по пограничной страже. Принимал участие в кампанию 1900—1901 г.г.; в кампанию 1904—1905 г.г. был ранен. В 1913 г. назначен членом Военного Совета. В кампанию 1914 г. командовал армейским корпусом.

[100]) **Брилович, А. В.,** род. в 1851 г. Начав службу в л.-гв. Московском полку, с 1877 г. перешел на штабные должности Генер. Штаба. В 1910—1911 г.г. был командующим войсками Иркут. в. окр. и наказн. атаманом Забайк. каз. войска, после чего назначен членом Военного Совета.

[101]) **Альфтан, В. А.,** род. в 1860 г. Службу, по окончании Академии, проходил в штабах. С 1903 по 1905 г.г. командовал пехотн. полками, был воен. губернатором Дагестанской области. Пробыв 1 год в отставке, принял командование бригадой 12 пех. див. В кампании 1914 г. командовал дивизией и корпусом и выказал большую распорядительность, личную храбрость и твердость.

[102]) **Веселовзоров, Б. П.,** род. в 1869 г. Всю службу с 1898 до 1911 г.г. провел в штабах. С начала войны с Германией был дежурн. генер. штаба Кавказ. армии и затем командовал Кавказ. гренад. дивизией.

[103]) **Бобырь, Н. П.,** род. в 1854 г. После участия в кампании 1877—1878 г.г. в рядах 4 кон. арт. бригады и окончания Академии, службу проходил в штабах дивизии и округа; был начальником штаба Сибирского и Омского воен. округов и комендантом Ковенской и Новогеоргиевской крепостей. В последней должности застала его война с Германией. При взятии Новогеоргиевска попал в плен.

[104]) **Баранов, П. П.,** род. в 1843 г., получил образ. в Пажеском к. Только что произведенный в корнеты л.-гв. уланского Ее В. полка, принимал участие в кампании 1863 г.; к-ром эскадрона участвовал в кампании 1877—1878 г.г. В 1910 г. произведен в ген. от кавал. и назначен ген.-адъютантом. По высочайшему повелению производил следствие по действиям ген. Ренненкампфа.

[105]) **Веселкин, Михаил Михайлович,** флигель-адъютант, капитан I ранга, начальник экспедиции особого назначения (Дунайская флотилия). Пользовался большим расположением Николая II.

[106]) **Поклевский-Козелл, Станислав Альфонсович,** в службе с 1886 г., в 1915 г.—камергер высоч. двора, чрезвычайный посланник и полномочный министр при Румынском дворе.

[107]) **Савинский, А. А.,** в службе с 1891 г.; в 1915 г.—чрезвычайный посланник и полномочный министр при дворе царя Болгарии, в должности шталмейстера высоч. двора.

[108]) **Сазонов, Сергей Дмитриевич,** службу начал 30 мая 1883 г., в 1910 г. назначен министром иностранных дел, а в 1913 г.—членом Государственного Совета.

[109]) **Барк, Петр Львович,** службу начал 19 мая 1892 г., в 1914 г. назначен министром финансов, в 1915 г. членом Государственного Совета.

К истории рабочего класса в России.

(1835—1869 г.г.).

В первой и второй книгах «Архива истории труда в России» [1]) К. Пажитновым опубликованы интересные материалы по истории рабочего класса в России, извлеченные им из «дел» знаменитого III отделения собственн. его величества канцелярии, созданного, как известно, в 1826 году, после восстания декабристов, «для наблюдения за состоянием народного духа». В широкий круг наблюдений III отделения рабочий класс попадает в том же 1826 году, когда отделению пришлось вмешаться в расследование дела о начавшихся еще в 1824 году рабочих волнениях на Кирицком чуг.-плав. и зеркальном заводе бр. Генике в Рязанской губ. Всего К. Пажитновым напечатано 16 дел (за 1826 г.—2 д.; 1827 г.; 1828 г.; 1829 г.—2 д.; 1830 г.; 1831 г.—2 д.; 1835—1837 г.г.—2 д.; 1838 г.; 1856 г.; 1857 г.; 1858 г.; 1859 г.), при чем, как указывает издатель, все эти дела, «в силу особенностей делопроизводства III отделения, не отражают события в полном и законченном виде» и могут служить лишь исходной точкой для более детального исследования [2]). Отсутствие же среди напечатанных им дел о рабочих волнениях в 40-х годах К. Пажитнов объясняет тем, что либо в эти годы рабочих волнений совсем не было, либо они почему-нибудь не попали в сферу внимания корпуса жандармов. Оба эти предположения не верны. Рабочие беспорядки в 40 г.г. происходили несколько раз, а сведения о них имеются в ежегодных всеподданнейших отчетах III отделения, оставшихся, повидимому, К. Пажитнову неизвестными.

Лаконичный характер, присущий, по наблюдению К. Пажитнова, «делам» о рабочих волнениях, типичен и для ежегодных отчетов шефа жандармов, но последние, однако, дают возможность пополнить как число, так и содержание фактов, сообщенных названным исследователем. Правда, упоминания о рабочих волнениях появляются в отчетах лишь с 1835 г., но зато имеются сведения о целом ряде рабочих беспорядков на фабриках и заводах в 1840, 1841, 1844, 1848, 1849, 1850 и дальн. год., при чем район их распространения гораздо шире, чем это представляется по «делам». В настоящее издание включены выборки из отчетов о рабочих волнениях и за 60 г.г., кончая 1869 годом.

Печатаемые нами материалы, без сомнения, приковывают к себе научное внимание, но в настоящем издании приходится по поводу их ограничиться лишь несколькими общими замечаниями. Было бы, конечно, ошибкой полагать, что сообщаемые К. Пажитновым и нами извлечения о рабочих беспорядках дают точную цифру последних. Сравнение количества перечисленных в отчетах III отделения крестьянских волнений, которым оно уделяло особенное внимание, показывает, что это количество очень часто оказывается ниже реального. III отделение фиксирует только те события, в которых оно через своих

---

[1]) Архив истории труда в России, кн. I и II. СПБ. 1921. Статья К. Пажитнова: «Волнения среди фабрично-заводских рабочих (с 1824 по 1860)».

[2]) Ibidem, кн. I, стр. 86.

агентов принимало активное участие. Это участие выражалось иногда в форме учреждения комиссий для разбора столкновений между хозяевами и рабочими (комиссия на фабрике Осокина в Казани в 1835 г., комиссия гр. Бухгевдена в Петербурге в 1840 г. и др.), а также, конечно, в форме безжалостного подавления рабочих протестов вооруженною рукою. Сведения о рабочих волнениях, находящиеся в отчетах, ценны еще потому, что отчеты внимательно читались царем, и некоторые факты из жизни рабочего класса привлекли внимание Николая I и Александра II, на что указывают сделанные ими пометки. В рабочих волнениях, происходивших преимущественно на горных заводах в восточной части России, и отличавшихся нередко крайне ожесточенным характером, уже в 30 г.г. к мотивам экономической борьбы за местное улучшение материального быта присоединяются иные, более глубокого характера мотивы, как это видно хотя бы из дела о событиях на заводах Лазаревых в 1837 году.

С начала 50-х г.г. III отделение начинает опасливо приглядываться к въезжающим в Россию иностранным ремесленникам и рабочим, а в 1854 году, во время Крымской кампании, отдает фабрикантам приказ строжайше следить за рабочими и не допускать с их стороны никаких нарушений общественного спокойствия. Но «наклонность к своеволию» продолжала «таиться» в рабочем классе, и рабочее движение все росло. В 1859—1860 г.г. прокатилась целая волна рабочих беспорядков на новостроящихся железных дорогах, а затем приходит «великая реформа» 1861 года, принесшая с собой ряд кровавых конфликтов раскрепощенных горнозаводских мастеровых с бывшими их владельцами. Этим конфликтам на горных заводах отчеты уделяют много внимания.

Всеподданнейшие отчеты III отделения за 60 годы поражают—в сравнении с предшествующими—обилием сообщений об антиправительственных проявлениях тогдашней общественности. Революционное движение вдруг хлынуло широкими волнами, и в этих волнах все отчетливее звучат струи рабочего движения. С 1863 года III отделение начинает давать в отчетах сведения о состоянии рабочего вопроса на Западе и зорко следит за влиянием зап.-европ. рабочего движения на русское. Отчеты начинают усиленно подчеркивать следы «посторонней» агитации и пропаганды среди промышленного пролетариата, безграмотно воображая, между прочим, что у нас, в России, «пролетариат создается агитацией». В волнениях, происходивших в 1866 году на Людиновском заводе Мальцова (в Калужск. губ.), отчеты усматривают результат внешней агитации, в частности, плоды стремлений Ишутина «ввести начало коммунизма между рабочими». А в 1869 году III отделение, напуганное планами нечаевцев, рассылает агентов в промышленные районы (в Моск., Владимирск., Тульскую, Самарскую и др. губ.) для изучения «народного духа» и уловления признаков «противузаконной агитации». По уверению отчета за 1869 г., агенты привезли самые утешительные сообщения. Однако усиление рабочего движения в 70 г.г. весьма наглядно опровергло этот жандармско-верноподданнический оптимизм.

К сожалению, отчет за 1869 г. является последним из бывших в нашем распоряжении (Государственный Архив Р.-С. Ф. С. Р.) и как содержание, так и местонахождение дальнейших нам остались неизвестными.

А. А. Сергеев.

---

* * *

1835 год.

В Казани рабочие люди на Казанской суконной фабрике помещика Осокина с некоторого времени начали роптать и приносить жалобы на притеснения владельца. По сему поводу министры финансов и внутренних дел признали необходимым учредить комиссию для составления правил взаимных обязанностей владельца и рабочих. По утверждении вашим величеством сей меры, я, по требованию министров, назначил членом в сию комиссию полковника Булыгина, в действиях коего всегда с удовольствием вижу те способности, твердость и честные правила, какие должны отличать офицера корпуса жандармов (л.л. 104—105).

1836 год.

Вследствие жалобы мастеровых Казанской суконной фабрики, принадлежащей отставному гвардии прапорщику Осокину, по высочайшему соизволению вашего величества учреждена в Казани особая комиссия для разбора сих жалоб и изыскания средств к отвращению существовавших беспорядков. Полк. Булыгин, в звании члена сей комиссии, весьма много содействовал к обнаружению непокорности фабричных крестьян и к водворению между ними спокойствия и благоустройства (л. 195 об.—196).

1837 год.

На горных заводах Лазаревых в Пермской губернии некоторые мастеровые заводские... составили тайное общество, имевшее целью уничтожение помещичьей власти и водворение вольности между крепостными крестьянами. Пермский гражданский губернатор, получив о том донесение от управляющего заводами, принял безотлагательные меры к открытию всех участников в сем деле, отобрал у злоумышленников некоторые бумаги, обнаруживающие их преступные намерения, о чем всеподданнейше донес вашему величеству и представил копию с акта, подписанного 6 заводскими служителями, заключающего в себе правила для предпринимаемого заговора. Ваше величество высочайше повелеть соизволили, чтобы дело сие было строго и в подробности исследовано на месте пермским губернатором вместе с подполковником корпуса жандармов Певцовым.

Высочайшее повеление исполнено. Злонамеренное предприятие приведено в ясность, и 8 человек преступников привезены Певцовым в С.-Петербург. Все они по высочайшей воле вашего величества поступили на службу рядовыми; менее же виновные в войска кавказского корпуса. При сем случае начальник Пермской губернии засвидетельствовал, что при открытии помянутого общества и в обнаружении всех обстоятельств дела подполковник Певцов оказал ему усерднейшее содействие и своею деятельностью много способствовал к точному исполнению высочайшей воли вашего величества (лл. 122—123) [1].

1840 год.

Крепостной Демидовых человек Яков Кузнецов, управляющий Суксунскими горными заводами в Пермской губернии, сначала в отмщение за удаление его от должности управителя, старался вредить заводам; а потом, когда намерены были его, как вредного человека, переселить в другой завод, оказал явное неповиновение, и при этом случае найдена в его доме выписка из сочинения некоего Валериана С. С. под заглавием: «Об условиях помещика с крестьянами в 1809 году», смысл коих клонится к уничтожению помещичьей власти. Дело об этом, первоначально произведенное подполковником Касинским, было в рассмотрении главного начальника горных заводов Уральского хребта, и владельцы Демидовы, желая показать пример взыскания за непокорность, просили о дозволении переслать Кузнецова в Сибирь, лишив его медали, полученной им за содействие обращению раскольников в православие. Ваше имп. вел. соизволили утвердить всеподданнейший доклад о сем, и таковая высочайшая воля приведена в исполнение (лл. 3 об.—5).

Обращено внимание на быт находящихся в С.-Петербурге рабочих людей и ремесленников. Для изыскания средств к улучшению их положения по воле вашего величества составлена особая комиссия, под председательством генерал-майора графа Буксгевдена, которой поручено удостовериться не только о рабочих, имеющих здесь постоянные места, но и о тех, кои, прибывая в С.-Петербург, до приискания себе работы, остаются без приюта и надзора, равно о местном положении самых фабрик, заводов, ремесленных и других заведений (л.л. 84 об.—85).

1841 год.

В конце 1840 года по воле ваш. вел. учреждена была особая комиссия под руководством генерал-майора корпуса жандармов графа Буксгевдена для исследования быта в здешней столице рабочих людей и ремесленников. Представленные сею комиссиею сведения и соображения, по всеподданнейшем докладе об оных в-му в-ству, переданы министру внутр. дел и С.-Петербургскому обер-полицеймейстеру,

[1]) Все сообщение за 1837 год подчеркнуто Николаем I.

для представления в комитет министров общего заключения о мерах к искоренению беспорядков, обнаруженных в содержании означенного класса людей. В то же время, по высочайшему повелению, объявлено монаршее благоволение сахарным заводчикам: Штиглицу, Пономареву и Алферовскому за отличное содержание рабочих людей и благоустройство в их заведениях, и сделан строжайший выговор некоторым другим фабрикантам и мастерам за найденные у них беспорядки.

Благоволение ваш. вел. сделало наилучшее впечатление на получивших оное и еще усугубило их старание к улучшению быта их работников. Те же, которым был выговор, восчувствовав беспечность свою, уже приняли меры к искоренению беспорядков, и вообще монаршая заботливость об участи рабочего народа произвела самое благодетельное влияние и последствие.

Во время изысканий упомянутой комиссией в одном доме находились пятеро больных крестьян, которых, несмотря на многократные просьбы, не принимали в Обуховскую больницу, по неимению в ней помещений. Люди сии немедленно отправлены в больницу и, по высочайшему повелению, учрежден временный лазарет на счет подрядчиков или хозяев рабочих людей, а впоследствии составлен особый комитет при министерстве внутренних дел об учреждении постоянной больницы для чернорабочего народа (л.л. 1—4).

Крестьяне на золотых приисках княгини Бутера в Пермской губернии; на Редвинском горном заводе Демидовой, в той же губернии; на заводах Баташева, во Владимирской губернии, и в имении графа Борха, Витебской губернии, возобновляли и в текущем году беспорядки, происходившие в оных в прежние годы, наиболее от недостатков в содержании. В последнем имении (графа Борха) ожесточение крестьян доходило до такой степени, что они вооруженные напали на баталион пехоты, командированный для их усмирения. По принятым мерам в означенных имениях водворено спокойствие (л. 57).

1844 год.

На бумагопрядильной фабрике Московского купца Лепешкина обнаружили неповиновение рабочие, крестьяне помещика Калужской губернии Дубровина, которые жаловались на дурное обращение с ними владельца их. После того и полк. корп. жанд. Шварц подтвердил, что Дубровин действительно притесняет своих людей из видов корысти и что местное начальство, особенно предводитель дворянства Мосальского уезда, не заботились обнаружить поступков Дубровина. Об этом сообщено министру внутр. дел, которым командирован для производства исследования особый чиновник (л. 59).

1848 год.

По дошедшему сведению, будто бы рабочие люди в Колпинском и Александровском заводе намереваются напасть на холерную больницу, посланы были для удостоверения в сем штаб-офицеры корпуса

жандармов. В Колпине и окрестных селениях найдено ими совершенное спокойствие, но в Александровском, литейном и других частных заводах рабочие негодовали на лечение холеры и выражались, что уничтожат больницу. Назначенный туда отряд казаков сохранил спокойствие (л. 74 и об.).

... В первых числах июля распространились в С.-Петербурге слухи, будто бы рабочие люди, уходя из столицы в свои деревни большими партиями, заболевают во множестве в пути и, оставаясь без всякой помощи, умирают. Из донесений нарочно командированного по сему случаю подполк. корп. жанд. Брянчанинова и губернского шт.-офицера подполк. Ракеева оказалось, что слухи были преувеличены; рабочие проходили и проезжали малыми партиями, в совершенном порядке, и заболевших между ними было весьма незначительное число, которые принимаемы были в устроенные по селениям больницы, и только два или три человека, отказавшиеся поступить в больницы, умерли на дороге. В распространении же слухов подозревались подрядчики, имевшие целью удержать крестьян при работах, для сохранения своих выгод (л. 77 и об.).

В Пермской губернии на Алапаевских горных заводах наследниц действ. ст. советника Яковлева, после сравнения работ и содержания заводских людей, на основании высочайше утвержденных в 1827 году правил, против штатов Екатеринбургских казенных заводов, мастеровые, будучи тем недовольны, оказали неповиновение местной власти и не хотели обработывать полей своих, жалуясь на угнетение их управляющим.

Для обнаружения причин этого волнения, по сношению с министром финансов, командированы туда особый чиновник министерства и подполк. корп. жанд. Прянишников. По случаю назначения этого следствия сделано распоряжение, дабы во всех делах подобного рода о неповиновении заводских людей командируемы были на основании последовавшего в январе месяце 1847 года высочайшего повеления, для участия в исследованиях о том, штаб-офицеры корпуса жандармов (лл. 86 об.—87 об.).

1849 год.

Фейерверкер Езунов объявил в Вильне, что некоторые из тамошних ремесленников питают неблагонамеренные замыслы против правительства. Арестованные по этому случаю лица сознались в Виленской следственной комиссии, что в квартире сапожника Линкевича действительно происходили тайные собрания и там совещались о произведении бунта. Главным действователем между ними оказался родственник Линкевича Ксаверий Маевский, но он показал, что увлечен был в это дело гимназистом Янковским, поручившим ему распространять заговор между ремесленниками. По случаю такого оговора

был арестован и Янковский, который подтвердил почти во всем показание Маевского, назвал многих своих соучастников, принадлежащих уже не к классу ремесленников, а к разным другим сословиям, в том числе и многих воспитанников учебных заведений. К делу этому, по показанию иностранца Бокио, оказались прикосновенными и некоторые уроженцы западных губерний, проживавшие в С.-Петербурге. Лица сии были арестованы и им производились допросы в 3 отделении собственной е. и. в. канцелярии.

Прикосновенные к означенному делу несовершеннолетние воспитанники учебных заведений, согласно высочайшей воле, препровождены к своим местам, с тем, чтобы там, в присутствии сотоварищей, были подвержены школьному наказанию; из прочих же прикосновенных над одними учрежден надзор, другие вовсе освобождены от ответственности, а лица, более виновные, преданы военному суду (л.л. 23 об.—25).

Гродненской губернии в м. Супрасле иностранцы ткачи суконных фабрик возмущались по случаю принятия фабрикантом Захертом двух местных крестьян для обучения; но командированные туда исправник Белостокского уезда и жандармский шт.-кап. Штейн, по наказании двух зачинщиков, водворили спокойствие. Об этом доведено до высочайшего сведения (л. 84).

1850 год.

В Риге подмастерья портного цеха обращались к своему эльтерману с просьбою о разрешении женатым из них работать не в мастерских у мастеров, а брать работу к себе на квартиру, объясняя при том, что у некоторых мастеров помещения для рабочих весьма тесны и вредны для здоровья. Означенная жалоба передана была на суждение ремесленной управы, которая, не разрешив мастерам работу на своих квартирах, сделала, однакоже, распоряжение к удобнейшему помещению их в мастерских и поручила Альтгезелю объявить о том просителям в Герберге. Этим должно было кончиться дело, но Альтгезель дозволил подмастерьям во второй раз собраться в Герберге, на другой день, и они по этому случаю отказались итти на работу. По приказанию генерал-губернатора, восемь человек из главных зачинщиков были арестованы и отправлены в рабочий дом, а прочие разошлись по своим мастерским без всякого прекословия. При этом не обнаружено никаких вредных внушений, и своевольный поступок подмастерьев заключался единственно в том, что они надеялись вынудить от мастеров согласие на то, чтобы проживать им на вольных квартирах (л.л. 36—37).

С работ на С.-Петербургско-Московской железной дороге в июле месяце самовольно ушли две партии крестьян Витебской и Калужской губерний, и когда первая настигнута была поручиком корпуса жандармов Анисимовым, то произвела буйство и посягала на жизнь этого

офицера. По высочайшему повелению сделано было распоряжение по корпусу жандармов, дабы, независимо принятых главным управлением ведомства путей сообщения мер к отысканию виновных, оказано было содействие в том и со стороны губернских штаб-офицеров. Пойманные впоследствии в Полоцком уезде, шестеро зачинщиков буйства отправлены в Валдайский земский суд к производимому по сему предмету следствию (л.л. 60—61 об.).

1851 год.

Владимирской губернии в селе Иванове в конце 1850 года лопнувшим котлом паровой машины на ситцевой фабрике купца Зубкова один из рабочих убит, а 26 так обожжены, что в скором времени умерли. По этому случаю подполк. корпуса жанд. Богданов доносил, что при устройстве котла не были соблюдены предписанные правила и что губернский механик Несытов и прокурор Воскресенский обвиняются в лихоимстве для оправдания Зубкова. Вследствие этого, по высочайшему повелению, сделано распоряжение, дабы министр финансов послал на место происшествия верного и опытного чиновника по искусственной (sic! А. С.) части, а министр юстиции вытребовал бы и строжайше рассмотрел следственное дело (стр. 93—94).

1854 год.

Все фабриканты в С.-Петербурге обязаны были подпискою иметь особенное наблюдение за теми из своих рабочих, которых поведение подвержено сомнению или которые по своей невоздержности могут сделаться причиною нарушения спокойствия в столице (стр. 29—30).

Многие лица, и в особенности рабочие, являлись в 3-е отделение с словесными просьбами, жалуясь на оскорбления, обманы и тому подобное. Обвиняемые приглашались к миролюбивому окончанию дел. Подобным образом поступали и жандармские штаб-офицеры в губерниях. Таким образом многие просьбы и жалобы удовлетворялись без всякого письменного производства (стр. 153).

1858 год.

Начальник 8-го округа корпуса жандармов представил ко мне статью, неизвестно кем составленную, под заглавием «Алтайцы», в которой описаны, с одной стороны, бедственное положение крестьян, принадлежащих ведомству кабинета ваш. вел. и приписанных к горным Алтайским заводам, а с другой—злоупотребление горных инженеров, управляющих этими заводами. Как генерал-майор Казимирский присовокупляет, что описание это, повидимому, основанное на правде и глубоком знании обстоятельств, заслуживает внимания правительства, то письмо его и упомянутую статью я передал действ. тайн. советнику барону Мейендорфу (л.л. 37 об.—38).

Помещица Смоленской губернии Гербут Гейбович, приобретя покупкою 185 фабричных крестьян, увеличила платимый ими оброк и тем возбудила в них ропот, а потом они не хотели высылать к ней оброка. За это, по распоряжению владелицы, они переведены из Москвы в деревню и водворены были по чужим избам от 10 до 23 человек в каждую. Крестьяне отказались от полевых работ по незнанию этого дела и с тем вместе жаловались на неимение пристанища и недостаток продовольствия. Произведенным исследованием жалоба крестьян подтвердилась, но к улучшению их быта не представилось в экономии никаких средств. Поэтому муж владелицы просил о принятии означенных крестьян в казенное ведомство. Для ближайшего усмотрения положения их командирован был адъютант мой, князь Мещерский, который, удостоверясь на месте в претерпеваемых ими нуждах, донес, что пособие от правительства потребует в своем исполнении значительного времени и что было бы соответственнее обстоятельствам и полезнее, по желанию самих крестьян, тотчас отпустить их на волные работы, с выдачею им паспортов. Об этом сообщено министру внутр. дел [1]).

Поссессионные крестьяне надв. сов. Кознова, приписанные к фабрике его в Рязанской губернии, оказали неповиновение владельцу, с одной стороны, жалуясь на обременение их работами и налогами, а с другой—доказывая права свои на освобождение от зависимости владельца. Крестьяне обращены к покорности полицейскими мерами при содействии воинской команды. Между тем, произведенным исследованием обнаружено, что Кознов употреблял власть свою во зло и неправильно владел крестьянами. Поэтому предположено: крестьян от Кознова отобрать, без всякого вознаграждения, и потребовать от него отчет в употреблении мирских доходов; относительно же излишнего взимания податей и оказанного крестьянами неповиновения дать делу судебное направление. Таковое предположение передано на обсуждение департамента мануфактур и внутренней торговли (л.л. 68 об.—69).

3-е отделение следило постоянно за иностранцами, проживающими в России и вновь приезжавшими из-за границы. Как число последних более и более увеличивается, то оказалось необходимым усугубить и надзор за ними. При этом особенное внимание обращено было на иностранцев, приезжавших сюда для приискания занятий по устройству в империи железных дорог, частных фабрик и заводов и вообще для поступления в разные промышленные заведения. Равным образом подвергнуты были ближайшему наблюдению иностранные ремесленники, в особенности слесаря, столяры и кузнецы, приезжавшие в большом количестве, преимущественно в столицу, где число тех из них, которые долгое время были без работы, доходило иногда до не-

---

[1]) На полях имп. Александр II сделал пометку: «что по этому сделано?».

Царь читал доклад 14-III, а особый доклад в ответ на его вопрос представлен был ему 17-V (л.л. 65—66).

скольких сот человек. Люди эти, поступившие впоследствии на разные фабрики и заводы, не были, однакоже, замечены в особенно предосудительных действиях и не подавали никакого повода к сомнению в политическом отношении. Но многие из приезжавших сюда иностранных низших ремесленников, хлебников, плотников, мыловаров и мельников, истощив здесь средства к жизни и не приискав занятий, принуждены были возвратиться на родину с вспомоществованием от своих посольств, здешних благотворительных обществ или частных лиц (л.л. 90 об.—91 об.).

1859 год.

В Пермской губернии крестьяне Кыновского завода графов Строгоновых, оказав неповиновение местному начальству, прекратили работу и приходили в Пермь толпою более 400 человек, с жалобою на чрезмерные уроки, неотпуск им хлеба и на безвинные наказания управляющим и лесничим. По распоряжению начальника губернии из числа означенных крестьян 30 человек тогда же подвергнуты наказанию, и вся толпа обращена на завод, под конвоем от гарнизонного батальона. На следствие были посланы особый чиновник и штаб-офицер корп. жанд. Как жалобы крестьян подтвердились, то к устранению беспорядков при заводском управлении приняты меры, а лесничий Замараев, обвиненный в дурном с крестьянами обращении, удален от должности.

На горных заводах княгини Бутера, в Пермском уезде, было предположено заменить крестьянские повинности денежным оброком, для производства работ вольным наймом, но как крестьяне требовали за свой труд слишком высокую плату, то были оставлены на прежнем положении. После этого они отказались от работы, жаловались на отягощение уроками, недостаток продовольствия и с буйством домогались перевода на оброк. По убеждению командированного чиновника, они было покорились, но потом вновь оказали ослушание; почему и была послана туда воинская команда. Зачинщики подвергнуты наказанию и порядок водворен личными распоряжениями начальника губернии. Между тем со стороны вотчинного управления претензии крестьян были удовлетворены и положение их облегчено. При этом открыто, что упомянутые крестьяне были подстрекаемы к волнению бессрочно-отпускным рядовым лейб-гвардии Измайловского полка Сесюлиным и местным священником Поповым, из которых первый составил записку, чтобы они домогались оброчного положения, а последний уверял их в получении будто бы указа о свободе и за объявление указа требовал денег. Дело об этом поступило на законное рассмотрение.

В Пермской губернии мастеровые Тисовского Демидовых завода, подстрекаемые одним из своих товарищей, жаловались на обиды и притеснения приказчика Манухина и двух его помощников. Для разбора этой жалобы были посланы управляющим заводами два родственника означенного приказчика, которые пристрастными действиями возбудили негодование всех рабочих, и они собирались толпами, не

повиновались исправнику, бросали в него кусками железа и угрожали ему и приказчику смертью. Командированные туда штаб-офицеры корп. жанд. с отрядом из 100 человек пермского гарниз. бат. и временное отделение земского суда восстановили спокойствие. Шесть человек зачинщиков беспорядка заключены в тюрьму, менее виновные подвергнуты исправительному наказанию, а для поверки действий заводского начальства послан на место особый горный чиновник (л.л. 124 об.—129).

В С.-Петербургской губернии на фабрике купца Максвеля 400 работников, требуя увеличения платы, оставили свои занятия, вышли с шумом на Шлиссельбургскую дорогу и насильно вынудили прочих своих товарищей последовать их примеру. Личным распоряжением начальника губернии, при содействии воинских чинов, 8 зачинщиков взяты под стражу, а прочие усмирены и обращены к работам (л. 132).

3-е отделение наблюдало за всеми иностранцами, имеющими в России постоянное жительство и приезжавшими вновь в наши пределы. Наблюдение это в 1859 году производилось в большем против прежнего объеме, ибо работы по устройству в России железных дорог, разных промышленных заведений и фабрик, а также более и более развивающиеся торговые сношения России с иностранными государствами, в особенности же уменьшение числа рабочих на заграничных фабриках и заводах по поводу политических событий—привлекали сюда огромное число иностранцев, между которыми легко могли быть люди, зараженные демократическим духом. Хотя многие иностранные ремесленники, преимущественно подданные германских государств, рассчитывавшие получить здесь выгодные занятия, принуждены были безуспешно возвратиться на родину, но еще значительное число их оставалось в России, так что в С.-Петербурге постоянно находятся, в ожидании места, без работы многие иностранные ремесленники (л.л. 239—241).

... Вследствие ходатайства совета Управления Главного общества Российских железных дорог, разрешено принявшему на себя устройство железной дороги от Вильно до Варшавы поч. гражд. Скворцову снабжать нанятых им для земляных работ прусских подданных, в числе 200 человек, видами на жительство по-артельно, но с соблюдением некоторых необходимых предосторожностей (л.л. 250 об.—251).

1860 год.

В Москве цеховой Черноголовов, назвавшись чиновником, присланным из Севастополя для найма мастеровых и выдачи им больших задатков, возбудил в начале июня движение между тамошними ремесленниками. Оставляя работы, они стекались к нему в значительном числе и платили ему деньги за принятие от них прошений. Черноголовов взят под стражу и предан суду.

В июне же месяце, в Виленской губернии, в Дисненском уезде разнеслись слухи, что в Динабурге открыта контора для записки желающих на работы в Севастополь за увеличенную плату. Это дало повод к самостоятельному уходу помещичьих крестьян, которых из 13 имений означенного уезда явилось до 100 человек в Динабург. Там половина из них поступила на работы по Варшавской железной дороге, а остальные возвратились в свои деревни. Вскоре после того в разных местах Дисненского же уезда крестьяне начинали домогаться уменьшения повинностей и в некоторых имениях возникало явное неповиновение. По этому случаю предписано беспаспортных людей в Динабурге и на железной дороге задержать и выслать в места их жительства, а в Дисненский уезд были командированы: шт.-офицер корп. жанд. для успокоения взволнованных умов и особый чиновник с 4-мя рядовыми Виленской жандарм. команды для усмирения неповиновавшихся. Порядок восстановлен после наказания нескольких человек розгами и высылки 5-ти более виновных в Вильно для содержания под стражею. Кроме того, в уезде расквартирован баталион Мурманского пехотного полка. В распространении упомянутых слухов и в подговоре крестьян к побегу уличены динабургский дворянин Неткевич и местный житель Подоба, которые заключены в тюрьму и преданы суду.

О побегах рабочих людей.

В начале 1860 года работавшие по линии Варшавской железной дороги, близ Пскова, мастеровые из разных губерний, более ста человек, буйствовали по деревням, врываясь в дома, и, грозя поджогами, останавливали и били проезжающих жителей; наконец, не повиновались земской полиции. Для укрощения их была послана воинская команда, виновные наказаны на месте, а 4 зачинщика преданы суду, с заключением в псковский тюремный замок.

На линии Нижегородской железной дороги, в Ковровском уезде, Владимирской губернии, половина рабочих, 282 человека, заработав полученные ими задатки, в течение мая и июня месяца самовольно ушли, а остальные жаловались на несоразмерные уроки, штрафы и на обиды подрядчиков и приказчиков иностранцев, из которых один, Боне, нанес 5-ти человекам побои поленом. Посланный на место офицер корпуса жанд., вместе с земским исправником, разобрав претензии, согласили подрядчиков удовлетворить рабочих, которые тогда и успокоились. Но в конце июля до 300 человек помещичьих крестьян Тверской губернии, работавших на той же дороге, в Гороховецком уезде, получили приказ вотчинной конторы оставить работы по случаю неуплаты подрядчиками денег, ушли оттуда и явились к владимирскому губернатору с жалобою на тяжесть уроков и дурное содержание. Несмотря ни на какие убеждения, они не согласились возвратиться на работы и как надлежащих контрактов с ними заключено не было, то и были отпущены в свои деревни.

Для предупреждения новых волнений рабочих, которых на Нижегородской дороге находилось до 7½ тысяч человек, были командированы туда из Москвы корпуса жандармов подполк. Джолио и особый штаб-офицер ведомства путей сообщения. Разъезжая по линии дороги, означенные штаб-офицеры устраняли произвольные распоряжения подрядчиков и содействовали удовлетворению справедливых жалоб рабочих. Этим они не только предотвратили намерение к уходу партии до 400 человек, но убедили рабочих в защите их правительством, заслужили признательность их и способствовали как спокойному продолжению работ, так и безобидному окончанию денежных с подрядчиками расчетов.

На работы по линии Волжско-Донской железной дороги были наняты подрядчиком Гладиным, в разных губерниях, до 3 тысяч крестьян, которые вскоре после прибытия туда начали уходить и до 700 разными партиями отправились на родину. В первое время поверенным Гладина мещанином Головкиным не было принято никаких мер, но в мае месяце, по его требованию, для удержания оставшихся людей от побегов, царицынский городничий, при содействии стряпчего, начальника инвалидной команды и нижних чинов, без рассмотрения обвинений, жестоко наказал 20 человек розгами, рвал у них бороды и бил их ногами. Это послужило поводом к уходу новой партии из 114 челов., которых, по настоянию Головкина, преследовали царицынский исправник, заседатель земского суда и начальник инвалидной команды, с 40 нижними чинами и 30 понятыми. Когда эти преследователи настигли ушедших, то последние, с палками и камнями, напали толпою на команду, нанося нижним чинам удары. Понятые разбежались, а команда отступила, стреляя в толпу, в которой один человек убит и несколько ранено. Вслед за тем одна партия, из 102 рабочих, явилась с жалобою в Новочеркаск, а другая, в 400 человек, также оставила работы и ушла.

По первому сведению о волнении рабочих на линию Волжско-Донской железной дороги были посланы из Саратова штаб-офицер корпуса жандармов и особый чиновник, а потом начальник Саратовской губернии сам распорядился на месте о сохранении порядка. В то же время, по высочайшему повелению, был командирован туда флигель-адъютант капитан Рылеев, который открыл, что причиною побегов были: неправильный наем крестьян в волостных правлениях без объявления им условий работ, жестокое обращение приказчиков на линии дороги, обременение уроками, денежные вычеты за неисполнение их и дурное содержание.

По устранении поводов к неудовольствию рабочих, они успокоились и после того работали безропотно.

Донесение флигель-адъютанта Рылеева внесено в Комитет Министров для соображения о мерах к недопущению впредь подобных беспорядков и назначены строгие исследования о злоупотреблении власти со стороны местных начальств, равно о потворстве их незаконным требованиям подрядчика. В первых числах октября, пред закрытием работ, согласно положению Комитета Министров, была

составлена особая комиссия, при офицере корпуса жандармов, для наблюдения за порядком и для разбора претензий рабочих в расчетах с подрядчиком. Внушениями членов этой комиссии несколько партий рабочих были удержаны от преждевременного оставления работ и затем все они подрядчиком окончательно удовлетворены и отпущены на родину.

Для предупреждения на будущее время притеснений крестьян на работах, а также и своеволия их, по соглашению моему с министрами внутренних дел, государственных имуществ и с главноуправляющим путями сообщения, составлен проект правил о найме рабочих людей. Проект внесен на рассмотрение в Комитет Министров.

На Крымском участке Феодосийской жел. дороги государственные крестьяне Курской губернии были взволнованы ложным известием, что подрядчик не уплатил по условию за них податей и будто бы за это продается их имущество. Толпою, более 200 человек, они ушли с работ в Феодосию, не повиновались властям, потом требовали от подрядчика выдачи им вперед денег или прибавки платы, сверх контракта. Для усмирения их была вытребована воинская команда, но еще прежде прибытия ее крестьяне обращены к своим занятиям кроткими внушениями управлявшего губерниею. При этом дознано, что причиною их неудовольствия был также вынужденный сельскими властями наем их на работы. На это обращено внимание начальника Курской губернии и управлявшего министерством государственных имуществ.

В то же время с земляных работ на Павловской батарее близ города Керчи ушли более 260 крестьян Могилевской губернии, нанятых подрядчиком Личкусом. Они жаловались в Керчи на недостаточность задельной платы и на дурное продовольствие. Не получив удовлетворения в Керчи, они отправились далее, но по распоряжению управлявшего губерниею были остановлены и убеждены возвратиться к работам. При этом два зачинщика наказаны, а подрядчику вменено в обязанность улучшить содержание рабочих (л.л. 108 об.—120 об.).

1861 год.

Калужской губернии в Жиздринском уезде мастеровые Людиновского горного завода отставного генерал-майора Мальцова не допустили заводского исправника Еропкина наказать товарища их за дурное поведение, и когда исправник одного из них арестовал, то собравшаяся толпа требовала освобождения последнего. Мальцов приказал наиболее виновных 8 человек заключить в оковы и отправить в гор. Мещовск, для содержания под стражею, но губернское присутствие, находя таковое распоряжение неправильным, возвратило арестованных крестьян на завод. Они прибыли туда, своими внушениями возмущали спокойствие прочих и потому с высочайшего разрешения удалены Орловской губернии в гор. Брянск, под надзор полиции. Произведенное об этом следствие представлено министру внутренних дел для внесения на обсуждение в Главный Комитет об устройстве сельского состояния (стр. 175—176).

1862 год.

... Учреждены здесь, по повелению вашего величества,... две следственные комиссии: одна при управлении С.-Петербургского военного генерал-губернатора, под председательством г.-ад. Ланского 2-го, по случаю бывших в С.-Петербурге, в мае месяце, сильных пожаров, а другая—при министерстве внутренних дел, под председательством тайн. сов. Жданова, по делу о вредном преподавании в военных школах (стр. 3—4).

... Прикомандированный к Николаевскому инженерному училищу, поручик 16-го стрелкового баталиона Ушаков сближался с фабричными работниками, приглашал их к себе на квартиру и вселял в них преступные против правительства мысли, а одному из них дал возмутительные статьи «Молодая Россия» и «О капитане Александрове». Ушаков предан военному суду [1]).

Студенты Медико-хирургической академии: Хохряков, Беневоленский и Крапивин читали в воскресных школах и передавали фабричным работникам воззвания: «Что нужно народу», «Что делать войску» и «Молодая Россия», при чем разъясняли им эти сочинения в революционном духе. Студенты сии, а также пять работников, которые распространяли между своими товарищами помянутые воззвания, преданы суду Правительствующего Сената [2]).

Бывший студент С.-Петербургского университета Варгасов обвинялся шестью малолетними ремесленниками, посещавшими воскресную школу при 3-й гимназии, в произнесении дерзких выражений об особе вашего величества, но как в этом он не сознался и юридически не уличен, то выслан в г. Тамбов, на службу, с учреждением за ним надзора (стр. 15—17).

Между населением горнозаводских округов возникали частые беспорядки от ложных слухов, от недоверия к властям или из желания при устройстве нового порядка облегчить свое положение и с этою целью многие семейства просили о переселении их на вольные земли. В Оренбургской губернии до 1.200 душ крестьян Богоявленского завода ген.-лейт. Пашкова отказались от надела помещичьей земли и платежа податей, требовали зачисления их в казачье войско, в надежде вынудить владельца на уступку им земли без платежа оброка, и бунтовали против должностных лиц. По введении туда воинской команды своеволие этих людей прекращено наказанием до 40 человек виновных и преданием суду 9-ти зачинщиков.

В Белорецком и Тирлянском заводах майора Сергия Пашкова, при составлении уставных грамат, мастеровые, отвергая предложение его перейти в разряд сельских работников, а также и все другие усло-

---

[1]) Ушаков лишен всех прав и сослан в каторжную работу на заводах на 4 года.

[2]) Хохряков и Беневоленский, по лишении всех прав, сосланы: первый в каторжную работу в крепостях на 5 лет, второй—на поселение в Сибирь; последние подвергнуты взысканию по степени их вины.

вия, жаловались на обременительность их, на негодность земель и отказались от посевов. По произведенному местным шт.-офицером корп. жандармов дознанию оказалось, что земля при этих заводах действительно неудобна для земледелия и, по неустройству управления, мастеровые, не получая заработной платы, находятся в бедном положении. На это обращено внимание министерства внутренних дел, и было предположено ходатайствовать в установленном порядке о перенесении означенных людей на казенные участки (стр. 232—234).

Пермской губернии в Осинском уезде, при составлении уставных грамат по двум заводам графини Рошфор, в одном из них командированный к межеванию земель депутатом от Башкирского войска колл. асесс. Зотов внушал крестьянам не допускать межевания и не подписывать грамат, а в другом местный крестьянин Куликалов противодействовал поверенному в соглашении крестьян, объясняя последним, что за принятие граматы они будут сосланы на Амур. Об этих случаях, равно и о бездействии мирового посредника Бакланова, по жалобам графини Рошфор и ее поверенного, было сообщено начальнику Пермской губернии. Крестьянин Куликалов предан суду; поступок Зотова, который, впрочем, не сознался, предоставлен рассмотрению военного начальства, и введение грамат ускорено. Но как заводское управление было постоянно обвиняемо в неудовлетворении мастеровых платою, в необеспечении продовольствия их и, наконец, в приостановлении работ, то местным начальством сделано распоряжение о взятии одного из сих заводов в опеку и о предоставлении другого, состоящего на поссессионном праве, ведению Уральского горного правления (стр. 249—250).

Революционный ареопаг, управляющий всем... преступным движением [1]) принял название «Варшавского центрального народного комитета».

Организация представляемого им обширного заговора составлена по образцу французского общества Марианны, с разделением членов на десятки, сотни, округа, подчиненные городским отделам и провинциальным комитетам, над коими состоит центральный комитет. Выбывающие члены по арестованию или смерти немедленно заменяются другими. Приказания комитетов исполняются слепо и с величайшею точностью на всем пространстве Царства, а уполномоченные их собирают с жителей, на дело вольности и независимости Польши, народную подать. Сила центр. комитета возрасла до неимоверных пределов и, по имеющимся сведениям, опирается на 70.000 лиц ремесленного, фабричного и вообще городского простого класса, обязанных присягою,

[1]) В Польше. *Прим. ред.*

по первому знаку, восстать, съ оружием в руках, противъ русского правительства и русскихъ войскъ[1]).

1863 год.

Наиболее беспорядков между сельским населением произошло в Пермской губернии. Крестьяне-земледельцы, желая пользоваться льготами, дарованными заводским мастеровым, не имевшим надела земли, уклонялись в некоторых местах от рекрутской повинности, от работ и платежа оброка; мастеровые же, изъявившие при составлении уставных грамот согласие принять полевые участки и перечислиться в хлебопашцы, продолжали считать себя заводскими, не платили оброка и отказались от исполнения земских повинностей — подводной и дорожной, от которых до того времени были освобождены.

(Осинского уезда) в Пристанищенской волости, полковника Демидова заводские мастеровые, зачисленные по их желанию в крестьянство, с наделом земли, по уверению волостного писаря Винокурова, что они должны пользоваться льготами, отказались от поставки рекрут, и когда мировой посредник назначил очередных, то последние скрылись. Некоторые из них были пойманы, но при отправлении их в г. Осу, сбежались до 200 человек, напали на конвойных казаков Оренбургского войска, нанесли им, а также сотским, побои и освободили арестованных. После этого туда был командирован штаб-офицер корпуса жандармов с воинскою командою; избраны другие очередные люди и сданы в рекрутское присутствие, с предоставлением обществу заменить их первыми; виновные же в беспорядках преданы законной ответственности (стр. 289—294).

...В Оренбургской губернии продолжалось с 1862-го года неповиновение крестьян Белорецкого и Тирлянского заводов майора Пашкова. Они были убеждены, что помещичья земля поступит в их владение безусловно, отказались от повинностей, сопротивляясь понудительным мерам, и не только не засеяли яровых полей, но намеревались даже истреблять озимые посевы. Командированный туда штаб-офицер корпуса жандармов вытребовал команду казаков, учредил для охранения полей конные разъезды и, собрав крестьян, старался разъяснить их заблуждение; при чем одного из них, за подстрекательство прочих к непослушанию, арестовал, но толпа насильно его освободила. После этого в заводские селения были введены две роты Оренбургского линейного № 6 баталиона и, по задержании зачинщиков буйства, они высланы в г. Верхнеуральск для предания суду. Вслед за ними отправилась толпа крестьян с намерением отбить их от конвоя, но к исполнению этого не допущена. Между тем до 200 других крестьян самовольно ушли в Оренбург с собранными деньгами на

---

[1]) Подчеркнуто имп. Александром II. На полях его рукою написано: «Оригинально! Все это знали и ничего не делали».

ходатайство об отводе им дарового надела. Они были также остановлены и под военным конвоем обращены в имение.

Произведенным при означенном штаб-офицере следствием руководителями беспорядка открыты 66 человек, которые и подвергнуты исправительному наказанию. За сим окончательное усмирение крестьян этого имения было поручено исправнику Стерлитамакского уезда, который и успел кроткими мерами водворить порядок.

Той же губернии в Уфимском уезде мастеровые и рабочие Благовещенского завода вдовы д. тайн. сов. Дашковой по добровольному соглашению приняли крестьянский надел; но потом, подстрекаемые своими товарищами Кокряцким и Васинским, отказались от уставной грамоты, платежа оброка, равно от полевых работ и, отправив поверенных в С.-Петербург, с просьбою о даровании им 6-тилетних льгот, сопротивлялись даже личным внушениям начальника губернии. Поэтому в селение Благовещенского завода был введен воинский пост, а для вразумления неповиновавшихся послан жандармский офицер, который и довел их до раскаяния в заблуждении, кроме трех человек, оставшихся непокорными. Последние были заключены в Уфимскую тюрьму, но и там, несмотря на многократные убеждения, требовали только льгот и оставления их «на царских правах».

По сношению с министром внутр. дел, эти люди высланы в Пермскую губернию на два года под надзор полиции. Упомянутые выше два подстрекателя были преданы военному суду в г. Уфе, при Оренбургском линейном № 10 батальоне; но военно-судная комиссия освободила их от взыскания, на том основании, что обвинение их лицами, участвовавшими в беспорядках, не составляет доказательства вины. Это решение возбудило в тамошнем обществе порицанье, тем более, что все действия комиссии по этому делу были предварительно известны в Благовещенском заводе и поддерживали дух неповиновения, по освобождении же подсудимых крестьяне выражали уверенность, что местное начальство распорядилось в их деле незаконно и будет за то подлежать взысканию. На это обращено внимание ген.-ад. Безака, и как оставление крестьян Кокряцкого и Васинского в месте их жительства могло иметь вредное влияние, то, по сношению с статс-секретарем Валуевым, они удалены также в Пермскую губернию на два года, с учреждением за ними полицейского надзора (стр. 310—316).

...Пермской губернии, в Соликамском уезде, дворовый человек Ромашев назвался ходатаем об увеличении заводским людям задельной платы; составлял просьбы о том для мастеровых Чермосского Лазарева завода и довел их до неповиновения. Вслед за сим мещанин Тиунов разгласил в Егвинской волости того же уезда, что имеет бумаги о понижении с крестьян оброка, чем также произвел между ними беспорядки. Спокойствие восстановлено без употребления особых мер; подстрекатели же арестованы и преданы суду (стр. 361—362).

1865 год.

Быт заводских мастеровых, получивших только усадебные наделы, без лугов, с уменьшением заводовладельцами числа наемных рабочих, в упадке и возбуждает между ними ропот на местные управления. По мнению посторонних лиц, мастеровые, не имея земли, ни достаточных заработков, с окончанием предоставленного им льготного срока, захотят переселиться в другие места и, при общем неудовольствии крестьян, легко могут с ними взволноваться и произвести беспорядки.

Эти сведения в мае месяце сообщены министру внутр. дел (стр. 226—227).

...На границе Пермской и Уфимской губерний, в селе Камбарском, принадлежащем к Суксунским Демидова заводам, по введении уставных грамот, до 2 тысяч душ мастеровых лишились бесплатного пользования сенокосными лугами и, считая это притеснением заводского управления, для удержания их в зависимости, отказались от заключения условий на производство в 1865-м г. работ и от найма лугов, в убеждении, что должны получить их в собственность, затем, по недостатку корма, они распродали свой скот.

Местное управление, с своей стороны, домогалось об уничтожении ста кузниц, построенных на усадебной земле мастеровых, которым, по неимению полей, они доставляли единственное средство к пропитанию. Это домогательство мировым съездом отвергнуто; оно возбудило между мастеровыми ропот и волнение, продолжавшееся до осени, так что ни командированные туда чиновники, ни жандармский штаб-офицер не могли их успокоить; наконец, пермский губернатор, отправившись на завод, личными внушениями убедил их подчиниться установленным правилам и заключить условия с заводским начальством на работы и на наем полей.

Близ Вятки, в Холуницких заводах подполк. Пономарева, в апреле месяце взволновались более 3 тысяч рабочих и государственных крестьян, требуя уплаты им задельных денег. Они не допустили отправить с заводов проданное железо, не повиновались мировому посреднику и посланным для усмирения их чиновникам, а, по арестовании ими нескольких подстрекателей, напали толпою на волостное правление и освободили их.

Командированные по этому случаю в заводы майор корпуса жандармов Чалеев и член мировых съездов нашли, что рабочие, не получая несколько месяцев платы, нуждались в содержании себя с семействами и опасались, по отправлении каравана, лишиться вовсе удовлетворения за работы, тем более, что заводская контора не имела к тому никаких средств. Поэтому Чалеев и его товарищ, убедив приемщика железа уплатить в счет следовавших от него денег 10.000 рублей, предложили конторе раздать их рабочим, вместе с

испрошенною между тем из Екатеринбургского банка ссудою, и таким образом восстановили спокойствие; после чего караван был отпущен; зачинщики же произведенного буйства подвергнуты наказанию административным порядком (стр. 288—291).

В Калужской губернии оказали упорное сопротивление начальству мастеровые Людиновского горного завода ген.-м. Мальцова. Исполняя заводские работы исправно, они отказались от назначенного губернским присутствием выборного сельского старосты, не являлись на призываемые сходы, или, собираясь, противодействовали распоряжениям мирового посредника. В то же время бывший волостной старшина Вьюшин не соглашался сдать должность избранному на его место преемнику и оскорбил посредника дерзостью. Для дознания причин этих беспорядков был командирован губернский жандармский штаб-офицер, который обнаружил, что заводское население было возбуждаемо к ослушанию помянутым Вьюшиным и мастеровым Французовым, состоявшими уже под надзором полиции за участие в прежних волнениях, и что в подстрекательстве мастеровых участвовали: волостной писарь Тимашурин, смененный староста Дарочкин и несколько местных жителей. Кроме того, оказалось, что известные вредным направлением бывший мировой посредник Бибиков и помещик князь Вадбольский приезжали в Людиново и собирали к себе мастеровых, для совещаний относительно выбора старшин.

Формальное исследование этих обстоятельств в августе месяце было возложено на особую комиссию при офицере корпуса жандармов. Вышеизложенные обвинения в подговоре мастеровых к неповиновению подтвердились и уличенные в том 12 человек арестованы или подвергнуты надзору местного начальства. Участие же Бибикова с князем Вадбольским в подстрекательстве не доказано; но комиссия заключила, что беспорядки произошли по влиянию первого. Дело это передано на судебное решение.

Впоследствии получены сведения, что в имении Мальцова спокойствие водворилось; но въ большинстве заводского населения таится наклонность к своеволию; и что для ограждения порядка полагают необходимым главных зачинщиков Вьюшина и Французова, кроме взыскания по суду, удалить из имения, о чем 3-м отделением и сообщено министру внутренних дел (стр. 306—307).

1866 год.

По случаю частых грабежей и краж, происходивших в декабре месяце в окрестностях села Колпина, в Царскосельском уезде, был командирован туда штаб-офицер корпуса жандармов, по дознанию которого оказалось, что из Адмиралтейских Ижорских заводов, за сокращением работ, большая часть мастеровых с 1 декабря была

распущена, отчего они, оставаясь без занятий и средств к содержанию, производили в уезде беспорядки.

К преследованию виновных приняты меры и с наступлением 1867 г. было предположено вновь призвать мастеровых к заводским работам (стр. 136).

Возникшие в предшедшем году неповиновение властям горнозаводских мастеровых Калужской губернии Людиновского и Сукременского заводов г.-м. Мальцова продолжалось в течение почти всего 1866 года. Они упорно отказывались от избрания старшин на место удаленных за подстрекательство их к ослушанию, не платили недоимков и сопротивлялись распоряжениям губернского начальства.

Зачинщики этого, в числе 12-ти человек, были преданы суду и по решению уголовной палаты, в марте месяце, заключены в тюрьму на кратковременный срок, а поддерживавший волнение мастеровых волостной писарь отрешен от должности и выслан в гор. Жиздру под надзор полиции.

Но эти взыскания упорства населения не прекратили. Большинство попрежнему не соглашалось на выборы должностных лиц, а между тем слабое преследование виновных имело вредное влияние на спокойствие жителей Жиздринского уезда, так что во всех окрестных имениях повторялись подобные же беспорядки: крестьяне составляли приговоры о непризнании назначенных мировыми посредниками старост, уничтожали межевые знаки, или изгоняли землемеров, оскорбляли чиновников и не повиновались мировому съезду.

Увлекаясь общим настроением умов в этой местности, и государственные крестьяне соседней с имением Мальцова Зимницкой волости не покорились решению Правительствующего Сената о спорной земле, отчужденной в его владение; прогнали его рабочих, забрали с лугов сено и вынудили арендаторов части этой земли заплатить им за пользование ею.

Замечено было, что кроме развития неправильных понятий либеральным направлением бывшего мирового посредника Бибикова, а также судебного следователя Маликова и двух его товарищей—польского происхождения, мастеровые Людиновского завода находились под влиянием скрытной пропаганды возмутителей, действовавших таким образом на все население уезда.

Для удостоверения в этом было поручено губернскому штаб-офицеру корп. жанд. объехать заводские селения, равно все окрестные волости, в которых своеволие жителей проявлялось, и собрать сведения о настоящем положении умов.

Влияние пропаганды подтвердилось. Между заводским населением происходили рассуждения о том, что Россия должна быть разделена на отдельные области с самостоятельным народным управлением, с отдачею дворянских земель во владение крестьянам и что все богатые помещики должны быть лишены жизни. Впоследствии оказалось, что мастеровые были подстрекаемы к неповиновению пре-

ступником Ишутиным, который, став во главе революционного кружка, возбуждал их к экономическому перевороту и старался устроить для них завод на началах коммунизма.

По обнаружении высочайше учрежденною комиссиею преступных целей революционеров, поименованные лица были преданы, вместе с сообщниками, верховному уголовному суду. Для обсуждения же своеволия, продолжавшегося в имении Мальцова и других владельцевъ, в августе месяце, по совещанию с министром внутр. дел, были посланы туда шесть рот лейб-пехотного Бородинского е. в-ства полка на постой у неповинующихся и предоставлено спокойному меньшинству населения произвести выборы старшин. Вместе с тем было предложено Калужскому губернатору личными распоряжениями усмирить непокорных, и для наблюдения за сохранением порядка командирован офицер корпуса жандармов, с 4-мя нижними чинами калужской жандармской команды.

Меры эти достигли желаемого успеха. Выборы произведены спокойно; ослушникам сделано строгое внушение и трое из них высланы на жительство в отдаленные губернии. Впоследствии все мастеровые постепенно являлись к жандармскому офицеру с изъявлением покорности и вносили недоимки; крестьяне же Зимницкой волости, по введении туда двух рот, обращены к повиновению без употребления силы.

Т. о. в конце года спокойствие в уезде водворено, и войска возвращены на свои места (стр. 158—162).

Возник особый кружок, под названием «Ад», к которому принадлежал Каракозов, а главою кружка был двоюродный его брат Ишутин [1]).

Злоумышленники эти имели в виду освободить от каторжной работы государственного преступника Чернышевского для того, чтобы он издавал в Женеве журнал, в видах содействия предполагаемому в России перевороту; Ишутин заботился о введении на заводах генерал-майора Мальцова начал коммунизма между рабочими, которые были им возбуждаемы к неповиновению владельцу (Полит. Обозр., стр. 7).

1869 год.

В течение всего прошлого лета были рассылаемы агенты в местности, которые по характеру населения представляют наиболее удобную почву для агитации, а именно места фабричные и промышленные. Агенты, вращаясь среди различных классов населения, живя иногда подолгу в более интересных местах, знакомились с настроением умов вообще, прислушивались к народным толкам, старались подметить малейшие признаки противозаконной агитации, изучали образ жизни, нравы и нравственность жителей в местностях, порученных их наблюдению, и собирали сведения о лицах, выдающихся в этих местно-

[1]) Подр. см. в книге А. А. Шилова «Каракозов и покушение 4 апр. 1866 г.» Госиздат. СПБ. 1920 г.

стях своим значением и влиянием на народ. Эта мера оказалась весьма полезною, и только недостаток в средствах и надежных агентах, достаточно развитых для такой задачи, не дозволили распространить ее в одно лето на большее число местностей. Исследованы были в вышеозначенных отношениях село Иваново, весь Шуйский уезд и вообще фабричные центры Владимирской губернии, подмосковные заводы и фабрики; Тульские заводы, путь от Москвы до Нижнего-Новгорода и прибрежья Волги до Самары; путь от Москвы через Киев в Одессу и оттуда чрез Херсонскую и Екатеринославскую губернии в Крым; губернии Подольская и Волынская.

Спешу засвидетельствовать пред в. и. в., что по всем сведениям, добытым упомянутыми мерами, нигде не заметно, чтобы политическая агитация успела привиться в народе (л. 13—14).

Положительно было обнаружено, что в С.-Петербурге и Москве составилось общество из нескольких лиц, которые, увлекаясь отрицанием нравственных и гражданских начал, предположили ниспровергнуть весь государственный строй и с этой целью, как бы для избавления народа от тех бедствий, которыми он угнетен, действовать в возмутительном духе среди низших слоев населения, особенно между фабричными рабочими и крестьянами. Общество это приобрело последователей преимущественно между молодыми людьми,— людьми учащимися в высших учебных заведениях. Программою их было: во время отпусков на каникулы во внутренние губернии империи или командировок для практических занятий на фабриках, заводах и по линиям железных дорог, сближаться с народом и подготовлять к общему движению, для изменения существующего порядка, который стесняет будто бы свободу.

Вследствие принятых мер и циркулярных предписаний начальникам губерний и жандармских управлений, с началом лета 1869 г. на подобные попытки было обращено особое внимание; несколько подозрительных лиц были арестованы и высланы из тех местностей, где они находились; но главными результатами было то, что с раскрытием осенью этого заговора и вследствие полнейшего расстройства, понесенного их организацией, попытки этих лиц взволновать народ были совершенно предотвращены (л. 85 об.—86).

Горнозаводское население разных казенных и частных заводов Пермской и Томской губерний было смущаемо слухами о последовавшем высочайшем манифесте об освобождении мастеровых и заводских крестьян от платежа податей и от рекрутства. В убеждении, что местное начальство скрывает это, взыскивая деньги в свою пользу, они отказались от взноса недоимок и от заключения с заводовладельцами выкупных договоров. В Алтайском же округе, куда для укрощения буйства мастеровых была послана военная команда, зачинщики волнения, в числе 39-ти человек, заперлись в особом доме и стреляли в солдат, но были принуждены сдаться.

По восстановлении в волновавшихся округах порядка, мастеровые просили об удалении из их среды тех вредных людей, которые, подговаривая к неудовольствию на местное управление, нарушали общее спокойствие. Вследствие чего, согласно законным приговорам обществ, несколько подстрекателей высланы в Сибирь; 54 человека отправлены на жительство в Чердынский уезд, Пермской губернии, где нет горных заводов, а наиболее виновные в сопротивлении преданы военному суду (л. 87 и об.).

Социалистическая печать во время империалистской войны.

В настоящем очерке мы не имели в виду давать связную историю рабочей социалистической прессы в России в последние годы перед революцией. Наша задача была гораздо скромнее: отметить все, по возможности, попытки—как легальные, так и нелегальные—возрождения рабочей и социалистической прессы, предпринимавшиеся во время войны различными партийными группами, кружками и организациями, в столицах и в провинции, и познакомить читателя с тем материалом, который дает архив департамента полиции об этих попытках (далеко не всегда бесплодных, как читатель убедится из последующего изложения).

Само собой разумеется, мы не думали своим очерком заменить интересующемуся эпохой читателю непосредственное ознакомление с теми периодическими изданиями, о которых идет у нас речь. Напротив, мы стремились только обратить его внимание на эти издания и облегчить ему пользование ими.

Не то, что в газете или журнале было напечатано, а то, чего там найти нельзя, что было, по необходимости, скрыто от глаз их читателей—являлось преимущественно предметом нашего внимания: состав редакции, сотрудников, средства издания, его тираж, отношение к нему партийных кругов, «независящие» обстоятельства, при которых оно выходило, судьба издания и его участников и тому подобные вопросы.

Общий характер нашей статьи зависит от свойств того материала, на котором она построена.

Так, одни издания привлекали полицейское внимание в большей мере, другие в меньшей, третьими не интересовались вовсе в департаменте полиции и в местных розыскных органах. Соответственно этому, и мы отвели разным изданиям неодинаковое место. Однако в тех случаях (это—случаи единичные), когда власти проявляли почему-либо повышенный интерес к таким изданиям, которые почти не оставили следа в жизни, в движении—напр., выходили одним, да и то изуродованным цензурою номером—мы на них особенно подробно не останавливались.

Не только количественно, но и качественно различен материал, относящийся к разным литературным предприятиям: иногда он исчерпывается агентурной запиской, донесением (одним или несколькими), либо докладом жандармского полковника; в других случаях в нашем распоряжении были письма участников издания, статьи, предназначавшиеся к напечатанию в них и т. д. Вследствие этого мы то имели возможность давать довольно обстоятельный рассказ об издании, то вынуждены были ограничиваться краткой и часто мало содержательной справкой о нем.

В виду таких особенностей нашего материала, весь очерк оказался очень пестрым, неоднородным, а отдельные его главы мало между собою связанными и носящими, в зна-

чительной степени, самостоятельный характер. В результате, повторяем, читатель получит не историю социалистической прессы, а лишь материал для будущей истории.

Фактические сведения, содержащиеся в документах, которыми мы пользовались при составлении статьи, мы старались, по мере возможности, проверять на основании других документов, литературы и пр. Однако возможности проверки были весьма ограниченные; мы сильно рассчитываем на то, что предлагаемые нами материалы, содержащие, на ряду с фактами, не мало агентурного и жандармского вымысла, вызовут дополнения, поправки, а в некоторых случаях и прямые опровержения со стороны участников тех газетных и журнальных начинаний, о которых мы ведем здесь речь. В этом, между прочим, и некоторое объяснение тому, что статья появляется как будто слишком рано.

Мы считаем нужным также оговориться, во избежание недоразумений, что мы ни в какой мере не несем ответственности за те суждения и оценки, которые встречаются в цитируемых нами документах. Все, что в них говорится—об отдельных ли лицах или о целых течениях—мы оставляем на совести составителей этих документов.

Особенности материала вынудили нас расположить его в следующем порядке: сначала некоторые данные о внешних условиях (гл. обр. цензурных) жизни рабочей и социалистической прессы в годы войны, затем краткая справка о профессиональных, страховых и кооперативных органах, далее, обзор с.-д. печати, очень подробный (по городам) для провинциальных изданий, довольно беглый (вследствие ограниченности материала) для столичных, и, наконец, глава о народнических изданиях.

I.

И до войны социалистическая печать поставлена была в России в весьма тяжелые условия. Но и эти условия казались тем органам власти, на которые возложена была задача борьбы с революцией, слишком легкими. Поэтому в последние до-военные месяцы в недрах петроградского охранного отделения, котрое особенно близко могло наблюдать «вредное» влияние рабочих газет на народные массы, имея дело, с одной стороны, с более революционно настроенным столичным пролетариатом, с другой, с целыми тремя ежедневными социалистическими органами, изыскивались наиболее действительные средства борьбы с рабочими газетами.

В июльские дни 1914 г., в связи с рабочими волнениями в Петербурге, ежедневные рабочие газеты были основательно разгромлены. А начавшаяся мировая война не дала им оправиться от июльского удара. Кроме «Народной газеты», издававшейся в течение короткого времени в Москве группой с.-рев., а также нескольких сибирских изданий, хотя и не носивших характера рабочих или строго-партийных, но руководившихся ссыльными революционерами, не было в эти годы попыток поставить ежедневную рабочую газету [1]).

Помимо затруднений, которые зависели от изменившихся к худшему общих условий жизни (и, прежде всего, от сильнейшего роста типографских и иных расходов), главную и решающую роль в удушении рабочей печати сыграл неслыханный цензурно-полицейский гнет, упрочившийся в стране с начала войны.

---

[1]) Мы предупреждаем читателя, что не будем совершенно говорить о всем известных больших ежедневных газетах или толстых журналах, в которых принимали участие некоторые писатели-социалисты, и почти не будем говорить о тех толстых журналах, вокруг которых группировались те или иные кружки социалистической интеллигенции.

Партийные организации были сильно расстроены вследствие репрессий, призывов в войска и т. д.; массовое движение на некоторое время совсем было заглохло; отдельные местности страны были разобщены между собою в гораздо большей степени, чем до войны, и еще хуже, конечно, обстояло дело со связью русских революционных кругов с эмигрантскими. Словом, оскудели те источники, которые питали прессу до войны. А когда все же удавалось, несмотря на все препятствия, подготовить издание рабочего или партийного органа, тогда оказывалось, что выпустить его в свет не то, чтобы в желательном для инициаторов, но в каком бы то ни было виде—не всегда возможно. Вот пример.

В начале апреля 1916 г. в Баку предполагалась к выходу рабочая газета «Наше Эхо». Начинание это, однако, потерпело неудачу, и вот как об этом рассказывают его инициаторы на страницах «Нашего Голоса»: «Материал, направленный в военную цензуру, не был пропущен. Цензор, затратив на чтение оттисков значительное время, в конечном итоге заявил, что не может взять на себя ответственность за пропуск материала «слишком серьезной» газеты и предложил обратиться в градоначальство. Там редактору были предложены «вопросы» о характере издаваемой газеты, указано на несоответствие материала с «действительными» задачами печати и заявлено, что «прокламаций» не допустят и представят оттиски на усмотрение ген.-губернатора. Когда же, через несколько дней, редактор запросил о судьбе материала, местная власть не признала для себя возможным допустить к выходу рабочую газету» [1]).

Мы видим на этом примере, как администрация в зародыше подавляла попытки к возрождению рабочей прессы. История этих попыток знает и такой случай, когда редактор сам отказался от мысли выпустить первый номер нового органа, так как три четверти его зачеркнуто было цензурой [2]).

Ряд социалистических органов прекращен был после выхода первого же номера (в Иркутске—«Сибирский Журнал» и «Сибирское Обозрение», в Харькове—«Начало», уничтоженное даже до формального приостановления; в Саратове—«Студенческая Жизнь»).

Иногда выходило 2 №№ («Утро» в Петрограде), иногда три («Вестник Дона» в Ростове-на-Дону), 7—9 №№ выпустили «Сев. Голос» (Петроград), «Раб. Утро» (там же), «Наша Газета» (Саратов), «Нижегородская Мысль» и др.

Такой на редкость долговечный орган, как «Наш Голос» (Самара), выпустил 29 №№.

Но и те номера социалистических газет, которым суждено было увидеть свет, слишком часто оказывались изуродованными физически — белые места, иногда превышавшие текст,—либо «нравственно», ибо газета или журнал, чтобы жить, уклонялись от постановки всех острых проблем современности.

Каких жертв стоило каждое социалистическое литературное начинание, мы увидим, когда будем рассматривать каждое из этих начинаний в отдельности. Здесь же мы укажем только на те затруднения и прямо опасности, с которыми связано было всякое сотрудничество в рабочем органе. Предоставим слово «Нашему Голосу».

«До сих пор,—читаем мы в № 15 этой газеты [3]),—обычным явлением для «Нашего Голоса» была систематическая пропажа части литературного материала, неимоверная за-

---

[1]) «Наш Голос», Самара, № 28, (14), 1 мая 1916 г. «К положению печати» (Письмо в редакцию).

[2]) Мы имеем в виду народнический «Голос Труда» в Петрограде (должен был выйти в конце декабря 1915 г.). См. «Наш Голос», № 17, от 17 января 1916 г. «К правовому положению русской печати». (Письмо в редакцию.) До выхода № 1 была разгромлена также народническая «Наша Жизнь» в Москве в первые дни 1915 г.

[3]) «Н. Гол.», № 15, от 5 января 1916 г. Б. Иванов (псевдоним Б. С. Васильева), «К правовому положению русской печати».

держка его доставки в редакцию и т. д. Подавляющее большинство статей и корреспонденций наших сотрудников из-за границы пропадает бесследно. Многие иногородние корреспонденции задерживаются на самарской «почте» по месяцу и более...

Иногда нам доставляют лишь часть вложенного в конверт, а иногда у нас пропадают не только статьи и корреспонденции, но и марки, вложенные в конверт в уплату за подписку, предназначенные в фонд газеты и т. д.

Но до сих пор у нас еще не было случаев, подобных тому, о которых сообщает наш друг из Харькова. Вот дословно его письмо:

«Харьковская администрация уже самый факт сотрудничанья в рабочей прессе считает преступлением, за что людей арестовывает и пробует строить на нем обвинение.

Дело идет, как вы увидите ниже, о сотрудничании в вашей газете. В один из первых №№ газеты была послана из Харькова корреспонденция «Старого железнодорожника», который вы, судя по «почтовому ящику» газеты, не получили. Автор корреспонденции был арестован.

Второй случай более недавнего происхождения. Когда в 7 номере вы объявили, что в «Голосе» будет помещен вами ряд статей по вопросу о военно-промышленных комитетах —один из харьковских профессиональных работников послал вам статью «Рабочие и военно-промышленные комитеты». И эта статья была в дороге перенята, и лицо, подозревавшееся в ее авторстве, очутилось в губ. тюрьме. Немыслимо ведь сотрудничать при таких условиях?!».

В данном случае местная власть своей практикой предупредила законодательное творчество департамента полиции, так как в то время, к которому относятся описываемые в «Наш. Голосе» факты, никаких указаний по этому поводу д-т. пол. не давал, и только позднее, 27 января 1916 г., он разослал начальникам губернских, областных и городских жандармских управлений, отделений по охранению общественной безопасности и офицерам отдельного корпуса жандармов, ведающим розыском, циркуляр следующего содержания (за № 100907):

«В последнее время было несколько случаев задержания военною цензурою статей и заметок противоправительственного и революционного содержания, адресованных в редакции газет, издающихся, хотя легальным порядком, но по направлению своему являющихся органами социалистических партий, в целях напечатания этих статей в газетах указанного направления. По докладу о сем г. товарищу министра внутренних дел сенатору Белецкому его превосходительство изволил отдать распоряжение, чтобы по получении от военной цензуры подобных документов, были приняты меры к выяснению авторов последних, которые, по установке личностей, должны быть привлечены к переискам в порядке положения о государственной охране, как лица, принадлежащие к революционным партиям.

Об изложенном департамент полиции сообщает Вам для зависящих распоряжений и исполнения».

Циркуляр подписан исп. об. вице-директора Ив. Смирновым и скреплен, за делопроизводителя, М. Броецким [1]).

Вот такие-то цензурно-жандармские препятствия, наряду с неблагоприятными экономическими условиями, с наблюдавшимся местами равнодушием читательских масс к

[1]) Вопрос этот возник в деп. пол. в связи с задержанием военной цензурой ряда статей, предназначавшихся к напечатанию в саратовской «Нашей Газете». Деп. полиции пошел, как нам кажется, дальше намерений Белецкого, резолюция которого говорила о статьях и заметках крайне резкого содержания. См. д. Ос. Отд. № 5, т. 3 1915 г.

вынужденно бледным и скудным содержанием листкам, на-ряду со слабостью партийных организаций и групп, вели к тому, что даже те издания, которые не подавлялись прямо властью, часто влачили жалкое существование, а иногда замирали после нескольких номеров.

В общем и целом, партийные работники, однако, умели ценить организующую и просветительную роль даже небольших, выбеленных цензурой листков и прилагали много усилий и упорства, чтобы приспособиться как-нибудь к трудным обстоятельствам [1].

Какими путями шло это приспособление? Прежде всего пользовались тем, что не все местности страны находились в равном, в смысле бесправия печати, положении. Из местностей, объявленных на военном положении, дело возрождения легальной рабочей печати пытались перенести в другие города.

«Опыт жизни показал с очевидностью, — писал, например, А. Югов в «Нашем Голосе»,—что в местностях, находящихся на военном положении, рабочей прессе существовать немыслимо, и назревшая потребность рабочей массы в своей газете стала искать новые пути. Появляются рабочие органы в провинции. Невозможность же для рабочей прессы, выходящей в Петрограде, откликаться почти ни на один серьезный вопрос возложила на рабочие органы провинциальной печати задачи всероссийских органов» [2].

В Петрограде особенно безнадежными были попытки поставить обще-политический орган; несравненно терпимее относилась администрация к существованию специальных изданий: страховых, профессиональных, кооперативных. В результате, можно отметить целый ряд начинаний этого рода, при чем, в виду отсутствия общей прессы, они всячески стремились хоть отчасти заменить ее, давая на своих страницах материал общего характера. «Вопросы Страхования» (большевистский страховой орган) писали в номере, вышедшем после февральской революции: «С первых же «военных» номеров он (т.-е. наш орган) расширил свою программу и, на-ряду с страховыми вопросами стал помещать статьи по всем вопросам рабочего движения—политическим и экономическим» [3].

Чем реже появлялось издание, чем «теоретичнее» оно было, тем легче было ему существовать. Хуже всего обстояло дело с газетой (не только ежедневной—она почти исчезла, но и с еженедельной). Лучше было положение журнала.

Не все направления были поставлены в равные условия. Хотя администрация и была довольно беззаботна насчет «теории» и идеологии революционного движения и не относилась благодушно даже к самым умеренным течениям социалистической мысли, все же она с особой беспощадностью обрушивалась на всякие попытки *анти-оборонческой* части русских социалистов выступить с изложеием своих взглядов перед русской читающей публикой, поскольку эти выступления не облекались в особенно абстрактную или туманную форму.

Особенно трудным было положение рабочей и социалистической прессы в первый год войны. В дальнейшем рост оппозиционного и революционного движения в стране не только ослабил несколько противодействие, оказывавшееся властью делу возрождения социалистической прессы, но, главное, создал положительные предпосылки для та-

---

[1]) См., напр., письмо Фед. Михайлова (псевдоним М. Л. Коган-Бронштейна) в «Нашем Голосе» № 14 (28), под заглавием «Из другого лагеря». Автор, между прочим, высказывает сожаление по тому поводу ,что редакция «Голоса Труда» не выпустила номера после того, как цензура вычеркнула «почти все», вплоть до перепечаток из других газет.

[2]) «Н. Гол.», № 16, от 10 января 1916 г. А. Югов (псевдоним А. А. Фрумсона), «Русская печать в 1915 г.».

[3]) «Вопр. Страх.», № 2 (63), от 31 марта 1917 г. «Библиография. Возрождение партийной печати» (стр. 14).

кого возрождения. Осень 1915 г. особенно богата попытками в этом направлении. Новый подъем рабочей прессы дает осень и зима 1916 г.

Неслыханно тяжелые условия, создавшиеся для существования социалистической прессы, побуждали прибегать к тому средству, от которого и до войны русские революционеры не отказывались никогда—к нелегальному печатанию. Особенно часто обращались к нему, разумеется, те элементы, которым труднее всего было высказываться в легальной прессе.

Кроме того, в Россию проникали и издания эмигрантских групп, рассмотрение которых не входит в задачи настоящей статьи.

II.

Мы начинаем изложение со специальных (проф., страх., коопер.) изданий,—между прочим, и потому, что они часто не примыкали формально ни к одной из социалистических партий и не могут быть отнесены в отдел партийной с.-д. или с.-р. прессы, хотя фактически, если не ошибаемся, все рабочие издания этого рода находились в руках социал-демократов.

Как мы уже отметили выше, профессиональная и страховая печать находилась в более выгодных правовых (или, если угодно, полицейско-жандармских) условиях, нежели печать общая, политическая. Достаточно указать, что она в значительнейшей части сконцентрирована была в Петрограде, в том самом Петрограде, где даже правым элементам меньшевизма долгое время не удавалось поставить сколько-нибудь прочно хотя бы еженедельную газету или журнал.

Специальные издания настолько мало интересовали петроградское охранное отделение, что о них не упоминается, например, в общем обзоре за 1915 г., составленном отделением, хотя в этом обзоре особо отведено место и вопросу о рабочей печати. Им давали жить; другой, конечно, вопрос,—что это была за жизнь.

Во время войны продолжали выходить «Страхование Рабочих» и «Вопросы Страхования».

«Страхование Рабочих»—меньшевистский страховой орган, основанный в конце 1912 г. и просуществовавший под этим названием до февральской революции, когда он был переименован в «Страхование Рабочих и Социальную Политику».

«Вопросы Страхования»—большевистский страховой орган, основанный в октябре 1913 г. и выходивший до войны еженедельно. С 26 октября 1913 г. по 12 июля 1914 г. вышло 38 №№. После начала военных действий он временно прекратился и был возобновлен лишь 20 февраля 1915 г., появляясь теперь уже не еженедельно, а ежемесячно (фактически еще реже, т. к. много №№ было двойных). Всего с 1913 г. до революции, вышло 62 №№.

Об интересующем нас периоде в жизни «Вопросов Страхования» имеются некоторые данные в воспоминаниях А. Винокурова и А. Шляпникова [1]). Мы их здесь повторять не станем и отметим лишь некоторые фактические неточности в статье А. Винокурова. Не совсем точно «Вопр. Страх». названы «единственным органом (автор говорит, конечно, о легальных органах) большевистского направления». Не говоря уже о нескольких близких к большевикам изданиях, были еще определенно большевистские журналы: «Голос

---

[1]) Статья А. Винокурова «Страховое движение», помещена в сборнике: Из эпохи «Звезды» и «Правды» (1911—1914 г. г.). Госуд. Изд. 1921 г. А. Шляпников. «Накануне 1917 года». Москва, 1920 г. Гос. Изд. Стр. 172—182.

Печатного Труда» в Москве, «Наше Слово» в Кинешме и еженедельная газета в Саратове («Наша Газета»). Верно лишь, что «Вопр. Страх.» были единственным из большевистских органов, который выходил, во-первых, в Петрограде, во-вторых, выходил—хотя и довольно редко—все же в течение двух лет войны. А. Вянокуров пишет, что журнал выходил до 13 ноября 1916 г. и закрылся вследствие ареста большей части редакции по доносу Черномазова. Между тем после 13 ноября появилось еще два номера журнала: 19 декабря 1916 г. (№ 12/61) и 5 февраля 1917 г. (1/62), 63-й номер вышел уже после переворота—31 марта 1917 г.

Осенью 1915 г. в Петрограде, повидимому, была сделана попытка поставить третий страховой орган. В № 7 саратовской «Нашей Газете», вышедшем 29 сентября, была помещена заметка, под заглавием «Новый страховой журнал», следующего содержания: «Секретарю больничной кассы заводов Лесснер [1]) разрешено издание страхового органа под названием «Больничная касса». Журнал будет редактироваться группой секретарей и посвящен разработке вопросов страховой практики, положению служащих касс, делопроизводству и работе руководящих учреждений: правлений, ревизионных комиссий и т. п. Журнал будет еженедельный»...

У нас нет пока определенных данных для выяснения характера этого неосуществившегося начинания; строить же догадки и предположения мы подождем, так как разработкой истории петроградской большевистской организации этих лет сейчас заняты некоторые сотрудники Истпарта, и результаты этих работ, мы надеемся, будут опубликованы в близком будущем.

Москва не имела и до войны собственного страховаого журнала. В 1916 г. там делались шаги к созданию такого органа. Об этом у нас имеются вполне точные данные. В донесении от 10-го июля 1916 г. начальник московского охранного отделения полковник Мартынов сообщил в департамент полиции, на основании сведений секретного сотрудника «Птицина» [2]), что рабочей группой московского столичного страхового присутствия поставлен на очередь вопрос об издании в Москве страховой рабочей газеты, и с целью получения на это издание материальных средств выработано секретарем группы Моносзоном [3]) особое воззвание, которое разослано во все местные профессиональные общества и больничные кассы. «Отношение профессиональных обществ и большинства больничных касс,—писал Мартынов,—к вопросу об издании страховой рабочей газеты определенно отрицательное, так как члены этих рабочих организаций, в большинстве примыкающие к с.-д. большевикам, находят такую газету, преследующую слишком узкие цели, мало полезной для рабочего движения, тем более, что вопросы страхования с достаточной полнотой освещаются в существующих уже страховых журналах».

К донесению была приложена копия обращения. В нем группа, перечислив задачи, поставленные перед ней во врученном ей при выборах [4]) наказе, указывала, что для осуществления этих задач необходимо прежде всего поднять интерес к вопросам страхования в широких кругах страховых деятелей и участников больничных касс. «Лучшим средством для этого явится создание страховой рабочей газеты двухнедельной или еженедельной». А для этого нужно собрать предварительно несколько сот рублей, которые обеспечили бы выпуск в свет первых номеров газеты. Группа призывала оказать ей поддержку денежными сборами.

---

[1]) Черномазову? *Ш. Л.*

[2]) Охранная кличка, которую носил сотрудник московского охранного отделения Фадей Николаевич Попов.

[3]) Псевдоним—«Шварц». *Ш. Л.*

[4]) 22 мая 1916 г. Группа по составу своему, повидимому, была меньшевистской.

Вследствие ли несочувствия, которое, по словам донесения, встретило обращение московской страховой группы, или по другим каким-либо причинам,—но издание страхового органа в Москве так и не осуществилось [1]).

Наконец, в том же 1916 году вышло несколько номеров страховой газеты «Больничная Касса» в Кременчуге. Газета была еженедельной. Первый номер вышел 27 февраля 1916 г. Редактором-издателем числился А. З. Кветный, который, очевидно, и фактически был таковым. В статье о «Наших задачах» (в № 1) редакция писала: «Считаясь со своими скромными силами, «Больничная Касса» имеет в виду обслуживать почти исключительно г. Кременчуг и ближайший район, уделяя преимущественное внимание практическим вопросам, возникающим у деятелей страховиков и в больничных кассах в их повседневной работе». Никакого политического материала редакция не давала. Последний имеющийся в Публ. Библ. номер—шестой—вышел 2 апреля 1916 г. Это был, вероятно, последний номер газеты, так как в нем мы находим извещение, что «в виду призыва в войска редактора-издателя А. З. Кветного, следующий номер выйдет с некоторым опозданием». Можно думать (это не единственный, кстати, случай гибели газеты вследствие призыва ее руководителя), что «Больничная Касса» на шестом номере прекратилась.

Других страховых изданий или даже попыток мы не знаем.

В отношении профессиональных органов счастливее других в эти годы были печатники, имевшие три журнала в Петрограде, Риге и Москве.

В Петрограде во время войны продолжал выходить журнал «Наше Печатное Дело». № 1 этого издания вышел еще в 1913 г. 1 ноября. До войны всего было выпущено 13 №№. Первый военный номер вышел 25 октября 1914 г. Последний номер, который нам удалось получить в Публ. Библиотеке,—тридцать шестой,—помечен 5 ноября 1916 г.

Журнал был органом частной группы печатников, а не профессионального союза, так как последний («общество рабочих печатного производства») был в самом начале войны—20 июля 1914 г. закрыт. Лишь 10 мая 1916 г. утвержден был устав профессионального общества рабочих печатных предприятий «Печатник»; учредительное собрание членов нового общества состоялось 5-го июня; а 14-го июля деятельность его была приостановлена на все время военного положения. Таким образом, союз печатников в Петрограде в годы войны почти не функционировал.

В течение всего первого года своего «военного» существования журнал ни разу не высказывался по волновавшим рабочие круги общим вопросам. Когда, в связи с помещением в № 23 письма Плеханова, возникли «некоторые кривотолки» о позиции самой редакции, она заявила в следующем номере, что «письмо помещено, как просто известного рода документ и не больше. Свой же взгляд по затронутому в письме вопросу редакция не находит возможным помещать, исходя из тех соображений, что этот вопрос не представляется возможности осветить на страницах журнала всесторонне, по независящим от редакции обстоятельствам». В том же № журнал высказывался в пользу участия в военно-промышленных комитетах.

[1]) Ос. Отд. № 17, ч. 46, л. Б. 1916 г., л. л. 40—42. Любопытно, что попытка эта могла иметь довольно неожиданные результаты. Воззвание было, само по себе, самого невинного свойства. Но в деп. полиции обратили почему-то внимание на самый факт существования «группы» и распространения ею воззваний (заметим, между прочим, что воззвание было отпечатано на бланках группы). Донесение полк. Мартынова было доложено тов. министра, который приказал «оформить распространение воззваний, указывающих на образование группы «сообщества» и предложить нач. (т.-е., охр. отд. *Ш. Л.*) сообщить этот материал на распоряжение прокурора окружного суда по признакам 124 ст. Уг. Ул. «По этому поводу я лично говорил с полковником Мартыновым», пишет вице-директор деп. полиции И. К. Смирнов. «Пока этого сделать нельзя по агентурным соображениям».

В Москве с конца 1916 г. стал выходить большевистский профессиональный орган «Голос Печатного Труда», издававшийся профессиональным обществом рабочих печатного труда московского промышленного района.

Существовавшее в Москве до войны проф. об-во рабочих печатного искусства было 24 ноября 1914 г. закрыто. Устав нового общества был зарегистрирован 25 января 1916 г., а учредительное собрание его состоялось 28 февраля. Первый номер журнала вышел только 15 ноября 1916 г., хотя подготовка к нему шла давно. 13 июня 1916 г. начальник московского охранного отделения Мартынов препроводил в департамент полиции записку со сведениями секретного сотрудника отделения «Фотографа» (кличка Николая Андреевича Барышникова); в записке сообщалось, что общество рабочих печатного труда будет издавать еженедельный журнал «Голос Печатного Труда», заявление о котором уже подано градоначальнику.

Подставным редактором будет наборщик Иван Петров Бодров, а издательницей наборщица Елизавета Никитина.

Фактически редактировать журнал будет особая комиссия в составе: Станислава Игнатьевича Коссовича, Николая Макарова (бывш. секр. общества печатников им. Ив. Федорова), Попова (был членом правления всех ранее существовавших обществ печатников), Борщевского и некоторых других [1]).

В донесении от 23 июня полк. Мартынов, на основании сведений того же «Фотографа», сообщил, что состав редакционной комиссии окончательно определился. В нее вошли: С. И. Коссович, Адриан Ник. Николаев, моск. цеховой Ал-др Степ. Борщевский, прис. пов. Вал. Ив. Яхонтов, Ив. Ив. Скворцов и Сергей Иосифов Цедербаум—«В. Ежов». Участие, однако, последнего ставится им в зависимость от фракционности журнала, так как от участия в определенно большевистском журнале он отказывается. (Заметим от себя, что вышедший впоследствии журнал был именно определенно большевистским, и никакого участия в нем В. Ежов не принимал).

Полк. Мартынов добавлял также, что одно из названных им выше лиц,—Борщевский,—в виду крайне вредной его деятельности и принадлежности к местному с.-д. подполью, 22-го июня арестован и привлечен к переписке на предмет воспрещения ему жительства в Москве и московском градоначальстве [2]).

С 16-го августа Мартынов начал доставлять копии статей, предназначавшихся к напечатанию в «Голосе Печатного Труда». Статьи сообщались Мартынову все тем же «Фотографом». При этом указывались иногда также авторы. Так, 31 августа доставлены были статьи: «О фабричных старостах», за подписью К. С—ин, и «К работницам», за подписью «Знак», со сведениями об авторах В. Лосеве и И. Скворцове [3]). В сентябре (13-го и 21-го) Мартынов прислал, между прочим, статьи: «О рабочем съезде», за подписью «А. Гин», автором которой является Ал-др Иван. Усагин; «Профессиональные союзы и коллективный договор» за подписью «М. И. Говоров», написанная Мих. Ив. Роговым [4]). В донесении от 13 сентября Мартынов сообщал, кроме того, что из-за отсутствия ответственного редактора [5]), журнал выйдет не ранее конца месяца. В действительности «Голос Печатного

---

[1]) Ос. Отд. № 17, ч. 46, л. Б, 1916 г. Вх. № 17154.

[2]) Ос. Отд. № 17, ч. 46, л. Б, 1916 г. Вх. № 17996.

[3]) К сожалению, мы не имели подлинной записки и вынуждены пользоваться входящим журналом 6 делопроизводства за сентябрь 1916 г., где под вх. № 22801 имеется отметка, приводимая нами в тексте.

[4]) Ос. Отд. № 5, т. 3, лл. 1916 г. Вх. № 23458 и 23914.

[5]) Бодров был арестован. *Ш. Л.*

Труда» появился даже не в конце сентября, а 15 ноября. К сожалению, у нас не оказалось больше никаких донесений Мартынова по поводу журнала.

Всего вышло 3 №№ «Голоса Печатного Труда»—15 ноября и 23 декабря 1916 г. и 30 января 1917 г.

Кроме «Нашего Печатного Дела» и «Голоса Печатного Труда» выходил и еще один проф. орган печатников—в Риге, под названием «Рабочий Печатного Дела». Достать его нам не удалось. Мы можем лишь указать, что № 1 вышел 26 мая 1915 г., и что в июне вышел второй номер, имевший «пустотелостей» только $^3/_4$ стр., тогда как № 1 был таковым на-половину [1]).

В Петрограде, помимо «Нашего Печатного Дела», было еще несколько профессиональных журналов.

В декабре 1915 г. вышел номер первый, а в феврале—марте 1916 г. № 2—3 профессионального журнала работниц и рабочих текстильного дела, под названием «Текстильщик» [2]).

Довольно регулярно выходила «Жизнь Фармацевта». Приводим ее подзаголовок: «Ежемесячный журнал, посвященный защите интересов служащих фармацевтов и делу правильной постановки лекарственной помощи населению. Издается при ближайшем участии деятелей Петроградского Общ. служащих фармацевтов, Професс. общества служащих фармацевтов гг. Ростова-на-Д. и Нахичевани, О-ва взаимопомощи служащих фармацевтов г. Одессы и друг., а также бывших сотрудников журналов «Фармацевтический Труд», «Южный Фармацевт» и «Жизнь Фармацевта».

Журнал начал выходить 3 апреля 1914 г. Три №№ вышло до войны, тридцать №№ сначала войны до революции (были двойные и даже тройные); № 1—2 за 1917 г., напечатанный еще до революции, вышел в свет уже после переворота, с отдельным прибавлением (в марте). На общем собрании членов проф. о-ва, состоявшемся 4 ноября 1916 г., членредакц. коллегии Алуф жаловался, что «военная цензура очень часто лишала очередной номер необходимого материала. Последнее обстоятельство не только часто задерживало выход номера, но и не давало журналу с достаточной определенностью выявить свое лицо; этим же объясняется почти полное отсутствие статей по общерабочему и национальному вопросам» [3]).

---

[1]) «Наше Печатное Дело» № 22.

[2]) Журнал—в библиографических заметках по поводу одной из брошюр Плеханова высказывался в анти-оборонческом смысле. В №№ 25 (18 марта 1916) и 26 (25 марта 1916) парижского «Призыва» Г. В. Плеханов выступил по поводу рецензии на его брошюру, помещ. в «Текст»., со статьей: «Мой дружеский совет редакции «Текстильщика». Статья Плеханова перепечатана в России в книжке: Г. В. Плеханов. «Вопросы войны и социализма». Изд-во «Огни» Петр. 1917.

[3]) О том, что сказал бы журнал, если бы не мешали независящие обстоятельства, можно, составить себе некоторое представление на основании статьи Я. К. (Каневского?) «Демонстративный уход», в № 10—12 (31—33) за 1916 г. Приводим из нее некоторые отрывки: «Мировая война резко изменила физиономии политических партий во всех странах. Даже политические партии, защищающие интересы рабочего класса, в значительной своей части уклонились от старого пути международного рабочего движения и слили свои голоса в общем хоре общенародных и национальных голосов... Правда, за последнее время начинается кое-где «отрезвление», как будто мало-помалу начинается движение по старым путям,—но движение это еще очень неуверенно, очень медленно и не совсем еще освободилось от иллюзий межклассового мира. Буржуазные партии по-прежнему бьют в литавры, кричат о защите отечества и во имя этой защиты требуют для себя все больше и больше материальных благ за счет широких слоев населения.

Национализм всех оттенков, до войны облачавшийся в различные одежды, в настоящий период «переоценки всех ценностей», выступает уже совершенно открыто. В самом деле, раз испы-

Журнал так оценивал отношение к нему фармацевтической среды: «Рассуждения массовика фармацевта о том, что тактика профессионального союза слишком партийна, что профессиональный журнал слишком односторонен, что журнал много говорит о классовой солидарности и очень мало о «практическом»—все это говорит за то, что массе служащих фармацевтов, пожалуй, ближе были бы «менее принципиальное» профессиональное общество и более «практический» журнал. Масса не в состоянии, именно благодаря своей расплывчатости, создать желательные формы организации, и она волей-неволей идет за теми, которые ясно и определенно излагают свое credo, зовут к определенным действиям,—но не надо закрывать глаза на действительность: и профессиональное общество и журнал кровно связаны с меньшинством в фармацевтической среде. Большинство же плетется в хвосте лишь потому, что создать другие формы организации оно бессильно» [1]).

В 1916 г. в Петрограде же вышел журнал «Служащий»—один номер, а может быть, и больше. Журнала мы не достали и о выходе № 1 знаем из заметки, помещенной в № 5—6 московского журнала «Объединение» за 1916 г.

В Москве в 1916 г. появился журнал «Вестник кооперативных служащих», ставивший своей задачей «защиту и выяснение интересов служащих и рабочих в кооперативных учреждениях, а также содействие приобщению их к общепрофессиональному рабочему движению». № 1 помечен августом 1916 г., № 2 сентябрем, однако, № 2 вышел, судя по отметке о разрешении военной цензурой, только после 1 ноября. Были ли еще номера, мы не знаем: в Публичной Библиотеке мы могли достать только два №№ [2]).

На-ряду со страховыми и профессиональными органами были также кое-какие издания, обслуживавшие рабочую кооперацию.

В Петрограде с июня 1916 г. почти ежемесячно выходил журнал «Труд». В № 1 редакция обещала, ввиду отсутствия политической рабочей прессы, уделять возможно широкое внимание общественно-политическим вопросам и вообще всему, что вызывает интерес в рабочих массах. Однако все попытки в этом направлении неизменно подавлялись цензурой, и журнал пестрит белыми столбцами и даже страницами. Последний номер, который нам удалось достать,—шестой—вышел в конце 1916 или начале 1917 г. Редактором-издателем числился К. А. Пажитнов, в действительности один из членов редакционной коллегии. Кто еще входил в ее состав, мы не знаем. В журнале помещались статьи И. Волкова, К. Башкирова, Минина, И. Горя (Игорь, Горев?) и др.

Выходивший в Москве с 1911 г. (с 18 февраля) двухнедельный журнал «Объединение»—издание моск. Союза Потреб. Обществ—стал с 1916 г. обслуживать рабочую и городскую кооперацию, выделив область сельской кооперации новому журналу «Общее Дело». «Объединение» помещало не только кооперативный, но и кое-какой политический материал, стараясь осторожно проводить анти-оборонческую точку зрения (в духе меньшевиков-интернационалистов) [3]).

танный авангард рабочего движения (германская с.-д.) изменили своему credo, то чего уже тут стесняться всякого рода националистическим организациям, им-то сам бог велел»... Дальше следовали рассуждения о национализме в фармацевтической среде и об отношении ее к направлению журнала и союза. (см. в тексте).

[1]) Я. К. «Демонстративный уход» «Ж. Ф», № 10—12 (31—33) 1916 г.

[2]) По случайным причинам нам не удалось ознакомиться с нижегородским журналом «Судоходец».

[3]) См., напр., в № 2 кр. отчет о съезде французских социалистов, в № 14 статью о Карле Либкнехте, под заглавием «Сын своего отца», и др.

30 ноября 1916 г. «Объединение» было приостановлено администрацией. 16 апреля 1917 г. оно возобновилось и выходило, как орган Всероссийского Центрального Союза Потреб. Обществ.

Довольно многочисленных изданий губернских и областных кооперативных объединений и отдельных коопер. организаций мы не имели возможности просмотреть. В них можно, несомненно, найти материал для истории рабочей кооперации. Однако за неключением кое-каких сибирских кооп. органов, о которых речь будет ниже—з связи с историей сибирской социал-демократ. прессы вообще,—мы ни об одном из провинциальных кооперативных органов не имеем данных (архивных или иных) говорить, как о рабочем или социалистическом органе.

III.

В Сибири несколько раз в течение войны делались попытки поставить с.-д. газету или журнал. Кроме того, были некоторые предприятия не строго-партийные (напр., читинские издания), в которых соц.-демократы играли, однако, руководящую роль и которые потому заслуживают того, чтобы быть здесь отмеченными. С.-д. и близкие к с.-д. органы зарегистрированы нами в Иркутске, Чите и Ново-Николаевске. Если не ошибаемся, были также кое-какие начинания в Енисейской губ. и, может быть, в Верхнеудинске, которые следовало бы отметить; однако мы не имеем о них никаких определенных данных [1]).

В Иркутске в конце 1914 и в начале 1915 гг. вышло по одному номеру соц.-демократических органов: «Сибирский Журнал» (10 декабря) и «Сибирское Обозрение» (1 января). Оба №№ были конфискованы. Ответственные редакторы Ирина Федор. Тараданова и Ел. Симоновна Ромас судились и приговорены были к году крепости.

Журналы (точнее два номера одного журнала) были очень сочувственно встречены анти-оборонческими элементами русской социал-демократии. В «Нашем Слове» Мартов писал по поводу «Сиб. Журнала», что он «является светлой точкой среди серой русской периодической прессы наших дней. Да и одной ли русской? В социалистической печати других, кроме России, воюющих стран мы также не много найдем изданий, с такой ясностью и решительностью выразивших социалистическую точку зрения на войну, как это сделал орган сибирских товарищей» [2]).

Заграничный Секретариат Организ. Комитета [3]) в отчете, помещенном в № 2 «Бюллетеня» Интернацион. Социал. Комиссии [4]), писал: «Сосланные в Сибирь товарищи наши (Ф. Дан, Церетелли, Звездин) издали в Иркутске... два ярко выраженных интернационалистских еженедельника».

В аналогичных выражениях отзывался о журнале и кое-кто из большевиков. Я. М. Свердлов писал в частном письме (20 марта 1915 г.): «От товарища получил из другой ссылки «Северный Голос», питерский ликвидат. еженедельный орган, и «Восточное Обозрение», выходящее в Иркутске при участии Рожкова, Дана, Церетелли и др. Вот этот-то орган замечательно хорош по теперешним временам по духу своему, тону. Раньше у них

---

[1]) Не имея возможности получить минусинские и др. издания, мы не могли проверить неясных указаний документов.

[2]) «Наше Слово» № 25, Париж, 26 февраля 1915 г. Л. М. «Сибирские марксисты о войне».

[3]) П. Аксельрод, Мартов, Мартынов, Астров и Семковский.

[4]) И. С. К.—организационный центр циммервальдцев, находившийся в Берне (Р. Гримм, А. Балабанова и др.). Бюллетень выходил на немецком языке.

там вышел № 1 «Сибир. Журнала», но после первого же номера был закрыт. Возможно, что и «Вост. Обозр.» закроют. Хотя в журнале имеются, по моему, кое-какие нелепости, но общий характер крайне выгодно отличает *(ея или его? Ш. Л.)* от всей периодической печати» [1]).

После приостановления «Сиб. Журн.» и «Сиб. Обозрения» иркутские с.-д. литераторы не раз подумывали об издании нового органа. Уже в начале марта 1915 г. агент «Михайлов» передавал (со слов сотрудников журнала «Нар. Сибирь»), что «ирк. социал-демократы намерены вновь издавать газету, прикрытую администрацией, и они, якобы, подыскали для этой цели подставного редактора» [2]). 3-го июля, по сведениям агента «Далекого», состоялось собрание «правления» Ирк. орган. Р. С.-Д. Р. П. (о ней и о «Далеком» см. ниже) с Войтинским, которого «Далекий» называет делегатом группы с.-д. литераторов, проживающих в с. Усолье. Войтинский доложил, что предположено издание органа по образцу «Сиб. Журнала» и просил о поддержке нового органа деньгами «как для издания, так и для платы редактору во время отсидки, на что члены правления изъявили свое согласие [3]).

О подобных предположениях агентура сообщала, время от времени, до июня 1916 г., когда она констатировала, что группа с.-д. литераторов, за отъездом многих ее членов и т. д., распалась.

Независимо от этих попыток, в Иркутске, по агентурным сведениям, подготовлялась весною 1916 г. рабочая газета «Наш День».

27-го февраля агент «Медведев» сообщил, что «Наш День» будет выходить под редакцией социал-демократа Сечкина, служащего наборщиком в типографии Окунева. «Газета должна была печататься в типографии Окунева и выйти к 1 марта, но владелец типографии, не желая, чтобы газета печаталась у него, поставил такие условия, что издатели отказались печатать газету в его типографии, и таковая, наверное, будет печататься в типографии Белоголового». На другой день он сообщил, что газету предполагают выпустить 15 марта; однако 9 марта «Медведев» передал, что типография Белоголового еще не получила материала для газеты. Под 19-м марта в той же агентурной сводке записаны сведения другого сотрудника жанд. управления, носившего кличку «Зверев», следующего содержания: «Газета «Наш День», под редакторством наборщика Сечкина, должна выходить при сотрудничестве Малозовского, ссыльно-поселенцев Лебедева, Крута и других рабочих, а фактически редактором ее должен быть «Чужак»—Гудин, он же Насимович, управляющий типографией Серебреникова. Сотрудниками газеты должны быть исключительно рабочие, и они не хотят иметь сношений с местной литературной социал-

---

[1]) Дальше он возвращался к «Сев. Голосу»: «Досадно, что невозможно создать противовеса «Сев. Гол.», а необходимо бы это сделать. Хотя и он бледен, водянист, все же один на горизонте». Письмо, из которого взяты цитируемые строки, писано в Туруханске, Енис. г., 20 марта, в Москву. Подписано: «Як.». На принадлежность его Свердлову указывает нач-к енис. жанд. упр. в донесении от 31 июля 1915 г., за № 356. В пользу говорят и другие соображения. Копия письма и донесение находятся в деле Ос. Отд. № 5, ч. 25, л. Б. 1915 г. Свердлов ошибочно называет журнал вместо «Сибирского», «Восточным Обозрением».

Как видно из того же дела, Е. Стасова пересылала в три приема переписанное ею «Сиб. Обозр.» из места своей ссылки (Минусинский у.) в Канский уезд, той же Енис. губ. В деле имеется, м. пр., фотограф. снимок одного из этих писем. Факт любопытный для установления способов распространения по ссылке интернационалистской литературы. (Она же пересылала в другом письме тезисы Ленина.)

[2]) Особ. Отд. № 5, ч. 27, л. Б. 1915 г. Сводка агент. свед. по ирк. губ. жанд. упр. за март 1915 г., пункт 1-ый.

[3]) То же дело, сводка аг. свед. за июль, пп. 3 и 4.

демократической группой. Содержание газеты должно быть сдержанным, так как газету издатели-рабочие хотят сохранить от репрессий».

Через несколько дней выяснилось (сведения «Медведева» от 23 марта), что газета не выйдет, «так как редактор ее Сечкин призывается на военную службу». 7 апреля «Звере» также сообщил, что газета «Наш День» не выйдет, «так как типография, узнав, что она издается рабочими, отказалась печатать ее, и, кроме того, редактор Сечкин призван на военную службу» [1]).

Кроме легальных начинаний, было в Иркутске—в первой половине 1915 г.—и одно нелегальное.

18 апреля вышел первый номер, 18 июня—второй номер подпольной соц.-дем. газеты «Товарищ Пролетария» [2]).

Газета была органом (нелегального, конечно) Союза Сибирских Рабочих,—организации, возникшей в Иркутске в апреле 1915 г., или, во всяком случае, в это именно время проявившей первые признаки деятельности. В конечном счете Союз стремился стать общесибирской организацией, и в обращении, напечатанном в № 2-ом «Тов. Пролетария», писал, например: «Пусть не останется ни одного завода или предприятия в Сибири, где бы не было нашей союзной ячейки». Некоторые связи с другими сибирскими городами у Союза, видимо, были: в денежном отчете Союза отмечены небольшие, правда, поступления не только от иркутских и соседних черемховских, но и от верхнеудинских и читинских товарищей. № 1 «Тов. Пролетария», отпечатанный в 300 экземплярах, распространен был, согласно отчета, в Чите, Верхнеудинске, Томске, Новониколаевске и т. д. Однако нет никаких оснований полагать, что у Союза были отделения или группы где-либо, кроме Иркутска и Черемхова; притом черемховцы, которые, по агентурным данным, были сначала организационно связаны с Союзом, потом, по тем же агент. сведениям, порвали с ним всякую связь [3]).

---

[1]) Все сведения о газете «Наш День», цитированные нами, находятся в д. Ос. Отд. № 5, ч. 27, л. Б., 1915 г. Сводки агент. сведений за февраль, март и апрель 1916 г. О «Медведеве» мы не имеем сведений. О «Звереве» в докладе Заварзина читаем, что он работает с октября 1915 г. «Крестьянин, бывший поселенец, по процессу «Виленского Комитета Российской Социал-Демократической рабочей партии», ремесленник, еврей, имеет обширные связи среди местных с.-д., а также с нижними чинами гарнизона. Производит впечатление еще не вполне искреннего и выработанного сотрудника». «Сотрудник может быть полезным, но содержание его 150 рублей в месяц не соответствует приносимой им пользе».

В «сведениях» Балабина о «Звереве», между прочим, сказано: «Выдающихся сведений не дал, приобретен, когда уже организация была ликвидирована. Имеет крепкие связи с наиболее активными социал-демократами (сообщает, повидимому, не все, что знает,—проверяется)». Ос. Отд. № 1, ч. 27, л. Д., 1915 г.).

[2]) Содержание № 1: На старый путь.—Первое мая.—Союз за чужой счет.—Неотложная задача.—Обзор.—От редакции.—4 стр. в два столбца.

Содержание № 2: Товарищи.—Во второй всероссийской революции.—Интернационал.—Перед судом буржуазии.—О неотложной задаче.—Дороговизна и рабочие.—К выступлению Италии.—Пауки и мухи.—Темные силы.—По Сибири.—Отчет Союза Сибирских Рабочих.—Отчет Иркутской группы С. С. Р.—6 стр. в два столбца.

[3]) Приводим сведения сотрудника, носившего охранную кличку «Далекий», от 11-го июля 1915 г. Ос. Отд. № 5, ч. 27, л. Б., 1915 г., сводка агент. свед. за июль: «10 июля из Черемхова приезжал неизвестный от черемховской организации (жанд. управление поясняет тут же, что, судя по приметам неизвестного, сообщенным агентурой, это—ссыльно-поселенец Николай Семенович Атабеков. *Ш. Л.*) и в помещении общества «Знание» виделся с «Прокопием» (один из руководителей Союза Сиб. Рабочих, Прокопий Учужанин, оказавшийся беглым сс.-пос. Сем. Филипп. Васильченко. *Ш. Л.*), коему объявил, что Черемховская организация социал-демократов прекращает всякие сношения с «Союзом Сибирских Рабочих», а затем этот неизвестный обратился

Что представлял Союз и его орган в идейном отношении? Бесспорно,—определенно и ярко интернационалистскую организацию. Нелегко более точно определить его физиономию. Этому, прежде всего, мешает путанное представление агентов об идейных разногласиях в среде иркутских социал-демократов. Под влиянием агентурных сообщений, у иркутских жандармов, в конце концов, установился взгляд, что Союз Сиб. Рабочих состоял из противников войны и ставил себе одной из главных целей пропаганду в войсках, в то время, как члены другой группы, так назыв., «Иркутской организации Р. С.-Д. Р. П.» находили, будто бы, необходимым «довести войну до победоносного конца» [1].

Это верно относительно Союза, но не относительно «Ирк. орг.», так как совершенно противоречит тому, что нам положительно известно о тогдашних взглядах и деятельности некоторых партийных работников, входивших, по данным агентуры, в эту организацию, да и о всей организации в целом, поскольку вообще можно говорить о строго оформленной организации в применении к этой второй иркутской с.-д. группе.

Вопрос об отношении «Союза Сиб. Рабочих» и «Ирк. орг.» приходится признать пока неясным. Нельзя не высказать пожелания, чтобы он был разъяснен участниками этих групп.

Повидимому, Союз был близок к большевикам; в пользу этого говорит характер статей «Товарища Пролетария». Если из чтения их выносишь не совсем такое же впечатление, какое, скажем, производят женевский «Социал-демократ» или петербургский «Пролетарский Голос», то это может быть отнесено отчасти за счет оторванности Сибири,—да и не одной Сибири,—от заграницы и Петрограда [2].

к Иванову («Ивановым», по жанд. сведениям, из конспиративных соображений именовался сс.-пос. Евг. Алексеевич Преображенский. *Ш. Л.*), Здзярскому (сс.-пос., нелегально живший по паспорту Владислава Ковальского. *Ш. Л.*) и Бабушкину, бывшим в обществе «Знание», чтобы выбрать делегатов от «Иркутской организации Российской Социал-Демократической Рабочей Партии» (так, по агентурным сведениям, называлась существовавшая параллельно с Союзом Сибирских Рабочих организация, во главе которой, будто бы, стояли Мирослав Здзярский, Е. А. Преображенский, Ефим Адрианович Бабушкин, Вас. Ефим. Евдокимов и др. *Ш. Л.*), Черемховской и рабочих фабрик Перевалова для обсуждения вопроса об объединении названных трех организаций и конференция этих делегатов может состояться на будущей неделе».

Потом «Далекий» сообщил, что конф. состоится 19-го и что из Иркутска поедет Бабушкин. За Бабушкиным было учреждено наруж. наблюдение, сопровождавшее его 19-го в Черемхово, но конф. не состоялась, ибо в Черемхове в ночь на 16-ое июля была произведена ликвидация.

Это—версия агентуры и жандармов о разрыве Черемхова с Союзом и попытках создать другое объединение.

О разногласиях между Союзом и черемховцами дают понятие помещенные в № 2 «Тов. Пролетария» корреспонденции из Черемхова (в отделе «По Сибири», стр. 5) и примечание к ней «От редакции».

Черемховская группа, несомненно, руководилась меньшевиками. О направлении Союза см. в тексте.

[1]) Ос. Отд. № 167, ч. 27, 1915 г. Вх. № 37714. Доклад начальника иркутского жанд. упр. от 31 октября 1915 г. (уже после разгрома союза). Указавши на отношение «Ирк. орг. Р. С.-Д. Р. П.» к войне, автор доклада писал: «В состав организации входит около 30 человек; управлению они известны, ликвидация не производится вследствие полного бездействия этой организации; при первых же попытках проявить активную деятельность организация будет ликвидирована».

[2]) Напр., «Тезисы» Ленина (осень 1914 г.), известные в Москве и Петрограде через два—три месяца после их появления, в Сибири многим ссыльным большевикам не были еще известны весною 1915 г.

Нужно также отметить, что вопросы о II и III Интернационалах, о центре, о гражданской войне и социальной революции и т. д. в письмах многих большевистских деятелей в России не играли еще тогда той роли, какую они с первых дней мировой войны стали играть у Ленина, Зиновьева и др. за границей, а в России особенно ярко у петроградских большевиков.

Союз просуществовал около $3^1/_2$ месяцев и успел выпустить, кроме двух №№ газеты, несколько прокламаций. Настойчивые попытки жандармов раскрыть организацию довольно долго не имели успеха. Департамент полиции начинал проявлять нетерпение. 30 июня он особой бумагой предлагал полк. Балабину (нач. ирк. жан. упр.) «принять меры к скорейшему выяснению тайной типографии и к пресечению преступной деятельности социал-демократических организаций», а также донести, почему за этими организациями не велось в мае месяце наружного наблюдения (об этом деп. полиции знал из майского «отчета» ирк. жанд. управления, поступившего в департамент 25 июня; этот «отчет» и вызвал цитируемое нами предписание).

Балабин объяснил, что весь немногочисленный, по условиям военного времени, штат филеров в мае занят был по подготовке ликвидации редакционного коллектива [1]), издававшего легальные органы: «Народная Сибирь» и «Оттолоски Жизни».

«На ряду с этим наличная секретная агентура управления по Социал-Демократической Рабочей Партии оказалась несостоятельной, в виду строгой замкнутости и конспирации, какую выказала при своем возникновении организация «Союза Сибирских Рабочих», владеющая типографией и насчитывающая всего десять членов [2]) и это обстоятельство вынудило принять меры к приобретению новой агентуры, что ныне и выполнено».

«К сему присовокупляю,—писал полк. Балабин,—что в настоящее время ведется разработка по подготовке ликвидации названной организации, как наружным, так и внутренним наблюдением, и таковая ликвидация будет произведена тотчас по выяснении места нахождения тайной типографии, что затрудняется ограниченным количеством агентов, возникновением, на ряду с названной организацией «Союза Сибирских рабочих», новой Иркутской организации Российской Социал-Демократической Рабочей Партии, более многочисленной, чем первая, и тем, что многие из серьезных наблюдаемых, имея велосипеды, выезжают на таковых за город, где может находиться тайная типография,—без наблюдения, ибо в Отделении нет велосипедов.

Последнее обстоятельство вынудило меня по телеграфу ходатайствовать перед департаментом полиции о разрешении приобрести два велосипеда».

Это писалось 13-го июля [3]).

Говоря о приобретенной новой агентуре, полковник Балабин имел в виду поступившего недели за две до этого на службу секретного сотрудника Михаила Викурк (крестьянин гмины Богцинин, Пинчовского уезда), носившего в жанд. управлении кличку «Далекий».

«Далекому» удалось распутать дело не вследствие непосредственных связей с «Союзом Сибирских Рабочих»—он их не имел,—а благодаря его близости к Ирк. организации (судя по всем данным, к члену ее—ссыльно-поселенцу Мирославу Здзярскому).

В «сведениях о секретной агентуре Иркутского губернского жандармского управления к 18 октября 1916 года», которые составлены были полк. Балабиным для ревизовавшего управление полковника Заварзина, о «Далеком» сказано, между прочим: «По его сведениям в г. Иркутске 20 июля 1915 г. ликвидирован «Союз Сибирских рабочих Росс. Соц.-Дем. Раб. Партии», взята типография союза, арестовано 24, все привлечены к следствию по 102 ст. [4]).»

---

[1]) Народнического. *(Ш. Л.)*

[2]) Потом он называл цифру—30. *(Ш. Л.)*

[3]) Предписание деп. полиции и разъяснения Балабина в Особ. Отд. № 5, ч. 27, л. В., 1915 г.

[4]) Ос. Отд. № 1, ч. 27, л. Д, 1915 г. За эту ликвидацию «Далекому» выдана была награда в 100 рублей.

Усилиями «Далекого» был установлен состав руководящей группы «Союза»: она названа в деле «правлением» и состояла, по убеждению жандармов, из Прокопия Захаровича Учужанина или Учужанинова (впоследствии выяснилось, что этим именем пользовался беглый ссыльно-поселенец Семен Филиппович Васильченко), Михаила Петровича Жакова, Дмитрия Петровича Трофимова и Берека Хильева Мендельсона.

Им был также дан и ряд других, важных, с точки зрения розыска, указаний; наконец, благодаря «Далекому», удалось выследить 19-го июля собрание членов «Союза», происходившее в местности «Звездочка».

Организация могла бы быть взята тут же на собрании. Однако, полк. Балабин, по разным причинам, предпочел, чтобы участники собрания «разведены» были наблюдением по квартирам, после чего—в ночь на 20-е июля—у всех известных жанд. управлению членов «Союза» были произведены обыски.

При этом «в доме... по Амурской улице, принадлежащем городу, в помещении, занимаемом Иркутской городской лабораторией, которой заведует датчанин Гуго Христофорович Янсен, в комнате, где хранятся шкафы с лабораторными инструментами и приборами, а равно производятся лабораторные работы и где, между прочим, помещается вышеназванный ссыльно-поселенец Михаил Жаков,—обнаружена тайная типография «Союза Сибирских Рабочих» с образцами всех... революционных изданий, отпечатанных на ней, [1]) около трех пудов шрифта, кассы, рукописи и отчеты, а также наборы газеты «Товарищ Пролетария» и начатого печатанием... воззвания: «Открытое письмо к социал-демократам г. Иркутска», при чем в той же комнате застигнут и вышеназванный член правления иркутского просветительного общества «Знание»—Учужанинов» [2]).

Арестованы были, кроме названных выше Учужанина, Жакова, Мендельсона и Трофимова, завед. гор. лабор. Г. Х. Янсен, Софья Абрамовна Невельсон, Татьяна Григорьевна Васильева, Ив. Павл. Сенчугов, он же Люблинов, и Гасин; Сенчугова, она же Васильева (жена И. П. Сенчугова, дочь Т. Г. Васильевой), Мих. Андр. Яковлев, Ш. Ф. Гуревич, Мих. Павл. Панкратов (привлекался незадолго до этого по делу с.-р. типографии, разошелся со своими прежними товарищами в вопросе о войне), Д. И. Моисеенков (привлекался ранее вместе с Панкратовым), А. К. Колесникова, П. А. Коваленко, С. Л.

В сентябре того же года мы находим «Далекого» в числе сотрудников томского губ. жанд упр. с окладом в 60 р. (Тот же оклад он получал потом, а также, вероятно, и в начале, в ирк. жанд. упр. Томский жанд. полковник назначил его в Барнаул (Ос. Отд. № 1 ч. 82 л. Д., донесение от 22 сентября).

Но 5 декабря он донес, что «Далекий» исключен из числа сотрудников, так как до этого времени не явился в Барнаул. К этому он добавлял: «Далекий» работал раньше в Иркутске, откуда он, по его словам, выехал, боясь провала. На телеграфный запрос, заслуживает ли «Далекий» доверия, начальник иркутского губернского жандармского управления ответил утвердительно, а потому мною было выдано ему 20 рублей вознаграждения с 20 сентября по 1-е октября и 10 рублей на дорогу до Барнаула».

Образ действий начальника томского жанд. упр. по отношению к «Далекому» вызвал сомнения в департ. полиции. На донесении имеется пометка: «Таким образом он многих может обездолить». (То же дело).

«Далекий» потом вернулся в ирк. губ. жанд. упр. В списке от октября 1916 г. о нем сказано, что он живет в Верхоленском у., в с. Тутуре, и освещает верхоленскую ссылку.

[1]) 2 №№ «Товарища Пролетария», первомайское воззвание «Товарищи пролетарии»... и «К солдатам и новобранцам». *(Ш. Л.)*

[2]) Обществом «Знание» члены «правления» Союза пользовались для своих собраний, в нем Учужанин, будто бы, хранил издания «Союза» после их напечатания. *(Ш. Л.)*

Ос. Отд. № 5, ч. 27, л. Б, 1915 г. № 22474. Доклад н-ка ирк. губ. жанд. упр. от 31 июля 1915 г.

Коваленко (жена П. А.), П. П. Богуславская, Г. М. Полежаев, А. К. Глушков, М. М. Бирман, Г. А. Зусман, Ф. А. Саютин и некоторые другие. После этого нелегальная с.-д. газета более в Сибири не возобновлялась.

В общем, таким образом, иркутским социал-демократам (разным группам) удалось выпустить во время войны всего 2 №№ легального журнала и 2 №№ нелегальной газеты.

Кроме того, агентурные сводки сохранили следы каких-то переговоров и приготовлений, которые велись иркутскими же деятелями с читинскими о создании общего органа в Чите, а также той поддержки, которую оказывали из Иркутска всем читинским начинаниям.

В ряду начинаний мы отметим, прежде всего, еженедельный кооперативный журнал «Наше Дело», появившийся еще до начала мировой войны, 16-го мая 1914 г. (№ 1—2).

Журнал ставил своей задачей всестороннее освещение вопросов кооперации—теоретическое и практическое. Находя при этом, что «кооперативное движение органически связано с движением общедемократическим, как часть с целым», редакция считала «необходимою постановку вопросов чисто кооперативного характера в этой именно неразрывной связи с вопросами общего характера» [1]).

Что такой взгляд редакции на задачи журнала встречал оппозицию в части членов забайкальского товарищества кооперативов, издававшего журнал, видно из одного агентурного сообщения, относящегося к концу февраля 1915 г. В то время в Чите происходил областной кооперативный съезд, о котором агент «Цветков», между прочим, передавал: «На-днях должен дебатироваться вопрос о местном кооперативном органе-журнале «Наше Дело», прения будут носить горячий характер; намечается два течения: одно с Дубовым [2]) во главе,—дальновокзальцы рабочие будут настаивать на необходимости преобладания партийной социал-демократической окраски журнала; другое течение—представители кооперативов из области будут высказываться о необходимости отбросить всякую партийную окраску, так как журнал должен обслуживать чисто профессиональные цели кооперации» [3]).

Читатель согласится, что это несколько напоминает обстановку, в которой приходилось работать редакции петроградского профессионального органа «Жизнь Фармацевта». Там редакция старалась проводить свою линию, опираясь, по ее собственному признанию, на меньшинство служащих-фармацевтов; здесь редакцию кооперативного журнала, в ее стремлении расширить рамки журнала, трактовать задачи кооперации в связи с общими задачами демократии, понимаемыми в духе социал-демократии, поддерживали входившие в кооперативное объединение рабочие. В обоих случаях (это не исключительные случаи) издание выражало мнение лишь наиболее радикальной части тех общественных кругов, органом которых оно официально являлось.

«Наше Дело» просуществовало немногим менее года, выпустив всего 43 №№ (30 номеров в 1914 г. и 13—в 1915 г.).

В политическом обзоре по району Восточной Сибири, препровожденном нач. ирк. г. жанд. упр. полк. Балабиным в департамент полиции 28 июля 1915 г., было уделено место и закрытому уже к тому времени «Нашему Делу». Автор обзора писал: «В Забайкальской

---

[1]) См. часто повторявшееся в журнале объявление о подписке.

[2]) Илья Арсеньевич Дубов, очень популярный, по словам агентуры, в читинских кооперативных кругах. В 1907 г. привлекался к дознанию «О С.-Петербургской городской железнодорожной организации Р. С.-Д. Р. П.». Суд. палата дознание в отношении Дубова прекратила 14 июня 1910 г.

[3]) Ос. Отд. № 5, ч. 26, л. Б, 1915 г. Сводка агент. свед. по Чите за февраль 1915 г., пункт 7-ой, свед. от 25 февраля.

области в период времени с 1 января сего года по 1 июня вполне определенных проявлений революционного характера не было и местные революционные элементы, принявшие участие в общественных делах, проявляли свою деятельность приданием этим делам известной революционной демократической тенденциозности, при чем таковыми проявлениями были:

1. Деятельность «забайкальского товарищества кооперативов», во главе коего стоял бывший член 2-й [1]) Государственной Думы Авив Александрович Войлошников, социал-демократ меньшевик, захвативший в свои руки почти диктаторскую власть в местных кооперативах и окруживший себя помощниками сотрудниками такого же направления, и издание названным товариществом журнала «Наше Дело», которым сперва руководил крестьянин из ссыльных... социал-демократ Василий Николаевич Соколов, служащий в статистическом отделе забайкальского переселенческого района, а с января этим журналом стал руководить приехавший по приглашению Войлошникова крестьянин из ссыльных... Николай Александрович Рожков, бывший приват-доцент Московского Университета, известный социал-демократ. Для пресечения вредной деятельности названных лиц в ночь на 8-е апреля сего года Рожков и Войлошников были обысканы; Рожков был привлечен к судебному следствию в качестве обвиняемого по 132 ст. Угол. улож., Войлошников к охранной переписке в качестве лица заподозренного, а журнал «Наше Дело» по постановлению иркутского генерал-губернатора 27-го апреля закрыт на все время военного положения» [2]).

Другим проявлением «револ.-демократ. тенденциозности» полк. Балабин считает издание в той же Чите, «при материальной поддержке местных врачей Евмения Лаврентьевича Бородина, Михаила Исаевича Шергова и врачебного инспектора Александра Васильевича Воскресенского, социал-демократического направления [3]) газеты «Восточная Сибирь», сотрудниками коей состояли исключительно ссыльно-поселенцы, осужденные за государственные преступления, а редактором и главными руководителем ее до конца января сего года состоял беглый политический ссыльный из Якутской области, нелегальный Николай Владимирович Бешляга, успевший скрыться до ареста в конце января сего года. Газета эта прекратила свое существование за недостатком материальных средств» [4]).

«Восточная Сибирь» начала выходить в декабре 1914 г. Первым ее редактором был не Бешляга, а Михаил Григорьевич Станиславский, по имеющимся у нас сведениям,—

---

[1]) Ошибка: третьей. *(Ш. Л.)*

[2]) Ос. Отд. № 175, 1915 г., вх. № 21902. Любопытно сопоставить с общими соображениями нач. жанд. управления о характере деятельности в Сибири «революционных элементов»—впечатление, вынесенное из поездки по Сибири полк. Заварзина (указанный выше доклад):

«Из осмотра дневников и данных мне сведений при свиданиях с секретными сотрудниками усматривается, что в Иркутске, губернии и районе, в настоящее время (доклад датирован 26-м октября 1916 г. *Ш. Л.*) подпольных революционных организаций не существует, но наличность массы политических преступников, отбывающих поселение, административную высылку и перечисленных из крестьян, дает особый характер всем легальным институциям, преследующим пока просветительные и профессиональные цели. Среди означенного элемента и местного общества в настоящий момент, вследствие возрастающей дороговизны, наблюдается крайнее неудовольствие в отношении правительства, местной власти, правительственных организаций, созданных для борьбы с дороговизной, и купечества. Кооперативы же продолжают пользоваться доверием и на них возлагают надежды. В Иркутске и Сибири кооперативные и потребительные общества находятся в руках социал-демократов, среди коих значительная часть придерживается «пораженческого направления». (Ос. Отд. № 1, ч. 27, л. Д). То же самое почти Заварзин пишет о забайкальской обл. (Ос. Отд. № 1, ч. 26, л. Д, 1915 г.).

[3]) Ежедневной. (*Ш. Л.*)

[4]) Ос. Отд. № 175, 1915 г., вх. № 21902.

социалист-революционер. Как сообщает «Цветков», он очень поправел со времени войны, хотел итти добровольцем, но не был принят по слабости здоровья. Вскоре после появления газеты, М. Станиславский покончил жизнь самоубийством. После него газету некоторое время редактировал Н. Бешляга; об этом донес «Цветков» 20 января, указавши, что перу Бешляги принадлежат «яркие социал-демократические передовицы» от 9-го и 12-го января, «граничащие с почти явным призывом рабочего класса к политическим выступлениям, в особенности первая статья».

О «крайне вредном направлении передовых статей» местный жандармский ротмистр Булахов доложил забайкальскому военному губернатору, а тот вошел с представлением к иркутскому генерал-губернатору о закрытии «Восточной Сибири». Кроме того, военный губернатор вызвал 26 января редактора и некоторых сотрудников газеты «для соответствующих внушений» [1]).

Узнав об этом и опасаясь, что Бешляга может скрыться, ротмистр Булахов тотчас же отправил на извозчике наряд в квартиру Бешляги для его обыска и задержания, но оказалось, что Бешляга рано утром в тот же день ушел и в квартиру более не возвращался.

Впоследствии властям удалось установить (усилиями «Цветкова», главным образом, если не исключительно),—сначала, что под именем Бешляги проживал в Чите в течение ряда лет бежавший из Киренского уезда, Иркутской губ., ссыльно-поселенец Гавриил Григорьевич Кощенко, а потом, что Кощенко живет в Иркутске под своей настоящей фамилией. В марте 1916 г. «Бешляга»-Кощенко был в Иркутске арестован.

Таким образом, в апреле и мае 1915 г. закрылись в Чите оба с.-д. органа: ежедневная газета «Восточная Сибирь» и еженедельный кооперативный журнал «Наше Дело».

В конце сентября «Цветков» сообщил о предстоящем—5 октября—выходе нового органа «Забайкальское Обозрение», издателем которого будет Дубов; сотрудничать будет Рожков.

После выхода первого номера «Забайк. Обозр.» «Цветков» сообщил, что оно по своему направлению и составу сотрудников будет продолжением «Нашего Дела». «Редактором состоит Дубов, который очень боится за судьбу своего издания; материал для первого выпускного номера обсуждался и составлялся в забайкальском товариществе кооперативов особой коллегией, при участии Войлошникова и Соколова».

Эти сведения были доложены военному губернатору.

Через месяц «Цветков» донес, что направление «Заб. Обозр.» «с каждым номером становится все более крайним: Дубов говорит, что он и его сотрудники иначе писать не могут, так как все они принадлежат к «пораженцам».

О направлении «Заб. Обозр.» вновь доложено было жандармами военному губернатору.

В январе «Цветков» сообщил о разладе в редакции: «Редактор Дубов хочет отказаться от издательства, так как Соколов, пишущий передовые статьи, требует придания газете строго социал-демократической окраски в ущерб кооперативных задач». Трудно сказать, насколько верно это известие. Вспомним, что, по данным того же «Цветкова», Дубов, будто бы, ратовал за год, приблизительно, до этого за придание такого именно с.-д. характера кооперативному журналу «Наше Дело», и что, по сведениям «Цветкова» от ноября месяца, становящееся все более крайним направлением «Забайк. Обозр.» зависело от «пораженческих» взглядов Дубова и его сотрудников.

В тех же январских сведениях указывается, что «в «Заб. Обозрении» теперь играет большую роль бывший инспектор мелкого кредита в забайкальской области Богданов,

[1]) Представление его о закрытии газеты последовало много позже—21 февраля.

бурят по происхождению: он стоит во главе прогрессивного бурятского движения в Цугольской волости, где он и живет».

«Забайкальское Обозрение» прекратилось в марте 1916 г.

В октябре в агентурных сведениях снова встречается упоминание о «нарождающейся» газете, на этот раз под названием «Кооперативного Слова», при чем фактическими редактором ее должен был, по словам «Цветкова», быть новый секретарь забайк. товарищества кооперативов—В. А. Анисимов (б. чл. 2-ой Гос. Думы). Но и «Кооперативное Слово» не вышло [1]).

Около этого времени в другом сибирском центре—Ново-Николаевске—появилась ежедневная газета «Голос Сибири», которой суждено было дожить до революции.

Первые агентурные сведения об имеющей выйти газете получены были в местном жанд. управлении в августе 1916 г. от секретного сотрудника «Ивана».

«Разработкой этих сведений было установлено, что хотя издательницей газеты числится женщина-врач Елена Васильевна Городнянская-Мокротоварова, но в действительности это издание основано на паях, при чем пайщиками состоят врачи, купцы, члены городской думы и другие лица прогрессивного направления» [2]).

IV.

Особые условия политической жизни Сибири позволили тамошним социал-демократам выступить с изложением своих взглядов на страницах прессы значительно раньше, чем это удалось сделать в провинциальных городах Европейской России: здесь лишь в начале августа 1915 года появился рабочий политический орган; это была саратовская «Наша Газета», вышедшая первым номером 8-го августа.

«Наша Газета» была одним из немногочисленных легальных большевистских органов военного времени. Поскольку можно судить на основании тех материалов, которыми мы располагали, газета своим возникновением обязана была, главным образом, деятельности кружка социал-демократов, во главе которого стояли: Петр Александрович Лебедев, Владимир Павлович Антонов и Георгий Ипполитович Ошоков (псевдоним: «А. Ломов»), а, может быть, и еще кто-либо.

Из одного полицейского документа сводного характера, подводившего итоги политической работе этих лиц в Саратове [3]), мы заимствуем некоторые данные о подготовке ими в течение 15-го года легальной рабочей газеты.

---

[1]) Ос. Отд. № 5, ч. 26, л. Б. 1916 г. Сводки за май и октябрь.

О неоднократно упоминающемся в тексте агенте «Цветкове» полк. Заварзин (ревизор) сообщает следующие сведения: «33 лет от роду, литератор, получает 100 рублей в месяц, приобретен подполковником Булаховым в 1913 году. В прошлом он привлекался к административной переписке, как член читинского комитета Р. С.-Д. Р. П. и был выслан за границу, где проживал в Женеве и Лозанне. Имел связи с Богдановым и другими эмигрантами, преимущественно принадлежащими к упомянутой партии. В настоящее время он занимает видное положение в местной газете «Забайкальская Новь», пишет статьи по потребительному кооперативу и фельетоны. Сотрудник весьма полезный, вращается в среде верхов «союза забайкальского кооперативного общества», и несомненно, будет в курсе всех событий, могущих интересовать розыск». (Ос. Отд., № 1, ч. 26, л. Д, 1915 г., доклад от 4 ноября 1916 г.).

[2]) Ос. Отд. № 5, ч. 81, л. Б, 1916 г., л. 5-й. Донесение нач. томского губ. жанд. управления от 3 декабря 1916 г. за № 23001.

[3]) «Постановление» начальника сарат. губ. жанд. упр. полковника Федоренко по делу Лебедева и других, от 23 декабря 1915 г. 5 делопроизв. № 38, часть I, 1916 г., п. 6 и след.

В марте 1915 года в саратовском жандармском управлении были получены первые сведения о том, что при местном просветительном обществе «Маяк» организуется, под руководством П. А. Лебедева (прис. поверенный) и В. П. Антонова (пом. прис. пов.), марксистский кружок. В целях организации кружка Антонов и Лебедев стали завязывать, по этим сведениям, связи с рабочими фабрик и заводов. Затем, с целью скорейшего объединения рабочих, они начали изыскивать средства для издания в Саратове рабочей газеты. Перед первым мая они настаивали на выпуске прокламаций с призывом к забастовке в день рабочего праздника. «Прокламации, однако, выпущены не были, так как агитация Антонова и Лебедева среди рабочих особого успеха не имела. Далее Антонов и Лебедев всеми силами стали содействовать притоку рабочих в «Маяк», что им и удалось, и вскоре рабочие, главным образом портные и типографы, наводнили «Маяк», вытеснив из него бывших там прежде разных мелких служащих; вообще наплыв рабочих в «Маяк» изменил и характер самого «Маяка», ставшего чисто рабочим учреждением, вместо прежнего его характера исключительно просветительного общества» [1]).

В июне 1915 г. к группе Лебедева и Антонова присоединился высланный административно из Москвы помощник прис. поверенного Г. И. Ошоков. «С его появлением работа по организованию марксистского кружка несколько более оживилась, и в июне месяце из «Маяка» выделилась группа рабочих, преимущественно портных и типографских служащих, которая и стала устраивать сходки за городом под руководством самого Ошокова. В группе этой, в числе других лиц, появился... Георгий Дорчиев Курулов [2]). На означенных сходках какой-либо систематической работы не велось, и все ограничивалось лишь разговорами и обменом мнений по поводу прочитанного в левых газетах и критикой правительства. Вместе с тем Ошоков сообщал также присутствовавшим о происходивших в разных местах Империи забастовках; агитировал также и о необходимости, в целях скорейшего объединения рабочих, издания в гор. Саратове рабочей газеты. Необходимые для этого средства должны были быть собраны участниками этого кружка, а также и в обществе «Маяк».

Стараниями всех упомянутых лиц в Саратове с августа месяца стала, действительно, издаваться рабочая газета, под названием «Наша Газета». Издателем ее числился Нацаренус» [3]).

Насколько точны и достоверны изложенные в цитированном документе сведения? Мы полагаем, что многое в нем должно быть признано заслуживающим доверия и в том числе указание на крупную роль в этом деле Лебедева, Ошокова и Антонова. Установить участие в газете Г. И. Ошокова очень легко, так как в разных номерах имеются статьи, подписанные его обычным (сокращенным, впрочем) псевдонимом «А. Л-ов.», т.-е. Ломов. Но и участие в ней Лебедева и Антонова, видимо, не составляло—по крайней мере впо-

---

[1]) В особом докладе об обществе «Маяк», препровожденном в департамент полиции в декабре 1915 г., начальник жанд. упр. писал: «При других условиях названное общество за указанное уклонение от своего прямого назначения подлежало бы закрытию, но, принимая во внимание, что вся его деятельность прекрасно освещается агентурой вверенного мне управления, представляется желательным сохранение его дальнейшего существования». Ос. Отд. № 5, ч. 68, л. Б, 1915 г., вх. № 36767.

[2]) У нас нет, в сущности, оснований считать упоминаемого здесь и в других местах Курулова лицом, близким к газете, а тем более игравшим в ней сколько-нибудь значительную роль. Однако, он был привлечен к охранной переписке вместе с Лебедевым и другими, так как был, видимо, одним из активных участников их кружка; имя его в «переписке» постоянно фигурирует рядом с их именами; понятно, что мы не можем не говорить о нем в соответствующих местах. (*Ш. Л.*)

[3]) Сергей Петрович.

следствии—большого секрета. Сошлемся хотя бы на следующие слова в телеграмме, посланной в марте следующего года советом присяжных поверенных членам Гос. Думы от саратовской губернии: «Постановлением министра внутренних дел высылаются в иркутскую губернию прис. пов. Лебедев, помощники Антонов и Опоков. Предполагают что поводом служит участие в закрытой газете «Наша Газета» [1]).

Из числа большевистских деятелей близкое участие в газете принимали, кроме названных выше, еще А. Витимский (М. Ольминский-Александров) и М. Фабричный [2]).

Любопытно—для выяснения отношения к газете партийных кругов—письмо депутата Г. И. Петровского: «К вашей газете тов. ссыльные относятся очень и очень сочувственно и совсем отрицательно к самарской, правда, для вас этого мало, но мы, ссыльные, только на это богаты. Здесь на вашу газету очень большой спрос. Мы, пятеро депутатов, выписали один экземпляр, но он у нас на-расхват» [3]).

О распространении «Нашей Газеты» мы имеем также некоторые данные.

В донесении вр. и. д. начальника сарат. жанд. управления от 1 сентября указывалось, что газета «выходит в количестве 2000 экземпляров, из коих около 1500 экземпляров распространяется среди местных рабочих и мелких служащих и 500 рассылается для распространения среди рабочих в гор. Самару, Москву, Кострому и др. города» [4]).

В письме, написанном по поручению редактора и издателя газеты в Нижний-Новгород 7 октября (значит, через месяц с лишним после приведенного жандармского донесения), названы значительно бо́льшие цифры: «Уделить всю последнюю страницу Нижн.-Новгороду,—читаем мы в письме,—редактор не может на таких условиях. Тираж «Нашей Газ». около 4000 экз., из котор. более 2000 идет за предела миг. Саратова; поэтому, уделив последнюю стр. одному Н.-Н., ред. вместе с тем обездолит мн. др. города. Я полагаю, что для Вас была бы не безвыгодна такая комбинация. Вы заказываете «Н. Г-е» вкладной лист и посвящаете его исключительно Ниж.-Новг., но оплачиваете все расходы по его изданию. Конечно, такая история обойдется не дешево. Если Вы пожелаете, я узнаю и напишу о финансовой стороне. Думаю, что большой лист обойдется около 25 руб.» [5]).

Газета, как видит читатель, чуть ли не с первых дней своего существования обнаружила тенденцию к превращению в общероссийский орган. Однако превращение это не совсем успело осуществиться: об этом позаботилась саратовская администрация.

Уже 1 сентября—после выхода первых номеров—временно исп. об. начальника жанд. управления писал, что газета «с первого же номера явно стремится к возбуждению ра-

---

[1]) То же дело.

[2]) Псевдонимом «А. Вит.» подписан в газете целый ряд статей. Посылая в октябре из Енисейска статью в «Нашу Газету», ссыльный депутат Г. И. Петровский просил дать ее предварительно для просмотра А. Вит. Однако, в делах департ. полиции мы не нашли никаких указаний на участие А. Витимского в редактировании газеты и вообще на его присутствие в Саратове. Вопрос приходится признать открытым.

[3]) Копия письма—в Ос. Отд. № 5, т. 3, 1915 г., вх. № 32829. Письмо состояло из статьи «Из далекого севера» и цитированной в тексте приписки. Из Енисейска оно отправлено было 13 октября 1915 г., а в Саратов прибыло уже после приостановления «Нашей Газеты» и было задержано военной цензурой.

Посылка Петровским и ссыльным Мгеладзе статей в «Нашу Газету» послужила поводом к производству у них (в Енисейске) обысков. См. «Наш Голос», № 913, 2 марта 1916 г., заметка «Ссыльные депутаты».

[4]) То же дело, вх. № 25048.

[5]) То же дело, вх. № 29375. Письмо было адресовано А. Н. Родионову, бывшему студенту Петр. Политехнического Института, высланному в 1915 г. из Твери за пропаганду революционных идей среди учащейся молодежи и жившему под гласным надзором полиции в Нижнем-Новгороде. (То же дело, донесение н-ка нижегор. жанд. упр. от 25 октября 1915 г., вх. № 30707.)

бочих не только против правительства, но и вообще против состоятельных классов.» Так как «возбуждение рабочих к состоятельным и правящим классам в настоящее время в особенности является опасным», о вредном направлении газеты им было доложено 29 августа саратовскому губернатору.

12 сентября новый начальник сарат. жанд. управления полковник Федоренко представил губернатору записку, в которой указывал, что 4 и 5 №№ «Нашей Газеты» «продолжают носить характер явно угрожающий общественной безопасности и порядку». Он усматривал в газете стремление возбудить население против правительства, рабочих против хозяев и даже рабочих против рабочих (последнее в зам. «Печатня Яковлева», в № 5). «Наконец, в № 4 как бы проглядывает призыв к уличным демонстрациям (заключительные строки передовой статьи). В общем, «Наша Газета» стремится к объединению и сорганизованию местных рабочих на почве политических социал-демократических тенденций, несомненно, для предстоящих выступлений этих рабочих, что в данное время является особенно нежелательным» [1]).

№ 7 газеты (от 30 сентября) был конфискован, с возбуждением против ответственного редактора, портнихи Артемьевой, преследования по 129 ст. Затем полк. Федоренко лично докладывал губернатору о желательности закрытия газеты. 15 октября, по постановлению судебной палаты, газета была приостановлена [2]).

После этого, по сведениям жанд. управления, Антонов, Опоков и Лебедев вновь решили выпустить газету, под названием «Жизнь Рабочего», при чем отв. редактором согласилась быть пензенская мещанка Ф. Н. Полякова. Предприятие расстроилось, по словам Федоренки, потому что будущие руководители газеты 31 октября были обысканы и привлечены, в порядке охраны, к «переписке» (об исследовании степени их полит. благонадежности) [3]).

---

[1]) Копия записки—в том же деле, вх. № 26257.

[2]) Последний имеющийся у нас номер—седьмой. Приостановлена газета на № 8, если не ошибаемся. В № 2—3 (февр.—март 1916 г.) петрогр. журнала «Текстильщик» помещено след. стих. Ив. Логинова:

ЕПИТАФИЯ.

(Памяти «Нашей Газеты»).

В начале августа родилась,
С трудом два месяца жила,
На третьем вдруг к ней смерть явилась
И в гроб насильно увела.

Хотя немного погостила
Она в поволжских городах,
Но луч надежды заронила
В рабочих пламенных сердцах.

И этот светлый луч надежды
В сердцах рабочих не умрет.
Назад идут одни невежды,
Волгарь же наш пойдет вперед.

[3]) Сведения о газете «Жизнь Рабочего» взяты из обзора от 12 декабря 1915 г., Ос. Отд., № 310, 1915 г.

Основанием к производству обысков послужило то обстоятельство, что у проживавшего в Саратове гласно-подназдорного С. А. Зирки,—который был обвинен в отпечатании в сентябре «возмутительного содержания» прокламации, был арестован и привлечен потом по 102 ст.,—обнаружены были при обыске заметки, указывавшие на его связь с Лебедевым, Антоновым

Привлеченные были оставлены на свободе и не прерывали во время производства переписки своей общественной работы.

Правда, в одной агентурной записке (от 10 декабря) сообщалось, что обыски и вызовы в жанд. управление породили растерянность, и что кружок распался. Но, с другой стороны, саратовские власти несколько раз жаловались, что Лебедев и др. продолжают свою «вредную деятельность», и отмечали при этом случаи активности этих лиц, имевшие место как сразу после обысков, в начале ноября (деятельнейшее участие в устройстве похорон умершего в ночь на 5 ноября члена 2-ой Гос. Думы В. Ломтатидзе), так и позднее в январе, например.

Не оставляли они, несомненно, и мысль об издании новой легальной рабочей газеты в Саратове. Весною 1916 года намерение это уже было, кажется, близко к осуществлению. По поводу выданного в марте саратовским губернатором разрешения на издание нового органа «Поволжье»—полковник Федоренко сообщал департаменту полиции, что «Поволжье» будет издаваться при ближайшем участии Лебедева, Антонова и Оппокова, и что мысль об этой газете возникла еще в ноябре 1915 г., после приостановления «Нашей Газеты».

На этот раз в качестве редактора-издателя фигурировал служивший в «Наш. Газ.» экспедитором М. М. Раковский,—по жандармским сведениям, анархист-коммунист, в начале войны высланный из пределов гродненской губернии, как лицо, вредное для государственного порядка и общественного спокойствия.

По словам полковника, Раковский, не желая, чтобы «Поволжье» постигла участь «Нашей Газеты»... не хотел помещать в своей газете резких противоправительственных статей, чем дал многим членам группы повод говорить, что «Поволжье» не будет отвечать своему назначению. Это заставило Раковского медлить выпуском газеты, а высылка из Саратова Оппокова и Антонова, которые являлись (по другим донесениям, вместе с Лебедевым *Ш. Л.*) главными сотрудниками «Поволжья», и совсем отказаться от редактирования этой газеты (т.-е., очевидно, от самого выпуска газеты. *Ш. Л.*) [1].

Высылка Лебедева, Оппокова и Антонова в Сибирь состоялась 23 апреля 1916 г. [2]

Оппоковым, Нацаренус и Куруловым. Результаты произведенных у них обысков вполне подтвердили имевшиеся сведения о противоправительственной деятельности этих лиц, что и дало возможность привлечь их к переписке в порядке охраны». (5 делопроизводство, № 38. ч. I, 1916 г., л. 8.)

Позже выяснилось, что под именем С. А. Зирки проживал бывший студент Киевского университета Михаил Петрович Зарницын, присужденный в ноябре 1913 г. в Киеве к ссылке на поселение и бежавший из ссылки. Проживая в Харькове под именем Зирки, он был там арестован и в 1915 г. подчинен гласному надзору полиции в избранном им месте жительства. Зирка избрал Саратов, куда и прибыл в апреле 1915 г. А 31 октября он был арестован и вновь привлечен по 102 ст. Личность его, однако, была установлена сношениями сарат. жандармов с киевскими. См., наприм., донесение н-ка киевского жанд. упр. от 7 апреля 1916 г., Ос. Отд. № 5, ч. 69. л. Б, 1916 г., л 14.

[1]) 5 делопр. № 144, 1916 г., л. 10.

[2]) Переписка об исследовании степени политической благонадежности П. А. Лебедева, В. П. Антонова, Г. И. Оппокова, С. П. Нацаренуса и Г. Д. Курулова рассмотрена была начальником жанд. упр. 23 декабря 1915 г. Полковник Федоренко постановил ходатайствовать перед особым совещанием при министре вн. дел о высылке: первых трех—в одну из отдаленных губерний, Курулова—в местность по усмотрению особого совещания, Нацаренуса—просто из пределов саратовской губернии.

Саратовский губернатор Тверской согласился с заключением нач-ка жанд. упр. и препроводил его 31 декабря министру внутренних дел.

Уже 10 января 1916 г. Тверской в виду продолжавшейся „вредной деятельности“ Оппокова Антонова и других, телеграфно просил департамент полиции ускорить рассмотрение переписки.

Вслед за разрешением охранной переписки о них, возбуждена была саратовским жандармским управлением новая переписка, к которой, в числе других, привлечен был и М. М. Раковский. Газета же «Новольже» так и не вышла.

Больше, повидимому, не было потом в Саратове попыток поставить рабочую газету, по крайней мере, никаких следов таких попыток в делах департамента полиции мы не нашли.

Ш. Левин.

Деп. полиции указал Тверскому, что в его распоряжении имеется средство для пресечения этой деятельности—заключение под стражу, и обещал, вместе с тем, в ближайшем заседании ос. сов. поставить дело. В своем докладе ос. совещанию деп. полиции предложил выслать всех привлеченных в Иркутскую губернию: Лебедева, Антонова и Оппокова—на 3 года, Курулова и Нацаренуса—на 2 года. С этим заключением особое совещание, рассматривавшее в заседании 10 февраля дело, согласилось в общем, увеличив, однако, Лебедеву срок высылки до 5 лет.

Некоторыми сар. организациями (нам известно о совете прис. поверенных и професс. обществе рабочих портных) был возбужден, через членов Гос. Думы, вопрос об отмене высылки. В виду этого, товарищ министра внутренних дел Степанов обратился с запросом к саратовскому губернатору, считает ли он каждого из высылаемых настолько вредным, что удаление их из пределов Сарат. губернии является безусловно необходимым.

Саратовские власти—и жандармский полковник, и губернатор—высказались безусловно против отмены высылки. Полковник Федоренко еще до получения из Петрограда запроса, получив сведения, что возбуждены ходатайства об отмене высылки, довел до сведения департамента полиции, что считает такую отмену «совершенно нежелательной», так как привлеченные продолжают оказывать крайне вредное влияние на рабочих, а между тем, на фабриках и заводах началась предвыборная кампания в военно-промышленный комитет. Потом им составлена была, очевидно, в виду запроса Степанова, справка о деятельности Антонова, Оппокова и Лебедева с момента их привлечения и еще раз высказана при этом мысль о недопустимости отмены высылки.

Губернатор Тверской, в своем ответе Степанову, соглашаясь с мнением нач-ка жанд. управления о безусловной необходимости удаления Лебедева, Оппокова, Антонова, Нацаренуса и Курулова из пределов Саратовской губернии, подчеркнул, с своей стороны, что деятельность их является особенно опасной, вследствие нахождения в Саратове около 6000 учащихся высших учебных заведений, переведенных с осени 1915 г. из Киева, которые дают много удобного для всякого рода политической оппозиционной и революционной пропаганды материала. Письмо губ. Тверского, как и все документы, на которые мы ссылались выше, в 5 делопр. № 38, ч. 1, 1916 г. Надо заметить, что в апреле месяце, когда Тверской писал свой ответ, студенческое движение в Саратове отличалось особой интенсивностью, в связи с призывом студентов в войска. Как и губернатор, жандармский полковник в своих донесениях того времени также подчеркивал роль в движении эвакуированного киевского студенчества, которое «революционизирует население гор. Саратова; политическая жизнь города несомненно была бы гораздо более спокойной, если бы не выступления киевского студенчества». (Обзор от 17 мая 1916 г., Ос. Отд. № 5, ч. 69, 1916 г., л. 2).

В виду такого ответа сар. губернатора, тов. министра Степанов телеграммой от 21 апреля предложил ему привести в исполнение постановление особого совещания. Исполнение это в отношении Курулова и Нацаренуса оказалось невозможным, так как обнаружилось, что их в городе нет (относительно Нацаренуса было заявлено его матерью, что он в январе выехал через Москву в действующую армию с отрядом Красного Креста).

Лебедев же, Антонов и Оппоков были 23-го апреля высланы.

Новая сказка М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Сказки Салтыков стал писать около 1880 г., и можно считать установленным, что все они создались сразу, на протяжении пяти-шести лет. Полагаем, что одной из причин, побудивших нашего сатирика обратиться к этой литературной форме, были обстоятельства личной жизни. В 1880 и 1881 г.г. Салтыков два лета под ряд временно разлучался с семьей, жившей за границей. Детей своих, сына и дочь, которым тогда было 9 и 7 лет, он очень любил и сильно скучал без них. В полных любви и ласки письмах отец сообщал детям о всех событиях, происходивших дома; тут есть с живым юмором переданные известия о том, как ведут себя без них куклы в детской, канарейки, как мадам сидит на яйцах и т. д.; наконец, в двух письмах прямо рассказывается сказка об удивительных похождениях канареек: Бепка поступил в гимназию, Арапка вышла замуж за чижа. Таким образом, здесь мы видим определенную связь с одной из ранних сказок «Чижиково горе», напечатанной спустя три года.

Как бы то ни было, но Салтыков, взявшись за сказки, не оставил их после нескольких опытов, а создал ими целую оригинальную полосу своего творчества. Следует принять во внимание и то, что 70-е г.г. были временем жесточайшей реакции и преследования всего живого в обществе и в литературе. Салтыков, с 1868 г. редактор «Отеч. Записок», напряженно, ожесточенно боролся без передышки с мрачной порой ликвидации 60-х г.г.; за все 12 лет непрерывного писания он лишь в одних «Головлевых» мог творить сколько-нибудь свободно, оторвавшись от изнурительных усилий обличения и увертывания от цензурных лап. Свежая форма сказки открывала неуимчивому сатирику целую область еще нетронутых приемов аллегории и намека, тогда как старые ухищрения эзоповской манеры были исчерпаны и легко вскрывались наторевшими прокурорами Куралесычами; подлинный же художник, всегда чуткий в Салтыкове, мог только радоваться, вступая в новый мир творческих перспектив и возможностей. Вот почему он, больной, измученный, пишет без отрыву сказку за сказкой, очевидно, сам наслаждаясь ими и спеша воспользоваться остатками сил, чтобы исчерпать по возможности ново-открытую художественную жилу.

Действительно, сказки Салтыкова отличаются свободой и разнообразием тона и содержания; кроме привычных для автора мотивов общественной сатиры, мы видим здесь спокойно и любовно обрисованные типические образы, встречаем и задушевные чаяния писателя, святая святых его человеческого сердца, данные в лирическом, проникновенном тоне, и совсем не ощущаем мелкой накипи сегодняшнего дня. Не взирая на то, они трудно проходили сквозь цензуру, притом двойную, ибо горький опыт побуждал автора долго взвешивать и колебаться, прежде чем рискнуть пустить новую вещь в печать. Несколько сказок, отданных в «Отеч. Записки», были, по словам автора, выдраны цензурой; они пошли по рукам в списках и даже в литографированном виде, как пишет Салтыков В. М. Соболевскому. Долго в изданиях соч. Салтыкова число сказок ограничивалось первоначально напечатанными 28-ю: лишь 17 лет спустя после смерти автора

в марксовском издании 1906 г. к ним присоединено было еще три, о которых давно уже проникали в печать известия.

Предлагаемая новая сказка до сих пор не была никому известна. Текст ее получен от сына сатирика, К. М. Салтыкова; он написан рукой матери последнего, а в нескольких местах исправлен и подписан собственноручно автором. Сведений о том, сохранился ли еще подобный материал в семейном архиве Салтыкова, не имеется.

А. Е. Грузинский.

Богатырь.

Въ нѣкоторомъ царствѣ Богатырь родился. Баба-яга его родила, вспоила, вскормила, выхолила, и когда онъ съ коломенскую версту выросъ, сама на покой въ пустыню ушла, а его пустила на всѣ четыре стороны: иди, Богатырь, совершай подвиги!

Разумѣется, прежде всего Богатырь въ лѣсъ ударился; видитъ одинъ дубъ стоитъ—онъ его съ корнемъ вырвалъ; видитъ, другой стоитъ—онъ его кулакомъ пополамъ перешибъ; видитъ, третій стоитъ и въ немъ дупло—залѣзъ Богатырь въ дупло и заснулъ.

Застонала мать зеленая дубровушка отъ храповъ его перекатистыхъ; побѣжали изъ лѣсу звѣри лютые, полетѣли птицы [illegible]ыя; самъ Лѣшій такъ испугался, что взялъ въ охапку лѣшачи[illegible]вшатами—и былъ таковъ.

Пошла слава про Богатыря по всей землѣ. И свои, и чужіе, и другіи, супостаты не надивятся на него: свои боятся вообще потому, что ежели не бояться, то какимъ же образомъ жить? А, сверхъ того, и надежда есть: безпремѣнно Богатырь для того въ дупло залегъ, чтобъ еще больше во снѣ силъ набраться: «вотъ ужо проснется нашъ Богатырь и насъ передъ всѣмъ міромъ воспрославитъ». Чужіе въ свой чередъ опасаются: слышь, молъ, какой стонъ по землѣ пошелъ—никакъ въ «оной» землѣ Богатырь родился! Какъ бы онъ намъ звону не задалъ, когда проснется!

И всѣ ходятъ кругомъ на цыпочкахъ и шепотомъ повторяютъ: спи, Богатырь, спи!

И вотъ прошло сто лѣтъ, потомъ двѣсти, триста и вдругъ цѣлая тысяча. Улита ѣхала-ѣхала, да, наконецъ, и пріѣхала. Синица хваталась-хваталась, да и въ самомъ дѣлѣ моря не зажгла. Варили-варили мужика, покуда всю сырость изъ него не выварили: ау, мужикъ!

Все придѣлали, все прикончили, другъ дружку обворовали начисто—шабашъ! А Богатырь все спитъ, все незрячими очами изъ дупла прямо на солнце глядитъ, да перекатистые храпы кругомъ на сто верстъ пущаетъ.

Долго глядѣли супостаты, долго думали: могущественна, должно быть, оная страна, въ коей боятся Богатыря за то только, что онъ въ дуплѣ спитъ!

Однако стали помаленьку умомъ разумомъ раскидывать; начали припоминать, сколько разъ насылались на оную страну бѣды жестокія, и ни разу Богатырь не пришелъ на выручку людишкамъ.

Въ такомъ-то году людишки сами промежъ себя звѣринымъ обычаемъ передрались и много народу зря погубили. Горько тужили въ ту пору старики, горько взывали: приди, Богатырь, разсуди безвременье наше!—А онъ, вмѣсто того, въ дуплѣ проспалъ. Въ такомъ-то году всѣ поля солнцемъ выжгло, да градомъ выбило: думали, придетъ Богатырь, мірскихъ людей накормитъ, а онъ, вмѣсто того, въ дуплѣ просидѣлъ. Въ такомъ-то году и города, и селенія огнемъ попалило, не стало у людишекъ ни крова, ни одежи, ни ѣжева; думали: вотъ придетъ Богатырь и мірскую нужду исправитъ—а онъ и тутъ въ дуплѣ проспалъ.

Словомъ сказать, всю тысячу лѣтъ оная страна всѣми болями переболѣла, и ни разу Богатырь ни ухомъ не повелъ, ни окомъ не шевельнулъ, чтобы узнать, отчего земля кругомъ стономъ стонетъ.

Что жъ это за Богатырь такой?

Многострадальная и долготерпѣливая была оная сторона и имѣла вѣру великую и неослабную. Плакала и вѣрила; вздыхала—и вѣрила. Вѣрила, что когда источникъ слезъ и воздыханій изсякнетъ, то Богатырь улучитъ минуту и спасетъ ее. И вотъ минута наступила, но не та, которую ждали обыватели. Поднялись супостаты и обступили страну, въ коей Богатырь въ дуплѣ спалъ. И прямо всѣ пошли на Богатыря. Сперва одинъ къ дуплу осторожненько подступилъ—воняетъ; другой подошелъ—тоже воняетъ. «А вѣдь Богатырь-то гнилой!» молвили супостаты и ринулись на страну.

Супостаты были жестоки и неумолимы. Они жгли и рубили все, что попадало навстрѣчу, мстя за тотъ смѣшной вѣковой страхъ, который внушалъ имъ Богатырь. Заметались людишки, видя лихое безвременье, кинулись навстрѣчу супостату—глядятъ, итти не съ чѣмъ.

И вспомнили тутъ про Богатыря и въ одинъ голосъ возопили:

«Поспѣшай, Богатырь, поспѣшай!»

Тогда совершилось чудо: Богатырь не шелохнулся. Какъ и тысячу лѣтъ тому назадъ, голова его неподвижно глядѣла незрячими глазами на солнце, но уже тѣхъ храповъ могучихъ не испускала, отъ которыхъ нѣкогда содрогалась мать зеленая дубровушка.

Подошелъ въ ту пору къ Богатырю дуракъ Иванушка, перешибъ дупло кулакомъ—смотритъ, анъ у Богатыря гадюки туловище вплоть до самой шеи отъѣли.

Спи, Богатырь! спи!

М. Щедринъ.

М. Е. Салтыков-Щедрин и цензура.

1. Цензура о сказках М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Русская «народная» литература никогда не отличалась особым богатством, кроме того, почему-то считалось, что народные массы не способны понимать некоторые общечеловеческие чувства, что лучшие произведения всемирной литературы тогда только станут доступны «народу», когда подвергнутся всевозможным разнообразным урезкам и сокращениям, смягчениям и исправлениям. (При таких условиях создавался у нас особый род казенных и частных изданий «для народа», из которых тщательно изгонялось все то, что было проникнуто идеями гуманности, уважением к свободной мысли, к человеческому достоинству и т. п.) Понятно, что подобный взгляд заставил цензуру особенно внимательно относиться ко всему тому, что предназначалось для народной массы. Ряд произведений общей литературы, совершенно свободно обращавшийся в публике, подвергался запрещению, как только выяснялось, что он предполагался к отпечатанию в дешевых изданиях, доступных по своей низкой цене беднейшим классам населения. Эта же участь постигла в 1887 году и сказки М. Е. Салтыкова-Щедрина, когда возникла мысль выпустить их в свет отдельными дешевыми брошюрами для широкого распространения в народе. Петербургский цензурный комитет постановил: «сказки, по явной неблагонамеренной тенденции их, к напечатанию отдельными брошюрами не дозволять», хотя те же самые сказки незадолго перед этим (в 1886 г.) были отпечатаны особой книгой, заключавшей в себе 240 стр., и не вызвали никаких замечаний со стороны цензуры. Цензорский доклад по этому делу раскрывает до некоторой степени взгляд цензурного ведомства на литературную деятельность М. Е. Салтыкова.

«Намерение г. Салтыкова,—писал цензор Лебедев,—издать некоторые свои сказки отдельными брошюрами, стоящими не дороже трех копеек, а, следовательно, для простого народа, более нежели странно. То, что г. Салтыков называет сказками, вовсе не отвечает своему названию; его сказки та же сатира и сатира едкая, тенденциозная, более или менее направленная против общественного и политического нашего устройства. В них предаются осмеянию не только пороки, но и установленные власти, и высшие сословия, и установившиеся национальные привычки. Сказки эти, появляясь по временам в периодических изданиях, возбуждают постоянно в наблюдающей за прессой власти сомнение о том, не следует ли их воспретить. И такого-то рода произведения г. Салтыков желает пропагандировать между простым, необразованным населением. Не в такой пище нуждается простой народ, нравственность которого и без того не бог знает, как устойчива» [1]). В удостоверение вредного направления этих сказок, цензор считает долгом вкратце изложить содержание тех сказок, о разрешении которых для отпечатания отдельными дешевыми брошюрками ходатайствует г. Салтыков,

---

[1]) Дело СПБ. цензурного комитета, 1887 г. № 65.

при чем имеет честь объяснить, что эти сказки в ряду его сказок одни из самых невинных еще.

1. Премудрый пискарь. Эта сказка имеет целью изобразить под видом пискаря плачевное положение глуповатого и честного человека, которого глупостью желает воспользоваться каждый для легкой наживы. Для рыб такая плачевная участь заключается в ловле их на уху, и вот старый пискарь, рассказывая свои похождения, дает советы неопытным рыбам, как избегнуть смертоносных орудий, сетей и уды, и советует моцион делать лучше всего ночью, когда люди, звери, птицы и остальные рыбы спять, а днем сидеть у себя в норе и дрожать.

2. Самоотверженный заяц. Однажды волк, встретив зайца, которого окликнул и который не послушался его оклика, присудил его к растерзанию; но так как в данную минуту был сыт, то отложил это до возвращения аппетита. И вот заяц, в ожидании своей участи, задремав, видит сон, будто невеста его заболела; он упрашивает волка отпустить его к ней и получает отпуск, но с условием, чтобы по прошествии недели непременно вернуться к волку. Незаметно пролетело около возлюбленной время, и как ни тягостно было расстаться с нею, но он хотел сдержать данное слово и вернулся в назначенное время к волку. Волк похвалил зайца и сказал, что зайцам верить можно, а потому пусть он посидит под кустом, пока он его не съест.

3. Бедный волк. Жил волк, страшный разбойник, который под старость стал догадываться, что в его жизни есть что-то неладное. Тут попался он как-то случайно в лапы медведю, который, не желая его губить, потребовал от него слова, что он более разбойничать не будет, но волк слова дать не решился, так как, объяснил он, натура его такого рода, что, кроме мясного, ничего не принимает. Этот честный ответ так понравился медведю, что тот его отпустил. Очутившись на свободе, волк было хотел выполнить наставление медведя, но, как ни боролся со своими страстями, мучимый голодом, шел на добычу, душил, рвал и терзал. И начал он звать к себе смерть, но мужики, слыша его вой, в страхе вопили: «душегуб, душегуб». Наконец, смерть сжалилась над ним; появились в той местности «лукаши», и соседние помещики и устроили при их помощи охоту. Волк пошел, опустив голову, навстречу смерти. Вдруг его ударило прямо между глаз, и вот в таком виде явилась смерть избавительница.

4. *Карась-идеалист.* Карась с ершем спорил. Карась говорил, что можно на свете одною правдою прожить, а ерш утверждал, что нельзя без того обойтись, чтобы не слукавить. Карась—рыба смирная и к идеализму склонная; ерш же—рыба, склонная к скептицизму и притом колючая. Первая вела свой спор в положительном смысле, а вторая—в отрицательном, то-есть первая говорила, что в рыбьем царстве все хорошо, а вторая, что все скверно. Карась думал, что справедливость в мире восторжествует, и сильные не будут теснить слабых, ерш же утверждал, что этому никогда не бывать. Слова карася показались рыбьим властям предосудительными и возмутительными, щука не могла перенести их и проглотила карася, чем рыбьи диспуты и кончились.

5. *Соседи.* В некотором селе жили два соседа, Иван Богатый да Иван Бедный; оба они были хорошие люди, оба любили поболтать. Так иногда Иван Богатый рассуждал о том, как чудно на свете устроено, что человек, который постоянно в трудах находится, у того по праздникам пустые щи на столе, а который при полезном досуге состоит, у того и в будни щи с убоиной. На эту тему оба соседа вели постоянно между собою разговоры. В конце они пришли к ясному пониманию этого обстоятельства; по их мнению, оно происходит от того, что Иван Бедный живет на распутьи, а жилище у него не то изба, не то решето дырявое. Вот богатство-то и течет все мимо да скрозь, потому задержки

себе не видит. А Богатый Иван живет у самого стека, куда со всех сторон ручьи бегут; хоромы у него просторные, справные, частоколы кругом выведены крепкие; притекут к его жительству ручьи с богатством, тут и застрянут.

6. *Христова ночь (предание)*. Здесь сатирик рассказывает о воскресающей природе в Христову ночь, о том, как к Воскресшему богу, в полночь, пошли навстречу люди плачущие, согбенные под игом работы, загубленные нуждою и как их ободрил и обнадежил Воскресший; как за убогими выступили богатые, мироеды, жестокие правители, душегубы, лицемеры, ханжи и неправедные судьи, одним словом, те, которым хорошо живется на свете и которых Воскресший также не оттолкнул от себя, но при этом строго упрекал в содеянных злодеяниях и усовещевал обратиться на путь истины. Но в эту самую минуту, в редеющем сумраке леса, выступила безобразная человеческая масса, качающаяся на осине; то была голова повесившегося предателя, который сам совершил суд над собою. Увидев это зрелище, Воскресший обратился к нему со словом негодования и проклятия; ему, воображавшему единым мигом избавиться от давившего его позора, Воскресший возвратил жизнь, но не для прощения его, а для вечного наказания, как за самое гнусное преступление.

7. *Рождественская сказка*. В этой сказке проводится мысль о необходимости стоять за правду и бороться за нее всю жизнь. Приводится рассказ о том, как малолетний мальчик, единственный сын бедной матери, слышавший в день Рождества проповедь в церкви о том, как надо служить правде, то-есть любить ближнего, как самого себя, под впечатлением ее, так наэлектризировался этой мыслью, что всюду искал правды, но, встречая одну несправедливость во всех людских поступках, не мог перенести этой жизни и, схватив горячку, скончался в самом непродолжительном времени на руках матери» [1]).

2. Запрещенные стихотворения на смерть Салтыкова.

28-го апреля 1889 г. скончался М. Е. Салтыков-Щедрин. Его литературная и публицистическая деятельность, богатая и разнообразная как по глубокому внутреннему содержанию, так и по блестящей внешней форме, но совершенно особому «Салтыковскому» языку, еще при жизни М. Е. оказывала на общество сильное влияние. Оригинальность и сила его сатиры, широкое гуманное миросозерцание, цельность характера, безукоризненность в житейских отношениях заставляли даже и противников его воздавать ему молчаливую дань известного уважения. Нет надобности указывать на то, какое тяжелое впечатление произвела на русское общество того времени весть об утрате великого сатирика. Тем более представляется интересным узнать, как отнеслось к известию о кончине М. Е. то ведомство, с которым он был так тесно связан за время своей многолетней литературной деятельности. Какую оценку его значения и влияния дало цензурное ведомство? Какой итог подвело оно его заслугам, как писателя и общественного деятеля? Ответ на эти вопросы заключается в тех цензурных запрещениях, которым подверглись два стихотворения, посвященные памяти Салтыкова и написанные под гнетущим сознанием недавней его кончины, первое—Шеллером-Михайловым и второе—В. Ольгиным. В запретительных отзывах цензоров откровенно и наивно высказывается умственная неразвитость и узкозоркость тех, кому правительством вручалась интеллектуальная опека над русским народом и забота о наблюдении за правильным развитием русской литературной мысли. Ниже приводятся полностью как самые стихотворения,

[1]) Д. СПБ. Ц. К. 1887 г., № 65.

так и вызванные ими запрещения. Те и другие весьма ярки и не нуждаются ни в каких комментариях. Если в стихотворении Ольгина не заметно особого дарования, зато оно полно искренности и неподдельного чувства; не менее искренни и прочувствованны и цензорские отзывы...

М. Е. Салтыкову-Щедрину.

Со злом общественным в борьбе,
Карая подлости заразу,
Всю жизнь он верен был себе
И не свернул с пути ни разу.
Во дни уныния и слез
И боль физических мучений,
И пытки нравственные снес,
Не ослабевши, этот гений.
Бича сатиры до конца
Его рука не опустила.
И смерть лишь на уста бойца
Печать молчанья наложила.

А. Михайлов.

«Стихотворение это нельзя назвать не тенденциозным,—пишет цензор Фрейман;—г. Михайлов заявляет, что покойный сатирик, карая заразу подлости, ни разу не свернул с пути, ни тогда, когда нес физические страдания, ни тогда, когда нес нравственные пытки,—и только смерть наложила молчание на уста этого бойца. Приняв во внимание, что *сатира Щедрина-Салтыкова была направлена к осуждению нашего современного общественного положения*, нельзя не признать, что это небольшое стихотворение является совершенно противоцензурным, а тем более неудобным к появлению в иллюстрированном, доступном молодежи, издании» [1]).

2 мая 1889 г. [2]).

Хранитель правды светлоокой
Под вихрем жизненным угас—
И муки горести глубокой
Объяли нас.
Мы лишь теперь сознали ясно,
Каким он светом был средь тьмы,
Какой души чудесной, страстной
Лишились мы...
К родной стране горя любовью
И жаждой истины томим,
Он равнодушен был к злословью,
Неуязвим...
Своим путем стопою твердой
Он шел упорно до конца;
Своим святым призваньем гордый,
Будил сердца...
Звучала горько и сурово
Его карающая речь,
Смех отрезвляющий, громовый
Разил, как меч...
Извил он речью ядовитой,
А сердце—плавало в крови,
И в нем струею бил сокрытый
Родник любви...
Боец погиб... Тяжка утрата,
И никого на смену нет,
Кто б мог, сумел исполнить свято
Его завет.

Вадим Ольгин.

«Означенное стихотворение,—докладывал цензор Катенин,—содержит в себе *преувеличенную хвалу* известному сатирику Салтыкову-Щедрину, как человеку и писателю, таланту и смерти которого *придается особенное и, кроме того, неверное значение*. Принимая во внимание, что стихотворение это предназначается для «Всемирной Иллюстрации», читаемой, главным образом, юношами и малообразованными и недоразвитыми лицами,

---

[1]) Издание, о котором идет речь,—«Живописное Обозрение». См. дело СПБ. Ц. К. 1872. № 102.

[2]) День погребения М. Е. Салтыкова.

которым не совсем даже может быть понятен истинный смысл произведений Щедрина, цензор полагает, что появление этого *напыщенного панегирика* в доступном для таких читателей журнале может иметь влияние на развитие в них *неверного и, по этой причине, нежелательного взгляда на значение недавно умершего сатирика*. По той причине цензор находит, что стихотворение г. Ольгина не следует допускать печатать» [1]).

Сообщил *А. С. Николаев.*

---

[1]) См. дело СПБ. Ц. К. 1868 г. № 69.

Письмо Ф. М. Достоевского из крепости.

Ореол страдания не легко дался Достоевскому... За участие в «заговоре идей» кружка Петрашевцев он был присужден к смертной казни расстрелянием. Пережив невыразимые муки предчувствия смерти и мучительнейший по напряженности момент «последнего мгновения», предсмертной минуты, Достоевский был отправлен на каторгу, в Сибирь... Наконец, четырехлетняя каторга,—«мертвый дом»... Все это провело резкую и определенную грань в личной и творческой биографии Достоевского.

Публикуемое впервые полностью письмо из крепости к брату Михаилу Михайловичу отразило всю ту сложную душевную драму, какую пережил Достоевский в дни после ареста и отмененной казни.

Блестяще выступив на литературное поприще в 1846 г. повестью «Бедные Люди» и вскоре же пережив охлаждение современников к своему таланту, Достоевский творил и после непрерывно, по роману в год,—его творческие думы росли, зрели и ширились. Арест и крепость вырвали его из этой стихии и этого мира. Письмо ясно говорит о том, что насильственный отрыв писателя от его задушевного дела отразился на нем. Арест и ссылка всколыхнули и перевернули до неузнаваемости душевный мир Достоевского. Федор Михайлович, расставаясь с братом, которому позволено было проститься с ним в крепости перед отъездом, в присутствии А. П. Милюкова, устно также, как и в этом письме, признавался: «В эти месяцы я много пережил, в себе-то самом много пережил, а там впереди-то что увижу и переживу, будет о чем писать» [1]).

Публикуемое письмо — документ исключительной значимости. Это—исповедь человека, приговоренного к смерти, обвеянного дыханием ее и вновь начавшего бытие. В письме выразилась не надломленность дрогнувшей и переродившейся в горниле тяжелых испытаний души, а большое величие и сила духа этого великого человека.

Лишение свободы творчества оказалось в первый момент тяжким ударом для гения Достоевского («та голова, которая создавала,—пишет он брату,—уже срезана с плеч моих»...), но в то же время страстная, рвущаяся к жизни и творчеству, безудержная и полная жажды жить и создавать натура Достоевского-романтика в ту пору нашла в себе силы. Достоевский «не уныл и не упал духом», но и уверовал вновь в идею: «быть человеком между людьми и остаться им навсегда».

---

[1]) Воспоминания А. П. Милюкова—«Русская Старина», 1881, март, стр. 704.

Кризис миновал, романтик Достоевский спас Достоевского-художника для будущих творений... «Я перерожусь к лучшему. Вот вся надежда моя...»—восклицает, в конце концов, Достоевский. Вскользь высказанное В. Комаровичем предположение о том, что «перерождение... здесь было мгновенно, неуловимо для рассудка—не текучее развитие, но *katarsis* [1]), подкрепленное художественной цитатой—ссылкой на рассказ князя Мышкина («Идиот») Епанчиным о пережитых минутах на эшафоте,—блестящим образом подтверждается этим глубоко-откровенным и разительно-драматическим письмом Достоевского.

Мало известен и изучен пока Достоевский раннего периода, как художник и человек; мало имеется и сведений, помимо его художественных творений, для этого периода жизни писателя... Без сомнения, это письмо, как прямое свидетельство писателя о себе, вносит значительный материал для познания его в это время.

Первый абзац письма опубликован ранее и не однажды: в № 1790 «Нового Времени», 1881 г., затем—А. П. Милюковым в воспоминаниях его о Ф. М. Достоевском [2]) с кратким описанием вида документа: «на листе писчей бумаги 22 декабря 1849 года, т.-е. в день объявления приговора» и Н. Н. Страховым [3]). Мы печатаем с копии, снятой рукой самой Анны Григорьевны (ныне находится в Центрархиве) с подлинника, теперь, повидимому, утраченного. Анна Григорьевна не только переписала письмо, но и снабдила его комментариями. В таком виде и воспроизводится здесь это единственное в своем роде письмо.

И. Бельчиков.

Письмо Федора Михайловича, написанное из крепости в день казни, 22 декабря 1849 г.

Письмо сложенное (без конверта) с надписью:

Михайле Михайловичу Достоевскому.

На Невском проспекте, против Грязной, в доме Неслинда.

22 декабря. Петропавловская крепость.

Брат, любезный друг мой! все решено! Я приговорен к 4-х летним работам в крепости (кажется, Оренбургской) и потом в рядовые. Сегодня, 22 декабря, нас отвезли на Семеновский плац. Там всем нам прочли смертный приговор, дали приложиться к Кресту, переломили над головами *) шпаги и устроили наш предсмертный туалет (белые рубахи).

---

[1]) См. его статью «Ненаписанная поэма Достоевского»—в сб. «Ф. М. Достоевский». Статьи и материалы. Под ред. А. С. Долинина. Петерб. 1922, стр. 181.

[2]) «Русская Старина» 1881, март, стр. 706—707.

[3]) «Библиография письма...» Петерб. 1883 г., стр. 72.

*) Вариант: головою.

Затем троих поставили к столбу для исполнения казни. Я стоял шестым. Вызывали по трое, след., я был во второй очереди и жить мне оставалось не более минуты. Я вспомнил тебя, брат, всех твоих; в последнюю минуту ты, только один ты, был в уме моем, я тут только узнал, как люблю тебя, брат мой милый! Я успел тоже обнять Плещеева, Дурова, которые были возле, и проститься с ними. Наконец ударили отбой, привязанных к столбу привели назад, и нам прочли, что Его Императорское Величество дарует нам жизнь. Затем последовали настоящие приговоры. Один *Пальм* прощен, его тем же чином в армию.

Сейчас мне сказали, любезный брат, что нам сегодня или завтра отправляться в поход. Я просил видеться с тобою. Но мне сказали, что это невозможно; могу только я тебе написать это письмо, по которому поторопись и ты дать мне поскорее отзыв. Я боюсь, что тебе был как-нибудь известен наш приговор (к смерти). Из окон кареты, когда везли на Семеновский плац, я видел бездну народа; может быть, весть прошла уже и до тебя, и ты страдал за меня. Теперь тебе будет легче за меня. Брат! Я не унывал и не упал духом. Жизнь везде жизнь, жизнь в нас самих, а не во внешнем. Подле меня будут люди и быть *человеком* между людьми и остаться им навсегда, в каких бы то ни было несчастьях не унывать и не пасть—вот в чем жизнь, в чем задача ее. Я сознал это. Эта идея вошла в плоть и кровь мою. Да, правда! Та голова, которая создавала, жила высшею жизнию искусства, которая сознала и свыклась с высшими потребностями духа, та голова уже срезана с плеч моих. Осталась память и образы, созданные и еще не воплощенные мной. Они изъязвят меня, правда! Но во мне осталось сердце и та же плоть и кровь, которая также может и любить, и страдать, и желать, и помнить, а это, все-таки, жизнь. On voit le soleil! Ну, прощай, брат! Обо мне не тужи! Теперь о распоряжениях материальных: книги (Библия осталась у меня) и несколько листков моей рукописи, чернового плана драмы и романа (и оконченная повесть *Детская сказка*) у меня отобраны и достанутся, по всей вероятности, тебе. Мое пальто и старое платье тоже оставляю, если пришлешь взять их. Теперь, брат, предстоит мне, может быть, далекий путь по этапу. Нужны деньги. Брат милый, как получишь это письмо, и если будет возможность достать сколько-нибудь денег, то пришли тотчас же. Деньги мне теперь нужнее воздуха (по особенному обстоятельству). Пришли тоже несколько строк от себя. Потом, если получатся московские деньги,—похлопочи обо мне и не оставь меня. Ну вот и все! Есть долги [1]), но что с ними делать?!.

Целуй жену свою и детей. Напоминай им обо мне; сделай так, чтобы они меня не забывали. Может быть, когда-нибудь увидимся мы?! Брат, береги себя и семью, живи тихо и предвиденно. Думай о будущем детей твоих... Живи положительно. Никогда еще таких обильных и здоровых запасов духовной жизни не кипело во мне, как теперь. Но вынесет ли тело: не знаю. Я отправляюсь нездоровый, у меня золотуха. Но авось либо! Брат, я уже переиспытал столько в жизни, что теперь

---

[1]) Долгъ Краевскому, который уплаченъ былъ «Дѣтскою Сказкою».

меня мало что устрашит. Будь, что будет! При первой возможности уведомлю тебя о себе. Скажи Майковым мой прощальный и последний привет. Скажи, что я их всех благодарю за их постоянное участие к моей судьбе. Скажи несколько слов, как можно более теплых, что тебе самому сердце скажет, за меня Евгении Петровне [1]). Я ей желаю много счастия и с благодарным уважением всегда буду помнить о ней. Пожми руку Николаю Аполлоновичу [2]) и Аполлону Майкову, а затем и всем. Отыщи Яновского. Пожми ему руку, поблагодари его. Наконец, всем, кто обо мне не забыл. А кто забыл, напомни. Поцелуй брата *Колю*. Напиши письмо брату *Андрею* и уведомь его обо мне. Напиши дяде и тетке. Это я прошу тебя от себя, и кланяйся им за меня. Напиши сестрам: им желаю счастья!

А может быть, и увидимся, брат. Береги себя, доживи, ради Бога до свидания со мной. Авось когда-нибудь обнимем друг друга и вспомним наше молодое, наше прежнее, золотое время, нашу молодость и надежды наши, которые я в это мгновение вырываю из сердца моего с кровью и хороню их.

Неужели никогда я не возьму пера в руки? Я думаю через 4 года будет возможность. Я перешлю тебе все, что напишу, если что-нибудь напишу, Боже мой! Сколько образов, выжитых, созданных мною вновь, погибнет, угаснет в моей голове или отравой в крови разольется! Да, если нельзя будет писать, я погибну. Лучше пятнадцать лет заключения и перо в руках!

Пиши ко мне чаще, пиши подробнее, больше, обстоятельнее. Распространяйся в каждом письме о семейных подробностях, о мелочах, не забудь этого. Это дает мне надежду (и) жизнь. Если б ты знал, как оживляли меня здесь в каземате твои письма. Эти два месяца с половиной (последние), когда было запрещено переписываться, были для меня очень тяжелы. Я был нездоров. То, что ты мне не присылал по временам денег, измучило меня за тебя: знать, ты сам был в большой нужде! Еще раз поцелуй детей; их милые личики не выходят из моей головы. Ах, кабы они были счастливы! Будь счастлив и ты, брат, будь счастлив!

Но не тужи, ради Бога, не тужи обо мне! Знай, что я не унывал, помни, что надежда меня не покинула. Через четыре года будет облегчение судьбы. Я буду рядовой,—это уже не арестант, и имей в виду, что когда-нибудь я тебя обниму. Ведь был же я сегодня у смерти три четверти часа, прожил с этой мыслию, был у последнего мгновения и теперь еще раз живу!

Если кто обо мне дурно помнит, если с кем я поссорился, если в ком-нибудь произвел неприятное впечатление—скажи им, чтоб забыли об этом, если тебе удастся их встретить. Нет желчи и злобы в душе моей, хотелось бы так любить и обнять хоть кого-нибудь из прежних в это мгновение. Это отрада, я испытал ее сегодня, прощаясь с моими милыми перед смертью. Я думал в ту минуту, что весть о казни убьет тебя. Но теперь будь покоен, я еще живу и буду жить в будущем

[1]) Евг. Петр.—мать Апол. Н. Майкова.
[2]) Отецъ поэта Майкова.

мыслию, что когда-нибудь обниму тебя. У меня только это теперь на уме.

Что-то ты делаешь? Что-то ты думал сегодня? Знаешь ли ты об нас? Как сегодня было холодно!

Ах кабы мое письмо поскорее дошло до тебя. Иначе я месяца четыре буду без вести об тебе. Я видел пакеты, в которых ты присылал в последние два месяца деньги; адрес был написан твоей рукой, и я радовался, что ты был здоров.

Как оглянусь на прошлое, да подумаю, сколько даром потрачено времени, сколько его пропало в заблуждениях, в ошибках, в праздности, в неуменье жить; как не дорожил я им, сколько раз я грешил против сердца моего и духа,—так кровью обливается сердце мое. Жизнь—дар, жизнь—счастье, каждая минута могла быть веком счастья. Si jeunesse savait! Теперь, переменяя жизнь, перерождаюсь в новую форму. Брат! Клянусь тебе, что я не потеряю надежду и сохраню дух мой и сердце в чистоте. Я перерожусь к лучшему. Вот вся надежда моя, все утешение мое!

Казематная жизнь уже достаточно убила во мне плотских потребностей, не совсем чистых; я мало берег себя прежде. Теперь уже лишения мне нипочем, и потому не пугайся, что меня убьет какая-нибудь материальная тягость. Этого быть не может! Ах! кабы здоровье!

Прощай, прощай брат! Когда-то я тебе еще напишу! Получишь от меня сколько возможно подробнейший отчет о моем путешествии.—Кабы только сохранить здоровье, а там и все хорошо!

Ну прощай, прощай, брат! Крепко обнимаю тебя, крепко целую. Помни меня без боли в сердце. Не печалься, пожалуйста, не печалься обо мне! В следующем же письме напишу тебе, каково мне жить. Помни же, что я говорил тебе: рассчитай свою жизнь, не трать ее, устрой свою судьбу, думай о детях.—Ох, когда бы, когда бы тебя увидать! Прощай! Теперь отрываюсь от всего, что было мило; больно покидать его! Больно переломить себя на-двое, перервать сердце пополам. Прощай! Прощай! Но я увижу тебя, я уверен, я надеюсь, не изменись, люби меня, не охлаждай свою память, и мысль о любви твоей будет мне лучшею частию жизни. Прощай, еще раз прощай! Все прощайте!

Твой брат

Федор Достоевский.

22 декабря 49-го года.

У меня взяли при аресте несколько книг. Из них только две были запрещенные. Не достанешь ли ты для себя остальных? Но вот просьба: из этих книг одна была: *Сочинение Валериана Майкова*: его критики—экземпляр Евгении Петровны. Она дала мне его как свою драгоценность. При аресте я просил жандармского офицера отдать ей эту книгу и дал ему адрес. Не знаю, возвратил ли он ей. Справься об этом! Я не хочу отнять у нее это воспоминание. Прощай, прощай еще раз.

Твой *Ф. Достоевский.*

На полях:

Не знаю пойду-ли я по этапу или поеду? Кажется, поеду. Авось либо!

На полях:

Еще раз пожми руку Эмилии Федоровне, целуй деток.

— Поклонись Краевскому: может быть...

На полях:

Напиши мне подробнее о твоем аресте, заключении и выходе на свободу.

Достоевский и Победоносцев.

Сближение Достоевского в последнее десятилетие жизни (1871—1881) с Победоносцевым является моментом далеко небезынтересным для истории общественных отношений той эпохи и важным фактом как в личной, так и в литературной биографии писателя,—страницей, к сожалению, до сих остававшейся совершенно неосвещенной.

Знакомство Достоевского с Победоносцевым состоялось зимой 1871—1872 г.г. в доме кн. Вл. П. Мещерского, издателя крайне реакционного журнала «Гражданин». Этому знакомству суждено было продолжаться, а следующий 1873 год, время редакторства Федора Михайловича в «Гражданине»,—сближает их на долгие годы. О начальной поре дружеских отношений, о первых встречах и взаимном распознавании друг друга кратко обмолвился Федор Михайлович в неопубликованном пока письме к Анне Григорьевне 26 июня 1873 г.: «Вчера приехал Победоносцев,—писал он,—был в редакции «Гражданина», ждал меня, но я не был, и просил запиской заехать к себе в 9-м часу. Я был у него вчера и сидел до 12. Все говорил, много сообщил и ужасно просил опять сегодня приехать. Если же я буду болен, то дать ему знать, и он сам ко мне приедет сидеть. Укутал меня пледом, а так как, кроме служанки, в пустой квартире не было никого, то, несмотря на выбежавшую в переднюю служанку, провожал меня по трем темным лестницам вниз, со свечей в руках, до самого подъезда; то-то увидал бы Владиславлев. На острове Вайте читал мое «Преступление и Наказание» (в 1-й раз в жизни), по рекомендации одного лица, слишком известного тебе одного моего почитателя, которого сопровождал в Англию. Следственно, дела еще не совсем очень плохи. Пожалуйста, не болтай».—Намеки на новизну встречи, неожиданность приема и внимательность со стороны всесильного обер-прокурора, все это говорит о том, что Достоевский впервые являлся здесь гостем и тронут был отношением и внешней стороной проводов. Победоносцев тепло и сердечно с первых же дней относится к Достоевскому. Об этом времени он (Победоносцев) вспоминает в письме Аксакову 30 января 1881 г.: «Нас сблизило время его редакторства в «Гражданине». Тогда из участия к его отчаянному положению я целое лето работал с ним вместе, и мы весьма сошлись».

Дружба окрепла, и в ответ на создавшуюся потребность общения Победоносцев уславливается с Федором Михайловичем о еженедельных встречах и беседах по субботам, в 9 часов вечера, после всенощной.

Беседы с глазу на глаз еще более сближают. И если в начале самолюбивому Достоевскому льстило знакомство с столь видной бюрократической фигурой, как обер-прокурор Победоносцев,—приятна была близость и определенно проявляемый к его личности интерес со стороны синодального прокурора,—и он не прочь был строить планы на этом знакомстве и питать уверенность в преодолении материальной нужды, тревожившей часто его в те года, то через три - пять лет Достоевский уже «очень дорожит мнением» Победоносцева, к нему приезжает из Старой Руссы «лечить дух» в период упадка, отдает на его суд свои литературные творения,—поверяет свои творческие раздумья, обсуждает

с ним свои глубоко-философские замыслы—вроде образа Зосимы; ему откровенно поверяет свои грустные думы по поводу нестроений и уклонений в дорогом ему мире литературы и в обществе, похожих теперь—увы!—на «Сумасшедший дом»; с ним делится тревожными сомнениями, как бы на пушкинских торжествах в июне 1880 г. не одержала верх з ндническая партия, и с тем самым дорогие ему убеждения и взгляды не потерпели крушения и не лишились бы сочувствия в обществе.

Мы не ставим себе задачей проследить в подробностях историю этой дружбы, не намерены входить в разбор и изложение всех тех глубоко личных оснований этой дружеской связи, сходства и различия их мировоззрений, и ограничиваемся только внешней схемой—канвой этих отношений, намечая лишь слабые контуры этой истории.

Понятно, как тяжело должна была отозваться смерть Достоевского в сердце Победоносцева и лиц, близких к нему по убеждениям—Аксакова и др. Сохранилась трогательная искренняя переписка Победоносцева с Аксаковым по поводу болезни и, наконец, смерти Федора Михайловича. В письме 30-го января 1881 г. К. П. Победоносцев писал И. С. Аксакову: «Тяжко, пишешь ты, еще не знав о кончине Ф. М. Достоевского. А вот у его гроба и вдвое тяжко. Я близко знал этого человека. Для него исключительно у меня был назначен вечер субботний, и он нередко приходил проводить его вдвоем со мною. И своего «Зосиму» он задумывал по моим указаниям: много было между нами задушевных речей... В нынешнюю пору как раз он пришелся ко времени. И теперь незаменим, ибо *стоял сам по себе*» [1]).—На это Аксаков отвечал в феврале еще более значительными словами:

«...Смерть Достоевского—истинное наказание божие. Только теперь вполне раскрывается нравственное его значение, как учителя для молодых душ. Даже для тех, которые не были с ним в личных сношениях. В нем обретали себе опору и смелость высшие, нравственные идеалы, смутно и робко носимые в душе то того, то другого юноши. Ибо в сущности «угнетенным» и «оскорбленным» должно считаться религиозное и нравственное чувство в среде русской интеллигенции. Молодому человеку нужна большая доля мужества и самостоятельности, чтобы дерзать питать и исповедывать его в себе» [2]). Полным созвучием этому являются письма Победоносцева Александру III [3]) о Достоевском на другой день после его смерти и в день похорон, текст которых печатаем после писем Достоевского.

Сообщил *Н. Бельчиков*.

---

[1]) «Новое Время» 1909 г., № 12118 (иллюстр. прилож.); ср. Ч. Ветринский «Достоевский», стр. 162—163.

[2]) См. Ч. Ветринский—стр. 163.

[3]) Подлинники в Государственном Архиве Р. С. Ф. С. Р.

I.

Письма Ф. М. Достоевского.

1.

Старая Русса.
19 мая 79.

Милостивый Государь,

Дорогой и Многоуважаемый
Константинъ Петровичъ!

Хоть сегодня всего лишь 19 мая, но письмо мое дойдетъ къ Вамъ не ранѣе 21-го, а потому и спѣшу поздравить Васъ съ днемъ Вашего Ангела. Кстати припоминаю, что ровно годъ назадъ я былъ у Васъ въ этотъ день утромъ, и, кажется мнѣ, что прошло тому всего какихъ-нибудь недѣли двѣ-три, много мѣсяцъ—до того непозволительно быстро идетъ и уходитъ наше время!—Вотъ уже мѣсяцъ какъ я здѣсь совершенно одинъ съ семействомъ и никого почти не видалъ. Погода была въ большинствѣ хорошая, здѣсь давно уже отцвѣли черемуха и яблони, и въ полномъ цвѣту сирень. Я сидѣлъ и работалъ, но сдѣлалъ не такъ много, отослалъ, однакоже, половину *книги* (2 $^1/_2$ листа) на Майскую книгу« Р. В-ка» *), но сижу, жду корректуры[1]) и не знаю, что будетъ. Дѣло въ томъ, что эта книга въ романѣ у меня кульминаціонная, называется «Pro и Contra», а смыслъ книги: богохульство и опроверженіе богохульства. Богохульство-то вотъ это закончено и отослано, а опроверженіе пошло лишь на Іюньскую книгу. Богохульство это взялъ, какъ самъ чувствовалъ и понималъ сильнѣй, т.-е. такъ именно, какъ происходитъ оно у насъ теперь въ нашей Россіи у *всего* (почти) верхняго слоя, а преимущественно у молодежи, т.-е. научное и философское опроверженіе бытія Божія уже заброшено, имъ не занимаются вовсе теперешніе *дѣловые соціалисты* (какъ занимались во все прошлое столѣтіе и въ первую половину нынѣшняго), зато *отрицается* изо всѣхъ силъ созданіе Божіе, міръ Божій и *смыслъ его*. Вотъ, въ этомъ только современная цивилизація и находитъ ахиллесову пяту. Такимъ образомъ, льщу себя надеждою, что даже и въ такой отвлеченной темѣ не измѣнилъ реализму. Опроверженіе сего (не прямое, т.-е. не отъ лица къ лицу) явится въ послѣднемъ словѣ умирающаго старца.—Меня многіе критики укоряли, что я вообще въ романахъ моихъ беру будто бы не тѣ темы, не реальныя и проч. Я, напротивъ, не знаю ничего реальнѣе именно этихъ вотъ темъ...

*) «Русского Вестника».

Послалъ-то я, послалъ, а между тѣмъ мерещится мнѣ, вдругъ возьмутъ да и не напечатаютъ въ Р.В-кѣ *почему-либо*. Но объ этомъ довольно. Что у кого болитъ, тотъ о томъ и говоритъ. Читаю здѣсь газеты и ничего не пойму. Просто ни объ чемъ не пишутъ. Вчера только прочелъ въ «Новомъ Времени» о распоряженіи Министра Народнаго Просвѣщенія, чтобъ преподаватели опровергали въ классахъ соціализмъ (а стало быть, входили бы съ воспитанниками въ препирательства?). Идея до того опасная, что и представить себѣ нельзя.

Здѣсь, когда я пріѣхалъ, разговаривали объ офицерѣ Дубровинѣ (повѣшенномъ) здѣшняго Вильманстрандскаго полка. Онъ, говорятъ, представлялся сумасшедшимъ до самой петли, хотя могъ и не представляться, ибо безспорно былъ и безъ того сумасшедшій. Но вотъ какъ начнешь судить по стоящему предъ глазами примѣру, то въ сотый разъ поражаешься двумя фактами, которые у насъ ни за что не хотятъ измѣниться. А именно: взявъ въ объектъ хотя бы лишь одинъ полкъ Дубровина, а съ другой стороны, его самого, то увидишь такую разницу, какъ будто бы существа съ разнородныхъ планетъ, между тѣмъ Дубровинъ жилъ и дѣйствовалъ въ твердой вѣрѣ, что всѣ и весь полкъ вдругъ сдѣлаются такими же, какъ онъ, и только объ томъ и будутъ разсуждать, какъ и онъ.—Съ другой стороны мы, говоримъ прямо: это сумасшедшіе, и между тѣмъ у этихъ сумасшедшихъ своя логика, свое ученіе, свой кодексъ, свой Богъ даже и такъ крѣпко засѣло, какъ крѣпче нельзя. На это не обращаютъ вниманія: пустяки, дескать, не похоже ни на что значитъ пустяки. *Культуры* нѣтъ у насъ (что есть вездѣ), дорогой Константинъ Петровичъ, а нѣтъ черезъ нигилиста, Петра Великого. Вырвана она съ корнемъ. А такъ какъ не единымъ хлѣбомъ живетъ человѣкъ, то и выдумываетъ бѣдный нашъ безкультурный поневолѣ что-нибудь пофантастичнѣе, да понелѣпѣе, да чтобъ ни на что не похоже (потому что хоть все цѣликомъ у европейскаго соціализма взялъ, а вѣдь и тутъ передѣлалъ такъ, что ни на что не похоже).

Вотъ и четыре страницы, и представьте дорогой Константинъ Петровичъ, написалъ Вамъ именно то, о чемъ (что) не хотѣлъ писать! Но нечего дѣлать. Крѣпко жму Вамъ руку и шлю самое искреннее пожеланіе Вамъ всего лучшаго и долгихъ, долгихъ лѣтъ. Мнѣ пріятно теперь, что Вы эти слова мои получите и прочтете.

Если напишите мнѣ хоть полсловечка, то сильно поддержите духъ мой. Я и зимой къ Вамъ пріѣзжалъ духъ лѣчить.

Пошли же Вамъ Богъ спокойствія мысли—больше этого пожеланія и не знаю, чего бы еще можно пожелать человѣку въ наши дни.

Многоуважаемой супругѣ Вашей глубокій мой поклонъ.

Вашъ совершенно преданный всегдашній слуга

Вашъ

Ѳ. Достоевскій.

Адресъ мой: Старая Русса Ѳ. М.-чу Достоевскому.

с ним свои глубоко-философские замыслы—вроде образа Зосимы; ему откровенно поверяет свои грустные думы по поводу нестроений и уклонений в дорогом ему мире литературы и в обществе, похожих теперь—увы!—на «Сумасшедший дом»; с ним делится тревожными сомнениями, как бы на пушкинских торжествах в июне 1880 г. не одержала верх западническая партия, и с тем самым дорогие ему убеждения и взгляды не потерпели крушения и не лишились бы сочувствия в обществе.

Мы не ставим себе задачей проследить в подробностях историю этой дружбы, не намерены входить в разбор и изложение всех тех глубоко личных оснований этой дружеской связи, сходства и различия их мировоззрений, и ограничиваемся только внешней схемой—канвой этих отношений, намечая лишь слабые контуры этой истории.

Понятно, как тяжело должна была отозваться смерть Достоевского в сердце Победоносцева и лиц, близких к нему по убеждениям—Аксакова и др. Сохранилась трогательная искренняя переписка Победоносцева с Аксаковым по поводу болезни и, наконец, смерти Федора Михайловича. В письме 30-го января 1881 г. К. П. Победоносцев писал И. С. Аксакову: «Тяжко, пишешь ты, еще не зная о кончине Ф. М. Достоевского. А вот у его гроба и вдвое тяжко. Я близко знал этого человека. Для него исключительно у меня был назначен вечер субботний, и он нередко приходил проводить его вдвоем со мною. И своего «Зосиму» он задумывал по моим указаниям: много было между нами задушевных речей... В нынешнюю пору как раз он пришелся ко времени. И теперь незаменим, ибо *стоял сам по себе*» [1]).—На это Аксаков отвечал в феврале еще более значительными словами:

«...Смерть Достоевского—истинное наказание божие. Только теперь вполне раскрывается нравственное его значение, как учителя для молодых душ. Даже для тех, которые не были с ним в личных сношениях. В нем обретали себе опору и смелость высшие, нравственные идеалы, смутно и робко носимые в душе то того, то другого юноши. Ибо в сущности «угнетенным» и «оскорбленным» должно считаться религиозное и нравственное чувство в среде русской интеллигенции. Молодому человеку нужна большая доля мужества и самостоятельности, чтобы дерзать питать и исповедывать его в себе» [2]). Полным созвучием этому являются письма Победоносцева Александру III [3]) о Достоевском на другой день после его смерти и в день похорон, текст которых печатаем после писем Достоевского.

Сообщил *Н. Бельчиков.*

---

[1]) «Новое Время» 1909 г., № 12118 (иллюстр. прилож.); ср. Ч. Ветринский «Достоевский», стр. 162—163.

[2]) См. Ч. Ветринский—стр. 163.

[3]) Подлинники в Государственном Архиве Р. С. Ф. С. Р.

I.

Письма Ф. М. Достоевского.

1.

Старая Русса.
19 мая 79.

Милостивый Государь,

Дорогой и Многоуважаемый
Константинъ Петровичъ!

Хоть сегодня всего лишь 19 мая, но письмо мое дойдетъ къ Вамъ не ранѣе 21-го, а потому и спѣшу поздравить Васъ съ днемъ Вашего Ангела. Кстати припоминаю, что ровно годъ назадъ я былъ у Васъ въ этотъ день утромъ, и, кажется мнѣ, что прошло тому всего какихъ-нибудь недѣли двѣ-три, много мѣсяцъ—до того непозволительно быстро идетъ и уходитъ наше время!—Вотъ уже мѣсяцъ какъ я здѣсь совершенно одинъ съ семействомъ и никого почти не видалъ. Погода была въ большинствѣ хорошая, здѣсь давно уже отцвѣли черемуха и яблони, и въ полномъ цвѣту сирень. Я сидѣлъ и работалъ, но сдѣлалъ не такъ много, отослалъ, однакоже, половину *книги* (2 $^1/_2$ листа) на Майскую книгу« Р. В-ка» *), но сижу, жду корректуры[1]) и не знаю, что будетъ. Дѣло въ томъ, что эта книга въ романѣ у меня кульминаціонная, называется «Pro и Contra», а смыслъ книги: богохульство и опроверженіе богохульства. Богохульство-то вотъ это закончено и отослано, а опроверженіе пошло лишь на Іюньскую книгу. Богохульство это взялъ, какъ самъ чувствовалъ и понималъ сильнѣй, т.-е. такъ именно, какъ происходитъ оно у насъ теперь въ нашей Россіи у *всего* (почти) верхняго слоя, а преимущественно у молодежи, т.-е. научное и философское опроверженіе бытія Божія уже заброшено, имъ не занимаются вовсе теперешніе *дѣловые соціалисты* (какъ занимались во все прошлое столѣтіе и въ первую половину нынѣшняго), зато *отрицается* изо всѣхъ силъ созданіе Божіе, міръ Божій и *смыслъ его*. Вотъ, въ этомъ только современная цивилизація и находитъ ахинею. Такимъ образомъ, льщу себя надеждою, что даже и въ такой отвлеченной темѣ не измѣнилъ реализму. Опроверженіе сего (не прямое, т.-е. не отъ лица къ лицу) явится въ послѣднемъ словѣ умирающаго старца.—Меня многіе критики укоряли, что я вообще въ романахъ моихъ беру будто бы не тѣ темы, не реальныя и проч. Я, напротивъ, не знаю ничего реальнѣе именно этихъ вотъ темъ...

*) «Русского Вестника».

Послалъ-то я, послалъ, а между тѣмъ мерещится мнѣ, вдругъ возьмутъ да и не напечатаютъ въ Р.В-кѣ *почему-либо*. Но объ этомъ довольно. Что у кого болитъ, тотъ о томъ и говоритъ. Читаю здѣсь газеты и ничего не пойму. Просто ни объ чемъ не пишутъ. Вчера только прочелъ въ «Новомъ Времени» о распоряженіи Министра Народнаго Просвѣщенія, чтобъ преподаватели опровергали въ классахъ соціализмъ (а стало быть, входили бы съ воспитанниками въ препирательства?). Идея до того опасная, что и представить себѣ нельзя.

Здѣсь, когда я пріѣхалъ, разговаривали объ офицерѣ Дубровинѣ (повѣшенномъ) здѣшняго Вильманстрандскаго полка. Онъ, говорятъ, представлялся сумасшедшимъ до самой петли, хотя могъ и не представляться, ибо безспорно былъ и безъ того сумасшедшій. Но вотъ какъ начнешь судить по стоящему предъ глазами примѣру, то въ сотый разъ поражаешься двумя фактами, которые у насъ ни за что не хотятъ измѣниться. А именно: взявъ въ объектъ хотя бы лишь одинъ полкъ Дубровина, а съ другой стороны, его самого, то увидишь такую разницу, какъ будто бы существа съ разнородныхъ планетъ, между тѣмъ Дубровинъ жилъ и дѣйствовалъ въ твердой вѣрѣ, что всѣ и весь полкъ вдругъ сдѣлаются такими же, какъ онъ, и только объ томъ и будутъ разсуждать, какъ и онъ.—Съ другой стороны мы, говоримъ прямо: это сумасшедшіе, и между тѣмъ у этихъ сумасшедшихъ своя логика, свое ученіе, свой кодексъ, свой Богъ даже и такъ крѣпко засѣло, какъ крѣпче нельзя. На это не обращаютъ вниманія: пустяки, дескать, не похоже ни на что значитъ пустяки. *Культуры* нѣтъ у насъ (что есть вездѣ), дорогой Константинъ Петровичъ, а нѣтъ черезъ нигилиста, Петра Великого. Вырвана она съ корнемъ. А такъ какъ не единымъ хлѣбомъ живетъ человѣкъ, то и выдумываетъ бѣдный нашъ безкультурный поневолѣ что-нибудь пофантастичнѣе, да понелѣпѣе, да чтобъ ни на что не похоже (потому что хоть все цѣликомъ у европейскаго соціализма взялъ, а вѣдь и тутъ передѣлалъ такъ, что ни на что не похоже).

Вотъ и четыре страницы, и представьте дорогой Константинъ Петровичъ, написалъ Вамъ именно то, о чемъ (что) не хотѣлъ писать! Но нечего дѣлать. Крѣпко жму Вамъ руку и шлю самое искреннее пожеланіе Вамъ всего лучшаго и долгихъ, долгихъ лѣтъ. Мнѣ пріятно теперь, что Вы эти слова мои получите и прочтете.

Если напишите мнѣ хоть полсловечка, то сильно поддержите духъ мой. Я и зимой къ Вамъ пріѣзжалъ духъ лѣчить.

Пошли же Вамъ Богъ спокойствія мысли—больше этого пожеланія и не знаю, чего бы еще можно пожелать человѣку въ наши дни.

Многоуважаемой супругѣ Вашей глубокій мой поклонъ.

Вашъ совершенно преданный всегдашній слуга

Вашъ

Ѳ. Достоевскій.

Адресъ мой: Старая Русса Ѳ. М.-чу Достоевскому.

2.

Эмсъ 9/21 августа, 79.

Allemagne, Bad-Ems, M-r Theodor Dostoyewsky, poste restante.

Многоуважаемый
Константинъ Петровичъ!

На Ваше прекрасное письмо ко мнѣ въ Старую Руссу до сихъ поръ не отвѣтилъ, но думалъ хоть минуту лично повидать Васъ проѣздомъ въ Эмсъ; былъ у Васъ (въ домѣ Финской церкви) и не засталъ, а швейцаръ сказалъ мнѣ, что Вы очень часто пріѣзжаете. Очень пожалѣлъ, потому что отъ Васъ всегда услышишь живое и подкрѣпляющее слово, а я именно въ подкрѣпленіи нуждался. Поѣхалъ я въ Эмсъ совсѣмъ больной. Моя грудная болѣзнь (анфизема) вслѣдствіе дурной погоды за все лѣто до того усилилась въ Старой Руссѣ, что я не только тѣломъ, но и духомъ былъ разстроенъ. При этомъ тяжелая работа съ Карамазовыми, а, наконецъ, и тяжелое впечатленіе отъ созерцанія происходящаго и отъ «Сумасшедшаго Дома» русской печати и интеллигенціи.

Здѣсь я уже 3-ю недѣлю лѣчусь и не знаю что будетъ, между тѣмъ, при нашемъ курсѣ, поѣздка обошлась мнѣ въ 700 руб., которые очень и очень могли бы быть сохранены для семейства. Я здѣсь лежу и безпрерывно думаю о томъ, что уже, разумѣется, я скоро умру, ну черезъ годъ или черезъ два, и что же станется съ тремя золотыми для меня головками послѣ меня? Впрочемъ, я здѣсь и вообще въ самомъ мрачномъ расположеніи духа. Узкое ущелье, положимъ, живописное, какъ ландшафтъ, но которое я уже посѣщаю 4-е лѣто, и въ которомъ каждый камень ненавижу, потому что трудно себѣ и представить сколько тоски вынесъ я здѣсь въ эти 4 раза пріѣзду. Нынѣшній же пріѣздъ самый ужасный: многотысячная толпа всякаго сброду со всей Европы (Русскихъ мало, и все какіе-то неизвѣстные изъ окраинъ Россіи) на самомъ тѣсномъ пространствѣ (ущелье), не съ кѣмъ ни одного слова сказать, и главное—все чужое, все совсѣмъ чужое—это невыносимо. И такъ вплоть до нашего сентября, т.-е. цѣлыхъ 5 недѣль. И замѣтьте: буквально на половину жидовъ. Еще въ Берлинѣ я замѣтилъ проѣздомъ Пуцыковичу [2]), что по моему взгляду Германія, Берлинъ по крайней мѣрѣ, жидовится. И вотъ здѣсь въ «Моск. Вѣдомостяхъ», прочелъ выдержку изъ одной только что появившейся въ Германіи брошюры: «гдѣ же тутъ жидъ?» Это отвѣтъ одного жида же одному нѣмцу, осмѣлившемуся написать, что Германія жидовится ужасно во всѣхъ отношеніяхъ. «Нѣтъ жида», отвѣчаетъ брошюра, и вездѣ нѣмецъ, но если нѣтъ жида, то вездѣ вліяніе еврея, ибо, дескать, еврейскій духъ и національность выше германской, и дѣйствительно привили къ Германіи «*духъ спекулятивнаго реализма*» и проч., и проч. Такимъ образомъ, мой взглядъ оказался вѣрнымъ; нѣмцы и жиды сами объ этомъ свидѣтельствуютъ. Но помимо спекулятивнаго реализма, который и къ намъ рвется, Вы не повѣрите какъ здѣсь все безчестно, т.-е. въ торговлѣ по крайней мѣрѣ и проч. (*зачеркнуто* купецъ). Теперешній нѣмецкій

купецъ не то что обманываетъ иностранца (это еще бы простительно), но его *обворовываетъ* буквально. Когда я здѣсь на это жаловался, то мнѣ отвѣчали, смѣясь, что и съ своими также поступаютъ. Ну Богъ съ ними. Я какъ пріѣхалъ сюда, тотчасъ же сѣлъ опять за работу и, наконецъ-то, третьяго дня, отослалъ въ Москву требуемое на августъ. Выйдетъ 31 августа. Это 6-я книга романа и называется: «*Русскій Инокъ*» (NB. Біографическія свѣдѣнія изъ жизни старца Зосимы и нѣкоторыя его поученія). Жду ругательствъ отъ критиковъ; самъ же хоть и знаю, что $^1/_{10}$ доли не выполнилъ изъ того, что хотѣлъ совершить, но все же обратите на этотъ отрывокъ Ваше вниманіе, многоуважаемый и дорогой Константинъ Петровичъ, ибо очень хотѣлось бы знать мнѣніе Ваше. Я писалъ эту книгу *для немногихъ*, и считаю кульминаціонною точкой моей работы. Кстати, въ нынѣшнемъ году не кончу романа: 3-я и послѣдняя часть останется на будущій годъ.— А теперь опять сажусь здѣсь за работу.

Въ Берлинѣ встрѣтилъ Пуцыковича. Ему нѣтъ-нѣтъ, а кто нибудь и поможетъ; увѣрялъ меня Богомъ, что черезъ три дня выдастъ обѣщанный № Гражданина въ Берлинѣ, и до сихъ поръ не выдаетъ. Думаю, что и не выдастъ вовсе. Замѣтилъ одну въ немъ черту: это лѣнтяй и работать не въ состояніи. Я, Вы знаете, до самаго послѣдняго времени бралъ въ немъ участіе, но теперь онъ привелъ меня въ отчаяніе. И все-то онъ сваливаетъ на людей. Но вотъ цѣлое письмо написалъ и все-то о себѣ. Простите, пожалуйста, многоуважаемый и дорогой Константинъ Петровичъ. Ваши арестанты (Сахалинъ и то, что Вы мнѣ писали о нихъ) перевернули (*на полях 4-й стр.*) всю мою душу, слишкомъ близкое это мнѣ дѣло, несмотря на 25 лѣтъ разстоянія. Но объ этомъ лично. А теперь до желаннаго и хорошаго свиданія. Вашъ весь и преданный Вамъ во вѣки.

Ѳ. Достоевскій.

3.

Эмсъ, 24 августа,
13 сентября, 79. *)

Многоуважаемый и достойнѣйшій Константинъ Петровичъ, получилъ здѣсь Ваши оба письма и сердечно Вамъ благодаренъ за нихъ, особенно за первое, гдѣ Вы говорите о моемъ душевномъ состояніи. Вы совершенно, глубоко справедливы и мысли Ваши меня только подкрѣпили. Но я душою больной, и мнительный. Сидя здѣсь, въ самомъ полномъ и скорбномъ уединеніи, поневолѣ захандрилъ. Но, однако, спрошу: можно ли оставаться, въ наше время, спокойнымъ? Посмотрите, сами же Вы указываете во 2-мъ письмѣ Вашемъ (а что такое письмо?) на всѣ тѣ невыносимые факты, которые совершаются; я вотъ занятъ теперь романомъ (а окончу его лишь въ будущемъ году!), а между тѣмъ измученъ желаніемъ продолжать бы Дневникъ, ибо есть, дѣйствительно имѣю, что сказать—и именно какъ Вы бы желали—безъ без-

*) Дата спутана в оригинале.

плодной, общекелейной полемики, а твердымъ небоящимся словомъ. И, главное, всѣ-то теперь, даже имѣющіе что сказать, боятся. Чего они боятся? Рѣшительно—призрака. «Общеевропейскія» идеи науки и просвѣщенія деспотически стоятъ надъ всѣми, и никто-то не смѣетъ высказаться. Я слишкомъ понимаю, почему Градовскій, привѣтствующій студентовъ, какъ интеллигенцію, имѣлъ своими послѣдними статьями [3]) такой огромный успѣхъ у нашихъ европейцевъ: въ томъ-то и дѣло, что онъ всѣ лекарства всѣмъ современнымъ ужасамъ нашей неурядицы видитъ въ той же Европѣ, въ одной Европѣ. Мое литературное положеніе (я Вамъ никогда не говорилъ объ этомъ) считаю я почти феноменальнымъ: какъ человѣкъ, пищущій за урядъ противъ европейскихъ началъ, компроментировавшій себя навѣки *Бѣсами*, т.-е. ретроградствомъ и обскурантизмомъ—какъ этотъ человѣкъ, помимо всѣхъ европействующихъ, ихъ журналовъ, газетъ, критиковъ—все-таки признанъ молодежью нашей, вотъ этою (*зачеркнуто:* су) самой расшатанной молодежью, нигилятиной и проч.? Мнѣ ужъ это заявлено ими, изъ многихъ мѣстъ, единичными заявленіями и цѣлыми корпораціями. Они объявили уже, что отъ меня одного ждутъ искренняго и симпатичнаго слова и что меня одного считаютъ своимъ *руководящимъ писателемъ*. Эти заявленія молодежи извѣстны нашимъ дѣятелямъ литературнымъ, разбойникамъ пера и мошенникамъ печати, и они очень этимъ поражены, не то дали бы они мнѣ писать свободно! Заѣли бы, какъ собаки, да боятся и въ недоумѣніи наблюдаютъ, что дальше выйдетъ. Здѣсь я читаю мерзѣйшій «Голосъ»,—Господи, какъ это глупо, какъ это омерзительно ллѣниво и квіетично окаменѣло на одной токѣ. Вѣрите ли, что злость у меня иногда перерождаетсявъ рѣшительчый смѣхъ, какъ, напримѣръ при чтеніи статей 11-лѣтняго мыслителя, Ввг. Маркова [4]), о женскомъ вопросѣ. Это ужъ глупость до послѣдней откровенности. Вы пишите, что Пуцыковича выпускъ Вамъ не понравился. Да, дѣйствительно, но вѣдь съ этимъ человѣкомъ даже и говорить нельзя и совѣтывать ему нельзя, онъ обидчиво увѣренъ въ себѣ. Но, главное, ему бы только подписка, а остальное все онъ производитъ съ чрезвычайно легкой совюстью. Мнѣніе Ваше о прочитанном въ Карамазовых мнѣ очень польстило (на счетъ силы и энергіи написанного), но Вы тутъ же задаете *необходимѣйшій* вопросъ: что отвѣту на всѣ эти атеистическія положенія у меня пока не оказалось, а ихъ надо. То-то и есть, и въ этомъ-то теперь моя забота и все мое безпокойство. Ибо отвѣтомъ на всю эту *отрицательную сторону* я и предположилъ быть вотъ этой 6-й книгѣ «*Русскій Инокъ*», которая появится 31 августа. А потому и трепещу за нее въ томъ смыслѣ: будетъ ли она *достаточнымъ* отвѣтом. Тѣмъболѣе ,что отвѣтъ-то вѣдь не прямой, не на положенія, прежде выраженныя (въ В. Инквизиторѣ и прежде) по пунктамъ, а лишь косвенный. Тутъ представляется нѣчто прямо (*зачеркнуто*: и обратно). противоположное выше выраженному міровоззренію, но представляется опять таки не по пунктамъ, а, такъ сказать, въ художественной картинѣ. Вотъ это меня и безпокоитъ, т.-е. буду ли понятенъ и достигну ли хоть каплю цѣли. А тутъ въ добавокъ еще обязанности художественности: потребовалось представить фигуру скромную и ве-

личественную, между тѣмъ жизнь полна комизма и только величественна лишь въ внутреннемъ смыслѣ ея, такъ что по неволѣ, изъ-за художественныхъ требованій, принужденъ былъ въ біографіи моего инока коснуться и самыхъ пошловатыхъ сторонъ, чтобы не повредить художественному реализму. Затѣмъ есть нѣсколько поученій инока, на которыя прямо закричатъ, что они абсурдны, ибо слишкомъ восторженны; конечно, онѣ абсурдны въ обыденномъ смыслѣ, но въ смыслѣ иномъ, внутреннемъ, кажется, справедливы. Во всякомъ случаѣ, очень безпокоюсь и очень бы желалъ Вашего мнѣнія, ибо цѣню и уважаю Ваше мнѣніе очень. Писалъ же съ большою любовью. Но вижу, что слишкомъ распространился о своемъ произведеніи. 1-го или 2-го сентября буду въ Петербургѣ (поспѣшая чрезвычайно въ Ст. Руссу въ семейство), зайду къ Вамъ (не знаю въ какой часъ, не могу рѣшить заранѣ), и если посчастливится, то и застану Васъ, можетъ быть, хоть на минутку. До свиданія, добрѣйшій и искренне уважаемый Константинъ Петровичъ, дай Вамъ Богъ много лѣтъ здравствовать — лучшаго пожеланія въ наше время, и не надо, потому что такіе люди, какъ Вы, должны жить. У меня (*на полях 4-й стр. приписка*:) порою мелькаетъ глупенькая и грѣшная мысль: ну что будетъ *съ Россіей* если мы, послѣдніе Могикане, умремъ? Правда, сейчасъ же и усмѣхнусь на себя. Тѣмъ не менѣе все таки мы должны жить и неустанно дѣлать. А вы ли не дѣятель? (*на верху 4-й стр. вверх и обратно*) Кстати: Пуциковичъ, услышавъ отъ меня содержаніе письма Вашего насчетъ отправки преступниковъ въ Сахалинъ, присталъ ко мнѣ, чтобъ я далъ напечатать въ «Гражданинѣ». Я, разумѣется, не далъ. Весь Вашъ

Ѳ. Достоевскій.

4.

Старая Русса.
19 мая, 80.

Глубокоуважаемый

Константинъ Петровичъ!

По примѣру прежнихъ лѣтъ не могу и на этотъ разъ пропустить 21-е число, чтобъ пожелать Вамъ, искренно и отъ всего сердца, всего самого лучшаго и чего желаете сами въ день Вашего Ангела. Дай Вамъ Богъ прежде всего здоровья, а потомъ всякаго великолѣпнаго успѣха въ новыхъ трудахъ Вашихъ. Адресую Вамъ мое посланіе на старую Вашу квартиру, надѣюсь, что почтамту извѣстно Ваше новое помѣщеніе. Передъ отъѣздомъ изъ Петербурга (ровно недѣлю назадъ) положилъ было непремѣнно побывать у Васъ, чтобы проститься на все лѣто и испросить у Васъ напутственное слово, въ которомъ, по одному особому случаю, очень нуждался. Но суета и хлопоты отъѣзда рѣшили иначе, и быть у Васъ не могъ. Пріѣхалъ же сюда въ Руссу не на отдыхъ и не на покой. Долженъ ѣхать въ Москву на открытіе памятника Пушкина, да притомъ еще въ качествѣ депутата отъ Славянскаго Благотворительнаго Общества. И оказывается, какъ я уже

и предчувствовалъ, что не на удовольствіе поѣду, а даже, можетъ-быть, прямо на непріятности. Ибо дѣло идетъ о самыхъ дорогихъ и основныхъ убѣжденіяхъ. Я уже и въ Петербургѣ мелькомъ слышалъ, что тамъ въ Москвѣ свирѣпствуетъ нѣкая клика, старающаяся не допустить иныхъ словъ на торжествѣ открытія и что опасаются они нѣкоторыхъ *ретроградныхъ* словъ, которые могли бы быть *иными* сказаны въ засѣданіяхъ Люб. Россійской Словесности, взявшихъ на себя все устройство праздника. Меня же именно приглашалъ Предсѣдатель Общества и само Общество (офиціальной бумагою) *говорить* на открытіи. [5]) Даже въ газетахъ уже напечатано про слухи о нѣкоторыхъ интригахъ. Мою рѣчь о Пушкинѣ я приготовилъ, и какъ разъ, въ самомъ *крайнемъ* духѣ моихъ (*нашихъ*, то-есть, осмѣлюсь такъ выразиться) убѣжденій, а потому и жду, можетъ быть, нѣкоего поношенія. Но не хочу смущаться и не боюсь, а своему дѣлу послужить надо и буду говорить небоязненно. Профессора ухаживаютъ тамъ за Тургеневымъ, который рѣшительно обращается въ какого-то личнаго мнѣ врага [6]). (Въ «Вѣстникѣ Европы» пустилъ обо мнѣ мелкую сплетню о небываломъ одномъ происшествіи 35 лѣтъ тому назадъ)[7]). Но славить Пушкина и проповѣдывать «Вѣрочку» я не могу [8]). Впрочемъ, что Васъ утруждать мелкими сплетнями. Но въ томъ-то и дѣло, что тутъ не одни только сплетни,а дѣло общественное и большое, ибо Пушкинъ именно выражаетъ идею, которой мы всѣ (малая кучка пока еще) служимъ, и это надо отмѣтить и выразить. Это-то вотъ имъ и ненавистно. Впрочемъ, можетъ быть, просто не дадутъ говорить. Тогда мою рѣчь напечатаю.

Крѣпко жму Вашу руку, глубокоуважаемый Константинъ Петровичъ. Возвратясь примусь кончать Карамазовыхъ, и все лѣто въ трудѣ. Но не жалуюсь, а люблю этотъ трудъ. Съ будущаго же года, уже рѣшилъ теперь, непремѣнно возобновлю «Дневникъ Писателя». Тогда опять прибѣгну къ Вамъ (какъ прибѣгалъ и въ оны дни) за указаніями, въ коихъ, вѣрю горячо, мнѣ не откажете.

А пока примите увѣреніе въ моей горячей преданности.

Вашъ покорнѣйшій слуга

Ѳ. Достоевскій.

Жена поздравляетъ Васъ и попрекнула меня сейчасъ, что объ ей забылъ написать.

5

Старая Русса,
25 іюля, 80.

Любезнѣйшій и глубокоуважаемый
Константинъ Петровичъ!

Весьма обрадовали меня Вашимъ письмецомъ, а обѣщаніемъ не забывать меня и впредь—еще больше. Въ Эмсъ я окончательно рѣшилъ *не* ѣхать: слишкомъ много работы. За весенней сумятицей запустилъ «Карамазовыхъ» и теперь положилъ ихъ кончить еще до отъѣзда изъ Старой Руссы, а потому и сижу за ними день и ночь.—Теперь къ Вашему порученію:

Батюшка Румянцевъ [9]) есть мой давній и истинный другъ, достойнѣйшій изъ достойнѣйшихъ священниковъ, какихъ только я когда-нибудь зналъ. Это въ его домѣ квартируетъ Вашъ отецъ Алексѣй Надежинъ. Въ домѣ Румянцева нанимаетъ на лѣтній сезонъ квартиру семейство одного Петербургскаго г. Рота, Лужскаго помѣщика и владѣтеля нѣсколькихъ Петербургскихъ домовъ, теперь, однако же, разорившагося. Алексѣй въ дружествѣ съ Ротами и живетъ хотя отдѣльно, вверху въ мезонинѣ, но, кажется мнѣ, просто пока *приживаетъ* у Ротовъ. Даетъ, впрочемъ, многочисленнымъ дѣтямъ Рота уроки. Я видѣлъ его и прежде разъ у батюшки Румянцева, но мелькомъ. Получивъ же Ваше письмо тотчасъ же, въ 5 часовъ вечера, отправился къ Румянцеву (отъ меня очень недалеко) и сообщилъ ему въ секретѣ про Ваше порученіе, обязавъ его, чтобъ онъ ни слова не говорилъ отцу Алексѣю. Румянцевъ съ отцомъ Алексѣемъ, хоть и знакомы (живутъ въ одномъ домѣ), но не очень. По моему желанію, Румянцевъ тотчасъ пригласилъ къ себѣ отца Алексѣя, гулявшаго въ саду, выпить чаю, который уже стоялъ на столѣ. Отецъ Алексѣй, хоть и отнѣкивался, но, наконецъ, пришелъ, и я провелъ съ нимъ цѣлый часъ, ничего ему о Вашемъ порученіи не объявляя. Вотъ мое наблюденіе и заключеніе:

Сорокъ семь лѣтъ, лысъ, черноволосъ, мало сѣдины. Лицо довольно благообразное, но гемороидальное. Сложенія, повидимому, отъ природы крѣпкаго. Но рѣшительно боленъ. Выходитъ изъ священства по совершенной невозможности служить отъ нездоровья. Это уже дѣло невозвратимое, и самъ онъ ни за что *не согласится* оставаться священникомъ, такъ самъ заявлялъ нѣсколько разъ въ разговорѣ. Болѣзнь его странная, но, по счастью, мнѣ извѣстная, ибо самъ я боленъ былъ этою же самою болѣзнію въ 47, 48 и 49 годахъ. Имѣю тоже одного брата (еще живущаго) точь въ точь этою же болѣзнію больного. Главное основаніе ее сильнѣйшее брюшное полнокровіе. Но въ иныхъ характерахъ припадки этой болѣзни доходятъ до разстройства нравственнаго, душевнаго. Человѣкъ заражается безпредѣльною мнительностью и подъ конецъ воображаетъ себя больнымъ уже всѣми болѣзнями и безпрерывно лечится у докторовъ и самъ себя лечитъ. Главная причина та, что геморой въ этой степени вліяетъ на нервы и разстраиваетъ ихъ уже до психическихъ припадковъ. Отецъ Алексѣй убѣжденъ уже нѣсколько лѣтъ, что отъ гемороя произошло въ немъ малокровіе мозговое, анемія мозга. «Прошлый годъ согласился отслужить Свѣтло-Христовскую заутреню,—разсказываетъ онъ,—и такъ ослабѣлъ, что отнялись ноги, не могъ стоять. Служилъ тоже разъ всенощную и не докончилъ. Съ тѣхъ поръ пересталъ служить. Еслибъ, кажется, мнѣ сказали теперь, что завтра мнѣ надо служить, то я всю ночь бы не спалъ и дрожалъ и навѣрно бы и въ церковь не дошелъ, а упалъ бы въ обморокъ». (Видна, по крайней мѣрѣ, большая совѣстливость къ службѣ и къ совершенію таинства). Прежде онъ былъ домашнимъ священникомъ у Воейкова, потомъ смотрителемъ въ какомъ-то богоугодномъ заведеніи Невской лавры, давалъ много уроковъ, по 8 часовъ въ недѣлю. «Кончишь недѣлю, наступитъ воскресенье, лежу у себя дома на диванѣ весь день и читаю книгу—великое наслажденіе!».—Теперь все время проводитъ въ

лѣченіи, здѣсь пьетъ какую-то для него составленную воду, о болѣзняхъ своихъ говорить любитъ много и съ увлеченіемъ. Не знаю (*зачеркнуто*: такъ ли),такъ ли онъ экспансивенъ и на другіе темы, ибо другихъ темъ у него, очевидно, теперь и нѣтъ: все сейчасъ сведетъ на разговоръ о болѣзни своей. Простодушенъ и не хитеръ, хотя врядъ-ли съ большой потребностью духовной общительности, несмотря на простодушіе, нѣсколько мнителенъ, уже не по отношенію только къ болѣзнямъ *). Кажется, совершенно честный человѣкъ. Видъ порядочности несомнѣнной. Убѣжденій истинныхъ, далеко не лютеранинъ, смотритъ на православныхъ русскихъ *нашего* образованнаго общества весьма правильно. Совѣстливость есть, но есть ли жаръ къ духовному дѣлу—не знаю. Будущаго не столь боится: «одинъ человѣкъ не бѣденъ», сказалъ мнѣ. Нѣсколько обиженъ, что на просьбу его о вспомоществованіи положили дать ему 48 рублей (*зачеркнуто и написано неразборчиво*) въ годъ, или платить за него въ больницу, буде ляжетъ до излѣченія. «Я пролѣчилъ все, что скопилъ,—говоритъ онъ,—никого не безпокоилъ, и вотъ только 48 рублей» (*зачеркнуто и написано неразборчиво слово*). Впрочемъ, если и осуждаетъ, то безъ большой злобы. Послѣдняя черта: кажется, довольно комфортолюбивъ, любитъ отдѣльную комнату, хотя бы одну, но только вполнѣ приспособленную. Любитъ бывать одинъ, любитъ читать книгу, немного маньякъ, но сообщества людей не столь чуждается. Вотъ все, что я умѣлъ замѣтить. Посылаю Вамъ скороспѣлую, не ретушеванную фотографію. Главное же и окончательное наблюденіе, что продолжать священствовать *ни за что не захочетъ*.—Видъ его довольно независимый, не пройдошливъ, не искателенъ, не интересанъ—этого въ высшей степени нѣтъ. Скорѣе девизъ его: «оставьте меня въ покоѣ».

Теперь, чтобъ заключить еще объ себѣ: кромѣ «Карамазовыхъ», издаю на-дняхъ, въ Петербургѣ, одинъ № *Дневника Писателя*—единственный № на этот годъ. Въ немъ—моя рѣчь въ Москвѣ, предисловіе къ ней, уже въ Старой Руссѣ написанное, и, наконецъ, отвѣтъ критикамъ, главное, Градовскому. Но это не отвѣтъ критикамъ, а мое profession de foi на все будущее. Здѣсь уже высказываюсь окончательно и непокровенно, вещи называю своими именами. Думаю, что на меня подымутъ всѣ каменія. Не разъясняю Вамъ далѣе, выйдетъ въ самомъ началѣ августа, 5-го числа или даже раньше, но просилъ бы Васъ очень, глубокоуважаемый другъ, не побрезгать прочесть этотъ «Дневникъ» и сказать мнѣ Ваше мнѣніе. То, что написано тамъ—для меня роковое. Съ будущаго года намѣреваюсь «Дневникъ Писателя» возобновить и теперь являюсь тѣмъ, какимъ хочу быть въ возобновляемомъ Дневникѣ.

За Вашею драгоцѣнною дѣятельностью слѣжу по газетамъ. Великолѣпную рѣчь Вашу воспитанницамъ читалъ въ «Моск. Вѣдомостяхъ». Главное, дай Вамъ Богъ здоровья. Не надо слишкомъ себя утомлять. Вѣдь главное сообщить направленіе! А направленіе органи-

*) Последние слова: «уже.... болезням» написаны над зачеркнутыми словами, которых нельзя разобрать.

зуется лишь долголѣтнимъ воздѣйствіемъ. Слишкомъ помню Ваши слова весной. Благослови Васъ Богъ.

Васъ обнимающій и любовно преданный Вашъ Ѳедоръ Достоевскій.

P. S. А вѣдь не знаю Вашего адреса! Адресую прямо г. Оберъ-Прокурору Св. Синода—авось дойдетъ.

6.

Старая Русса,
16-го августа, 80.

Глубокоуважаемый и добрѣйшій
Константинъ Петровичъ!

Благодарю Васъ отъ всей души за Ваше доброе, прекрасное и ободрившее меня письмо. Именно *ободрившее*, потому что я, какъ человѣкъ, всегда нуждаюсь въ ободреніи отъ тѣхъ, которымъ вѣрю, умъ и убѣжденія которыхъ я глубоко уважаю. Каждый разъ, когда я напишу что-нибудь и пущу въ печать—я какъ въ лихорадкѣ. Не то, чтобъ я не вѣрилъ въ то, что самъ же написалъ, но всегда мучитъ меня вопросъ: какъ это примутъ, захотятъ ли понять суть дѣла, и не вышло бы скорѣе дурного, чѣмъ хорошаго тѣмъ, что я *опубликовалъ* мои завѣтныя убѣжденія? Тѣмъ болѣе, что всегда принужденъ высказывать иныя идеи лишь въ основной мысли, всегда весьма нуждающейся въ большомъ развитіи и доказательности. И вотъ мнѣніе такихъ людей, какъ Вы—рѣшительно моя поддержка. Значитъ, не ошибся я во всемъ, значитъ, поняли меня тѣ, умомъ и безпристрастнымъ сужденіемъ которыхъ я дорожу, а, стало быть, не втунѣ былъ и трудъ мой.

Я Вамъ откровенно скажу: вотъ теперь кончаю «Карамазовыхъ». Эта послѣдняя часть, самъ вижу и чувствую, столь оригинальна и не похожа на то (*зачеркнуто*: чт), какъ другіе пишутъ, что рѣшительно не жду одобренія отъ нашей критики; публика, читатели—другое дѣло: они всегда меня поддерживали. Я глубоко былъ бы Вамъ благодаренъ, еслибъ Вы обратили вниманіе Ваше на то, что будетъ напечатано въ Августовской книгѣ «Р. Вѣстника» (которая теперь еще только печатается), и потомъ въ Сентябрьской, гдѣ кончается 4-я и послѣдняя часть «Карамазовыхъ». В этой Сентябрьской книгѣ будетъ *судъ*, наши прокуроры и адвокаты—все это выставлено будетъ въ нѣкоторомъ особенномъ свѣтѣ.—«Дневникъ Писателя» рѣшился я издавать въ будущемъ году неуклонно. Настоящій «единственный выпускъ за этотъ годъ» имѣлъ успѣхъ несомнѣнный въ публикѣ: въ три дня раскупилось до 3000 экз. въ одномъ Петербургѣ, а я печаталъ всего 4200 экз. Думаю, что придется выпустить 2-ое изданіе. Жена передала мнѣ о томъ, какъ Вы ее любезно приняли. Благодарю за присылку «Варшавскаго Дневника» [10]); Леонтьевъ въ концѣ-концовъ немного *еретикъ*—замѣтили Вы это? Впрочемъ объ этомъ поговорю съ Вами лично, когда въ концѣ сентября переѣду въ Петербургъ, въ его сужденіяхъ есть много

любопытного.—Примите, глубокоуважаемый Константинъ Петровичъ, увѣреніе не только въ самыхъ искреннихъ моихъ чувствахъ, но и въ глубокой прекрасной надеждѣ на всю пользу, которой жду, да и не я одинъ, а всѣ отъ Вашей новой прекрасной дѣятельности. Вашъ приверженецъ и почитатель

Ѳ. Достоевскій.

II.

Письма К. П. Победоносцева к Александру III (б. тогда наследником) по поводу смерти Ф. М. Достоевского.

I.

Вчера вечеромъ скончался Ф. М. Достоевскій. Мнѣ былъ онъ близкій пріятель, и грустно, что нѣтъ его.

Но смерть его—большая потеря и для Россіи. Р[illegible]дѣ литераторовъ онъ—едва ли не одинъ—былъ горячимъ проп[illegible]комъ основныхъ началъ вѣры, народности, любви къ отечеств[illegible]частное наше юношество, блуждающее, какъ овцы безъ пастыр[illegible] нему питало довѣріе, и дѣйствіе его было весьма велико и благ[illegible]но. Многіе—несчастные молодые люди—обращались къ нему, ка[illegible]къ духовнику, словесно и письменно. Теперь некому замѣнить его!

Онъ былъ бѣденъ и ничего не оставилъ, кромѣ [illegible]гъ. Семейство его въ нуждѣ. Сейчасъ пишу къ графу Лорисъ-Мели[illegible]у и прошу доложить, не соизволитъ ли Государь Императоръ прин[illegible]участіе.

Не подкрѣпите ли, Ваше Высочество, это ходатайс[illegible]о [11]). Вы знали и цѣнили покойнаго Достоевского по его сочин[illegible]мъ, которые останутся навсегда памятникомъ великого Русскаго [illegible]аланта.

К. Поб[illegible]носцевъ.

29 января 1881 г.

2.

Похоронили сегодня Ф. М. Достоевскаго въ Невской [illegible]аврѣ. Грустно очень, что нѣтъ его. Вѣчная ему память. Мнѣ очень [illegible]увствительна потеря его: у меня для него былъ отведенъ тихій часъ, въ [illegible]бботу послѣ всенощной, и онъ нерѣдко ходилъ ко мнѣ, и мы говорили долго и много за полночь.

Вчера онъ долженъ былъ выпустить 1 номеръ своего «Дневника» и совсѣмъ приготовилъ, и вчера же, въ день его выноса, появился этотъ номеръ. На случай, если онъ не дошелъ еще до Вашего Высочества, прилагаю его здѣсь. Въ немъ есть прекрасныя страницы—съ самаго начала.

К. Побѣдоносцевъ.

1 февраля, 1881 г.

Примечания.

[1]) В майской книге «Русского Вестника» печаталось продолжение романа «Братья Карамазовы», начатого писанием летом 1878 г. и печатанием с января 1879 г.

[2]) Пуцыкович, Виктор Феофилович (1843—1899)—писатель и журналист. Он состоял секретарем редакции «Гражданина», когда с ним познакомился Федор Михайлович.

С 1874 по 1879 г. Пуцыкович был редактором-издателем «Гражданина», сменив на этом посту Ф. М. в апреле 1874 г., о чем сохранилось официальное прошение его [illegible] Главного Управления по делам печати (см. Ю. Г. Оксман. Ф. М. Достоевский в редакции «Гражданина», напеч. в сб. «Творчество Достоевского» под ред. [illegible] П. Гросмана, Одесса, 1921, стр. 81. Здесь же опубликовано и прошение Пуцыковича об утверждении его в редакторстве по истечении шестимесячного времени пребывания в роли редактора 8 окт. 1874; см. там же стр. 82).

С конца 1880 по 1881 г. Пуцыкович издавал и редактировал в Берлине «Русский Гражданин». Ф. М. вначале обещал свое участие и готовил для № 1 статью, но потом статьи не дал и разрешил только выставить свое имя, а позднее стал еще более скептически относиться к этому предприятию Пуцыковича.

В 1879 г. Федор Михайлович принимает близкое участие в его судьбе и материальных делах и делает попытку примирить с Катковым и устроить его в «Московских Ведомостях».

Письма Ф. М. Д. к нему за время 1874, 1878, 1879 и 1880 г.г. напечатаны в «Москов. Сборнике» под редакцией Сергея Шарапова. М. 1887.

[3]) Достоевский разумеет статью-фельетон А. Д. Градовского: «Задача русской молодежи», напечат. в «Голосе» № 211, 1 (13) авг. 1879 г. Градовский писал: Начало «учебного года» ставит вопрос, «благополучно ли пройдет новый учебный год»... сердца родителей и тех, кто призван наставлять молодежь, болезненно сжимаются при мысли, что новый год, подобно всем последним годам, принесет с собой разные происшествия, имеющие часто своим последствием гибель многих десятков молодых людей».

В чем причины? «В странах, где политическая общественная жизнь более развита, там всякая агитация, политическая и неполитическая, обращается к тем элементам, на которые она желает опереться. Социалисты обращаются к рабочим массам, либералы—к буржуазии и т. д.

У нас, при иных условиях, агитация всею своею силою обрушивается на школу, находит в восприимчивой и увлекающейся молодежи почву... В данную минуту, когда «учение» взято под подозрение, необходимо показать, что человек, желающий учиться, имеет *священное* неотъемлемое право на «учение» и ни под каким предлогом «хотя бы то был предлог народного благополучия, не отвлекали его от науки!»..

Достоевский, очевидно, принципиально не допускал подобных явлений,—т.-е. вмешательства студенчества в политическую жизнь страны,—и не мог допустить оправданий и ссылок на объясняющие эти явления причины —политические условия жизни страны—на что правильно указал А. Д. Градовский.

[4]) Марков Евгений поместил статью под названием «Горе от ума» (по поводу высших женских курсов) в «Голосе» (№ 224, 15-27 авг., № 227, 18-30 авг. 1879 г.),

как ответ на заметку какого-то обскуранта. (см. «Голос» № 175), решительного противника женского образования в России, жестоко осуждавшего начавшееся стремление женщин к высшему образованию; последний, утверждая, что образование несвоевременно и вредно, указывал прямой вред «курсов» в том, что «воспитание» отброшено и заменено образованием—в результате разность взглядов и мыслей и полное расстройство семейной жизни.—Марков дал отповедь этому обскуранту и взял под защиту высшее образование и «высшие курсы».

[5]) Юрьев, Сергей Андреевич (1821—1888)—литератор, переводчик испанских драматургов и Шекспира; в 1874—1888 председатель Общества Любителей, Российской Словесности; в 1880—1885 г.г. редактор «Русской Мысли».—Письма Ф. М. к нему напечатаны в сб. «В память С. А. Юрьева», изд. друзьями покойного. М. 1891 г.

[6]) Тургенев, Иван Сергеевич (1818—1883 г.г.), был депутатом от Комитета Литературного Фонда на Пушкинских торжествах. В Москву И. С. приехал из Петербурга 18 апреля того же 1880 года, с начала мая до 24 числа уезжал в Спасское для написания речи о Пушкине. Об этом И. С. писал из Спасского 12/V 1880 г. В. П. Гаевскому: «Я кончаю свою речь о Пушкине и 23-го утром буду в Москве, у Маслова» (Первое собр. писем... изд. Литер. Фонда, стр. 358). 23 апреля московскими учеными и литераторами в честь И. С. был устроен обед в зале Эрмитажа («С.-Петерб. Ведом.» 1880 г. № 117).—Вот на этот факт, как на «ухаживание профессоров» за И. С., и указывает Достоевский.

[7]) В «Вестнике Европы» за 1880 г. напечатано в февральской книжке единственно только известное письмо И. С. к редактору, ответ на одну из корреспонденций Б. М. Маркевича, в которой Маркевич, за подписью «Иногороднего обывателя», ввиду оваций, выпавших на долю Тургенева в 1879 г., обвинял великого романиста в «кувыркании» перед молодежью. В письме к редактору И. С. дал отповедь Маркевичу и характеристику «Иногор. обывателя»: «И как подумаешь, из чьих уст исходят эти клеветы, эти обвинения!? Из уст человека, с младых ногтей заслужившего репутацию виртуоза в деле низкопоклонства и «кувыркания» сперва добровольного, а, наконец, даже невольного»... (Подр. см. С. Венгерова, Энц. слов. Брокгауза, биография Маркевича, стр. 648—649; а также «Тургеневский Сборник», под ред. Кони, СПБ. 1921, стр. 45 и т. п.). Кроме этого письма в «Вестнике Европы», чего-либо связанного с Достоевским и исходящего от Тургенева нет; очевидно, по своей подозрительности, Ф. М. именно названное письмо отнес к себе и все намеки на «факт»—также связал с чем-то бывшим в его жизни 35 лет тому назад.

[8]) Язвительное замечание «славить Верочку» имеет следующий смысл. 17 января 1879 года на сцене Александринского театра, в бенефис Марии Гавриловны Савиной, была поставлена комедия Тургенева «Месяц в деревне», и М. Г. Савина блестяще выступила в роли Верочки. Талант Савиной к концу семидесятых годов уже успел вполне расправить свои широкие крылья, и Тургенев, когда впервые увидел на сцене, что создала из этого, едва намеченного писателем, образа Савина, пристально вглядываясь в лицо артистки в ее театральной уборной, воскликнул: «Верочка... неужели эту Верочку я написал!.. На другой день после бенефиса М. Г. пришлось вместе с И. С. читать на вечере, устроенном в пользу Литературного Фонда, диалог графа Любина и Дарьи Ивановны Ступендьевой из комедии Тургенева «Провинциалка». Достоевский был на вечере и сказал М. Г. после чтения: «У вас каждое слово отточено, как из слоновой кости,—прибавив не без яду,—а старичок-то, (т. е. Тургенев) пришепетывает (см. «Тургенев и Савина», под ред. А. Ф. Кони Петр., 1918, стр. XXV-XXVII). Успех Савиной-Верочки был шумный и длительный. Тургенев же, несмотря на свои шестьдесят семь слишком лет, был сильно увлечен артисткой (см. там же, ст. XXVII и др. Здесь рассказана А. Ф. Кони подробная история этого романа Тургенева). Вот на это то увлечение и намекает Достоевский, не пропускавший вообще случая съязвить над Тургеневым.

[9]) Священник Румянцев Иван—был настоятелем Георгиевской (Благовещенской) церкви города Старой Руссы; в его доме Достоевские снимали себе на лето

дачу и с семьей этого священника были дружны. После смерти Ф. М. Румянцев оказывал Анне Григорьевне помощь в устройстве школы для девушек имени Федора Михайловича, открытой 30 окт. 1883 г.; а затем взял на себя хлопоты по постройке здания для школы (подробная история создания школы, отношение к ней Победоносцева, исходатайствовшего субсидии в 4.000 руб., благожелательное отношение города и жителей—рассказано В. Пылаевым в географическом очерке «Старая Русса», ч. 1-я, Сергиев посад, 1916, стр. 146—147).

[10]) Очевидно, речь идет о „Варшавском Дневнике" за 1880 г. (см. № 162 от 29 июля, № 169—7 августа и № 173—12 августа), где напечатана большая статья К. Н. Леонтьева «О всемирной любви»; этой статьей он откликнулся на Пушкинскую речь Достоевскаго. Отрывки этой статьи перепечатаны в книге: «Достоевский и Пушкин», изд. «Парфенон» П. 1921 стр. 15-19, под ред. А. А. Волынского.

[11]) Результатом ходатайства Победоносцева было официальное извещение на имя Анны Григорьевны Достоевской о ежегодной пенсии в 2.000 рублей:

«Министра Финансов»

Милостивая Государыня

Анна Григорьевна.

Государь Император в 30-й день сего января Всемилостивейше повелеть соизволил: во внимание услуг, оказанных покойным супругом Вашим русской литературе, в которой он занимал одно из самых почетных мест, производить Вам Милостивая Государыня, нераздельно с детьми, пенсию, в размере двух тысяч рублей в год.

Прошу Вас принять уверение в совершенном почтении и искренней преданности

А. Абаза.

30 января 1881 г.

Краткое упоминание с незначительной выдержкой из этого письма помещено было в свое время в «Новом Времени» (31 янв. № 1770, 1881 г.). Подлинник хранится в архиве Достоевского, в тетради Анны Григорьевны (№ 5)—ныне находящейся в Центрархиве. Это письмо подписал и вручил Анне Григорьевне Николай Саввич Абаза, явившийся на панихиду ко гробу Достоевского в его квартиру.

Абаза в 1880 г. (по 1 апр. 1881 г.) при Лорис-Меликове был начальником Главного Управления по делам печати. Время его управления было временем относительной свободы: он пропустил «Дневник Писателя» за 1881 г., с местами, подвергавшимися исключению со стороны цензуры...

Неизданные письма И. А. Гончарова.

Подлинники, сообщаемых ниже, пяти писем И. А. Гончарова находятся в Архивном Отделе Симбирского Губернского Книгохранилища, куда они перешли вместе с богатой Карамзинской библиотекой в 1919 году. Карамзинская библиотека (открытая в Симбирске 18 апреля 1848 года) принадлежала к старинейшим провинциальным библиотекам. В большом пожаре Симбирска 19 августа 1864 года библиотека погибла, но в том же году была восстановлена почти в первоначальном виде. По числу редких изданий и рукописей библиотека считалась очень ценной, и ее известность выходила даже за пределы России. Этой известности и обязана библиотека быстрым своим восстановлением после пожара.

Первое письмо И. А. Гончарова (от 5 марта 1848 года) относится еще к начальному периоду существования Карамзинской библиотеки до пожара. Оно адресовано к брату известного поэта Пушкинской поры—Петру Михайловичу Языкову (род. в Симбирске 26 июня 1798 года, умер 17 июня 1851 года, тоже в Симбирске). Петр Михайлович—небезызвестный геолог, автор многих статей, помещавшихся в «Трудах Минералогического Общества». Его богатая коллекция по палеонтологии Симбирской губернии была помещена в Горный Корпус и приобрела известность под именем «Кабинета П. М. Языкова». В учреждении Карамзинской библиотеки П. М. принимал самое живое участие, как инициатор ее и первый председатель первого Комитета библиотеки (избран на эту должность 20 апреля 1847 года). Вскоре по открытии библиотеки во все концы России полетели его призывы о пожертвованиях и, в первую очередь, к симбирским уроженцам, среди которых самым видным был проживавший в Петербурге И. А. Гончаров, тогда уже известный писатель, автор «Обыкновенной Истории», восторженно встреченный Белинским. Об этой первой книге И. А. Гончарова, напечатанной в «Современнике» в 1847 г. (а затем вышедшей отдельно), и идет речь в первом письме.

Следующие три письма (от 10 окт. 1881 года, 11 нояб. 1881 года, и 20 мая 1882 года) касаются пожертвования в ту же Карамзинскую библиотеку собственных книг И. А. Подобными пожертвованиями библиотека жила долгое время, и ее теперешние богатства надо, в значительной степени, отнести за счет частных библиотек. Среди них: библиотеки А. Н. Оленина (первого председателя Академии Художеств), Н. М. Карамзина (пожертвованная сыном историка В. Н. Карамзиным), В. Ф. Одоевского, Языковых, известных библиофилов Сырейщикова и Соловцева и многих других. *) Зная об этих пожертвованиях И. А. Гончаров просил не выделять в особую коллекцию своих книг, рядом «с богатыми вкладами Языковых и В. Н. Карамзина».

Александр Петрович, к которому адресованы последние четыре письма,—сын упомянутого выше П. М. Языкова. Он состоял председателем Комитета Карамзинской биб-

*) Среди дел о пожертвованиях в Карамзинскую библиотеку хранятся письма этих лиц или их наследников—эта интересная переписка еще ждет своего опубликования.

лютеки с 2 марта 1881 года по день своей смерти, последовавшей 24 ноября 1896 года. Первые два письма к нему (от 10 окт. и 11 нояб. 1881 г.) были частично сообщены в «Юбилейном отчете Карамзинской библиотеки». Пятидесятилетнее существование Симбирской Карамзинской Общественной библиотеки 1848—1898 г. Краткий исторический очерк. Симбирск 1898. стр. 144. (Перепечатка из Симбирских Губернских Ведомостей за 1898 год, №№ 19, 20, 21, 22 и 23). Письма сообщаются с сохранением орфографии подлинников.

1.

Милостивый Государь

Петръ Михайловичъ,

На предложеніе Комитета Симбирской Карамзинской библіотеки, сообщенное мнѣ Вами въ письмѣ отъ 8-го ноября прошлаго года, за № 38, о пожертвованіи въ эту библіотеку моего сочиненія, я отвѣчалъ, отъ 26-го ноября, обѣщаніемъ доставить мою книгу не позже Января мѣсяца нынѣшняго года, тотчасъ по отпечатаніи ея вторымъ, отдѣльнымъ изданіемъ.

Но книга эта, по причинѣ медленности типографіи и нѣкоторымъ другимъ, независѣвшимъ отъ меня, обстоятельствамъ, вышла въ свѣтъ только на дняхъ, почему и не могла быть доставлена въ назначенный мною срокъ. Теперь же, согласно своему обѣщанію, я взялъ смѣлость препроводить съ нынѣшнею почтою къ Вамъ четыре экземпляра *Обыкновенной Исторіи*, изъ которыхъ одинъ, за моею подписью на Ваше имя, покорнѣйше прошу Васъ, Милостивый Государь, принять отъ меня для собственной Вашей библіотеки, а остальные три препроводить въ Комитетъ Карамзинской библіотеки. Въ послѣднюю также пожертвованъ авторомъ, по моему предложенію, препровождаемый вмѣстѣ съ моими книгами, одинъ экземпляръ романа Ѳ. М. Достоевскаго: *Бѣдные люди*.

Прося покорнѣйше извиненія въ причиняемомъ мною Вамъ безпокойствѣ, я пользуюсь случаемъ возобновить Вамъ, Милостивый Государь, увѣреніе въ моемъ совершенномъ уваженіи и преданности.

Иванъ Гончаровъ.

5-го Марта 1848.

(На письме пометка: «Получено Марта 14. 1848»).

2.

Милостивый Государь

Александръ Петровичъ,

Въ качествѣ уроженца г. Симбирска и члена Карамзинской Общественной библіотеки, я считалъ своимъ долгомъ всѣ книги, какія у меня есть, предоставить въ пользу означенной библіотеки, и съ этою цѣлію сдѣлалъ распоряженіе, чтобы, по смерти моей, онѣ были препровождены туда.

Но разсудивъ, что до тѣхъ поръ книги могутъ какъ-нибудь утратиться или разрозниться, я призналъ возможнымъ предложить ихъ нынѣ же, при жизни моей, въ распоряженіе Комитета библіотеки.

Поэтому имѣю честь обратиться къ Вашему содѣйствію: не изволите ли Вы, Милостивый Государь, указать здѣсь, въ Петербургѣ, лицо, которое могло бы принять отъ меня книги и отправить по назначенію, такъ какъ я самъ, по лѣтамъ своимъ, по нездоровью и по разнымъ другимъ причинамъ, этой заботы, къ сожалѣнію моему, принять на себя не могу.

Н. Д. Назухинъ, находящійся въ настоящее время въ Петербургѣ, обязательно изъявилъ готовность также принять участіе въ этомъ дѣлѣ. Книгъ немного у меня, ибо я, по размѣрамъ своей квартиры, никогда не пытался обзаводиться библіотекой: отъ многихъ лѣтъ всего осталось сотни полторы или двѣ—книгъ разнаго содержанія, больше произведеній русской, и отчасти иностранной беллетристики новаго времени, и кромѣ того за нѣсколько лѣтъ накопилось довольно значительное количество ежемѣсячныхъ журналовъ: *Отечества. Записокъ*, *Вѣстника Европы* и другихъ.

Изъ этого Вы изволите усмотрѣть, что скромное мое приношеніе не обогатитъ Карамзинскую библіотеку, а скорѣе удовлетворитъ собственной моей потребности исполнить то, что я считаю обязанностію своею въ отношеніи такого прекраснаго учрежденія на моей родинѣ, какъ эта библіотека.

Поэтому, въ случаѣ, еслибы Вамъ и Комитету угодно было принять мое приношеніе, я просилъ бы покорнѣйше не заявлять объ этомъ (какъ обыкновенно дѣлается) въ печати, чтобы неважное «приношеніе» не разрослось въ газетныхъ слухахъ до громкаго слова «пожертвованіе», котораго въ сущности,—нѣтъ.

Примите, Милостивый Государь, увѣреніе въ истинномъ моемъ почтеніи и совершенной преданности.

Иванъ Гончаровъ.

Петербургъ,
10 октября
1881.

Адресъ: Ивану Александровичу Гончарову.

Моховая улица, близъ Сергіевской, домъ № 3.

Упоминаемый в этом и следующем письме Н. Д. Назухин—председатель Симбирской Губернской Земской Управы, член Депутатского Собрания от Алатырского уезда, отставной подпоручик, дальний родственник Н. М. Карамзина (по матери историка).

В ответном письме (сохранившемся в копии) А. И. Языков благодарил И. А. Гончарова от имени Комитета Карамзинской библиотеки и сообщил о постановлении: особой публикации о пожертвовании не делать, но в печатном отчете сообщить о нем и украсить именем И. А. Гончарова помещение, где будут храниться его книги.

3.

Милостивый Государь

Александръ Петровичъ,

Я имѣлъ честь получить Ваше письмо отъ 21-го прошлаго Октября (№ 53).

Прежде всего, долгомъ считаю принести Вамъ и Г.г. Членамъ Комитета Карамзинской библіотеки мою глубокую благодарность за радушную готовность принять мои книги и за намѣреніе отвести имъ особый отдѣлъ подъ моимъ именемъ.

По поводу этого намѣренія я позволю себѣ, однако, смѣлость объяснить слѣдующее. Занявшись, тотчасъ по полученіи Вашего письма, составленіемъ списка моимъ книгамъ, я былъ смущенъ скудостію, какъ относительно содержанія, такъ и количества ихъ. Собственно книгъ оказывается на лицо, какъ Вы изволите усмотрѣть изъ прилагаемаго при семъ списка, до 350 томовъ, да періодическихъ изданій за многіе годы наберется около того же количества.

По содержанію книги эти также представляютъ очень мало значенія, состоя большею частію, изъ произведеній беллетристики, вѣроятно имѣющихся уже въ Карамзинской библіотекѣ, можетъ быть, въ дубликатахъ.

Я вспомнилъ, что часть моей маленькой библіотеки взята была мною въ кругосвѣтное плаваніе и—по случаю возвращенія моего въ 1854-мъ году сухимъ путемъ черезъ Сибирь—передана была кому-то въ пользу библіотеки въ Николаевскѣ, вновь устроенномъ поселеніи на р. Амурѣ, а часть разошлась здѣсь по рукамъ, или утерялась при перемѣнахъ квартиръ.

Такимъ образомъ скудное мое приношеніе оставшихся книгъ нельзя считать «Пожертвованіемъ» (какъ Вамъ угодно называть его, тѣмъ болѣе, что я съ лѣтами почти пересталъ читать, и притомъ книги большею подарены мнѣ авторами, слѣдова(тельно) и жертвы никакой нѣтъ). Еще менѣе заслуживаютъ книги почести особаго отдѣла, и по количеству, и по качеству: меня постоянно конфузило бы передъ посѣтителями библіотеки сопоставленіе моей полки книгъ рядомъ съ богатыми вкладами Языковыхъ, В. Н. Карамзина и другихъ.

Поэтому и смѣю надѣяться, что Вы и Г.г. Члены Комитета не откажетесь признать мой взглядъ основательнымъ и—можетъ быть—благоволите отмѣнить рѣшеніе отвести моимъ книгамъ особый отдѣлъ подъ моимъ именемъ, особенно теперь, имѣя ихъ списокъ въ рукахъ.

Если Вы изволите находить нужнымъ упомянуть въ Вашемъ печатномъ отчетѣ и о моихъ книгахъ—я не имѣю ничего противъ этого. Повторяю при этомъ сказанное мною въ первомъ письмѣ, что я предаю мои книги въ Карамзинскую библіотеку—потому, что считаю себя, какъ Симбирскій уроженецъ, какъ литераторъ и какъ членъ библіотеки, не въ правѣ передать мои книги, каково бы ни было ихъ количество, въ какое-либо другое мѣсто, кромѣ этой библіотеки.

Н. Д. Пазухинъ, посѣтивший меня третьяго дня, на двухъ пріемъ отъ меня ящикъ съ поименованными въ препровождаемомъ (при этомъ письмѣ) реестрѣ книгами, для отправленія по назначенію. Что касается до періодическихъ изданій за послѣдніе 8 или 10 лѣтъ, то онъ находитъ, что пріобрѣтеніе ихъ едва ли можетъ быть желательно для библіотеки, такъ какъ она за новое время постоянно получала и получаетъ журналы, такъ что *Отеч. Записки*, *Вѣстникъ Европы* и другіе главные журналы оказались бы въ дубликатѣ и послужили бы нѣкоторымъ стѣсненіемъ необширнаго помѣщенія библіотеки.

Соглашаясь съ справедливостью этого замѣчанія, я оставляю пока журналы уложенными въ ящикахъ у себя—и если Вамъ угодно будетъ почтить меня отвѣтомъ и подтвердить мнѣніе Николая Дмитріевича о томъ, что Карамзинская библіотека не особенно нуждается въ періодическихъ изданіяхъ за послѣдніе годы, то я передамъ ихъ въ какое нибудь другое мѣсто.

Прошу Васъ, Милостивый Государь, принять увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности.

И. Гончаровъ.

СПБ-ургъ
11-го Ноября
1881.

Моховая, домъ 3.

(На письме пометка: 17 ноября).

А. П. Языков, извещенный, кроме письма, лично Н. Д. Пазухиным о задержании журналов, просил переслать и их, сообщая, что библиотека «расширилась на четыре больших комнаты» и журналы не будут лишними.

4.

Милостивый Государь

Александръ Петровичъ,

М. Н. Булдаковъ передалъ мнѣ Ваше письмо отъ 22 Апрѣля и изъявилъ съ своей стороны готовность принять отъ меня, для отправленія въ Карамзинскую библіотеку, накопившіяся у меня за нѣсколько лѣтъ періодическія изданія.

Къ крайнему моему сожалѣнію, я теперь, послѣ тщательной провѣрки этихъ изданій, вынужденъ отказать себѣ въ удовольствіи препроводить ихъ, въ добавокъ къ прежде высланнымъ мною книгамъ, въ пользу библіотеки. Когда Н. Д. Пазухинъ выразилъ мнѣніе, что едвали для послѣдней будетъ желательно приношеніе старыхъ журналовъ, я велѣлъ сложить ихъ изъ разныхъ угловъ въ ящикъ, не разбирая, и

только послѣ Вашего предложенія доставить и ихъ, рѣшилъ привести ихъ въ нѣкоторый порядокъ и составить списокъ.

При этомъ оказалось, что почти вся масса книгъ состоитъ изъ двухъ журналовъ, *Вѣстника Европы* и *Отечественныхъ Записокъ*: между ними недостаетъ иныхъ годовъ вовсе, а во многихъ уцѣлѣвшихъ годахъ утрачено по нѣсколько книжекъ. Изъ другихъ журналовъ осталось на лицо—два года *Русской Рѣчи*, да по одному году *Русской Мысли* и *Русскаго Вѣстника* недавняго времени.

Мнѣ совѣстно за свою неосмотрительность, т.-е., что я, прежде нежели предложить журналы для библіотеки, не догадался провѣрить ихъ: тогда я не подумалъ бы предлагать ихъ въ этомъ разрозненномъ состояніи, въ которомъ книги конечно не могутъ быть желательнымъ пріобрѣтеніемъ, а скорѣе были бы безполезнымъ бременемъ для библіотеки, особенно если принять въ соображеніе издержки на пересылку.

Извиняясь за этотъ неудавшійся опытъ моего усердія, прибавлю, что я радъ буду служить Карамз. библіотекѣ впередъ, какъ могу: между прочимъ въ настоящую минуту посылаю туда по экземпляру двухъ сочиненій: 1, *Лорингъ*, графа Валуева и 2, *Переломъ*, Г. Маркевича. Доставку перваго обязательно взялъ на себя отправляющійся на дняхъ въ Симбирскъ Пав. Вас. Анненковъ, а второе я отправлю прямо отъ себя съ почтою.

Точно также и на будущее время, если будутъ какія-либо книги поступать въ мою собственность, я буду высылать ихъ съ почтою же въ Карамзинскую библіотеку.

Покорнѣйше прошу Васъ, Милостивый Государь, принять увѣреніе въ совершенномъ почтеніи моемъ и истинной преданности.

Иванъ Гончаровъ.

20 Мая 1882.
СПБ-ургъ. Моховая, № 3.

(На письме пометки: «По полученіи книг благодарить.» и «26 мая»)

Упоминаемый в письме М. Н. Булдаков — Симбирский Мировой Судья, Член Симб. Губ. по крест. делам Присутствия.—П. В. Анненков (1812—1887)—известный критик, друг И. С. Тургенева, Гончарова и др., автор литературных воспоминаний и книг о Пушкине.—«Лорин»—роман графа П. А. Валуева, вышедшій в 1882 году. «Перелом» Болеслава Маркевича впервые напечатан в «Русском Вестнике» за 1880 год.

5.

Милостивый Государь

Александръ Петровичъ,

На письмо Ваше, отъ сего 14-го февраля, имѣю честь отвѣтствовать, что я очень тронутъ привѣтствіемъ Вашимъ и Комитета Карамзинской библіотеки, по поводу моего литературного юбилея, и покор-

нѣйше прошу Васъ, въ свою очередь, принять, и представить также Комитету, выраженія живѣйшей моей признательности.

При этомъ не могу не высказать сожалѣнія, что мнѣ (съ лѣтами и болѣзнью моею) едва ли еще придется много и часто, какъ бы я желалъ, служить пользамъ библіотеки.

Примите, Милостивый Государь, увѣренія въ моемъ истинномъ почтеніи и совершенной преданности.

И. Гончаровъ.

24 Февраля
1883.

(На письме пометки: «К делу» и «1 марта»).

Юбилей И. А. Гончаров справлял в 1882 году по случаю тридцатипятилетия своей литературной деятельности. Это письмо только подписано рукой Гончарова. Его же рукой поставлена в дате цыфра «24»—рукой слабой и неуверенной. Годы, к которым относятся письма, Гончаров проводил полубольной безвыходно в своем Петербургском кабинете (в доме № 3 по Моховой ул.), с которым, по его признанию, не мог разлучиться, «как иной не может разлучиться с женой» (Евг. Соловьев. И. А. Гончаров. В биограф. библиотеке Павленкова).

Пожертвованные Гончаровым книги стоят все-таки в особом шкафу, в так называемом архивном отделе Симбирского Губернского Книгохранилища. Среди них многие с автографами—Некрасова, Островского, Писемского и других.

После смерти И. А. Гончарова (умер 15 сентября 1891 года) его душеприказчиком проф. А. Г. Полотебновым *) было прислано на имя председателя Комитета Карамзинской библиотеки следующее письмо (помеченное 1 февр. 1892 г. в Петербурге): «Наслѣдники умершаго Ивана Александровича Гончарова просятъ разрѣшенія принести въ даръ Карамзинской библіотекѣ портретъ покойнаго знаменитаго писателя для помѣщенія въ одной изъ залъ библіотеки. Честь имѣю покорнѣйше просить Васъ, Милостивый Государь, почтить меня увѣдомленіемъ можетъ ли со стороны библіотеки послѣдовать согласіе на принятіе портрета. Фотографическій портретъ вставленъ въ очень хорошую, черную раму, окруженъ серебрянымъ лавровымъ вѣнкомъ, возложеннымъ на гробъ покойнаго студентами СПБургскаго Университета.

Всѣ расходы по доставленію портрета наслѣдники, конечно, принимаютъ на свой счетъ. Прошу принять и проч.».

Портрет этот с серебряным венком от Петербургских студентов украшает комнату «знаменитых Симбирян» в Симбирском Губернском Книгохранилище.

Ник. Столов.

*) Профессор дерматологии, ум. в 1898 году. Автор многих работ.

Письма И. А. Гончарова к П. А. Вяземскому.

Письма И. А. Гончарова к П. А. Вяземскому связаны с тремя событиями прошлого:—1) с цензурными мытарствами Тургенева в 1856 г., 2) с цензурными мытарствами, при появлении довольно нашумевшей в свое время статьи Валуева о французском банке, и 3) с появлением в свет трагедии А. Толстого «Смерть Грозного». Бо́льший интерес представляет последнее письмо И. А., где он дает оценку художественного значения трагедии и высказывается об общественных направлениях наших видных журналов того времени. Суждение Гончарова в этом письме о нигилистических журналах вполне совпадают с характеристикой его мировоззрения средины шестидесятых годов, сделанной В. Евгеньевым-Максимовым (см. его статьи: 1) К характеристике общественного мировоззрения Гончарова в 60-х г. г. („Север. Зап." 1916 г., № 9); 2) Гончаров, как член главного упр. по делам печати, („Гол. Минувш." 1916 г. № 11—12) и 3) Гончаров) в его отношении к нигилизму („Книга и Рев." 1921 г. № 1 (13),—как мировоззрения, резко изменившегося с 1862 г. в сторону реакционного направления. Подлинники хранятся в Отделении Историко-Культурной Секции Е. Г. А. Ф.

Второе и третье из печатаемых писем не датированы самим автором, но даты (28 мая и 31 мая 1856 г.) выставлены карандашом вл евом углу писем чьей-то другой рукой. Оспаривать эти даты нет оснований, так как они оправдываются вполне содержанием писем,—именно: напечатанием статьи Валуева в июльской книге „Отечеств. Записок" за 1856 г. К письмам даны примечания после текста.

Ч. Белявское.

1.

Честь имѣю довести до свѣдѣнія Вашего Сіятельства, что дѣло о допущеніи къ новому изданію сочиненій Г. Тургенева, и въ томъ числѣ повѣсти «Муму» [1]), представлено на разрѣшеніе Господина Министра Народного Просвѣщенія, отъ 13-го сего Апрѣля, за №№ 341 и 342.

Цензоръ *И. Гончаровъ.*

14 Апрѣля
1856.

2.

Честь имѣю представить Вашему Сіятельству вытребованную мною, по Вашему приказанію изъ типографіи и процензурованную статью о *французскомъ Банкѣ*. Страницы, гдѣ есть мѣста, назначенныя къ исключенію, переложены закладками. Исключенія такъ незначительны, что авторское самолюбіе, кажется, не должно постра-

дать. Если Вы изволите признать возможнымъ печатать статью, не сносясь съ Г. Валуевымъ [2]), то не угодно ли будетъ возвратить ее мнѣ сегодня, въ такомъ случаѣ она поспѣетъ вѣроятно въ Іюньскую книжку „Отечест. Записокъ". Если же признано будетъ нужнымъ спросить его согласія, то вмѣстѣ съ тѣмъ понадобится предупредить его, что въ случаѣ какихъ-либо перемѣнъ и новыхъ вставокъ съ его стороны, эти вставки и перемѣны должны будутъ также подвергнуться цензурному разсмотрѣнію.

Откладывать печатаніе статьи казалось бы не удобно потому, что журналисты, какъ я слышалъ, уже замѣтили достоинство этой статьи въ Revue de deux mondes, а Краевскій [3]) мнѣ сказывалъ, что онъ даже хотѣлъ поручить переводить ее: того и гляди явится въ какомъ-нибудь журналѣ, не здѣсь, такъ въ Москвѣ.

Цензоръ *И. Гончаровъ.*

28 Мая
1856.

Честь имѣю доложить Вашему Сіятельству, что статью *«французскій Банкъ»* я обратно отправилъ къ Редактору «Отечественныхъ Записокъ» и по полученіи отъ Васъ отзыва Г. Валуева, сообщу о немъ какъ редактору, такъ и цензору.

При этомъ долгомъ считаю предупредить Ваше Сіятельство, что какъ допущеніе въ печать рукописи Г. Валуева, съ извѣстными исключеніями, состоялось по опредѣленію Цензурнаго Комитета, о чемъ завтра подпишется протоколъ, то затѣмъ едва ли могутъ быть сдѣланы въ статьѣ перемѣны, развѣ съ разрѣшенія Главнаго Управленія Цензуры. Какъ по этой причинѣ, такъ и въ слѣдствіе вчерашняго личнаго объясненія, я счелъ уже безполезнымъ отдавать статью опять въ Цензурный Комитетъ.

Цензоръ *И. Гончаровъ.*

31 Мая
1856.

Второе и третье письмо И. А. Гончарова П. А. Вяземский посылал Валуеву с приписками, сообщая в них о своем участии в этом деле. Так, на 2-м письме П. А. Вяземский собственной рукой написал следующие строки:

«Исключенія, предназначаемыя Цензурою, касаются наиболѣе *русскихъ цифръ*, выставленныхъ Вами въ примѣчаніяхъ отъ переводчика. Я говорю, что эти цифры взяты изъ официальныхъ и уже печатныхъ источниковъ, и потому, кажется, нѣтъ неудобства ихъ перепечатать. Мнѣ возражаютъ, что все таки цифры должны быть предварительно пересмотрѣны въ министерствѣ финансовъ, которое статью долго задержитъ, а, можетъ-быть, чего добраго, еще и запретитъ ее. Мнѣ кажется, что эти цифровые примѣчанія даютъ мѣстную краску и смыслъ Вашему труду, а потому и не беру на себя исключить ихъ безъ Вашего согласія. Можетъ-быть, я и виноватъ, и Вы попѣняете мнѣ за

мою неумѣстную совѣстливость.—Если же Вы повѣрите цензурѣ на слово, какъ Вы *просите читателя Вамъ вѣрить* на слово, то передайте немедленно согласіе и полномочіе свое новому Попечителю, К. Щербатову [1]), котораго я предварительно о томъ увѣдомлю. Исключенья въ текстѣ малочисленны и маловажны. На нихъ я согласился. Если не кончимъ съ Краевскимъ, то можно обратиться въ Москву въ «Русскій Вѣстникъ», который имѣетъ 3000 подписчиковъ. En desespoir de cause, есть въ запасѣ нашъ скромный «Журналъ мИнистер. просвѣщенія».

Изъ личнаго угожденья, боюсь что я Вамъ не угодилъ, не поступилъ за Васъ какъ поступилъ бы за себя.

Обнимаю Васъ и цѣлую дѣтей».

На третьем письме собственной рукой П. А. Вяземский написал ответ Вадуеву такого содержания:

«Видите ли, въ самомъ дѣлѣ, вы должны слѣпо покориться исключеньямъ цензуры, о коихъ писалъ я Вамъ вчера—а новаго ничего не вставлять, чтобы не представляться вновь цензурѣ. Щербатовъ ожидаетъ Вашего рѣшенія».

4.

Мнѣ очень совѣстно, что Ваше Сіятельство вчера сами утруждали *себя*, отыскивая меня (и какими путями!): по запискѣ Вашей, я бы немедленно явился на зовъ.

Въ указанный день, т.-е. въ Пятницу, въ десятомъ часу, приду съ рукописью и вмѣню себѣ въ особенное удовольствіе усыпить слушателей.

Такъ какъ назначенныя къ чтенію двѣ главы суть ничто иное, какъ продолженіе того, что было читано мною въ прошломъ году въ пассажѣ и потомъ напечатано въ «Современникѣ» [2]), то я неизлишнимъ считаю приложить къ сему два-три экземпляра первыхъ главъ, на случай, ежлибъ той особѣ или особамъ, которыя удостоятъ послушать меня, угодно было познакомиться съ тѣмъ, что было впереди.

Въ ту минуту, когда я оканчиваю письмо, явился Вашъ посланный, между тѣмъ какъ я собирался самъ отнести письмо и прилагаемыя брошюры.

Свидѣтельствую Вашему Сіятельству глубокое почтеніе и неизмѣнную преданность.

П. Гончаровъ.

18 Января
1861.

5.

Вотъ уже другая недѣля, какъ у меня взяли трагедію графа Толстого *Смерть Іоанна Грознаго* печатать [3]).

Еслибъ я могъ предвидѣть, что Ваше Сіятельство не утомитесь чтеніемъ длинной, хотя и превосходной піесы, я бы недѣли полторы назадъ, когда она у меня была въ рукахъ, узнавши о Вашемъ желаніи слышать ее, нарочно бы пріѣхалъ въ Царское Село. Мнѣ особенно жаль, что я именно Вамъ не успѣлъ прочесть ее, кто бы, кромѣ Васъ

и еще немногихъ тонкихъ критиковъ и любителей, такъ достойно оцѣнилъ художественное произведеніе, по высотѣ строя и тона, относящееся къ разряду Шиллеровскихъ, а по стихамъ Пушкинскихъ созданій? Появленіе ея, и вообще такихъ произведеній, къ сожалѣнію, рѣдкое, одно можетъ спасать утлую ладью нашей литературы отъ крушенія, среди наводненія газетной литературы и санкюлотскихъ издѣлій, старающихся загнать бѣдное искусство на задній дворъ.

Графъ прислалъ мнѣ драму и просилъ не отдавать ее (чего бы я и безъ его просьбы не сдѣлалъ) ни въ *нигилистическіе* журналы, ни въ «Русскій Вѣстникъ»: въ послѣдній потому, что разошелся съ Катковымъ въ денежныхъ условіяхъ. При этомъ ограниченіи оставались одинъ *Отечеств. Записки* *) (журналъ довольно серьезный и не зараженный ни нигилизмомъ, никакими другими измами), я послалъ къ одному изъ редакторовъ **), котораго знаю, какъ толковаго по этой части человѣка; драму приняли и теперь она уже въ наборѣ, какъ я узналъ сегодня, а въ январѣ выйдетъ въ свѣтъ.

Появленіе ея на сценѣ было бы также благотворно для истиннаго искусства: на зрителя бы повѣяло бы свѣжимъ воздухомъ, и исторической, и художественной правды, безъ помощи тенденцій, незаконнорожденныхъ идей и направленій; вышло бы созданіе на сцену, не съ выдуманными, а вѣрно угаданными историческими характерами, съ благороднымъ языкомъ.

У автора, кромѣ меня и Тургенева, нѣтъ знакомыхъ въ Петербургскомъ литературномъ кругу и онъ просилъ меня озаботиться напечатаніемъ своей пьесы.

Что же касается до постановки на сцену, то для этого нужно личное присутствіе автора: для распредѣленія ролей, для репетицій, костюмовъ и проч. А какъ авторъ теперь за границей, то я и не знаю, когда піеса явится на сцену.

Цензурныхъ препятствій и для сцены нѣтъ. Мнѣ, какъ бывшему цензору, искушенному цензурною опытностью, но не укушенному цензуроманіею, кажется, что въ ней пришлось бы исключить для театра два-три слова, да вмѣсто монаха (въ родѣ Пушкинскаго Пимена въ Борисѣ Годуновѣ), поставить на афишѣ *пустынникъ*, какъ это обыкновенно дѣлается, особенно въ операхъ. Затѣмъ и все тутъ.

Вотъ полный отчетъ о трагедіи Графа Алексѣя Толстого.—Пишу это на случай, если не застану Васъ дома: въ противномъ случаѣ лично буду имѣть честь объяснить, съ выраженіемъ глубокаго сожалѣнія, причины, непозволяющія мнѣ исполнить Ваше и мое желаніе.

Покорнѣйше прошу Ваше Сіятельство принять увѣреніе въ отличномъ почтеніи и непремѣнной преданности

И. Гончарова.

22 Декабря
1865.

---

*) Не Краевскому. (Примечание И. А. Гончарова).

**) Очевидно, его соредактору и главному руководителю журнала с сентября 1860 г. до конца 1866 г., С. С. Дудышкину (примечание *И. Б.*).

Примечания.

[1]) «Муму» была разрешена к печатанию и вошла во 2 ч. повестей Тургенева, изданных П. В. Анненковым в 1856 году (СПБ). Цензурная история «Муму» рассказана Ю. Г. Оксманом в предисловии к изданию этой повести в серии «Народной Библиотеки» Всеукр. Гос. Издат. Одесса 1921 г. стр. 6—9; а также Н. Ф. Бельчиковым в Тургеневском Сборнике, изд. Центрархивом. М. 1922, в. 2-й, «Документы по истории литературы и общественности» стр. 27—30.

[2]) Валуев, ПетрАлександрович (1815—1890 г.г.),—русский писатель и государственный деятель, обративший на себя внимание своею запискою «Думы русского», которая была составлена им в 1855 году под впечатлением падения Севастополя. Был женат на дочери П. А. Вяземского.—Автором статьи о «французском национальном банке» был Эжень Форкард; Валуев перевел эту статью. Об этом-то переводе, печатавшемся в июльской книжке «Отечественных Записок» за 1856 год, и идет речь в письмах И. А. Гончарова и в дополняющих эти письма сообщениях П. А. Вяземского.

[3]) Краевский А. А. (1810—1889 г.г.)—редактор в эти годы журнала «Отечественные Записки».

[4]) Щербатов, Григорий Алексеевич (1819—1881 г.г.), князь,—состоял попечителем II. округа до 24 июля 1858 г.

[5]) Речь идет о романе «Обрыв». Первые пять глав романа под названием «Софья Николаевна Беловодова» (Эпизоды из жизни Райского) были напечатаны во 2-й книге «Современника» за 1860 г. Читать в январе 1861 г., И. А. намеревался, очевидно, другой отрывок из романа под названием: «Бабушка», напечатанный в 1 кн. «Отечественных Записок» за 1861 г., или же «Портрет», напечатанный во 2-й книге «Отечеств. Записок», или третий отрывок: «Портрет», напеч. в 2-й книге «Отеч. Зап.» за тот же год.

[6]) «Смерть Иоанна Грозного» первоначально была напечатана в 1-й книге «Отечеств. Записок» (стр. 1—166) за 1866 г. Постановка драмы на сцене была, по словам А. Ф. Вольфа (Хроника театров, в. 3, стр. 35), главным событием сезона 1866—1867 г.г.—Автору предоставлено было право раздать роли по его усмотрению».

А. Мицкевич.

I.

А. Мицкевич о польских писателях.

В Остафьевском архиве, находящемся в настоящее время в историко-литературном отделении IV секции Е. Г. А. Ф., в картоне с надписью «Материалы для биографий разных лиц в алфавитном порядке», находится конверт, носящий название «Польского сборника кн. П. А. Вяземского». В нем под № 4, среди ряда других бумаг, о которых будет говорено ниже, помещена интересующая нас рукопись. Она написана чернилами, на желтоватой, средней плотности бумаге, не имеющей никаких водяных знаков, размером в полулист, перегнутый пополам. Все четыре страницы ее, с самого верха первой до конца последней, довольно плотно исписаны легко разбираемым почерком. В начале рукописи поставлен значек, в конце помещен росчерк: эти знаки как бы служат для того, чтобы показать законченность написанного.

Рукопись содержит в себе характеристики польских писателей, сделанные на французском языке, при чем каждой из них предшествует фамилия характеризуемого писателя, написанная по русски и помещенная сбоку в скобки.

Порядок, в котором охарактеризованы писатели в рукописи, следующий:

Немцевич, Леделель, Швейковский, Воронич, Красинский (Валериан), Мрозинский, Дзялынский, Свидзинский, Клементина Гофман. После Гофман, посреди строки, служа как бы заглавием, написано: «Poètes classiques», после чего следуют характеристики Осинского, Козьмяна, Крушинского, Моравского, Максимилиана и Александра Фредро.

Далее опять как бы заглавие: «Poètes romantiques»,—и даются сведения о поэтах Бродзинском, Залеском и Одынце. Этим последним рукопись заканчивается.

Так как рукопись не имеет подписи автора, то для установления его имени приходится обратиться к содержанию ее. Прежде всего нужно определить в общих чертах время ее написания.

Все охарактеризованные писатели имеются автором в виду, как лица, находящиеся в живых: он почти всюду не забывает, давая биографические сведения, сообщить о положении, которое писатель занимает в данное время. Напр., о Немцевиче: «actuellement secrétaire du Senat du Royaume et Presidant de la société Royale philomatique de Varsovie».

Тоже в характеристике Воронича:

«Ci devant evêque de Cracovie, actuellement Archevêque de Varsovie et Primat du Royaume».

Эти сведения дают возможность довольно точно установить год написания рукописи. Наиболее узкие границы дают следующие сообщения. Автор рукописи, говоря о Клементине Гофман, пишет: «Son journal «Amusement des enfants» était le plus repandu en Pologne».

Упоминаемый здесь автором в прошедшем времени журнал: «Rozrynki dla Dzieci», издавался Гофман с 1824 по 1828 год, следовательно, рукопись писалась после 1828 года. О том же говорят сведенья о Швейковском: «Recteur de l'Université de Varsovie pendant plus de dix ans».

Известно, что Швейковский был ректором с открытия Варшавского университета в 1818 г. Другую границу ставит выше приведенное сообщение о Вороните: «actuellement Archevêque de Varsovie».

Воронич занимал это положение с 1827 г. по 1829 г., в котором он скончался. Упоминание о нем, как о живом лице, указывает на то, что рукопись писалась не позднее 1829 г. Если даже предположить, что известие о смерти Воронича почему-либо не дошло до автора, то другой ближайшей датой является 1830 г., отмеченный польским восстанием, которое сыграло значительную роль в жизни некоторых из характеризуемых писателей и о котором в рукописи нет никаких упоминаний.

Итак, можно с уверенностью отнести рукопись к 1828—1829 годам.

В тексте рукописи находится ряд указаний на личность автора. Прежде всего он, несомненно, поляк по национальности, на что указывает он сам, называя Богдана Залеского: «Un de nos meilleurs poètes».

Иногда во французском языке у него прорываются полонизмы в начертании привычных польских имен. Напр. Pulawy. Działynski.

В фамилиях, по-польски имеющих окончание ski, автор на русском языке пишет всюду *ский* (как, напр., Швейковский, Красинский), но при начертании *Бродзински* оставлено польское окончание на русском языке.

Насколько можно судить по кратким биографическим очеркам, автор кажется представителем передовой части польского общества того времени: он внимательно останавливается на гражданских интересных моментах биографии Немцевича (его заключение в крепости в Петербурге, эмиграция) и Лелевеля (удаление из университета по доносу Новосильцева), подчеркивает заслуги Швейковского в деле борьбы за просвещение, отмечает патриотизм Воронича, Дзялынского и Свидзинского.

Но, конечно, наиболее ярко отразившейся особенностью автора рукописи является его исключительное знание и интерес к польской литературе. Распределение писателей по направлениям с яркой характеристикой литературных особенностей и заслуг каждого, сообщение биографических деталей о некоторых из них, отношения к ним польского общества,—все это ясно указывает, что автор—свой человек в литературном мире, полном для него своих авторитетов, симпатий и антипатий. Нет сомнения, что симпатии его лежат на стороне последних из охарактеризованных им «Poètes romantiques», хотя в общем он стремился к беспристрастной оценке всех деятелей литературы. Может быть, только тон, в котором даны характеристики поэтов-классиков, кажется несколько холодным рядом с определенно сочувственным отзывом о поэтах романтиках. Последних только три: Бродзинский, Залеский и Одынец, при чем заметка о Бродзинском является самой длинной и интересной во всей рукописи. По объему с нею может сравниться лишь отзыв о Немцевиче, но там главный материал дает биография, в Бродзинском же—анализ его литературных заслуг. Видно, что автор внимательно следит за ходом его работ и развитием литературных взглядов.

Кроме этих наблюдений общего характера, дающих представление о положении автора в политическом и литературном мире, рукопись содержит еще несколько чисто-личных указаний. Говоря о Немцевиче, автор добавляет: «Ami du Prince Wiazemsky. Je ne le connais pas, mais nous sommes en correspondence».

В отзыве о Лелевеле он упоминает о своем близком к нему отношении: «Je l'aime et je l'éstime comme mon père».

О Красинском и Одынце автор отзывается, как о своих старых друзьях: «Valerian comte Krasinski—Gentil-homme de la Chambre. Un de mes anciens amis».

«Edouard Odynice, mon ami de collège».

Два последние указания дают нам приблизительное представление о возрасте автора, а присоединение к ним имени Лелевеля невольно обращает мысль к Виленскому университету, воспитанниками которого были и Одынец, и Валериан Красинский, и, может быть, автор рукописи, вынесший из него исключительное уважение к личности популярного профессора.

После выделения из рукописи всего, что могло сколько-нибудь пролить свет на личность автора, надо по возможности определить ее назначение. Общее впечатление таково, что автор своими отзывами знакомит какое-то определенное лицо, очевидно, русского, с лучшими представителями польской словесности и рекo-

мендует их его вниманию. В отзыве о Лелевеле прямо говорится: «Je le recommande particulièrement à votre amitié».

Очевидно, предполагалось личное знакомство с ним. Указать лицо, которому назначалась рукопись, не составляет труда. Заканчивая отзыв об Одынце, автор представляет его следующими словами: «poète distingué, traducteur de Votre Swietlana».

Это Votre с большой буквы говорит, что рукопись обращена не к кому иному, как к автору Светланы—Жуковскому, что и находит подтверждение в данных биографии последнего.

Жуковский в 1829 г., в апреле, сопровождает Николая I в поездке в Варшаву, где тот короновался 12 мая. Вероятно, перед отъездом из Петербурга он попросил автора рукописи, как поляка и знатока варшавских литературных кругов, быть его руководителем в новом мире и охарактеризовать предстоящие знакомства. Рекомендации рукописи оказались не напрасными, о чем говорят выдержки из дневника Жуковского, веденного в эту поездку. («Бумаги Жук.» СПБ. 1887, стр. 206). «1829. Выехал из Дерпта 30 апреля. Приехал в Варшаву 7-го мая.

8-го. Поутру у вел. кн. К. Павл. Моравский... Фредро.

9-го. Поутру у Немцевича. Встреча с Фредро. Знакомство с Красинским.

10-го. Поутру у Красинского и Моравского. Знакомство с Козмяном. С Адлербергом к Красинскому. Моравский, Браницкий, Потоцкий.

11-го. Поутру у Фредро.

12-го. День коронации... Моравский, Козмян и Немцевич у великого князя.

13-го. У Фовицкого, у Линде, у Бродзинского. Обедал у Фредро: Осинский, Лубинский, два Козмяна, Бродзинский, Моравский, Залуцкий, Немцевич и т. д.

По приведенным выдержкам видно, что Жуковский, по приезде в Варшаву, не замедлил сблизиться с некоторыми из тех писателей, на которых указывала рукопись: Немцевич и Бродзинский, Осинский и Моравский, Козмян и Фредро—все они более или менее часто упоминаются в дневнике. Главные связи знакомства завязались, очевидно, с лагерем классиков, что объясняется близостью последних к придворным кругам и официальным положением Жуковского. Лишь дважды встречается в дневнике имя Бродзинского.

Одной из целей пребывания Жуковского в Варшаве было подыскание преподавателя польского языка наследнику. Такое предложение было им сделано Фовицкому. Может быть, этим намерением объясняется то, что автор рукописи указывает на Клементину Гофман, известную писательницу по педагогическим вопросам, и на Мрозинского, специалиста исследователя по истории польского языка.

Таково возможное назначение рукописи. Оно помогает еще точнее определить дату ее написания. Это, вероятнее всего, первые месяцы 1829 г., так как в конце апреля Жуковский уже покидает Петербург. Чтобы вернуться теперь к вопросу об авторе, нужно попробовать свести все данные о нем. Следовательно, в начале 1829 г., вероятно, в Петербурге, по просьбе Жуковского, знакомым его и кн. Вяземского, поляком по национальности, возможно воспитанником Виленского университета, патриотом и либералом, исключительным знатоком польской литературы, с обширными связями в ее кругу, с симпатиями к новому романтическому течению, была написана рассматриваемая рукопись. Кто же ее автор? После вышеприведенных соображений, как ответ на этот вопрос, легко встает имя Адама Мицкевича, имя, которое своим отсутствием в перечне писателей, даваемом рукописью, уже наводит на мысль об его авторстве. Остается проверить, насколько данные биографии Мицкевича подтверждают это предположение.

Нет надобности останавливаться на политических и литературных убеждениях его. Можно только отметить, что именно Мицкевич, как сам пострадавший, постарался бы указать на удаление Лелевеля из Виленского университета по Новосильцевскому доносу. В области же литературных взглядов заслуживает внимания то обстоятельство, что наиболее солидные характеристики даны автором Немцевичу и Бродзинскому, т.-е. именно тем двум писателям, в которых польская критика видит предшественников Мицкевича, оказавших на него сильное влия-

ние. Автор рукописи пишет, что он не знаком с Немцевичем, но в переписке с ним. О Мицкевиче мы знаем, что у него была переписка с Немцевичем, при чем к 8 февраля 1828 г. относится письмо последнего, по которому с большим вероятием можно предположить, что оно—ответ на первое письмо Мицкевича и что корреспонденты не знакомы друг с другом. Вот отрывок из него: «Я получил ваше письмо, многоуважаемый соотечественник, и преисполнен благодарности за лестные для меня, но не заслуженные ваши похвалы. От души сожалею, что такой прекрасный талант, воодушевляющий столь благородную душу, должен скитаться по чужбине и не может жить и вдохновляться сильными гражданскими чувствами. Так, однако заблагорассудилось непостижимой и окаменелой против нас судьбе». (Цитир. по рус. переводу в изд. соч. Мицкевича, Вольф 1882 г.).

Восторженный отзыв о Немцевиче в рукописи вполне соответствует вышеприведенным строкам письма. В своей статье «О критиках и рецензентах», относящейся как раз к 1829 г., Мицкевич пишет следующее: «Немцевич в первых же своих трудах не ограничивался подражанием: создал сам новые формы исторической драмы, исторической комедии и исторических песен, не по риторике Деколония, но сообразно потребностям времени». Новейшая польская критика указывает, что именно под влиянием Немцевича сложилась часть баллад Мицкевича, и это значение старшего писателя для младшего, вместе с особо ценимой независимой оригинальностью его произведений и горячим патриотизмом, могли побудить Мицкевича поставить его первым в рукописи, вне рамок классической и романтической школ, и дать о нем соответствующий отзыв.

Что касается резкого деления писателей на романтиков и классиков, то оно говорит о том, что автор сам не был чужд борьбы, кипевшей между двумя враждебными лагерями, что опять-таки не противоречит положению Мицкевича.

Перейдем к чисто личным указаниям автора рукописи. Он говорит о Лелевеле, что любит и уважает его, как отца. Известно, что Мицкевича связывали с этим профессором близкие отношения. Еще на университетской скамье он с особым уважением и интересом относился к его лекциям, хотя и не был знаком с ним лично. Когда Лелевель переехал в Варшаву, то именно к нему обратился Мицкевич, задумав напечатать свой первый эстетико-литературный очерк. С 1822 года начинается их личное сближение. Мицкевичу импонировала смелая и оригинальная личность профессора, его самостоятельность и независимость в суждениях. Что касается Валериана Красинского и Одынца, то они были товарищами Мицкевича по университету. Лишь одно упоминание автора рукописи не согласуется с данными биографии Мицкевича: он называет Одынца: «mon ami de collège». Одынец, по данным рус. биографического словаря, учился в школе при Базилианском монастыре в Борунах, тогда как Мицкевич окончил курс в Новогрудской школе доминиканцев [1]).

Между тем было что-то общее в воспоминаниях обоих писателей об этом времени жизни. Приведем такой факт. Когда Мицкевичу и Одынцу пришлось позднее вместе путешествовать по Германии, они долго не могли найти на карте Франкфурта на Майне. «По этому поводу приятели начали вспоминать о школьной жизни и высказали следующее: все школы, которые находились в руках духовенства, удивительно похожи были одна на другую» [2]).

Первые месяцы 1829 г., к которым, по всей вероятности, относится рукопись, Мицкевич находился в Петербурге; он покинул его в мае этого года, уехав за границу. К периоду его петербургской жизни относится сближение с русскими литераторами и в частности—с Жуковским. Именно Мицкевич, будучи сам близок с Вяземским и, зная о его дружеских отношениях с Жуковским, мог написать в рукописи в виде одной из рекомендаций Немцевича: «Ami du prince Wiazemsky». Знакомство Мицкевича с Жуковским относится к концу 1827 г., ко времени его

---

[1]) Однако проф. А. Погодин указывает, что Одынец был родом также из Новогрудка.

[2]) Статья Неслуховского: «Мицкевич в России», «Ист. Вест». 1880 г.,—автор цитирует по бумагам Одынца.

первого пребывания в Петербурге. 3 апреля 1828 г., уже по приезде в Москву, он сообщает Зану: «Я познакомился в столице с русскими литераторами: Жуковским, Козловым и т. д., и некоторые из них отнеслись ко мне с искренним расположением» [1]).

Если вспомнить, какое значение имела поэзия Жуковского для кружка виленских студентов, его баллады, вдохновившие первые баллады на польском языке, то понятно, что знакомство Мицкевича с Жуковским не ограничилось мимолетной встречей, а дало более глубокие корни. Мы имеем современное свидетельство (Записки К. Полевого), что Мицкевич ценил Жуковского не только как писателя, но и как человека с превосходной душой. В их переписке появляется интимное «mon ami», как это видно в недавно найденном письме Мицкевича к Жуковскому этого периода [2]). Эти близкие отношения могли позволить Жуковскому обратиться к Мицкевичу с просьбой охарактеризовать тех польских литераторов, которых он мог бы встретить в Варшаве.

Мы видим, что целый ряд данных позволяет приписывать рассматриваемую рукопись великому польскому писателю. Сличение почерка рукописи с заверенным автографом Мицкевича [3]), относящимся к 24 июля 1828 г. и написанным также на французском языке, обнаружило чрезвычайную близость почерка обоих документов.

Остается сказать несколько слов о судьбе рукописи. Как попала она в бумаги кн. П. А. Вяземского, в Остафьевский архив? Князь Вяземский, после своего трехлетнего пребывания в Варшаве, где он успел завязать ряд знакомств и дружеских отношений, слыл, и не только в своем кругу, за знатока и любителя польской литературы и, возможно, за собирателя материалов в этой области. Среди его бумаг есть интересное письмо к редактору какого-то парижского издания, очевидно обратившемуся к нему с просьбой дать сведения о состоянии не только русской, но и польской словесности. Надпись на конверте, где находится рукопись «Польский Сборник кн. Вяземского», говорит о каком-то объединяющем назначении вложенных бумаг. Бумаги эти, главным образом, частью печатанная, частью переписанная, нелегальная в России литература воззваний в период польского восстания 1830 г. (известно, что Вяземский держался о нем резко противоположного мнения сравнительно с мнением большей части русского общества, выраженным Пушкиным и Жуковским). Кроме этой революционной литературы, здесь находятся две бумаги, близко касающиеся интересующей нас рукописи. Это, во-первых, печатанные лекции Мицкевича о России 1841—1842 г. г., основательно кем-то изученные, судя по карандашным пометкам. Во-вторых, ода к Паскевичу, переписанная писарской рукой, с следующим заглавием на первом листе: «Épître à son Altesse Monseigneur le Feldmaréchal Prince de Varsovie Comte Paskévitch d' Erivan 1826—1831». На этой же странице другой рукой внизу подписано: «Его Превосходительству В. А. Жуковскому от княгини Веры Федоровны Голицыной. Артек 1837».

Следовательно, эта рукопись попала в Остафьевский архив также из бумаг Жуковского. Не передал ли он ее вместе с рукописью Мицкевича кн. Вяземскому, как лицу специально интересующемуся польским вопросом и всем, что так или иначе имело к нему отношение? Что Остафьевский архив должен бы хранить и хранил бумаги, связанные с именем Мицкевича, тому имеется доказательство. В папке с письмами кн. Вяземского находится клочек бумаги, исписанной карандашем неразборчивым старческим почерком князя. Это ответ Владиславу Мицкевичу, сыну поэта, на просьбу прислать письма отца, если таковые сохранились у Вяземского. Вяземский не помнил точно, были ли у него письма, обещ[illegible] навести

---

[1]) Сравн. с письмом Жуковского к А. П. Елагиной СПБ. 17 дек. 1827 г. «Ваш Мицкевич был у меня. Мне он очень по сердцу. Он должен быть великий поэт». «Рус. Арх.» 1898 г. I стр. 83.

[2]) Проф. А. Погодин: «А. Мицкевич, его жизнь и творчество» ч. II.

[3]) Историч. муз. Щукинск. собр. № 284/96. Напечатан в «Рус. Арх.» 1899 г. кн. 3 стр. 299

справки и оповестить В. Мицкевича. Вряд ли тогда было что-либо найдено. Во всяком случае до последнего времени в Остафьевском архиве хранились два письма Мицкевича, которые были взяты из него только в 1900 г. Это видно из листка бумаги, вложенного в один из картонов, на котором с подписью Барсукова написано следующее:

«С дозволения его Сиятельства графа Сергия Дмитриевича взято в С.-Петербург для приготовления к напечатанию в «Старине и Новизне»:

Пушкина 9 писем.
Дельвига 5.
Баратынского 16.
Плетнева 1 п.
Мицкевича 2 письма.
кн. З. Волконской 2 п.
Рылеева одно письмо. 21 сентября 1900 г.»

В появившихся в свет выпусках «Старины и Новизны» письма Мицкевича не были напечатаны, хотя большинство других документов появилось в этом издании.

Все эти ссылки показывают, что имя Мицкевича не одной нитью связано с Остафьевским архивом.

Дает ли найденная рукопись что-нибудь новое для характеристики личности и творчества великого польского поэта? Искать в ней крупных ценностей в этом отношении не приходится, ввиду специального ее назначения, но любопытные мелкие факты могут привлечь внимание исследователя. В общем, рукопись освещает литературные взгляды и отношения Мицкевича к представителям родной литературы в самые последние месяцы его пребывания в России. Она интересна также, как памятник, современный статье «О критиках и рецензентах варшавских», своим сдержанным беспристрастным тоном, представляющей резкий контраст с горячим полемическим тоном статьи. Если статья эта может считаться обвинительным актом против варшавских литераторов, то рукопись является защитницей всего ценного, что давала современная Варшава в области словесности. Злой насмешкой дышит язык Мицкевича, когда он характеризует литературные варшавские круги в статье, предназначенной для чтения соотечественникам; с глубоким вниманием останавливается он на заслугах каждого, даже незначительного писателя, находит и выставляет на первый план положительные черты даже врагов своих, классиков, в рукописи, предназначенной для чтения чужим писателем, мнением которого о родной ему литературе Мицкевич, конечно, должен был дорожить.

Таково одно значение рукописи. Специалист же исследователь творчества Мицкевича, вероятно, обнаружит в ней и другие черты, характерные для личности поэта, и подробности, интересные для освещения его литературных взглядов и отношений.

(*Немцевичъ*) [1]).

Julien Niemcewicz. Du temps de la republique député à la diète constitutionelle, aide de camp de Kosciuschko, fait prisonnier au champ de bataille de Maciejowice et detenu pendant deux ans à la forteresse de Petersbourg, emigré en Amèrique, de retour en Pologne après le traité de Tilsitt, actuellement secrétaire du Senat du Royaume et Presidant de la société Royale philomathique de Varsovie. Celebre patriote, orateur distingué, auteur d'un grand nombre d'ouvrages politiques et historiques, poète national plein d'originalité. On éstime surtout ses comédies, ses fables et ses chants historiques. Ami du Prince Wiazemsky. Je ne le connais pas, mais nous sommes en correspondance.

(*Лелевель*).

Joachim Lelevel, historien, ci-devant professeur d'histoire à l' Université de Vilna, éloigné sur le rapport de Mr. Novosilzoff, actuellement deputé à la diète. Je le recommande particulièrement à votre amitié. Je l'aime et je l'éstime comme mon pére.

(*Швейковскій*).

Abbé Szweykowski. Recteur de l'Université de Varsovie pendant plus de dix ans. Je ne le connais que par ses écrits, qui revélent le talent d'un orateur distingué et par l'éstime dont il jouit comme chef de l'institution pour le bien de laquelle il a eu de longues luttes à soutenir.

(*Вороничъ*).

Woronicz, ci-devant evêque de Cracovie, actuellement Archevêque de Varsovie et Primat du Royaume. Celebre par son éloquence. Ses sermons se rattachent aux événements les plus remarquables de l'histoire de son pays. Son poême (Temple de Sybille) consacré à la description de monuments nationaux conservés à Puławy par les soins de la Princesse Czartoryska, lui a valu autrefois le titre du poète.

(*Красинскій*).

Valerien comte Krasinski. Gentil-homme de la Chambre. Un de mes anciens amis, trés versé dans la litérature et l'histoire de la Russie.

(*Мрозинскій*).

Colonel Mrozinski, le plus savant et le plus érudit, et le plus spirituel de grammairiens polonais.

---

[1]) Рукопись воспроизводится в точном виде, с сохранением скобок перед вынесенными самим автором фамилиями писателей.

(*Дзялынскій и Свидзинскій*).

Titus comte Dzialynski et Constantin Swidzinski, nobles polonais, riches, patriotes, bibliographes et bibliomanes.

(*Клементина Гофманъ, урожденная Танская*).

Clementine Hofman née Tanski, fille d'un poète polonais du second ordre. Elle a écrit beaucoup d'ouvrages destinés à l'éducation des enfants. Son journal «Amusement des enfants» était le plus repandu en Pologne. Un de ses ouvrages traduit en Russe («Память по доброй матери») fut dedié à S. M. L'Impératrice de Russie.

Poètes classiques.

(*Осинскій*).

Louis Osinski, chef d'École. Excellent traducteur des tragédies françaises, directeur du théâtre polonais à Varsovie, jouissant autre-fois d'une réputation gigantesque. Depuis long-temps il n'écrit plus rien. Il est professeur de la litérature à l'Université très gouté et très applaudi du public. C'est le Baour-Sormian de Pologne, il suit le cours de la-Harpe.

(*Козьмянъ*).

Cajetan Kozmian. Poète lirique dans le genre de Lebrun et quelque fois dans celui de Dryden .Des odes declamatoires, parsemées de strophes admirables—de la poésie d'étalage. On attend de lui des Géorgiques polonaises.

(*Крушинскій*).

Kruszynski, traducteur des poésies françaises et des opéras italiens—correct et élegant.

(*Моравскій*).

François Morawzki. Genéral. Brave homme, soi disant poète romantique, traducteur de Racine, trés en vogue à Varsovie.

(*Братья Фредро*).

Maximilan Comte Fredro, auteur d'un drame romantique à ce qu'on dit remarquable.

Alexandre Comte Fredro. Auteur comique d'un grand talent, trés aimé du public de Varsovie.

Poètes romantiques.

(*Бродзински*).

Casimir Brodzinski. Professeur de litérature à l'Uniyersité, poète et chef de l'école romantique en Pologne. Savant literateur. Il a fait connaître le prémier les poésies de Goethe, de Schiller, il a composé lui même de ballades et des chansons d'un grand merite. Traducteur des poésies serbes et morlacques. Dans ses derniers ouvrages il semble avoir deserté l'école allemande et anglaise et persuadé que les chansons slaves sont

les plus poètiques après celles des anciens grecs, il tache de former une école poètique slave par excellence.

(*Залескій*).

Bohdan Zaleski, un de nos meilleurs poètes. Ses chansons historiques («Украинския думы») sont de véritables chefs d'oeuvre de poésie populaire.

(*Одынец*).

Edouard Odynice, mon ami de collège, poète distingué, traducteur de Votre «Swietlana».

Перевод:

(*Немцевич*).

Юлиан Немцевич. Со времени республики депутат в конституционном сейме, адъютант Костюшки, был взят в плен на поле сражения у Мацеёвице и содержался в течение двух лет в Петербургской крепости; эмигрировал в Америку, вернулся в Польшу после Тильзитского договора, в настоящее время секретарь при сенате королевства и президент Королевского общества Филоматов в Варшаве. Знаменитый патриот, замечательный оратор, автор многочисленных политических и исторических произведений, национальный поэт, полный оригинальности. Особенно ценят его комедии, его басни и исторические песни. Друг князя Вяземского. Я не знаком с ним, но мы переписываемся.

(*Лелевель*).

Иоахим Лелевель историк, бывший профессор истории в Виленском университете, удаленный по докладу г. Новосильцева, в настоящее время депутат сейма. Я его особенно рекомендую Вашей дружбе. Я его люблю и уважаю, как отца.

(*Швейковский*).

Аббат Швейковский. Ректор Варшавского университета более десяти лет. Я его знаю только по его сочинениям, которые обнаруживают талант замечательного оратора, и по уважению, которым он пользуется, как глава учреждения, за благо которого ему пришлось долго бороться.

(*Воронич*).

Воронич, прежде Краковский епископ, теперь архиепископ Варшавы и примас королевства. Знаменит своим красноречием. Его проповеди стоят в связи с наиболее замечательными историческими событиями родины. Его поэма (Храм Сивиллы), посвященная описанию национальных памятников, сохраняемых в Пулавах заботами княгини Чарторыйской, некогда доставила ему звание поэта.

(*Красинский*).

Граф Валериан Красинский. Камер-юнкер. Один из моих старинных друзей, очень сведущий в русской литературе и истории.

(*Мрозинский*).

Полковник Мрозинский, самый ученый, самый знающий и самый умный среди польских грамматиков.

(*Дзялынский и Свидзинский*).

Граф Титус Дзялынский и Константин Свидзинский, польские аристократы, богачи, патриоты, библиографы и библиоманы.

(*Клементина Гофман, урожденная Танская*).

Клементина Гофман, урожденная Танская, дочь второстепенного польского поэта. Она написала много произведений, предназначенных для воспитания детей. Ее журнал—«Детское развлечение» был наиболее распространенным въ Польше. Одно из ее произведений, переведенное на русский («Память по доброй матери») было посвящено Ее И. В. Русской Императрице.

Поэты классики.

(*Осинский*).

Людвиг Осинский, глава школы. Превосходный переводчик французских трагедий, директор польского театра в Варшаве, пользовавшийся некогда огромной известностью. Уже давно он ничего более не пишет. Он—профессор литературы в университете, очень ценимый и очень одобряемый публикой. Это—польский Баур-Сормиан, следующий учению Лагарпа.

(*Козьмян*).

Каэтан Козьмян. Лирический поэт в духе Лебрэна, а иногда—Дрейдена. Высокопарные оды, в которых часто встречаются великолепные строфы—поэзия внешне блестящая. От него ждут польских Георгик.

(*Крушинский*).

Крушинский, переводчик французских стихов и итальянских опер,—корректный и изящный.

(*Моравский*).

Франциск Моравский, генерал, честный человек, так называемый романтический поэт, переводчик Расина, в большом почете в Варшаве.

(*Братья Фредро*).

Граф Максимилиан Фредро, автор романтической драмы, как говорят, замечательной.

Граф Александр Фредро, комический писатель с большим талантом, очень любимый Варшавской публикой.

Поэты романтики.

(*Бродзинский*).

Казимир Бродзинский. Профессор литературы в университете, поэт и глава романтической школы в Польше. Ученый литератор. Он первый познакомил с поэзией Гете и Шиллера и сочинил сам баллады и песни высокого достоинства. Переводчик сербской и моравской поэзии. В своих последних произведениях он, кажется, изменяет не-

мецкой и английской школам и, убеждаясь в том, что славянские песни самые поэтичные после песен древних греков, он стремится образовать поэтическую школу, славянскую по преимуществу.

(*Залеский*).

Богдан Залеский. Один из лучших наших поэтов. Его исторические песни («Украинские думы»)—настоящие «chefs d'oeuvre» народной поэзии.

(*Одынец*).

Эдуард Одынец, мой товариш по коллегии, отличный поэт, переводчик Вашей «Светланы».

II.

Письмо А. Мицкевича к кн. З. А. Волконской.

Madame, j'ai vous ai déjá annoncé M. Le Gretan. J'espère que Vous aurez pour lui quelque bonté. C'est un homme trés distingué. Il est professeur à l'academie de Lausanne, et par consequant mon future collegue. Je Vous prie de l'adresser à M. Le Comte Plater, dont je suppose, vous connaissez l'addresse.

Je n'ai que le temps de tracer ces quelques lignes.

Votre devoué

Adam Mickiewic.

Lausanne.
1839. 20 Juin.
A Madame
Madame
la Princesse Zéneide
Wolkonsky.
Rome. Piazza Barberini
Palazzo Polli.

Перевод.

Madame, я уже извещал Вас о Г. Ле Гретан. Надеюсь, что Вы будете к нему благосклонны. Это очень почтенный человекъ. Он профессор академии в Лозанне и, следовательно, мой будущий коллега. Прошу Вас направить его к Г. графу Платеру, адрес которого, я полагаю, Вам известен. У меня есть время начертить только эти несколько строк.

Преданный Вам

Адам Мицкевич.

Лозанна.
1839. 20 июня.
На обороте:
А madame
Княгине Зинаиде
Волконской.
Рим. Площадь Барберини.
Дворец Полли.

Небольшое письмо А. Мицкевича к писательнице кн. З. А. Волконской хранится в I отделении IV секции Е. Г. А. Ф., в архиве этой последней, вывезенном из имения Волконской, Тульской губернии, Веневского уезда. Оно является памятником, вероятно, обширной переписки, которая, несомненно, существовала между княгиней и Мицкевичем в течение их двадцатилетнего знакомства. Введенный в блестящий Московский салон З. А. Волконской зимой 1826—1827 года, Мицкевич был очарован как его хозяйкой, так и всей художественной атмосферой, ее окружавшей. Это первое впечатление знакомства нашло отражение в Pokós grecki», посвященном княгине [1]). Через два года, в Риме, Мицкевич вновь встретился с З. А. Волконской и часто бывал ее гостем в продолжение 1829—1830 г.г. К 1830 году относится его письмо к ней, написанное на другой день после полученного известия о польском восстании и характеризующее его глубокую симпатию и уважение к княгине [2]). Еще более горячим чувством преданности веет от его письма от 10-го июля 1832 г. [3]). Ответ на него З. А. Волконской, цитированный в книге Вл. Мицкевича, в свою очередь, рисует глубоко сочувственное отношение княгини к личности поэта [4]). Последняя известная встреча Мицкевича с Зинаидой Волконской относится к 1848 г.

Приведенное выше письмо [5]) с рекомендацией профессора Ле-Гретана было написано А. Мицкевичем из Лозанны, в университете которой он еще в 1838 году получил кафедру латинской словесности. Болезнь жены помешала ему немедленно после избрания приступить к чтению лекций и отозвала в Париж. Лишь в начале лета 1839 года он смог вернуться в Лозанну, и к этому времени относится его рекомендательная записка к кн. Волконской.

Владислав Мицкевич приводит в своей книге ряд свидетельств о дружественных отношениях, быстро завязавшихся между А. Мицкевичем и Лозаннскими профессорами. Вышеприведенное письмо дает материал по тому же вопросу.

Граф Платер, упоминающийся в письме, вероятно, гр. Владислав Платер, который основал в Рапперсвилле (в Швейцарии) библиотеку и музей древностей и с которым Мицкевич был в переписке [6]).

Сообщила *В. Нечаева*.

---

[1]) В архиве хранится рукопись этого произведения на франц. языке в переводе автора.
[2]) Ladislas Mickiewicz. «Adam Mickiewicz sa vie et son oeuvre» Paris 1888 стр. 80.
[3]) М. А. Гаррис: «Зинаида Волконская и ее время» М. 1916 стр. 22.
[4]) Стр. 117. Преклонение З. А. Волконской перед гением Мицкевича ярко обнаружилось в хранящемся в архиве черновике ее неизданной статьи-рассуждения о значении Байрона и Мицкевича.
[5]) Письмо печатается с соблюдением точной орфографии подлинника.
[6]) Korespondencja Adama Mickiewicza t I. Paris. 1871 стр. 316.

Из записной книжки архивиста.

I.

„Обуздание революционной деятельности столичной и провинциальной периодической печати 1906 года".

Среди документов, вывезенных в свое время из б. Царскосельского дворца, хранящихся в настоящее время в Государственном Архиве Р. С. Ф. С. Р., имеется любопытная записка под наименованием: «О мерах к обузданию революционной деятельности столичной и провинциальной печати 1906 г.», адресованная б. царю Николаю Романову. Записка принадлежит перу И. Л. Горемыкина, бывшего в 1906 г. председателем совета министров.

Как видно из содержания записки, она направлена почти исключительно против социал-демократической печати, выходивший в свет весною-летом 1906 года несмотря на тяжелые полицейские условия.

Приводим эту записку целиком.

«Ваше императорское величество».

Приемлю долг всеподданейше доложить, что резкая революционная деятельность значительной части нашей периодической печати в столице и почти всей мелкой провинциальной печати чрезвычайно озабачивает меня и служила уже неоднократно предметом серьезного обсуждения с министром внутренних дел и другими членами Совета. Это обсуждение приводит несомненно к тому заключению, что, как благоугодно было выразить вашему величеству, «сидеть только на законе нельзя». Судебное преследование не достигает цели; приостановленные газеты сейчас же выходят под другими названиями; зло растет и в последние дни приняло нестерпимый анархический характер. Особенно преступны статьи, касающиеся нашей армии. В таком положении дела я вполне сознаю, что ограничиваться одними указанными в законе мерами нельзя, и необходимо бороться со злом другими мерами, хотя бы и не укладывающимися в тесные рамки наших новоизданных законов о печати, которыми у власти связаны руки. По соглашению моему с министром внутренних дел, будет ежедневно накладываем арест на следующие газеты: «Курьер», «Голос», «Трудовая Россия», «Призыв», «Современная Жизнь» и на имеющую появиться на днях новую социал-демократическую газету. Относительно Москвы даны надлежащие указания градоначальнику; в Москве газеты могут быть приостановлены в силу действующей там охраны. Кроме того, сделаны однородные распоряжения по всем провинциальным городам, при чем в тех из них, где действует охрана, газеты будут приостановлены, а в прочих будут подвергаться аресту.

Затем весь вопрос о мерах, которые могут быть приняты для обуздания революционной печати, будет обсужден в ближайшем заседании Совета министров, мемория коего по сему предмету будет представлена на всемилостивейшее воззрение ваше.

Вашего императорского величества верноподданный и всепреданный слуга

И. Горемыкин.

4 июня 1906 года.

Сообщил В. М.

II.

Письмо С. В. Зубатова[1]) А. И. Спиридовичу[2]) по поводу выхода в свет его книги „Партия с.-р. и ее предшественники“ *).

7-VIII 1916 г.

Ваше Превосходительство
Дорогой Александр Иванович!

С живейшим удовольствием узнал о Вашем генеральском чине и, конечно, горячо поздравляю Вас с этой Монаршей милостью, сердечно желая Вам дальнейших успехов на Вашем служебном поприще.

Поздравляю и шлю Вам, мой дорогой, и Вашей супруге искренние пожелания прочного счастья и семейной с детьми радости в Вашей новой брачной жизни. Никак не могу обойти добром и Валерии Константиновны, «Ох, как она Вас любила!!» Ну, дай Вам Бог всего хорошего!..

Труд Ваш о «Партии Социалистов-Революционеров и ее предшественниках» — вещь капитальная. Я прочитал его с захватывающим интересом. Написан он прекрасным языком и местами полон драматизма. Душа этой доморощенной партии неисправимых утопистов, органических беспорядочников и сентиментального зверья—террор—схвачена, усвоена и прослежена Вами превосходно, а вывод Ваш: «террор и особенно центральный—вот главное средство борьбы, к которому обратится «партия социалистов-революционеров» лишь только наступит время, благоприятное для работы (стр. 496)—зловеще, но вполне верен, и всякая политическая маниловщина в этом отношении преступна. Верность охранным принципам и твердость тона в их направлении проведены прелестно. По сим причинам очень и очень признателен Вам за присылку Вашего труда, крепко, вообще, меня взволновавшего.

Узнав, что убийца уфимского губернатора Богдановича [3]) был рабочий Дулябов и живо по сему поводу вспомнив свои беседы с таким же персонажем—рабочим Качурой [4]), дошедшим до откровенности на суде—я понял, что гром в Уфе был не из тучи, и террористический фон мог быть совершенен без особо сложных церемоний—лишь Дулебовым и Гершуни [5]). Так что не вырвись у нас последний из-под наблюдения, мы не были бы в неведении об этом деле, и вероятно, предупредили бы его. Вопрос о том, знал ли покойный Азев [6]) (не знаете ли, при каких обстоятельствах он умер) об этой затее Гершуни—для меня сейчас не ясен: Гершуни был художник в деле террора и мог действовать по вдохновению, без чьей-либо санкции и помощи, надобности в которых случая (за элементарностью его) совершенно не представлялось. Очень мне понравились приведенные Вами данные о «провокации» Азева. С одной стороны, обвинения Центрального Комитета партии, а с другой—разделывание этих фактов «Знаменем Труда» (стр. 427 и 432). Вот так противоречие! Тон истых политических иезуитов, выступающих с лживо-тенденциозными утверждениями перед широкой публикой. Где же тогда «провокаторство» Азева?! Нет, это прелестно, бесподобно, подлежит громкому оглашению... По извещению Центрального Комитета, Азев ставил террористическую работу против Плеве, Вел. Кн. Сергея Александровича, П. Н. Дурново, Столыпина и Государя Императора.

*) Извлечено из различных документов Чрезвычайной Следственной Комиссией Н. К. Муравлева. (3 отд. Госархива).

Прочитав это, многие члены партии усомнились в ней, началась деморализация. Тогда «Знамя Труда» заявило: «Необходимость актов диктовалась не соображениями Азева или тех, кто стоял за ним, а политическим положением страны; объекты террористической борьбы указывались не Азевым, а партией, в связи с их политической ролью в данный момент; герои, шедшие на акты, шли не ради Азева, а ради революционного дела, которому они служили до конца, стоя в рядах партии. Террор не с Азевом возник, не Азевым начат, не Азевым вдохновлен и не Азеву и его клике разрушить или морально скомпрометировать его»...

Что же после этих слов остается от Азева-провокатора? Азев—посредственность, Азев—отголосок террора, придерживавшийся пословицы: «с волками жить—по волчьи выть». Как связать между собою эти два документа, принадлежащих социалистам-революционерам? Вот где «своя своих не познаша», гад гада ужалил. Выходит, переврали... Вот бы в Гос. Думу для посрамления г.г. Родичевых и Милюковых, болеющих провокацией...

Разрешите поспорить против Вашего вывода (стр. 429). «Азев истый революционер-террорист, служивший одновременно революции по убеждению и чинам правительства—корысти ради». Нет, он революцией занимался ради ее доходности, а не по убеждению, как и службой правительству. Натура его была чисто аферистическая. Умалчивал он об очень серьезном—не из сочувствия революционерам, а из опасения возбудить в чинах правительства особое рвение, всегда для его головы опасное. Положение его делалось все более опасным по мере повышения его в революционных чинах, и он все более умолкал, ограничиваясь намеками, которые приходилось понимать с большим трудом и после серьезных размышлений и сопоставлений. Простите за дерзость, но он едва ли находил равновеликий себе персонаж среди его казненных руководителей. И кончил тем, что и себе голову разбил, да и другим наделал не мало хлопот.

Дело прошлое, но все же любопытно, как Азев мог прозгентурить до 1908 года, когда мы с ним разругались еще в 1903 г. перед уходом моим из Д-та? Что же могло усыпить у Д-та мои открыто выраженные А. А. Лопухину [7]) сомнения в допустимости его тактики? (По этому ведь поводу состоялось конспиративное свидание последнего с Азевым). Ведь я нарочно арестовывал его кружки без совета с ним, а уходя, помню, слышал, что на него за провалы косятся. Все это говорю чисто теоретически, а не жалуясь на кого-либо...

Ну, до свидания. Крепко, крепко Вас целую и еще раз поздравляю и благодарю за доставку книги.

Ваш душою *С. Зубатов.*

Примечания.

1. **Зубатов С. В.** видный деятель департамента полиции. В 80-х годах «освещал» деятельность народовольческих кружков в Москве. В качестве начальника Московского охранного отделения прославился попыткой насаждения «полицейского социализма». В 1903 г. был уволен в отставку. В марте 1917 г. покончил самоубийством.

2. **Спиридович А. И.**, жандармский офицер, автор книг: 1) «Партия с.-р. и ее предшественники» и «Российская социал-демократическая рабочая партия». В 1903 году был начальником Киевского охранного отделения, выдвинулся «ликвидацией» некоторых членов Боевой Организации П. С. Р. (Мельникова, Гершуни). В 1915 г. был градоначальником города Ялты, а затем, до революции 1917 г., начальником дворцовой охраны.

3. **Богданович,** Уфимский губернатор, убит в Уфе 6 мая 1903 г. по приговору Б. О. партии с.-р.

4. **Качура Ф.**, член партии с.-р., покушавшийся 26 июля 1902 года на Харьковского губернатора кн. Д. Оболенского. Ф. Качура был приговорен к смертной казни, которая была ему заменена каторжными работами.

5. **Гершуни Гр.**, член боевой организации партии с.-р; арестован в Киеве 12 мая 1903 г. В 1904 г. приговорен к смертной казни, замененной вечной каторгой. Бежал из Акатуевской каторжной тюрьмы, умер в Швейцарии в 1908 г.

6. **Азеф Евно**, известный провокатор, член партии с.-р., глава Б. О. после Гершуни в 1902—1908 г.г.

7. **Лопухин А. А.**, вице-директор департамента полиции приобретший известность своим письмом к Столыпину о роли правительства в устройстве еврейских погромов. За участие в разоблачении Азефа был предан суду и присужден к ссылке на поселение.

Сообщил *А. П.*

III.

Ген. Алексеев и Времен. Комитет Государственной Думы.

Воспроизводимое ниже письмо председателя Государственной Думы к министру-председателю Временного Правительства кн. Г. Е. Львову, датированное 18 марта 1917 года, находится на страницах 623 и 624 дела кабинета военного министра 1917 г. № 43 «с перепискою секретарской части бывшего военного министра А. И. Гучкова» (Полевое отделение Военно-Ученого Архива № 155.903). Письмо это, содержащее в себе вполне определенную и резкую характеристику генерала Алексеева, как политического деятеля, и его отношение к революции, тем более ценно, что оно исходит от представителя тех кругов, коими впоследствии ген. Алексеев был объявлен спасителем родины и революции от «контр-революционеров»—большевиков.

«Милостивый Государь

Князь Георгий Евгеньевич.

Из вчерашнего моего разговора с военным министром А. И. Гучковым я убедился, что Правительство, повидимому, решило во главе нашей действующей армии поставить, в качестве Верховного Главнокомандующего, генер. Алексеева, бывшего Начальника Штаба. Это назначение не приведет к благополучному окончанию войны. Я сильно сомневаюсь, чтобы ген. Алексеев сосредоточил в себе сумму достаточного таланта и способности и силы воли, чтобы широко охватить то политическое настроение, которое теперь захватило Россию и армию. Вспомните, что ген. Алексеев являлся постоянным противником мероприятий, которые ему неоднократно предлагались из тыла, как неотложные; дайте себе отчет в том, что ген. Алексеев всегда считал, что армия должна командовать над тылом, что армия должна командовать над волею народа и что армия должна как бы возглавлять собою и правительство, и все его мероприятия; вспомните обвинение ген. Алексеева, направленное против народного представительства, в котором он определенно указывал, что одним из главных виновников надвигающейся катастрофы является сам русский народ в лице своих народных представителей. Не забудьте, что ген. Алексеев настаивал определенно на немедленном введении военной диктатуры. Для меня ген. Алексеев является почтенным и достойным всякого уважения, доблестным честным и преданным родине воякою, который не изменит своему делу, но поведет его лишь в тех пределах, в какие оно укладывается точным соотношением с его миросозерцанием. Но последнее именно заставляет меня думать, что ширины умственного кругозора в этом человеке нет, что охватить широким размахом донельзя осложнившиеся условия войны ген. Алексееву будет не по силам, и что, наконец, имя ген. Алексеева, быть может невольно, но все-таки виновного в сдаче всех крепостей, Варшавы и Царства Польского, в силу указанных обстоятельств не популярно, и к тому же мало известно в России. К

делу ведения войны, с моей точки зрения, должны быть привлечены все те силы, которые уже на деле доказали способность понимания государственных задач России, не только военных, но и сил, действующих вне сферы военных действий. Из последнего присланного и мне, и, вероятно, Вам письма ген. Алексеева, сообщающего о том, как действующая армия приняла наступившие события, для меня совершенно ясно, что только юго-западный фронт оказался на высоте положения. Там, очевидно, царит дисциплина, чувствуется голова широкого полета мысли и ясного понимания дела, которая руководит всем этим движением. Я имею в виду ген. Брусилова, и я делаю из наблюдений моих при многочисленных своих поездках по фронту тот вывод, что единственный генерал, совмещающий в себе как блестящие стратегические дарования, так и широкое понимание политических задач России и способный быстро оценивать создавшееся положение, это именно генерал Брусилов.

Другим лицом широкого государственного ума, но который, быть может, является менее опытным, в смысле активной военной деятельности, я считаю ген. Поливанова.

Эти два выдающиеся государственные умы, поставленные во главе нашей доблестной армии, с придачей им тех помощников, которые ныне существуют,—умные, знающие и уважаемые генералы Клембовский и Лукомский,—и составили бы то ядро военного Верховного командования, которое единственно, с моей точки зрения, способно вывести страну и армию из бедственного положения. Если при такой комбинации учредить обязательные еженедельные военные советы из начальников фронтов совместно с вышеупомянутыми лицами штаба, то надежда на благоприятный исход кампании не должна считаться потерянной. Сообщаю Вам это на тот предмет, что, быть может, еще не поздно изменить принятое решение и не оставлять армию в руках командующего, который несомненно со своею задачею не справится. Примите уверение в полном уважении и преданности.

М. Родзянко.

18 марта 1917 г.»

Приведенное письмо Родзянко запоздало: назначение ген. Алексеева на должность Верховного Главнокомандующего состоялось. Характерно, что руководимый Родзянко Временный Комитет Государственной Думы счел необходимым заявить протест против этого назначения. В том же деле, в котором находится письмо Родзянко, имеется выписка из журнала заседания Временного Комитета Государственной Думы № 11 от 19 марта 1917 г. (листы 623 и 624), гласящая:

Слушали:	Постановили:
2. Об изменениях в высшем военном командовании. При обсуждении настоящего вопроса членами Комитета было отмечено, что предыдущая деятельность генерал-адъютанта Алексеева, последовательно в роли начальника штаба Главнокомандующего армиями юго-западного фронта, Главнокомандующего армиями западного фронта и, наконец, начальника штаба Верховного Главнокомандующего, а равно отношение к вопросам внутренней политики, свидетельствующее о непонимании им настоящего	Признать: 1) что в интересах успешного ведения войны представляется мерою неотложною освобождение генерала Алексеева от обязанностей Верховного Главнокомандующего; 2) что желательным кандидатом на должность Верховного Главнокомандующего является генерал Брусилов; 3) что назначе-

Слушали:

момента, не дают уверенности в возможности успешного осуществления им задач верховного командования армиями, в виду чего замена его другим лицом является совершенно неотложною. Обсуждая вопрос о том, кто бы мог заменить генерала Алексеева, члены Комитета полагали, что на это место мог бы быть назначен генерал Брусилов, проявивший в настоящую войну стратегические способности и имевший столь крупный успех на южном фронте.

Что касается назначения на должность Начальника штаба Верховного Главнокомандующего и Генерала Квартирмейстера, то Временный Комитет высказался в том смысле, что назначения на эти должности должны быть произведены Временным Правительством по соглашению с Верховным Главнокомандующим. В числе желательных кандидатов на должность Начальника Штаба назывался генерал Поливанов.

Постановили:

ния на должности начальника штаба Верховного Главнокомандующего и Генерала Квартирмейстера должны быть производимы Временным Правительством по соглашению с Верховным Главнокомандующим, и 4) общее руководство ведением войны, за исключением стратегии, управления и командования всеми сухопутными и морскими силами, должны быть сосредоточены в руках *Временного Правительства*».

Сообщил *Б. К.*

IV.

Переписка о подкупе китайских сановников Ли-Хун-Чжана и Чжан-ин-Хуана [1]).

Проект секретной телеграммы над. сов. Павлову.

Въ Пекинъ.

С.-Петербургъ 9 января 1898 г.

На подлинникѣ надпись Николая Романова синимъ карандашемъ: «Съ» т.-е. «согласенъ» (Шифромъ).

Изъ полученной отъ Покотилова телеграммы явствуетъ, что англичане за устройство займа обѣщали министрамъ крупную взятку.

Въ виду этого Государю Императору благоугодно было соизволить, чтобы Вы, совмѣстно съ Покотиловымъ, располагали милліономъ рублей изъ денегъ, хранящихся въ Русско-Китайскомъ Банкѣ, для негласной раздачи подарковъ китайскимъ сановникамъ, въ случаѣ если бы Вы, по мѣстнымъ соображеніямъ, признавали это безусловно необходимымъ для устройства займа въ Россіи.

---

[1]) С. Ю. Витте в своих «Воспоминаниях» (том, I, стр. 127—128) излагает историю с подкупом китайских сановников таким образом.

В начале 1898 года русский посланник в Пекине, Павлов, предложил Китаю передать в арендное содержание на 38 лет всю Квантунскую область вместе с Порт-Артуром и бухтой Да-Лянь-Ван. Китайское правительство было против этого, под влиянием английских и японских дипломатов.

Тогда Витте посоветовал агенту министерства финансов, Покотилову, в Пекине предложить Ли-Хун-Чжану и Чжан-ин-Хуану денежное вознаграждение за содействие в деле передачи Квантуна в аренду. По словам Витте, китайские сановники, видя, что передача Квантунской области все равно неизбежна, так как русские суда были нагружены войсками и стояли в полном боевом порядке, приняли предложение и уговорили императрицу подписать соглашение.

Витте в своих «Воспоминаниях» заявляет, что Николай Романов совершенно не знал о предпринятых им шагах к подкупу китайских сановников, почему на телеграмме Покотилова о готовности Китая подписать соглашение написал: «Не понимаю, в чем дело». Насколько это утверждение Витте соответствует действительности, можно видеть из публикуемых документов. В переписке всюду, вместо вопроса о Квантунской области, речь идет о китайском займе, которой должен являться компенсацией за уступку П.-Артура и Да-Лянь-Ван в арендное пользование России.

Публикуемые документы взяты из секретного архива министра иностранных дел, находящегося во II Отделении Государственного Архива Р. С. Ф. С. Р.

Шифрованная телеграмма из Пекина от над. сов. Покотилова на имя г. министра финансов от 8/20 января 1898 года.

Медленность китайцевъ въ дѣлѣ займа слѣдуетъ, вѣроятно, объяснить сильными интригами противъ Ли-Хунъ-Чжана и нежеланіемъ прочихъ министровъ дать Ли-Хунъ Чжану устроить это дѣло. Съ другой стороны, есть основаніе предполагать, что англичане обѣщали министрамъ крупную взятку за устройство займа. Среди членовъ Цзунъ-Ли-Ямыня распространяется убѣжденіе, что мы не имѣемъ намѣренія очистить Портъ-Артуръ и Да-Лянь-Вань.

Покотиловъ.

Заметка для министра финансов.

Министерство Иностранныхъ Дѣлъ поставлено въ полную невозможность опредѣлить размѣры суммы, необходимой въ цѣляхъ заинтересовать матеріально въ нашу пользу китайскихъ властей въ Портъ-Артурѣ и Талянванѣ.

Необходимыя на сіе средства легче всего могутъ быть опредѣлены на мѣстѣ нашимъ Повѣреннымъ въ Дѣлахъ въ Пекинѣ, совмѣстно съ Над. Сов. Покотиловымъ. Если бы Министерство Финансовъ снабдило г. Покотилова надлежащими указаніями на сей предметъ, то и Министерство Иностранныхъ Дѣлъ со своей стороны не замедлитъ дать инструкцію г. Павлову въ томъ же смыслѣ.

Секретная телеграмма кам.-юнк. Павлова.

Пекинъ, 12 января 1898 г.

На подлинникѣ пометка Николая Романова.

Вчера вечеромъ, пригласивъ къ себѣ Ли-Хунъ-Чжана, крайне секретно, черезъ Покотилова передалъ ему, что въ случаѣ заключенія займа у насъ,—какъ только будутъ подписаны контрактъ и декларація,—въ его личное распоряженіе будетъ предоставлено 500.000 ланъ, какъ бы на покрытіе негласныхъ расходовъ, которые ему самому пришлось бы сдѣлать для проведенія этого дѣла. Ли-Хунъ-Чжанъ обѣщалъ полное содѣйствіе; далъ понять, что если только мы найдемъ возможнымъ устроить заемъ по выпускному курсу—сто, то онъ почти ручается за успѣхъ. Сегодня въ Цзунъ-Ли-Ямынѣ констатировалъ явную перемѣну со стороны Ли-Хунъ-Чжана и Венъ-Тунъ-Хо [1]) въ нашу пользу.

№ 1. Шифрованная телеграмма из Пекина от над. сов. Покотилова на имя министра финансов от 12/24 января 1898 года.

Вчера вечеромъ Ли-Хунъ-Чжанъ по приглашенію прибылъ къ повѣренному для секретнаго совѣщанія въ присутствіи моемъ. Мы обратили его вниманіе на крайне серьезныя послѣдствія, которыя можетъ имѣть для Китая заключеніе займа въ Англіи, въ

[1]) Исправляющій должность министра финансов.

случаѣ же улаженія дѣла съ нами, обѣщали Ли-Хунъ-Чжану 500 тыс. ланъ. Ли-Хунъ-Чжанъ заявилъ, что главнымъ затрудненіемъ являются выгодныя финансовыя предложенія Англіи, которая предлагаетъ выпустить заемъ по курсу 100, съ обязательствомъ для Китая уплачивать въ видѣ процентовъ и погашенія по 4% занятой суммы въ теченіе 50 лѣтъ. Ли-Хунъ-Чжанъ заявилъ, что, вѣроятно, было бы возможно уладить дѣло, если бы мы согласились выпустить заемъ по курсу 100, такъ какъ это предложеніе Англіи очень привлекаетъ министерство финансовъ. Ли-Хунъ-Чжанъ заявилъ также, что Китай боится мести Англіи, въ случаѣ, если ея предложенія будутъ отклонены. Мы настаивали на крайней необходимости немедленно командировать Сюй-Цзинъ-Чена въ Петербургъ. Ли-Хунъ-Чжанъ обѣщалъ принять мѣры къ этому. Сегодня назначено совѣщаніе Повѣреннаго въ Цзунъ-Ли-Ямынѣ съ княземъ Тупомъ.

Покотиловъ.

Вѣрно. Дѣлопроизводитель *Позднѣевъ.*

№ 2. Шифрованная телеграмма из Пекина от над. сов. Покотилова на имя г. министра финансов от 12/24 января 1898 г.

Совѣщаніе Повѣреннаго съ Цзунъ-Ли-Ямынемъ явилось повтореніемъ вчерашняго разговора съ Ли-Хунъ-Чжаномъ. Китайцы выразили желаніе, чтобы мы предложили выпускной курсъ 100, увѣряя, что въ такомъ случаѣ они немедленно примутъ наши предложенія. О командировкѣ Сюй-Цзинь-Чэна ничего опредѣленнаго не высказали. Повѣренный заявилъ, что торговаться не намѣренъ и снова предупредилъ о крайне серьезныхъ послѣдствіяхъ, которыя можетъ имѣть заемъ у Англіи.

Покотиловъ.

Вѣрно. Дѣлопроизводитель *Д. Позднѣевъ.*

Секретная телеграмма кам.-юнк. Павлова.

Пекинъ, 15 января 1898 г.

Вчера, совмѣстно съ Покотиловымъ имѣли секретное свиданіе съ Чжанъ-Инъ-Хуаномъ; обѣщалъ ему двѣсти тысячъ, на тѣхъ же условіяхъ, какъ Ли-Хунъ-Чжану. Чжанъ-Инъ-Хуанъ завѣряетъ, что мы можемъ всецѣло полагаться на него какъ въ этомъ, такъ и въ послѣдующихъ дѣлахъ. Министръ Финансовъ Венъ-Тунъ-Хо отъ секретнаго свиданія уклонился, боясь возбудить подозрѣніе, ибо вообще не имѣетъ частныхъ сношеній съ иностранцами; но мнѣ извѣстно, что онъ секретно объяснился съ Ли, который съ нимъ подѣлится.

На подлинникѣ собственноручная надпись Николая Романова: «Въ концѣ концовъ, я все-таки очень надѣюсь, что намъ удастся заключить заемъ съ Китаемъ».

Копия.

Инструкціи, даваемыя нашему Повѣренному, мнѣ извѣстны. Оказывайте ему содѣйствіе и, если для сего нужно производить расходы на подарки, то можете производить таковые по соглашенію съ Повѣреннымъ.

Подписано: *С. Витте.*

Вѣрно. Дѣлопроизводитель *Д. Позднѣевъ.*

12 февраля 1898 года.

Копия телеграммы министра финансов на имя над. сов. Покотилова в Пекин от 9 марта 1898 г.

Было бы желательно, чтобы до 15-го марта вашъ довѣренный агентъ былъ въ Портъ-Артурѣ съ надлежащими суммами, дабы онъ могъ расположить въ нашу пользу на мѣстѣ соотвѣтствующихъ властей и дѣятелей и, съ другой стороны, оказать содѣйствіе нашему дессанту. Поступите по соглашенію съ Павловымъ и о послѣдующемъ телеграфируйте.

(Подписалъ) *Витте.*

Вѣрно. Дѣлопроизводитель *Д. Позднѣевъ.*

Копия.

Срочная шифрованная телеграмма из Пекина от над. сов. Покотилова на имя министра финансов от 9/21 марта 1898 г.

По соглашенію съ Повѣреннымъ въ дѣлахъ я имѣлъ сегодня конфиденціальную бесѣду съ Ли-Хунъ-Чжаномъ и Чжанъ-Инъ-Хуаномъ, обѣщавъ, въ случаѣ, если дѣло въ Портъ-Артурѣ и Да-Лянь-Ванѣ будетъ улажено въ назначенный нами срокъ и безъ чрезвычайныхъ мѣръ съ нашей стороны — по 500 тыс. ланъ. Оба министра жаловались на крайнюю трудность своего положенія и на большое возбужденіе, царящее среди чиновнаго класса. Къ Богдыхану поступаетъ масса просьбъ, чтобы никакъ не уступали нашимъ требованіямъ. Завтра оба министра ѣдутъ съ докладомъ къ Богдыхану. Китайскій посланникъ въ Лондонѣ телеграфировалъ Цзунъ-Ли-Ямыню, что англійскій Министръ Иностранныхъ Дѣлъ заявилъ ему о крайнемъ несочувствіи своемъ къ нашимъ требованіямъ.

Покотиловъ.

Вѣрно. Дѣлопроизводитель.

Секретная телеграмма кам.-юнк. Павлова.

Пекинъ, 9 марта 1898 года.

№ 3.

Весьма секретно, совмѣстно съ Покотиловымъ, обѣщали Ли-Хунъ-Чжану и Чжанъ-Инъ-Хуану каждому по 500.000 ланъ, если не позже 15 марта соглашеніе будетъ подписано безъ того, чтобы мы были вынуждены прибѣгнуть къ крайнимъ мѣрамъ.

Секретная телеграмма кам.-юнк. Павлова.

Пекинъ, 12/24 марта 1898 года.

Complement telegramme du 9 mars.

Обѣщанное вознагражденіе произвело должное дѣйствіе. Ли-Хунъ-Чжанъ и Чжанъ-Инъ-Хуанъ видимо заинтересовали въ немъ остальныхъ Министровъ и самихъ князей. Желательно, чтобы послѣ подписанія 15-го марта конвенціи можно было поскорѣе выплатить обѣщанныя деньги. Почтительно прошу по этому предмету распоряженій Покотилову.

Копія шифрованной телеграммы министра финансовъ в Пекин на имя над. сов. Покотилова от 13 марта 1898 г.

Когда благополучно окончится дѣло, выплатите согласно телеграммы Вашей отъ 9 марта, милліонъ ланъ. Кромѣ того, я открылъ Вамъ кредитъ еще на полъ-милліона ланъ, на случай необходимости новыхъ расходовъ по тому же дѣлу. Можете расходовать эти деньги по соглашенію съ Павловымъ, испрашивая, когда время сіе позволитъ, мое разрѣшеніе.

Витте.

Вѣрно. Дѣлопроизводитель *Д. Позднѣевъ.*

Секретная телеграмма кам.-юнк. Павлова.

Пекинъ, 15/27 марта 1898 г.

На подарки и пособія властямъ въ Портъ-Артурѣ и Таліенванѣ потребуется въ общей сложности отъ двухсотъ пятидесяти до трехсотъ тысячъ ланъ. Почтительно ходатайствую о соотвѣтствующемъ распоряженіи Покотилову.

Копія.

Шифрованная телеграмма из Пекина от надв. сов. Покотилова на имя министра финансов от 14/26 марта 1898 года.

Изъ кредита въ 500.000 ланъ придется произвести расходъ на подарки властямъ въ Портъ-Артурѣ и Ла-Дянь-Ванѣ отъ 250.000 до 300.000 ланъ, на что я, по соглашенію съ Повѣреннымъ, испрашиваю Вашего разрѣшенія. Прошу немедленнаго отвѣта по телеграфу, чтобы дѣйствовать соотвѣтственно сему.

Покотиловъ.

Вѣрно. Дѣлопроизводитель *Д. Позднѣевъ.*

Копия с копии.

Телеграмма в Пекин надв. сов. Покотилову от министра финансов от 16 марта 1898 г.

Разрѣшаю произвести платежи въ Портъ-Артурѣ и Да-Лянь-Ванѣ согласно телеграммѣ вашей отъ 14 марта.

Витте.

Вѣрно. Дѣлопроизводитель *Д. Позднѣевъ.*

Копия с копии.

Шифрованная телеграмма из Пекина от надв. сов. Покотилова на имя министра финансов от 16/28 марта 1898 г.

Я уплатилъ сегодня Ли-Хунъ-Чжану 500 тысячъ ланъ стоимостью вѣса, употребляемаго въ Пекинѣ въ обыденной жизни, что составляетъ 486.500 ланъ вѣса гунъ-фа, употребляемаго въ банкахъ; Ли-Хунъ-Чжанъ очень доволенъ, поручилъ мнѣ глубоко поблагодарить Васъ. Одновременно я телеграфирую объ этомъ Ротштейну. Я не имѣлъ случая передать деньги Чжанъ-Инъ-Хуану, который держится очень осторожно.

Покотиловъ.

Вѣрно. Дѣлопроизводитель *Д. Позднѣевъ.*

Секретная телеграмма кам.-юнк. Павлова.

Пекинъ, 17/29 марта 1898 года.

Весьма секретно.

Обѣщанные Ли-Хунъ-Чжану 500.000 ланъ вчера ему уплатилъ.

Покотиловъ.

Шифрованная телеграмма из Пекина от надв. сов. Покотилова на имя министра финансов от 27/8 марта—апреля 1898 г.

Я имѣлъ конфиденціальный разговоръ съ Чжанъ-Инь-Хуаномъ касательно уплаты ему 500.000 ланъ. Онъ очень боится принимать деньги теперь, говоря, что на него уже поступила масса обвиненій въ подкупѣ, предпочитаетъ обождать, пока не прекратятся толки. Я заявилъ ему, что обѣщанная сумма остается во всякомъ случаѣ въ его распоряженіи. Въ Портъ-Артурѣ уплачено пока только 10.600 ланъ, такъ какъ лица, которымъ обѣщаны подарки, теперь разъѣхались, и уплата денегъ будетъ произведена позже. Я имѣю намѣреніе выѣхать въ Портъ-Артуръ съ первымъ случаемъ, вѣроятно, въ воскресенье.

Покотиловъ.

Вѣрно. Дѣлопроизводитель *Д. Позднѣевъ.*

Копия с копии.

Срочная шифрованная телеграмма из Пекина от статск. сов. Покотилова на имя тайн. сов. Романова от 9/21 сентября 1898 г.

Вслѣдствіе поступившаго на Чжана доноса, домъ его окруженъ солдатами и производится опись его имущества. Я пока еще ничего не платилъ ему.

Покотиловъ.

Вѣрно. Дѣлопроизводитель *К. Іогансонъ.*

Телеграмма из Пекина от статск. сов. Покотилова на имя тайн. сов. Романова отъ 22 сентября—4 октября 1898 г.

Чжанъ (просилъ?) выдать ему еще 15.000 ланъ. Я воздержался отъ всякаго отвѣта. Прошу указаній. Онъ выѣзжаетъ къ мѣсту ссылки и просилъ сообщить отвѣтъ въ Баодинъ-фу.

Покотиловъ.

Секретная телеграмма ст. сов. Павлову в Пекин.

(Шифром).

Покотиловъ сообщаетъ, что Чжанъ-Инь-Хуанъ проситъ въ виду отъѣзда его къ мѣсту ссылки выдать ему еще 15.000 ланъ. Полагаете-ли возможнымъ въ настоящую минуту удовлетворить это ходатайство?

(Signe:) C-te Lamsdorff.
(Подписано) Графъ *Ламздорфъ*.

№ 217. 26 сентября 1898 г.

Секретная телеграмма ст. сов. Павлова.

Пекинъ, 28 сентября 1898 г.

Полагаю желательнымъ удовлетворить просьбу Чжанъ-Инъ-Хуана въ виду благопріятнаго для насъ впечатлѣнія, которое это произведетъ на состоявшихъ прежде при немъ китайскихъ чиновниковъ, кои при случаѣ могутъ быть намъ очень полезны.

Весьма секретно.

Его Прев-ву *П. М. Романову.*

М. Г.

Петръ Михайловичъ.

Вслѣдствіе сообщенной Вашимъ Превосходительствомъ телеграммы Ст. Сов. Покотилова отъ 22 минувшаго сентября, имѣю честь увѣдомить Васъ, что со стороны Министерства Иностранныхъ Дѣлъ не встрѣчается препятствій къ выдачѣ Чжанъ-Инь-Хуану 15.000 ланъ, въ виду благопріятнаго для насъ впечатлѣнія, которое таковая выдача произвела бы на состоявшихъ раньше при Чжанъ-Инь-Хуанѣ китайскихъ чиновниковъ, могущихъ быть намъ полезными впослѣдствіи.

Примите и проч.

ПЕЧАТАЕТСЯ

ТРЕТИЙ ТОМ

ИСТОРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА

„КРАСНЫЙ АРХИВ“

под общей редакцией **В. В. Адоратского, В. В. Максакова, В. И. Пичета, М. Н. Покровского, В. П. Полонского и В. М. Фриче.**

В ЖУРНАЛЕ ПРИНИМАЮТ УЧАСТИЕ:

В. В. Адоратский, М. П. Алексеев, В. П. Алексеев, С. А. Аннинский, С. К. Богоявленский, И. А. Блинов, Ю. М. Бочаров, Н. Л. Бродский, Н. Ф. Бельчиков, В. П. Викторов, М. С. Вишневский, И. И. Гливенко, Л. Г. Дейч, В. И. Дзюбинский, Д. Н. Егоров, Р. М. Кантор, Б. П. Козьмин, Н. Ф. Лавров, Ш. М. Левин, В. В. Максаков, А. М. Миловидов, В. Н. Нечаев, В. И. Невский, А. С. Николаев, Ю. Г. Оксман, А. С. Орлов, В. Ф. Переверзев, С. А. Переселенков, В. И. Пичета, С. А. Пионтковский, А. А. Покровский, В. П. Полонский, М. Н. Покровский, М. С. Потапов, И. В. Пузино, Б. С. Пушкин, М. І. Рафес, С. В. Рождественский, А. Н. Савин, А. А. Сергеев, Н. М. Столов, В. М. Фриче, Н. П. Чулков, В. В. Шереметевский, А. А. Шилов, П. Е. Щеголев и др.

Содержание 3-го тома

Доклады б. министра иностр. дел Сазонова. Переписка Сухомлинова с Янушкевичем. Из семейной переписки Романовых.

Бакунин, Герцен, Огарев, Лавров,—48-й год. Материалы по истории революционного движения 60-х годов. К Каракозовскому процессу.

Воспоминания Анны Григорьевны Достоевской. Гете, Бальзак, А. Дюма.

Адрес редакции: МОСКВА, Ваганьковский пер., д. 8.

ВЫШЛА В СВЕТ

СЕДЬМАЯ КНИГА ЖУРНАЛА ЛИТЕРАТУРЫ ИСКУССТВА, КРИТИКИ и БИБЛИОГРАФИИ

ПЕЧАТЬ И РЕВОЛЮЦИЯ

под редакцией

А. В. Луначарского, Н. Л. Мещерякова, М. Н. Покровского, В. П. Полонского, И. И. Степанова-Скворцова.

СОДЕРЖАНИЕ:

Статьи и обзоры. М. ПАВЛОВИЧ. Под пятой Карфагена. М. ПОКРОВСКИЙ. Гр. Витте.—Воспоминание, том II. Г. БАММЕЛЬ. Сумерки идеалистической философии. Литература и искусство Р. С. Ф. С. Р. за годы революции (1917—1922 гг.). В. БРЮСОВ. Вчера, сегодня и завтра русской поэзии. Н. АСЕЕВ. Художественная литература за пять лет. А. В. ЛУНАЧАРСКИЙ. Театр Р. С. Ф. С. Р. Л. САБАНЕЕВ. Русская музыка за время войны и революции. А. А. СИДОРОВ. Русская графика за годы революции. Б. АРВАТОВ. Изобразительное искусство за годы революции. Н. ЕФИМОВ. История русской литературы за годы революции (1917—1922). И. ЯНИЦКИЙ. Некоторые итоги деятельности Книжной палаты последних лет. М. ЩЕЛКУНОВ. Законодательство о печати за пять лет. Н. ГУРОВ. Новая библиотека и ее читатели.

ОТЗЫВЫ о КНИГАХ: Ф. Капелюша, И. Майского, И. Звавича, С. Членова, Г. Зльяшева, А. Бессера, И. Степанова, В. Яроцкого, А. Чекина, А. Мозера, Б. Тычинина, С. Обручева, А. Скочинского, Д. Крынина, П. Риццони, М. Павловича, А. Аросева, А. Дивильковского, В. Полонского, Б. Кузьмина, П. Лепешинского, И. Волковичера, С. Пионтковского, И. Аксенова, Н. Пиксанова, Г. Баммеля, П. Преображенского, М. Петерсона, С. Боброва, М. Щелкунова, А. Сигорского, Е. Хлебцевича, Н. Орлова, М. Заваловского, В. Шарбина, Н. Андреева, А. Крубера, Е. Аркина, А. Тимирязева, В. Арнольди, Б. Заваловского. Н. Изгарышева, С. Конобеевского, А. Немилова, В. Горевича, И. Гельмана, В. Сукенникова, Н. д'Амелиуса, Е. Трапезонцевой, Л. Прозорова, А. Перуанского, Н. Бродского, В. Фриче, П. Когана, А. Цинговатова, Д. Горбова, К. Локса, Д. Благого, А. Барковой, Н. Асеева, В. Блюма, И. Кубикова, А. Гурштейна, А. Елизаровой, В. Брюсова, Б. Арватова, Г. Жилкова, А. Греча, А. Сидорова, А. Некрасова, И. Тарабукина, В. Блох, Н. Стефановича, В. Адарюкова.

В книге свыше 85 иллюстраций в тексте и на вкладных листах.

Адрес редакции: Москва, Никитский бульвар, дом 8 (Дом Печати), телеф. 1-02-85.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ

В ТОРГОВЫЙ СЕКТОР ГОСУДАРСТВЕННОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА:

Москва, Ильинка, Богоявленский пер., дом № 4 (Теплые ряды).